

1.3

3

СОБРАНИЕ ВОИВДА

ВЪВЕДЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

А. О. ШИЦЕНСКАЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

СОБРАНИЕ ВОЛЬФА.

РУССКІЕ БЕЛЛЕТРИСТЫ.

—
СОЧИНЕНІЯ

А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

—
ТОМЪ XIII.

INSTITUT
D'ARTS LITTÉRAIRES PAN
BIBLIOTEKA
22-127 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 25-68-68

СОЧИНЕНІЯ
А. ПИСЕМСКАГО.

ПОСМЕРТНОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ XIII.

МАСОНЫ

ЧАСТИ ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ.

BADAN INSTITUTE
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 7
Tel. 26-68-63

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостивый дворъ, №№ 17 и 18,

Петровка, д. Михалкова, № 5

24.186/13

МАСОНЫ.

Романъ въ пяти частяхъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въроятно, многіе изъ москвичей помнятъ еще кофейную Печкина, которая находилась рядомъ съ знаменитымъ московскимъ трактиромъ того-же содержателя и которая въ своихъ четырехъ—пяти комнатахъ сосредоточивала тогдашнія уметвенныя и художественныя извѣстности, и безъ лести можно было сказать, что врядъ-ли это было не самое умное и острословное мѣсто въ Москвѣ. Туда, въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, заѣзжалъ иногда Герценъ, который всякій разъ собиралъ около себя кружокъ и начиналъ обыкновенно расточать цѣлые фейерверки своихъ оригинальныхъ, по тогдашнему времени, воззрѣній на науку и политику, сопровождая все это пикантными захлестками; проси-

живаль въ этой кофейной вечера также и Бѣлинскій, горячо объясняя актерамъ и разнымъ театральнымъ любителямъ, что театръ не пустая забава, а мѣсто поученія, а потому каждый драматическій писатель, каждый актеръ, приступая къ своему дѣлу, долженъ помнить, что онъ идетъ священнодѣйствовать; доказывалъ нѣчто въ родѣ того-же и Михайло Семеновичъ Щепкинъ, говоря, что искусство должно быть добросовѣстно исполняемо, на что Ленскій, тогдашній переводчикъ и актеръ, разъ возразилъ ему: «Михайло Семенычъ, добросовѣстность скорѣй нужна сапожникамъ, чтобы они не шили сапогъ изъ гнилаго товара, а художникамъ необходимо другое: талантъ!»—«Дѣйствительно, необходимо и другое,—повторилъ лукавый старикъ,—но часто случается, что у художника ни того, ни другаго не бываетъ!» На чей счетъ это было сказано, неизвѣстно, но только всѣ присутствующіе, за исключеніемъ самого Ленскаго, разсмѣялись. Налеталъ повременамъ въ кофейную и Павелъ Степановичъ Мочаловъ, почти обоготворяемый всѣми тамошними посѣтителями; съ едва сдерживаемымъ гнѣвомъ и ужасомъ онъ рассказывалъ иногда, какія подлости чинить противъ него начальство. Въ этихъ-же стѣнахъ сталъ появляться Провъ Михайловичъ Садовскій; онъ былъ въ то время совсѣмъ еще молодой и обыкновенно или игралъ на билліардѣ, или какъ-то очень умно слушалъ, когда разговаривали другіе. Можно также было въ кофейной встрѣтить разныхъ музыкальных знаменитостей, нѣкоторыхъ шулеровъ и въ концѣ концовъ двухъ—трехъ ростовщиковъ, которые, подъ пред-

логомъ развлеченія въ пріятномъ обществѣ, высматривали удобныя для себя жертвы.

Въ одно зимнее утро, часовъ въ одиннадцать, въ кофейной былъ всего только одинъ посѣтитель: высокій мужчина, среднихъ лѣтъ, въ поношенномъ сюртукѣ, съ лицомъ важнымъ, но не умнымъ. Онъ стоялъ у окна и мрачно глядѣлъ на открывавшійся передъ нимъ Охотный Рядъ.

Но вотъ къ кофейной подъѣхалъ какой-то баринъ, на щегольской лошади и, видимо, что изъ тогдашнихъ франтовъ московскихъ.

— Это Лябевъ!—проговорилъ самъ съ собою стоявшій у окна господинъ, произнося слова протяжно.

Въ кофейную дѣйствительно вскорѣ вошелъ своей развалистой походкой Лябевъ. Послѣ женитьбы онъ замѣтно пополнѣлъ и начиналъ наживать себѣ брюшко, но за то совершенно утратилъ свѣжій цвѣтъ лица и былъ даже какой-то желтый. Въ кофейную Лябевъ, видимо, пріѣхалъ какъ-бы къ себѣ домой.

— Дайте мнѣ завтракать!—сказалъ онъ половому, который его встрѣтилъ.

— Что прикажете?—спросилъ тотъ.

— Битокъ съ картофелемъ à la Пушкинъ!—говорилъ Лябевъ, проходя въ билліардную, гдѣ стоявшій высокій господинъ поклонился ему и произнесъ почтительнымъ тономъ:

— Имѣю честь привѣтствовать нашего великаго виртуоза!

— А, Максинька, здравствуйте! — проговорилъ Лябевъ нѣсколько повровительственно и садясь въ

то-же время къ столу, къ которому какой-то театральной походкой подошелъ и Максенька.

— Какъ вы изволите играть на вашихъ божественныхъ фортепьянахъ?—сказалъ онъ.

— Играю, но только не на фортепьянахъ, а въ карты.

— Это не хорошо, не слѣдуетъ!...—произнесъ ужъ Максенька наставнически.

Въ это время подали дымищійся и обыкновенно вкусно пахнувшій битокъ.

— Не прикажете-ли?—отнесся Лябевъ къ Максенькѣ.

— Благодарю! — отвѣчалъ тотъ: — я мяса не люблю.

— А что-жъ вы изволите любить?—спросилъ Лябевъ, начавъ ѣсть битокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ половому подать двойную бутылку портеру.

— Рыбу!—проговорилъ протяжно и съ важностью Максенька.

— Рыба вещь хорошая!—отозвался Лябевъ, и когда подана была бутылка портеру, онъ налилъ изъ нея два стакана и, указавъ на одинъ изъ нихъ Максенькѣ, сказалъ:

— А отъ сего, надѣюсь, не откажетесь?

Максенька при этомъ самодовольно усмѣхнулся.

— Отъ сего не откажусь!—проговорилъ онъ и подселъ къ столу.

— Ну, а вы какъ подвизаетесь?—принялся его спрашивать Лябевъ.

— Ничего-съ,—произнесъ Максенька:—вчера съ Павломъ Степанычемъ «Гамлета» верескнули!

— Съ успѣхомъ?

— Да,—протянулъ Максинька:—три раза вызы-
вали.

— И васъ тоже?

— Полагаю, и меня, ибо Павелъ Степанычъ самъ
говорить, что въ сценѣ съ нимъ я вторая половина
его и что я ему огня, жару поддаю; а Верстовскій
мнѣ не позволяетъ выходить, ну, и Богъ съ нимъ:
плетью обуха не перешибешь!

— Не перешибешь, — согласился Лябьевъ съ не-
скрываемой ироніей:—я вотъ все забываю, какъ вы
говорите это слово «прощай!» Давно я собираюсь
на музыку положить его.

— И слѣдовало-бы!—подхватилъ съ одушевлені-
емъ Максинька.

— Напомните мнѣ эти звуки!—продолжалъ Ляб-
ьевъ, напивавшійся биткомъ и портеромъ и хотѣв-
шій, кажется, чѣмъ-бы нибудь только да развлечь
себя.

— *Извольте*, но только *позвольте* прежде и подкрѣ-
питься еще стаканчикомъ портеру!—какъ-бы ска-
ламбурилъ Максинька и, беря бутылку, налилъ себѣ
изъ нея стаканъ, каковъ проворно выпивъ, проде-
кламировалъ гробовымъ голосомъ:

— «Прощай, прощай! и помни обо мнѣ!»

Стоявшій въ билліардной маркеръ не удержался,
фыркнулъ и убѣжалъ въ другую комнату.

— Дуракъ!—произнесъ ему вслѣдъ Максинька.

— Конечно, дуракъ!—повторилъ Лябьевъ и, же-
лая еще болѣе потѣшиться надъ Максинькой, снова
сталъ спрашивать его:—Вы все живете на квар-
тирѣ у моего фортепьяннаго настройщика?

— Нѣтъ, я еще осенью переѣхалъ отъ него.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что онъ подлець! Онъ насъ кормилъ сначала плохо, но потомъ вдругъ сталъ кормить курицами въ супѣ...

И Максинька при этомъ трагически захохоталъ и попросилъ разрѣшить ему еще ставанъ портеру, осушивъ который, продолжалъ съ неподдѣльнымъ величіемъ:

— Вы, можетъ быть, припомните, что садикъ около его домика выходитъ на улицу, и онъ этотъ садикъ (Максинька при этомъ хоть и слегка, но повторилъ свой трагическій хохотъ) прошлой весной весь засадилъ подсолнечниками. Прекрасно, знаете, безподобно! Мы все лѣто упивались восторгомъ, когда эти подсолнечники зацвѣли, потомъ они поспѣли, нагнули свои головки, и у него вдругъ откуда-то, точно съ неба намъ свалился, супъ изъ курицы!

— То-есть, пролился, хотите вы сказать, — поправилъ его Лябьевъ:—но я не понимаю, съ какого же неба супъ могъ пролиться?

— Не съ неба, а со всего Колосовскаго переулка!—говорилъ Максинька, все болѣе и болѣе раскрывая свои глаза. — Идея у него въ томъ была: какъ изъ подсолнечниковъ посыпались зернышки, курицы всѣ къ нему благимъ матомъ въ садъ, а онъ какъ которую поймаетъ: «ахъ, ты, говоритъ, въ мой огородъ забралась!» и отвернетъ ей голову. Значить, не ходя на рынокъ и не тратя денегъ, намъ ее въ супъ. Благородно это или нѣтъ?

— Если не особенно благородно, то совершенно закононо,—замѣтилъ Лябьевъ.

Максинька отрицательно качнулъ головой.

— Нѣтъ-съ, и незаконно!—возразилъ онъ.—Доказательство, что, когда онъ, — продолжалъ Максинька съ замѣтною таинственностью:—наскочилъ на одну даму, сосѣдную ему по Колосовскому переулку, и, не разбирая ничего, передушилъ у нея куръ десять, а у дамы этой живеть, можетъ быть, двѣ-виць двадцать, и ей куры нужны для себя, а съ полиціей она, понимаете, въ дружбѣ, и когда мы разъ сѣли за обѣдъ, я, онъ и его, какъ мы называли, желемка, вдругъ нагрянули къ намъ квартальный и человекъ десять бутырей. «Позвольте,—говорить,—какую вы курицу кушаете? Она ворованная!» Потомъ-съ всѣхъ насъ въ часть и недѣли три водили. Подлецъ, одно слово!

Лябьеву наскучило, наконецъ, слушать проникнутое благородствомъ разглагольствованіе Максиньки, и онъ расплатившись хотѣлъ уѣхать, но въ это время въ кофейную быстро вошелъ молодой гвардейскій офицеръ въ виць-мундиръ Семеновскаго полка, стройный, живой. Это былъ тотъ самый молодой пажъ, котораго мы когда-то видѣли въ почтамтской церкви и котораго фамилія была Углаковъ.

— Сег Лябьевъ,—воскликнулъ онъ:—я ѣду мимо и вижу твою лошадь, не удержался и забѣжалъ! Откуда ты?

— Изъ разныхъ мѣстъ! — отозвался тотъ неопредѣленно.

Вслѣдъ затѣмъ Углаковъ, увидавъ Максиньку,

самымъ моднымъ образомъ расшаркался передъ нимъ.

Максинька, нѣкогда долженствовавшій быть въ балетной труппѣ и тоже умѣвшій это дѣлать, отвѣтилъ молодому повѣсѣ той-же ловкостью.

Тогда Углаковъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Максинька! Вы вчера убили меня, безъ ножа зарѣзали!

Въ голосѣ его слышались только-что не слезы.

— Чѣмъ? — спросилъ мрачнымъ голосомъ и немного краснѣя въ лицѣ Максинька.

— Вчера вы были...—продожалъ повѣса на всю кофейную:—вы были слабой и блѣдной тѣнью вашей прежней тѣни!

Максинька понялъ этотъ непріятный для него каламбуръ, и самъ рѣшился откаламбуриться хоть немного.

— Не были-ли скорѣй ваши глаза покрыты какой-нибудь тѣнью, что я вамъ показался блѣденъ?—сказалъ онъ.

— Ты великъ, Максинька, въ твоемъ отвѣтѣ!—воскликнулъ на это Углаковъ. — Протягиваю тебѣ руку, какъ собрату моему по каламбурству, и жму твою руку, какъ сто тысячъ братьевъ не могли-бы пожать ее!... Хорошо сказано, Максинька?

— Нѣтъ, не хорошо!—отвѣчалъ тотъ и насмѣшливо захохоталъ.

— А если не хорошо, такъ и убирайся къ чорту! Я и говорить съ тобой больше не стану! — проговорилъ, какъ-бы обидѣвшись, Углаковъ.

— Станете, будете!—произнесъ увѣреннымъ тономъ Максинька.

— Нѣтъ, не буду!—повторилъ Углаковъ и, показавъ потомъ языкъ Максинькѣ, отвернулся отъ него и сталъ разговаривать съ Лябьевымъ: — Ты куда отсюда?

— Домой!—отвѣчалъ тотъ досадливымъ голосомъ.

— А развѣ ты не поѣдешь къ Θεодосію Гаврилычу? У него сегодня интересное сборище!

— Какое?—спросилъ Лябьевъ.

— Θεодосій Гаврилычъ въ бильбоке играетъ съ Калмыкомъ.

— Глуposti какія!... Слышалъ я что-то объ этомъ въ англійскомъ клубѣ. И по большой цѣнѣ они играютъ?

— По большой! Поѣдемъ!

— Оно любопытно-бы!... Да и съ Калмыкомъ мнѣ надобно повидаться, но я со вчерашняго обѣда дома не былъ, и съ женою, я думаю, Богъ знаетъ, что тамъ творится.

— Да ты ей напиши, что живъ, здоровъ и не проигрался, и отправь ей это съ своимъ кучеромъ, а со мной поѣдемъ къ Θεодосію Гаврилычу.

— Это можно сдѣлать! — согласился Лябьевъ и, написавъ коротенькую записочку къ Музѣ Николаевнѣ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Углаковымъ къ Θεодосію Гаврилычу.

— Молодые и безумные повѣсы! — проговорилъ имъ вслѣдъ трагическимъ тономъ Максинька и ушелъ изъ кофейной куда-то въ другое мѣсто выразить свои благородныя чувствованія.

Углаковъ и Лябьевъ, направившись въ Поварской, начали между собою болѣе серьезный разговоръ.

— А тебѣ все не везетъ въ картахъ? — спросилъ съ участіемъ Углаковъ.

— Совершенно!... Такъ что хоть брось играть! — отвѣчалъ Лябьевъ.

— Да и брось, Саша; пожалуйста, брось!... Ты самъ понимаешь, какой у тебя талантъ великій!... Зачѣмъ и для чего тебѣ карты?

— Теперь мнѣ онѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, нужны! Я проферишпилился совершенно; но минетъ же когда-нибудь несчастная полоса!

— Тогда подожди, покрайней мѣрѣ, когда эта полоса кончится! — упрасивалъ его Углаковъ.

— А когда она кончится?... Кто это угадаетъ?... Просто придумать не могу, что́ и дѣлать... Женѣ въ глаза взглянуть совѣстно, а тутъ пріѣхала еще въ Москву ее сестра, Марейна, съ мужемъ...

— Марейна?... А развѣ она сестра твоей жены?

— Сестра!

— Знаешь, я, еще мальчикомъ бывши, видѣлъ ее. Она пріѣзжала съ Марейнымъ къ намъ въ церковь, и помню, что чудо какъ хороша была тогда собой! Жена твоя, напримѣръ, тоже прелестна, но за послѣднее время она очень измѣнилась...

Лябьева при этомъ какъ-будто что кольнуло.

— Муза родить все неблагополучно и отъ этого страдаетъ душевно и тѣлесно.

При послѣднихъ словахъ Лябьева они вѣзжали во дворъ дома Θεодосія Гаврилыча, который находился на Собачьей Площадкѣ. Домъ этотъ былъ каменный и стоялъ взади двора, такъ что надобно было проѣхать покрайней мѣрѣ саженъ пятьдесятъ, чтобы добраться до подъѣзда, имѣвшаго форму по-

луцилиндра, причѣмъ надѣво виднѣлся длинный садъ, уставленный посреди обнаженныхъ деревьевъ разными мнѣологическими статуями, сдѣланными хоть и изъ мрамора, но весьма неискусно, и вдобавокъ еще у большей части изъ нихъ были отбиты то носъ, то рука, то нога. По правой сторонѣ тянулись погреба, сараи и, наконецъ, конюшни, вмѣщавшія въ себѣ, по крайней мѣрѣ, стоилъ пятнадцать. Войдя въ двери параднаго крыльца, которыя, какъ водится, были не заперты, наши гости увидели, что за длиннымъ столомъ въ залѣ завтракала все семейство хозяина, то есть, его жена, бывшая цыганка, сохранившая, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, здоровый и красивый видъ, штуки четыре дѣтей, изъ которыхъ одни были черномазеныя и съ курчавыми волосами, а другія болѣе блѣды, и около нихъ возсѣдали ихъ гувернантки — француженка съ длиннымъ носомъ и нѣмка съ севернымъ пѣвтомъ лица. Блюда завтрака были разнообразны, угождавшія вкусамъ разныхъ возрастовъ и разныхъ національностей. Передъ самой хозяйкой, главнымъ образомъ, виднѣлся самоваръ и ветчина съ горошкомъ, а также и бутылка сладкой наливки; передъ дѣтьми красовалась гречневая каша съ молокомъ, которой они, видимо, поглотили значительное количество; передъ француженкой стояла огромная чашка выпитаго кафе-о-лэ и цѣлая сковорода дурно-приготовленныхъ котлетъ-де-мутонъ; а передъ нѣмкой — тоже выпитая чашка уже чернаго кофею и блюдо картофелю. Обѣ гувернантки настойчиво предлагали дѣтямъ свои любимыя блюда, причѣмъ дѣти болѣе блѣды и охоту кар-

тофель, но черноватая, какъ маленькіе звѣренки, пожирала съ бѣльшимъ удовольствіемъ недожаренныя котлетъ-де-мутонъ.

Самого хозяина не было за столомъ съ семьей, и онъ обрѣтался у себя въ своихъ ипзенькихъ антресоляхъ. Сколь ни много было въ то время чудаконъ въ Москвѣ, но Феодосій Гаврилычъ все-таки считался между ними однимъ изъ крупнѣйшихъ. Прежде онъ былъ ипохондрикъ какой-то односторонній. Онъ боялся за зобъ, который у него вышала на шею и ради разрѣшенія котораго Феодосій Гаврилычъ, вычитавъ въ одномъ лѣчебникѣ, пилъ постоянно шалфей; зобъ дѣйствительно не увеличивался, хотя и прошло съ появленія его болѣе двадцати лѣтъ, но зато Феодосій Гаврилычъ постоянно былъ въ испаринѣ, велѣдствіе чего онъ немовѣрно остерегался простуды, такъ что въ нижнія комнаты никогда не сходилъ на продолжительное время, а на антресоляхъ у него была жара великая, благодаря множеству печей съ придѣланными къ нимъ лежанками, которыя испускали изъ себя температуру Африки. Выѣзжалъ Феодосій Гаврилычъ изъ дома своего цугомъ въ каретѣ и, по рангу своему, въ шесть лошадей. Одѣвался онъ въ зимнее время, сверхъ шубы, въ какую-то какъ-бы мантию или саванъ. Всѣ вечера онъ обыкновенно проводилъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ ради спасенія его отъ сквознаго вѣтра былъ устроенъ ему особый шкафъ въ родѣ ширмъ, который и придвигался, когда Феодосій Гаврилычъ усаживался за ломберный столъ. Въ карты играть онъ любилъ больше всего на свѣтѣ и игралъ исключительно въ коммерческія

игры, чѣмъ почему-то ужасно гордился. На цыганкѣ онъ женился по страсти, но тѣмъ не менѣе народившихся отъ нея дѣтей онъ почти не вѣдалъ. Ко всему этому надобно прибавить, что Θεодосій Гаврилычъ считалъ себя естествоиспытателемъ и агрономомъ, и въ доказательство этого собиралъ разныхъ букашекъ и бабочекъ и накалывалъ ихъ безъ всякаго толку на булавки, а также (это было, впрочемъ, въ болѣе молодые годы его) Θεодосій Гаврилычъ въ одномъ изъ имѣній своихъ задумалъ вырыть глубочайшій колодець и, ради освидѣтельствованія сего колодца, пожелалъ лично своей особой спуститься въ него, но при этомъ чуть не задохся и вытащенъ былъ на поверхность земли безъ чувствъ. По убѣжденіямъ своимъ, Θεодосій Гаврилычъ, чѣмъ онъ тоже гордился, былъ волтеріанецъ, а въ силу того никогда не исповѣдывался, не причащался и даже въ церковь не ходилъ.

— А! — воскликнула нѣкогда бывшая Груня, а теперь Аграфена Васильевна, увидавъ входящихъ гостей. — Что это ты, соловушка, совсѣмъ меня забылъ и не завернешь никогда? — обратилась она къ Лябеву.

— Некогда все было, — отвѣчалъ тотъ.

— Поди, чай, въ карты все дуешься! — замѣтила Аграфена Васильевна. — Всѣмъ-бы вамъ, русскимъ барямъ, руви по локоть отрубить, чтобы вы въ карты меньше играли. Вонъ мой старый хрычъ схватился теперь съ Калмыкомъ.

— Мы за тѣмъ, тетенька, и пріѣхали, чтобы посмотрѣть на игру! — подхватилъ Углаковъ.

— Какъ тебѣ, чертеночку, не посмотрѣть, все-бы ему и вездѣ выглядѣть! — сказала ему съ нѣжностью Аграфена Васильевна, которая вовсе не приходилась никакой тетенькой Углакову, но такимъ именемъ ее звали всѣ почти молодые люди.

— Тебя, Лябьевъ, я не пушу пока туда наверхъ, ты сыграй мнѣ, соловушка, пропѣть мнѣ смертельно хочется!... Давно не пѣвала!... А вы, младшая команда, маршъ туда въ себѣ!... — приказала было Аграфена Васильевна дѣтямъ, но тѣ не слушались и въ одинъ голосъ завопили:

— Мамаша, милая, голубушка, не усылай насъ! позволь намъ здѣсь остаться!

— Онѣ очень любятъ слушать ваше пѣніе!— пояснила гувернантка-француженка.

— Ja, ja!—подтвердила и нѣмва.

— Ну, оставайтесь, сидите только смирно!—разрѣшила Аграфена Васильевна.

— А меня, тетенька, тоже не прогоняете?—проговорилъ школьническимъ тономъ Углаковъ.

— Зачѣмъ мнѣ тебя, чертеночка, прогонять? — сказала ему опять съ нѣжностью и собравъ немного свои мясистыя губы Аграфена Васильевна.

Лябьевъ, сѣвъ за фортепяно, взялъ громкій аккордъ, которымъ сразу-же далъ почувствовать, что началъ свое дѣло мастеръ. Аграфена Васильевна при этомъ, по своей чуткой музыкальной природѣ, передернула плечами и вся какъ-бы немножко затрепетала. Лябьевъ потомъ перешелъ къ самому акомпанементу, и Аграфена Васильевна запѣла чистымъ, пріятнымъ сопрано. Чѣмъ дальше она вела

своимъ голосомъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе распался ея цыганскій огонь, такъ что мѣстами она вырывалась и хватала нѣсколько въ сторону, но Лябьевъ, держа ее, такъ сказать, всю въ своемъ ухѣ, угадывалъ это сейчасъ-же и подлаживался къ ней.

Дѣти при этомъ совсѣмъ притихли. Француженка подняла глаза къ небу, а Углаковъ только потрясалъ головой: видимо, что онъ былъ въ не-описанномъ восторгѣ.

Но Лябьевъ вдругъ пересталъ играть.

— Что, не до того, видно!—сказала ему укоризненнымъ голосомъ Аграфена Васильевна.

— Да, не до того!—отвѣчалъ Лябьевъ.

— Ахъ, ты, дрянной, дрянной! — проговорила тѣмъ же укоризненнымъ тономъ Аграфена Васильевна.—Ну, къ старику моему, что-ли хотите?... Ступайте, коли больно вамъ такъ сладко!

— Сладко, не сладко, но онъ вонъ не играетъ, вы не поете!—сказалъ Углаковъ и пошелъ.

Лябьевъ тоже поднялся, но того Аграфена Васильевна пріостановила на нѣсколько мгновеній.

— Ты Калмыка остерегайся!—сказала она ему:—онъ теперь мужа моего оплетаетъ, но у того много не выцарапаетъ, а тебя какъ липку обдеретъ сразу!

— Обдирать теперь съ меня нечего: прежде все ободрали! — отвѣчалъ ей съ горькой усмѣшкой Лябьевъ.

— Неужели все? — переспросила Аграфена Васильевна.

— Почти!

— А много послѣ батвыи досталось?

— Около полуторы тысячъ душъ.

— Вотъ драть-то бы тебя да драть! — сказала на это Аграфена Васильевна.

Лябьевъ снова усмѣхнулся горькой усмѣшкой и ушелъ вслѣдъ за Углаковымъ. Аграфена же Васильевна, оставшись одна, качала, какъ-бы въ раздумьи, нѣсколько времени головой. Она отъ природы была очень умная и хорошая женщина и насквозь понимала все окружающее ее общество.

Въ жарко-натопленныхъ антресоляхъ Углаковъ и Лябьевъ нашли зрѣлище, исполненное занимательности. Въ средней и самой просторной комнатѣ за небольшимъ столомъ помѣщался Θεодосій Гаврилычъ, старикъ лѣтъ около шестидесяти, съ толсто-повязаннымъ на шеѣ галстухомъ, прикрывавшимъ его зобъ, и одѣтый въ какой-то довольно засаженный чепанчикъ на бѣличьемъ мѣху и вдобавокъ въ вязаные изъ козьяго пуху сапоги. Лицо Θεодосія Гаврилыча можно было причислить къ разряду тѣхъ физиономій, какую мы сейчасъ только видѣли въ кофейной Печкина у Максиньки: оно было одновременно серьезное и простоватое. Противъ Θεодосія Гаврилыча сидѣлъ и игралъ съ нимъ тоже старикъ, но только иного рода: рябой, съ какими-то рваными ноздрями, съ крашенными, чтобы скрыть сѣдину, густыми волосами, съ выдавшимися скулами и продолговатыми, очень умными, черными глазами, такъ что въ обществѣ, вмѣсто настоящей его фамилии—Янгуржеевъ—онъ слылъ больше подъ именемъ Калмыка. Вообще говорили, что внутри Калмыку ничто не мѣшало творить все и что онъ добавлялся только острога,

но и отъ того какъ-то до сихъ поръ еще уверты-
вался. Не смотря на свое безобразіе, Янгуржеевъ
замѣтно франтилъ и молодился, и въ настоящее
время, напримѣръ, онъ, чистѣйшимъ образомъ вы-
бритый, въ сюртукѣ цвѣта индійской бронзы, въ
жилетѣ изъ рытаго бархата и въ сѣрыхъ брюкахъ,
сидѣлъ, какъ-бы нѣсколько рисуясь, въ креслѣ и
имѣлъ при этомъ на губахъ постоянную усмѣшку.
Игра, которую оба партнера вели между собою,
была, какъ читатель уже знаетъ, не совсѣмъ обык-
новенная. Они играли въ дѣтскую игрушку, ка-
жется, называемую общимъ названіемъ бильбоке и
состоящую изъ шарика съ дырочкою, вскидывая ко-
торый, играющій долженъ былъ попасть этой дыроч-
кой на перпендикулярно-держимую имъ палочку, и
кто раньше достигалъ сего благополучія, тотъ и
выигрывалъ. Двухъ состязающихся борцовъ окру-
жало довольно значительное число любопытныхъ,
между коими рисовался своей фигурой маркиза зна-
комый намъ губернский предводитель князь Индоб-
скій, который на этотъ разъ былъ какой-то ощи-
паный и совершенно утратившій свой форсъ. Дѣло
въ томъ, что князь больше не былъ губернскимъ
предводителемъ. Въ день баллотировки своей онъ
вздумалъ со слезами на глазахъ объявить дворян-
ству, что сколь ни пламенно онъ желалъ-бы испол-
нять до конца дней своихъ несомую имъ нынѣ долж-
ность, но, но разстроеннымъ имущественнымъ об-
стоятельствамъ своимъ, не можетъ этого сдѣлать.
Князь непремѣнно ожидалъ, что дворяне предложатъ
ему жалованье тысячъ въ десять, но дворяне на это
промолчали: въ то время не такъ были тароваты

на всякого рода пожертвованія, какъ нынѣ, и до князя даже долетали фразы въ родѣ такой: «Будь доволенъ тѣмъ, что и отчета съ тебя по постройкѣ дома не взяли!» Послѣ этого, разумѣется, ему оставалось одно: отказаться вовсе отъ баллотировки, что онъ и сдѣлалъ, а нынѣ прибылъ въ Москву для совершенія, по его словамъ, какихъ-то денежныхъ операцій. Увидавъ вошедшаго Лябьева, эксъ-предводитель бросился къ нему почти съ распростертыми объятіями.

— Боже мой, кого я встрѣчаю!— произнесъ онъ.

Лябьевъ съ трудомъ узналъ столь дружественно заговорившаго съ нимъ господина и отвѣтилъ довольно сухо:

— Благодарю васъ, и я радуюсь, что встрѣтился съ вами.

— И что-жь, вы поигрываете здѣсь, какъ и въ нашихъ благословенныхъ мѣстахъ, въ картишки?

— Играю.

— Позвольте мнѣ явиться къ вамъ и быть представленнымъ вашей супругѣ? — продолжалъ эксъ-предводитель заискивающимъ голосомъ.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказалъ Лябьевъ и поспѣшилъ подойти къ играющимъ, на которыхъ устремлены были безпокойные взгляды всѣхъ зрителей.

Ееодосій Гаврилычъ внимательно вскидывалъ свой шарикъ и старался поймать его,—у него глаза даже были налиты кровью. Янгуржеевъ-же совершалъ игру почти шутя, и, только какъ-бы желая поскорѣе кончить партію, онъ подбросилъ шарикъ сильно по прямой линіи вверхъ и затѣмъ,

безъ всякаго труда поймавъ его на палочку, проговорилъ:

— Стопъ!... Партія кончена!

— Стопъ и я! — сказалъ на это Θεодосій Гаврилычъ.

Янгуржеевъ вопросительно взглянулъ на него.

— Но это шло на контру? — замѣтилъ онъ.

— Знаю! — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Θεодосій Гаврилычъ. — Сколько-же я проигралъ?

— Тысячу рублей! — отвѣчалъ Калмыкъ, сосчитавъ марки на столѣ.

— Поэтому я и стопъ! — повторилъ самодовольно Θεодосій Гаврилычъ. — Я веду коммерческую игру и проигрываю только то, что у меня въ карманѣ лежитъ! — заключилъ онъ, обращаясь къ прочимъ своимъ гостямъ.

— Это правило отличное, — похвалилъ его Янгуржеевъ: — если ты каждый день будешь проигрывать по тысячѣ, это въ годъ выйдетъ триста шестьдесятъ пять тысячъ, что, по моему, стоитъ всякой скороспѣлки, которой ты такъ боишься!

— Ну, ты у меня, да и никто, я думаю, каждый день по тысячѣ не выиграетъ; это будьте покойны! — говорилъ съ увѣренностью Θεодосій Гаврилычъ.

— Да вотъ выигралъ-же я нынѣшней весной у тебя на мухахъ пятьсотъ рублей.

— Что-жь изъ того? — возразилъ съ упорствомъ Θεодосій Гаврилычъ: — это ты не выигралъ, а пари взялъ!

— Мнѣ все равно, — отвѣчалъ Калмыкъ: — лишь-бы деньги у меня въ карманѣ очутились.

Хотя всё почти присутствующіе знали этотъ казусъ, постигшій Θεодосія Гаврилыча, однако, всё складомъ лицъ выразили желаніе еще разъ услышать объ этомъ событіи, и первый заявилъ о томъ юный Углаковъ, сказавъ:

— Но какъ же можно выиграть пари на мухахъ? гонку развѣ вы устраивали между ними?

— Нѣтъ-съ, не гонку, — принялся объяснять Янгуржеевъ: — но Θεодосій Гаврилычъ, какъ, можетъ быть, вамъ не безъизвѣстно, агрономъ и любить охранять не травы, намъ полезныя, а насекомыхъ, кои вредны травамъ; это я знаю давно, и вотъ разъ, когда на Вербномъ воскресеньи мы купили вмѣстѣ вотъ эти самые злополучные шарики, въ которые теперь играли, Θεодосій Гаврилычъ пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать, и вижу я, что онъ все ходитъ и посматриваетъ на окна, гдѣ еще съ осени лежало множество напалавшихъ мухъ, и потомъ вдругъ сталъ меня увѣрять, что въ маѣ мѣсяцѣ мухи всё оживутъ, а я, по простотѣ моей, увѣряю, что нѣтъ! Ну, споръ, закладъ, и передъ тѣмъ какъ рамы надобно было выставлять, Θεодосій Гаврилычъ пріѣзжаетъ ко мнѣ, забралъ всѣхъ мухъ съ собой, — ждалъ, ждалъ, мухи не оживаютъ; дѣлать нечего, признался и заплатилъ мнѣ по десяти рублей за штуку.

— Да какъ же имъ и ожить, когда ты прежде того ихъ приколотъ, чтобы я поспорилъ съ тобой! — воскликнулъ наконецъ вспылившій Θεодосій Гаврилычъ.

— Я съ осени приколотъ ихъ! — отвѣчалъ хладнокровно Калмыкъ.

— Ну, кому же, <http://rcin.org.pl> васъ спрашиваю, господа,

придетъ въ голову, какъ не дьяволу, придумать такую штуку? — отнесся опять Θεодосій Гаврилычъ къ прочимъ своимъ гостямъ.

— Однако, я придумалъ-же, хотя я не дьяволъ! — возразилъ Янгуржеевъ.

— Нѣтъ, дьяволъ! — повторилъ настойчиво хозяинъ: пропранная имъ тысяча, видимо, раздражительно щекотала у него внутри. — А сегодня меня обхитрить развѣ ты тоже не придумалъ? — присовокупилъ онъ.

— Конечно, придумалъ! — отвѣчалъ, нисколько не стѣсняясь, Калмыкъ. — Вольно тебѣ играть со мной: я этимъ шарикомъ, еще когда гардемаринномъ былъ, всѣхъ кадетъ обхитривалъ; меня за это чуть изъ корпуса не выгнали!

— Понимаю теперь, понимаю! — говорилъ Θεодосій Гаврилычъ, глубокомысленно качая головой.

— Однако, соловья баснями не кормятъ; ты помнишь, я думаю, стихъ Грибоѣдова: «Княгиня, карточный должокъ!»

— Очень хорошо помню, и вотъ этотъ долгъ! — сказалъ Θεодосій Гаврилычъ и, вынувъ изъ бокового кармана своего чепана заранѣе приготовленную тысячу, подалъ ее Янгуржееву, который, послѣ того поклонившись всѣмъ общимъ поклономъ и проговоривъ на французскомъ языкѣ въ родѣ того, что онъ жаждаетъ всѣмъ счастья въ любви и картахъ, пошелъ изъ комнаты.

Его поспѣшилъ нагнать на лѣстницѣ князь Индобскій и, почти униженно отрекомендовавшись, началъ просить позволенія явиться къ нему. Янгуржеевъ выслушалъ его съ холоднымъ полувниманіемъ,

какъ слушаютъ обыкновенно министры своихъ просителей, и, ничего въ отвѣтъ опредѣленнаго ему не сказавъ, сталъ спускаться съ лѣстницы, а экспедиторъ возвратился на антресоли. Въ концѣ лѣстницы Янгуржеева догналъ Лябѣевъ.

— Къ тебѣ не прїѣзжать сегодня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, никого порядочнаго не будетъ! А что это за князь такой, который давеча подсказывалъ къ тебѣ? — проговорилъ Янгуржеевъ.

— Это нашъ губернской предводитель.

— Богатъ?

— Должно быть, особенно если судить по образу его жизни.

— Жаль, я этого не предполагалъ, — произнесъ Янгуржеевъ; какъ-бы что-то соображая, и, проходя затѣмъ черезъ залу, слегка мотнулъ головой все еще сидѣвшей тамъ Аграфенѣ Васильевнѣ.

Та позеленѣла даже при видѣ его.

— Сколько мой старый то дуракъ проигралъ? — спросила она Лябѣева и Углакова, когда тѣ сошли внизъ.

— Тысячу рублей всего! — отвѣчалъ ей послѣдній. — Тетенька, не споеете-ли еще чего-нибудь? — прибавилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Аграфена Васильевна, отрицательно мотнувъ головой:—очень я зла на этого Калмыка, такъ-бы, кажись, и вцѣпилась ему въ волосы; прошелъ тутъ мимо, еле башкой мотнулъ мнѣ... Я когда-нибудь, Матерь Божія, наплюю ему въ глаза, не побоюсь, что онъ баринъ; онъ хуже всякаго нашего брата цыгана, которые вонъ на Жи-водеркѣ лошадьми господъ обманываютъ!

Видя, что тетенька была въ очень дурномъ расположеніи духа, молодые люди стали съ ней прощаться, то-есть цѣловаться въ губы, причемъ она, перекрестивъ Лябьева, сказала:

— Ну, да благословить тебя Богъ, мой соло-
вущко!

— Благословите и меня, тетенька! — просилъ Углаковъ.

— Ты-то еще что?... Чертеночекъ только! Хоть тоже, храни и тебя Спаситель!

Всѣ эти слова Аграфена Васильевна произнесла съ нѣкоторою торжественностью, какъ-будто-бы, по обычаю своихъ соплеменницъ, она что-то такое прорекла обоимъ гостямъ своимъ.

Когда Лябьевъ и Углаковъ усѣлись въ сани, то первый сказалъ:

— Хочешь у меня отобѣдать?

— А что у тебя такое сегодня? — спросилъ съ любопытствомъ послѣдній.

— Ничего особеннаго!... У насъ обѣдаетъ Мар-
ейна!

— Марейна у васъ обѣдаетъ?... — повторилъ уже съ разгорѣвшимися глазами Углаковъ: — въ такомъ случаѣ, я очень радъ!

— Вотъ видишь, какъ я угадалъ твое желаніе! — произнесъ опять-таки съ своей горькой улыбкой Лябьевъ, хотя, правду говоря, онъ пригласилъ Углакова вовсе не для удовольствія того, но дабы на первыхъ порахъ спрятаться, такъ сказать, за него отъ отвретенныхъ объясненій съ женой касательно не дома проведенной ночи; хотя Муза при такого рода объясненіяхъ всегда была очень кротка, но

эта-то покорность жены еще болѣе терзала Лябьева, чѣмъ терзалъ-бы его гнѣвъ ея. — И приволокнись, если хочешь, за Марейной, освѣжи немного ея богомольную душу! — продолжалъ онъ, какъ-бы желая, чтобы весь міръ сбился съ панталыку.

II.

Квартира Лябьевыхъ въ сравненіи съ догочищемъ Θεодосія Гаврилыча представляла верхъ изящества и вкуса; и все въ ней какъ-то весело смотрѣло: натертый воскомъ паркетъ блестѣлъ; въ окна, черезъ чистыя стекла, ярко свѣтило солнце и играло на листьяхъ тропическихъ растеній, которыми уставлена была гостиная; на подзеркальникахъ простѣночныхъ зеркалъ виднѣлись серебряные канделябры со множествомъ восковыхъ свѣчей; на мраморной тумбѣ предъ среднимъ окномъ стояли дорогіе бронзовые часы; на столахъ, покрытыхъ пестрыми синелевыми салфетками, красовались фарфоровыя съ прекрасной живописью лампы; мебель была обита въ гостиной шелковой матеріей, а въ наугольной дорогимъ англійскимъ ситцемъ; даже лакеи, проходившіе по комнатамъ, имѣли какой-то довольный и нарядный видъ: они очень много выручали отъ картъ, которыя по нѣскольку разъ въ недѣлю устраивались у Лябьева.

Въ то утро, которое я передъ симъ описывалъ, въ наугольной на диванѣ передъ столикомъ изъ чернаго дерева съ золотою инкрустаціей сидѣли Муза Николаевна и Сусанна Николаевна. Последняя только-что пріѣхала къ сестрѣ и не успѣла еще снять шляпки изъ темнаго вѣра, украшенной вѣтками акаціи и на-

клоненной нѣсколько на глаза; платьѣ на Сусаннѣ Николаевнѣ было бархатное съ разрѣзными рукавами. По прїѣздѣ въ Москву Егоръ Егорычъ настоялъ, чтобы она сдѣлала себѣ весь туалетъ за-ново, доказывая, что молодыя женщины должны любить наряды, такъ какъ этого требуетъ въ каждомъ человѣкѣ чувство изящнаго. Говоря это, Егоръ Егорычъ не договаривалъ всего. Ему самому было очень прїятно, когда, напримѣръ, Сусанна Николаевна пришла къ нему показаться въ настоящемъ своемъ костюмѣ, въ которомъ она была дѣйствительно очень красива: ея идеальное лицо, съ теченіемъ лѣтъ, замѣтно оземнилось; прежняя дѣвичья и довольно плоская грудь Сусанны Николаевны развилась и пополнила, но стройность стана при этомъ нисколько не утратилась; блѣдныя и суховатыя губы ея стали болѣе розовыми и сочными. Измѣнилась, въ свою очередь, и Муза Николаевна, но только въ противную сторону, такъ что, не смотря на щеголеватое домашнее платьѣ, она казалась, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на пять старше Сусанны Николаевны, и главнымъ образомъ у нея подурнѣлъ цвѣтъ лица, который сдѣлался какъ-бы у англичанки, пьющей портеръ: красный съ небольшими угрями; вѣки у Музы Николаевны были тоже такія, словно-бы она недавно плакала, и одни только ея прекрасные рыжовскіе глаза говорили, что эта была все та-же музыкантша-поэтесса.

— Отчего-же Егоръ Егорычъ не прїѣхалъ къ намъ обѣдать? Какъ ему не грѣхъ!—говорила Муза Николаевна.

— Онъ прихворнулъ сегодня, и очень даже,^{даже} лотъ
вѣчала Сусанна Николаевна.

— Чѣмъ?—спросила Муза Николаевна.

— Да какъ тебѣ сказать?... Послѣ смерти Валеріана съ нимъ часто случаются разные припадки, а сегодня даже я хотѣла не ѣхать къ тебѣ и остаться съ нимъ; но къ нему пріѣхалъ его другъ Углаковъ, и Егоръ Егорычъ самъ ужь насильно меня усладѣ.

Съ этими словами Сусанна Николаевна встала и сняла свою шляпку, причемъ оказалось, что бывшая тогда въ модѣ прическа, закрывавшая волосами уши и съ виднѣющимися сзади небольшими локончиками, очень къ ней шла.

— Ну, а ты какъ? здорова? — продолжала она, снова садясь около сестры и ласково беря ее за руку.

— Ты взгляни на меня! Развѣ можно съ такимъ цвѣтомъ лица быть здоровою?!—отвѣчала, грустно усмѣхнувшись, Муза Николаевна.

— Отчего-же это и когда съ тобой случилось?

— Послѣ первыхъ-же моихъ неблагополучныхъ родовъ.

— Но ты и потомъ еще неблагополучно родила?

— И потомъ.

— А это отчего-же? Какъ объясняютъ доктора?

— Они говорятъ, что это происходитъ отъ моихъ душевныхъ волненій.

— А душевныя-то волненія отчего-же, Муза?

— Отъ разныхъ причинъ.

— Но есть-же между ними какая-нибудь главная?

— Главная, что я до безумія люблю мужа.

— А онъ развѣ тебя не любитъ?

— Ахъ, нѣтъ, онъ меня любитъ, но любитъ и

карты, а ты представить себѣ не можешь, какая это пагубная страсть въ мужчинахъ къ картамъ! Они забываютъ все: себя, семью, знакомятъ съ такими людьми, которыхъ въ домъ пустить страшно. Первый годъ моего замужества, когда мы переѣхали въ Москву и когда у насъ бывали только музыканты и пѣвцы, я была совершенно счастлива и покойна; но потомъ годъ отъ году все пошло хуже и хуже.

— И неужели, Муза, ты не могла отвлечь своимъ вліяніемъ Аркадія Михайлыча отъ подобнаго общества?

— Можетъ, вначалѣ я успѣла-бы это сдѣлать, но ты знаешь, какая я была молодая и неопытная; теперь же и думать ничего: онъ совершенно въ ихъ рукахъ. Последнее время у него появился еще новый знакомый, Янгуржеевъ, который, по моему, просто злодѣй: онъ убиваетъ молодыхъ людей на дуэляхъ, обыгрываетъ всѣхъ почти навѣрное...

— Но неужели Аркадій Михайлычъ можетъ быть друженъ съ такимъ господиномъ?—замѣтила Сусанна Николаевна.

— Мало, что друженъ, но въ какомъ-то подчиненіи у него находится! — отвѣчала Муза Николаевна.

— И у васъ онъ бываетъ?

— Очень часто, и надобно сказать—очарователенъ въ обращеніи: уменъ, остеръ, любезенъ, вѣжливъ... Мужъ справедливо говоритъ, что Янгуржеевъ можетъ быть и во дворцѣ, и въ кабацѣ, и вездѣ будетъ въ ровень съ обществомъ.

— Но скажи (это, впрочемъ, поручилъ мнѣ спро-

сильно тебя по секрету Егоръ Егорычъ), не проигрывается ли очень сильно Аркадій Михайлычъ?

— Вѣроятно, проигрывается, и сильно даже!— продолжала Муза Николаева:— по крайней мѣрѣ, когда послѣдній ребенокъ мой померъ, я сижу и плачу, а Аркадій въ утѣшеніе мнѣ говоритъ: «Не плачь, Муза, это хорошо, что у насъ дѣти не живутъ, а то, пожалуй, будетъ не на что ни вырастить, ни воспитать ихъ».

— И какъ-же тебѣ не совѣстно, Муза, не писать мнѣ объ этомъ ни строчки! Я нисколько даже и не подозрѣвала, что найду тебя такою, какою нашла!

— Ахъ, Сусанна, ты послѣ этого не знаешь, что значитъ быть несчастною въ замужествѣ! Говорить объ этомъ кому-бы то ни было бесполезно и совѣстно... Кромѣ того, я хорошо знаю, что Лябьевъ, не смотря на всѣ пороки свои, любитъ меня и мучается ужасно, что заставляетъ меня страдать; но если еще онъ узнаетъ, что я жалуюсь на него, онъ убьетъ себя.

Такъ ворковали, какъ-бы двѣ кроткія голубки, между собою сестры; но бесѣда ихъ прервана была, наконецъ, пріѣздомъ хозяина и Углакова.

Лябьевъ конфузливо, но прежде всего, поцѣловалъ руку у жены. Та потупила глаза, чтобы онъ не замѣтилъ печали въ ея взорѣ. Затѣмъ Лябьевъ сначала пожалъ, а потомъ тоже поцѣловалъ руку и Сусанны Николаевны, а вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ ей представить Углакова.

— Мой другъ, Петръ Александрычъ Углаковъ!— проговорилъ онъ.

Молодой гвардеецъ, вовсе, кажется-бы, отъ при-

роды не застѣнчивый, молча раскланялся передъ Марейной и проговорилъ только:

— Мы нѣсколько знакомы.

— Да,—протянула Сусанна Николаевна:—вашъ батюшка теперь даже сидитъ у моего мужа.

— Ахъ, папа у васъ! Онъ давнишній пріятель Егора Егорыча... Еще послѣ двѣнадцатаго года они вмѣстѣ въ Парижѣ волочились за француженками.

— Можетъ быть, вашъ отецъ волочился, но Егоръ Егорычъ—не думаю,—возразила было Сусанна Николаевна.

— Вы извольте думать или нѣтъ, это какъ вамъ угодно, но отецъ мнѣ все рассказывалъ; я даже знаю, о чемъ они теперь бесѣдуютъ.

— О француженкахъ тоже?—спросила ужь Муза Николаевна.

— Нѣтъ-съ, не о француженкахъ, но отецъ непременно жалуется на меня Егору Егорычу... Такъ это?—обратился Углаковъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Та слегка усмѣхнулась.

— Почти что такъ,—проговорила она.

— Онъ говоритъ, что я лѣниво занимаюсь службой?

— Говоритъ, и его больше всего беспокоитъ, что вы дурно держите себя противъ великаго князя Михаила Павловича, который васъ любитъ, а вы ему штучки устраиваете.

Странное дѣло! Сусанна Николаевна, обыкновенно застѣнчивая до сихъ поръ въ разговорахъ со всѣми мужчинами, съ Углаковымъ говорила какъ-бы съ очень близкимъ ей роднымъ и говорила даже нѣсколько поучительнымъ тономъ.

— Въ такомъ случаѣ, mesdames,—сказалъ между тѣмъ Углаковъ, садясь съ серьезнѣйшей миной передъ дамами и облокачиваясь на чернаго дерева столѣкъ:—разсудите вы, Бога ради, меня съ великимъ княземъ: иду я прошлой осенью по Невскому въ галошахъ и иду нарочно въ тотъ именно часъ, когда знаю, что великаго князя непременно встрѣчу... Онъ меня дѣйствительно нагоняетъ, оглядѣлъ меня и тутъ-же говоритъ: «Углаковъ, встань ко мнѣ на запятки, я свезу тебя на гауптвахту!» Я, конечно, всталъ; но не дуравъ-же я набитый: я галоши мои преспокойно сбросилъ. Великій князь привезъ меня на гауптвахту, самъ повелъ къ караульному офицеру. «Возьми,—говоритъ,—Углакова на гауптвахту: онъ въ галошахъ!» Тогда я протестовалъ. «Ваше высочество,—говорю,—я безъ галошъ!» Онъ взглянулъ мнѣ на ноги. «Ну, все равно,—говоритъ,—впередъ тебѣ это зачтется». И скажите, кто тутъ былъ правъ: я или великій князь?

— Конечно, вы!—подтвердили обѣ дамы.

— И я полагаю, что если вы все такъ будете судить себя, такъ всегда и во всемъ останетесь правы, — присовокупила къ этому Сусанна Николаевна.

— А вы находите меня такимъ чурбаномъ, что я не понимаю, что дѣлаю?—спросилъ Углаковъ.

— Напротивъ, я нахожу, что вы очень много понимаете, особенно для вашихъ лѣтъ.

— Стало быть, вы думаете, что я очень молодъ.

— Думаю.

— Но сколько же мнѣ, по вашему, лѣтъ?

— Лѣтъ девятнадцать,—опредѣлила Сусанна Николаевна.

— О, какъ вы на много ошиблись! Мнѣ двадцать первый годъ.

— Нѣтъ, вы прибавляете, — возразила ему на это Сусанна Николаевна.

Въ отвѣтъ на такое недовѣріе Углаковъ пожалъ только плечами: ему ужъ, кажется, было и досадно, что Сусанна Николаевна видитъ въ немъ такого еще мальчика.

— А какъ ты съ великимъ княземъ въ маскарадѣ встрѣтился?—сталъ его подзадоривать Лябевъ.

— Да что-жь въ маскарадѣ? Я опять тутъ тоже правъ... Великій князь встрѣтилъ меня и говоритъ: «Ты, Углаковъ, службой совсѣмъ не занимаешься!— Я тебя всюду встрѣчаю!» Что-жь я могъ ему на это сказать?... Я говорю: «Мнѣ тоже, ваше высочество, удивительно, что я всюду съ вами встрѣчаюсь!»

Обѣ дамы засмѣялись.

— И что-жь вамъ за это было?—спросила Лябьева.

— За это ничего!... Это каламбуръ, а каламбуры великій князь самъ отличные говоритъ... Каратыгинъ Петръ не то еще сказалъ даже Государю... Разъ Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ пришли въ театръ на сцену... Великій князь что-то такое сострилъ. Тогда Государь обращается къ Каратыгину и говоритъ: «Братъ у тебя хлѣбъ отбиваетъ!»—«Ничего, Ваше Величество,—отвѣтилъ Каратыгинъ:—лишь-бы только мнѣ соль оставилъ!»

— Это не дурно!—подхватилъ Лябевъ.

— Да, — согласились и дамы.

Углаковъ еще хотѣлъ что-то такое рассказывать, но въ это время послышались шаги.

— Кто-бы это такой могъ пріѣхать! — проговорилъ съ досадой Лябьевъ и вышелъ прибывшему гостю на встрѣчу.

По гостинной шелъ своей барской походкою князь Индобскій. На лицѣ хозяина какъ-бы изобразилось: «вотъ кого еще чортъ принесъ!» Князь, чуть-ли не подмѣтивши непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго его пріѣздомъ, поспѣшилъ проговорить:

— Я до такой степени нетерпѣливо желалъ воспользоваться вашимъ разрѣшеніемъ быть у васъ...

— Очень вамъ благодаренъ, — перебилъ его Лябьевъ: — но я извиняюсь только, что мы идемъ садиться обѣдать.

— Неужели я такъ опоздалъ! — произнесъ окончательно сконфуженнымъ тономъ князь, быстро вынимая часы и смотря на нихъ: — въ самомъ дѣлѣ, четыре часа! Въ такомъ случаѣ, позвольте, я лучше другой разъ явлюсь.

— Какъ это возможно! Откушайте съ нами! — остановилъ его Лябьевъ, — не взыщите только: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!... Прошу васъ, я представлю васъ женѣ моей.

— О, благодарю васъ! — воскликнулъ съ чувствомъ князь и, будучи представленъ дамамъ, обратился первоначально, разумѣется, къ хозяйкѣ.

— Васъ я зналъ еще дѣвочкой, потомъ слышалъ вашу артистическую игру, когда вы участвовали въ концертѣ съ теперешнимъ вашимъ супругомъ.

Затѣмъ князь отнесся къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Вамъ я еще прежде имѣлъ честь быть пред-

ставленъ почтеннымъ Егоромъ Егорычемъ. Какъ его здоровье?

— Онъ нехорошо себя чувствуетъ.

— Ахъ, какъ это жаль! — произнесъ опять съ чувствомъ князь и за обѣдомъ, который вскорѣ послѣдовалъ, сразу-же, руководимый способностями амфитріона, сталъ какъ-бы не гостемъ, а хозяиномъ: онъ принималъ изъ рукъ хозяйки тарелки съ супомъ и передавалъ ихъ по принадлежности; указывалъ дамамъ на куски говядины, которые слѣдовало брать; попробовавъ лудингъ изъ рыбы, обращенной зеленоватымъ цвѣтомъ фишашевъ, отъ восторга поцѣловалъ у себя кончики пальцевъ, расхвалилъ до невѣроятности пьяныя конфекты, поданныя въ рюмкахъ. Все это, впрочемъ, нисколько не мѣшало, чтобы разговоръ шелъ и о болѣе серьезныхъ предметахъ.

— Вы все время оставались у Феодосія Гаврилыча?—спросилъ князя хозяинъ.

— Нѣтъ, я вслѣдъ-же за вами уѣхалъ... Завернулъ только на минуточку къ нашему земляку Тулузову.

— *Qui est ce monsieur Тулузовъ?* — сказали въ одинъ голосъ Лябьевъ и Муза Николаевна.

Сусанна-же Николаевна смутилась нѣсколько и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка улыбнулась презрительной улыбкой.

— Это теперешній нашъ гранъ-сенъеръ,—началъ объяснять князь:—ничтожный какой-то выходецъ... Онъ хотѣлъ было пролѣзть даже въ попечители гимназіи, но я все-таки, оберегая честь дворянства, подставилъ ему въ этомъ случаѣ немного ногу.

Читатель знаетъ, какъ князь подставлялъ Тулузову ногу.

— А зачѣмъ онъ здѣсь живетъ?—поинтересовался Лябьевъ.

— Затѣмъ, что участвуетъ въ здѣшнемъ откупѣ; кромѣ того, двѣ-три сосѣднія губерніи имѣетъ на откупъ, и, кажется, въ этихъ операціяхъ онъ порядкомъ крахнеть.

— Отчего?—спросилъ Лябьевъ.

— Оттого что, какъ вы, вѣроятно, это слышали, Москвѣ и даже всей сѣверной полосѣ угрожаетъ голодъ. Объ этомъ идутъ теперь большіе толки и дѣлаются предуготовительныя распоряженія; но откупа, какъ извѣстно, зависятъ отъ благосостоянія простаго народа. Интересно, какъ господа откупщики вывернутся.

— Вывернутся, будьте покойны, да и состояніе еще себѣ наживутъ! — подхватилъ Лябьевъ.

— Можетъ быть,—не оспаривалъ князь:—вообще, я вамъ скажу, невыносимо грустно послѣднее время ѣздить по Москвѣ: вмѣсто домовъ графа Апраксина, Чернышева, князя Потемкина, князя Петрова, Иванова, что-ли, вдругъ вездѣ рисуются на веротахъ надписи: домъ купца Котельникова, Сарафанникова, Полушубкина! Во что-жь послѣ этого обратится Москва?... Въ сборище какихъ-то толстопузыхъ самоварниковъ!... Петербургъ въ этомъ случаѣ представляетъ гораздо болѣе отрадное явленіе.

— А нашей губерніи угрожаетъ голодъ?... У насъ тоже былъ очень дурной урожай?—спросила Сусанна Николаевна князя.

— По моему, болѣе, чѣмъ какой-либо другой!—

отвѣчалъ онъ ей и потомъ сталъ разспрашивать Лябьева, гдѣ въ Москвѣ ведется самая большая игра: въ клубахъ или частныхъ домахъ; если въ домахъ, то у кого именно? Лябьевъ отвѣчалъ ему на это довольно подробно, а Углаковъ, между тѣмъ, все время потихоньку шутилъ съ Сусанной Николаевной, съ которой онъ сидѣлъ рядомъ.

— Не кушайте такъ много, у насъ голодъ!— шепнулъ онъ ей, когда Сусанна Николаевна взяла было, кажется, весьма небольшой кусокъ индѣйки.

— А сами вы зачѣмъ такъ много кушаете?— замѣтила ему въ свою очередь Сусанна Николаевна.

— Мнѣ надобно много кушать... По вашимъ словамъ, я еще мальчикъ: значить, расту; а вы ужъ выросли... Пойдите, пойдите, однако, се monsieur тоже выросъ, но ѣсть, какъ удавъ,—шепталъ Углаковъ, слегка показывая глазами на князя, дѣйствительно клавшаго себѣ въ ротъ огромные кусищи.

— Перестаньте! — унимала его Сусанна Николаевна.

Но шалунъ не унимался.

— Monsieur le prince,—отнесся онъ къ Индобскому:—когда китъ поглотилъ Иону въ свое чрево, у китовъ тоже, вѣроятно, былъ въ это время голодъ?

— Не знаю-сь,—отвѣчалъ тотъ, совершенно не понимая, что хочетъ сказать Углаковъ, и снова продолжалъ разговоръ съ Лябьевымъ.

— Перестаньте! — повторила еще разъ и даже сердитымъ тономъ Сусанна Николаевна.

— Ну, не буду, — произнесъ Углаковъ и въ самомъ дѣлѣ совершенно притихъ.

По окончаніи обѣда князь все-таки не уѣзжалъ.

Лябьевъ, не зная, наконецъ, что дѣлать съ неотвязчивымъ и непрерывно болтающимъ гостемъ, предложилъ ему състь играть въ карты. Князь принялъ это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ. Столъ для нихъ приготовили въ кабинетѣ, куда они и отправились, а дамы и Углаковъ усѣлись въ залѣ, около рояли, на клавишахъ которой Муза Николаевна начала перебирать.

— Сыграй что-нибудь, Муза!—попросила ее Сусанна Николаевна:—я такъ давно не слыхала твоей игры.

Муза начала играть, но избранная ею пьеса оказалась такою печальною и грустною, что Сусаннѣ Николаевнѣ и Углакову было тяжело даже слушать эти какъ-бы сердечные вопли бѣдной женщины. Муза догадалась объ этомъ и, переставъ играть, обратилась къ Углакову:

— Нѣтъ, что тутъ играть!... Спойте лучше намъ, Петръ Александрычъ!

Тотъ при этомъ весь вспыхнулъ.

— Какой-же я пѣвецъ!—проговорилъ онъ потупляясь.

— Какъ какой пѣвецъ?... Очень хорошій!—возразила Муза Николаевна.

— Какой-же хорошій, когда я совсѣмъ не пою!—упорствовалъ Углаковъ.

— Что такое вы говорите!—сказала ужъ съ удивленіемъ Муза Николаевна: — Аркадій, подтверди, пожалуйста, поетъ, или нѣтъ Петръ Александрычъ!—крикнула она мужу въ кабинетъ.

— Поетъ,—отозвался тотъ.

— И хорошо поетъ?

— Хорошо!

— Это, я вижу, Петръ Александрычъ мнѣ не хочетъ доставить удовольствіе слышать его,—сказала Сусанна Николаевна.

Углаковъ окончательно переконфузился.

— Нѣтъ-съ, вы ошибаетесь... Если это доставить вамъ удовольствіе, то я готовъ сейчасъ-же...—проговорилъ онъ, держа по-прежнему глаза потупленными внизъ.

При такомъ отвѣтѣ Сусанна Николаевна, въ свою очередь, сконфузилась и тоже потупилась.

— Конечно, доставите удовольствіе, пойте!—подхватила Муза Николаевна и приготовилась аккомпанировать.

— Но что-же я буду пѣть?—спросилъ ее Углаковъ.

— Спойте: «Нѣтъ, докторъ, нѣтъ, не приходи!»

Углаковъ отрицательно потрясъ головой.

— Ну «Черный цвѣтъ»...

Углаковъ и это отвергнулъ.

— «Соловья»!—предложила было ему Муза Николаевна.

— Какъ это возможно!—воскликнулъ Углаковъ:—намъ сейчасъ только Аграфена Васильевна боже-ственно спѣла «Соловья»! Развѣ мою любимую «Le petit homme»?—придумалъ онъ самъ.

— Eh bien!—одобрила Муза Николаевна и стала аккомпанировать.

Углаковъ запѣлъ хоть и несовсѣмъ обработаннымъ, но пріятнымъ теноромъ:

„Il est un petit homme,
Tout habillé de gris,
Dans Paris;

„Joufflu comme une pomme,
 Qui, sans un sou comptant,
 Vit content,
 Et dit: Moi, je m'en...
 Et dit: Moi, je m'en...
 Ma foi, moi, je m'en ris!“
 „Oh, qu'il est gai, qu'il est gai,
 Le petit homme gris!“

Сусанна Николаевна при этомъ улыбнулась. Углаковъ, замѣтивъ это, продолжалъ еще съ большою рѣзвостью:

„A courir les filletes,
 A boire sans compter,
 A chanter
 Il s'est couvert de dettes;
 Mais quant aux créanciers,
 Aux huissiers,
 Il dit: Moi, je m'en...
 Il dit: Moi, je m'en...
 Ma foi, et cetera, et cetera...—цѣль Углаковъ вмѣсто словъ и затѣмъ снова перешелъ къ пѣсенкѣ:

„ Quand la goutte l'accable
 Sur un lit délabré,
 Le curé
 De la mort et du diable
 Parle à ce moribond,
 Qui répond:
 Ma foi, moi, je m'en...
 Ma foi, moi, je m'en...
 Ma foi, et cetera, et cetera...“

Слушая эти два куплета, Сусанна Николаевна имѣла, или, по крайней мѣрѣ, старалась имѣть совершенно серьезное выраженіе въ лицѣ.

— Вы убѣдились, наконецъ, какъ я скверно пою!—обратился къ ней Углаковъ.

— Вовсе нѣтъ!... Мнѣ нравится ваше пѣніе, — возразила она: — но я желала-бы, чтобы вы намъ спѣли что-нибудь русское.

— Спойте вотъ это теперь!—сказала Муза Николаевна и быстро забѣгала своими пальчиками по фортепьянамъ, а также и Углаковъ совсѣмъ ужь порусски залился:

• Ъхали бояре изъ Нова-города,
Красная дѣвица на улицѣ была;
Всѣмъ нашимъ боярамъ по поклону отдала,
Одному-жь боярину пониже всѣхъ,
А за то ему пониже, что удалый молодець.
Сталъ молодчикъ дѣвицу спрашивать:
— Какъ тебя, дѣвушка, по имени зовутъ?...

— Пощади, Углаковъ! Ты въ словахъ, а Муза въ акомпанементѣ Богъ знаетъ какъ путаете!

— Не вѣрьте! вы отлично это пропѣли! — подхватила съ своей стороны Сусанна Николаевна.

— Merci, madame! — произнесъ Углаковъ, шаркавшись передъ нею и пристукинувши при этомъ каблуками своихъ сапогъ, чѣмъ онъ, конечно, хотѣлъ дать комическій оттѣнокъ своей благодарности; но, тѣмъ не менѣе, весьма замѣтно было, что похвала Сусанны Николаевны весьма пріятна ему была.

— Говорятъ, хорошо очень идетъ «Аскольдова Могила», и Бантышевъ въ ней отлично поетъ? — спросила она затѣмъ.

— Превосходно, неподражаемо! — воскликнулъ Углаковъ:—спѣлъ-бы вамъ, но не рѣшаюсь, лучше вы его послушайте!

И затѣмъ разговоръ между собесѣдниками перешелъ исключительно на театръ. Углаковъ очень живо началъ описывать актеровъ, рассказывалъ про нихъ разные анекдоты, и въ этомъ случаѣ больше всѣхъ выпало на долю Максиньки, который, будто-бы, однажды горячо спорилъ съ купцомъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ, въ пьесѣ «Горе отъ ума», находится Софья Павловна съ Молчалинымъ: въ близкихъ или идеальныхъ. Первое утверждалъ купецъ, по грубости своихъ понятій; но Максинька, какъ человекъ ума возвышеннаго, говорилъ, что между ними существуетъ совершенно чистая и неземная любовь. Слышавши этотъ споръ ихъ, одинъ тогдашній острякъ замѣтилъ имъ: «Господа, если-бы у Софьи Павловны съ Молчалинымъ и было что-нибудь, то все-таки, зачѣмъ-же про дѣвушку распускать такіе слухи?!» — «Благородно!» — воскликнулъ на это громовымъ голосомъ Максинька и ударилъ остряка одобрительно по плечу. Хоть подобный анекдотъ и былъ нѣсколько скабрѣзень, но ужасно развеселилъ дамъ. Сусанна Николаевна вообразить себѣ безъ смѣху не могла, что могъ затѣяться такой споръ, и вообще весь этотъ разговоръ о театрѣ ей казался чрезвычайно занимательнымъ и новымъ. Не смотря на свою духовность и строгую мораль, Марейна вовсе не была сухимъ и черствымъ существомъ. Чуткая ко всему жизненному, она никакъ не могла ограничиться въ своихъ пожеланіяхъ одной лишь сферой масонства. Между тѣмъ пробило восемь часовъ. Сусаннѣ Николаевнѣ пора было ѣхать домой.

— Нельзя-ли тебѣ меня проводить?—сказала она

сестрѣ.— Наши лошади еще не пришли изъ деревни, а на извозчикѣ я боюсь ѣхать.

— Конечно, проводимъ,—отвѣчала Муза Николаевна и велѣла было заложить въ возокъ лошадей; но лакей, пошедшій исполнять это приказаніе, возвратясь невдолгѣ, объявилъ, что кучеръ, не спавшій всю прошедшую ночь, напился и лежитъ безъ чувствъ.

— Какъ-же я доберусь теперь до дому?—произнесла Сусанна Николаевна.

— Очень просто: я велю тебѣ взять хорошаго извозчика и пошлю съ тобою человекъ проводить тебя,—отвѣчала Муза Николаевна.

— Но зачѣмъ это, для чего? — проговорилъ какимъ-то трепетнымъ голосомъ Углаковъ, слышавшій совѣщаніе сестеръ. — У меня моя лошадь здѣсь со мною... Позвольте мнѣ довести васъ до вашего дома... Надѣюсь, что въ этомъ ничего не будетъ неприличнаго?

— Ей-богу, я не знаю, какъ это по московскимъ обычаямъ принято?—спросила сестру видимо недоумѣвавшая Сусанна Николаевна.

— По моему, вовсе ничего нѣтъ тутъ неприличнаго... Меня изъ концертовъ часто молодые люди довозятъ, если Аркадій ѣдетъ куда-нибудь не домой.

— Въ такомъ случаѣ поѣдьте, доведите меня!—обратилась Сусанна Николаевна къ Углакову, который, придя въ неописанный восторгъ, выскочилъ въ одномъ сюртукѣ на морозъ, чтобы велѣть кучеру своему подавать лошадь.

— Какой смѣшной Углаковъ!—проговорила Сусанна Николаевна, оставшись вдвоемъ съ сестрою.

— Да, но въ то-же время онъ предобрый и премилый!—опредѣлила та.

— Это сейчасъ видно, что добрый,—согласилась и Сусанна Николаевна.

Углаковъ возвратился и объявилъ, что лошадь у крыльца. Сусанна Николаевна принялась облекаться въ свою модную шляпку, въ свои дорогіе боа и салопъ.

— А я тебя и не спросила еще,—сказала Муза Николаевна, укутывая сестру въ передней:— получила-ли ты письмо отъ мамы изъ деревни?

— Намъ Сверетовы писали, что мама чувствуетъ себя хорошо, совершенно покойна, и что отецъ Василій ей иногда читаетъ изъ житія святыхъ: Прологи, знаешь, эти...

Но Муза Николаевна совершенно не знала, что такое Прологи.

Сестры наконецъ распрощались, и когда Сусанна Николаевна усѣлась съ Углаковымъ въ сани то пристоявшійся на морозъ рысакъ полетѣлъ стремглавъ. Сусанна Николаевна, очень любившая быструю ѣзду, испытывала живое удовольствіе, и выраженіе ея красиваго лица, обрамленнаго пушистымъ боа, было веселое и спокойное; но только вдругъ ея собесѣдникъ почти прошепталъ:

— Сусанна Николаевна, зачѣмъ вы вышли замужъ за такого старика?

Такой вопросъ совершенно поразилъ Сусанну Николаевну.

— За какого-же старика?—нашлась она только спросить.

— Такъ неужели-же вашъ мужъ молодъ? — проговорилъ въ воротникъ шубы Углаковъ.

— Для меня это все равно: молодъ онъ или не молодъ, но онъ любитъ меня.

— Еще-бы ему не любить васъ! — произнесъ опять въ воротникъ своей шубы Углаковъ.

— Но и я его тоже люблю.

— Не вѣрю.

— Какъ не вѣрите! Развѣ вы знаете мои чувства?

— Не знаю, но не вѣрю.

— Ну, такъ знайте-же, я люблю и люблю очень моего стараго мужа!

— Тогда это или сумасшествіе, или вы какая-то ужъ необыкновенная женщина!...

— Что-жь тутъ необыкновеннаго, я не понимаю!—возразила Сусанна Николаевна.

— Да какъ-же!... Люди обыкновенно любятъ другъ друга, когда у нихъ есть что-нибудь общее; но, я думаю, ничего не можетъ быть общаго между старенькимъ грибкомъ и сальфидой.

— Общее въ мысляхъ, во взглядахъ.

— Значить, и вы, какъ Егоръ Егорычъ, вѣрите въ масонство?—воскликнулъ Углаковъ.

Всѣ эти разпросы его Сусанну Николаевну очень удивили.

— Неужели, Углаковъ, вы не понимаете, что ваши слова чрезвычайно нескромны и что я на нихъ не могу отвѣчать?

— Виновать, если я тугъ въ чемъ проговорился; но, какъ хотите, это вотъ я понимаю, что отецъ мой въ двадцать лѣтъ еще сдѣлался масономъ, мать

моя тоже масонка; они поженились другъ съ другомъ и съ тѣхъ поръ, какъ кукушки какія, вукуютъ одну и ту-же масонскую пѣсню; но чтобы вы... вѣтъ, я вамъ не вѣрю.

— Для меня это рѣшительно все равно, — произнесла уже усмѣхнувшись Сусанна Николаевна: — но я васъ прошу объ одномъ: никогда больше со мной не говорить объ этомъ.

— Я не буду, когда вы не приказываете, — проговорилъ покорнымъ голосомъ Углаковъ и, видимо, надувшись нѣсколько на Марейну, во всю остальную дорогу ни слова больше не проговорилъ съ нею, и даже, когда она передъ своимъ подъѣздомъ сказала ему: «merci!» онъ ей отвѣтилъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Не стоитъ благодарности, madame.

— Но куда-же вы теперь ѣдете? — спросила его Сусанна Николаевна.

— Ёду изъ свѣтлаго рая въ многогрѣшный театръ, — отвѣчалъ тѣмъ-же тономъ Углаковъ и уѣхалъ.

Сусанна Николаевна улыбаясь вошла въ свою квартиру и прямо направилась къ Егору Егорычу, котораго она застала за книгой и въ шерстяномъ колпакѣ и при этомъ (скрывать нечего) онъ ужасно показался Сусаннѣ Николаевнѣ похожимъ на старенькій, сморщенный грибокъ.

Не остановившись, разумѣется, ни на секунду на этой мысли, она сказала ему:

— Ты знаешь, кто меня доведетъ сюда?

Егоръ Егорычъ вопросительно взмахнулъ на нее глазами.

— Молодой Углаковъ, сынъ твоего пріятеля.

— А! Что-жь ты не привела его ко мнѣ?... Я его давно не видалъ... Такъ ли онъ остеръ, какъ былъ въ дѣтствѣ?...

— И теперь остеръ, но, главное, ужасно нли-венъ: что на душѣ, то и на языкѣ.

— Это качество хорошее! — замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Конечно, дурной человекъ не будетъ огро-вененъ,—замѣтила Сусанна Николаевна и пошла къ себѣ въ комнату пораспустить корсетъ, парадное бархатное платье замѣнить домашнимъ, и пока она все это совершала, въ ея воображеніи рисовался, какъ живой, шустренькій Углаковъ съ своими про-ницательными и насмѣшливыми глазками, такъ что Сусаннѣ Николаевнѣ сдѣлалось досадно на себя. Возвратясь къ мужу и стараясь думать о чемъ-ни-будь другомъ, она спросила Егора Егорыча, знаетъ ли онъ, что въ ихъ губерніи, какъ и во многихъ, начинается голодъ?

— Знаю, я еще осенью распорядился заготовить для крестьянъ хлѣба, съ тѣмъ, чтобы потомъ вы-давать его имъ бесплатно,—пробормоталъ тотъ.

— Ахъ, какъ ты хорошо это сдѣлалъ! — похва-лила его съ чувствомъ Сусанна Николаевна.

— Что-жь тутъ особенно хорошаго? Это долгъ мой, обязанность моя!—возразилъ Егоръ Егорычъ.

III.

Углаковы дали большой вечеръ. Собравшійся къ нимъ людъ былъ разнообразенъ: во-первыхъ нѣ-

сколько молодыхъ дамъ и дѣвицъ, нѣсколько статскихъ молодыхъ людей и два-три отпускные офицера, товарищи юнаго Углакова. Старикъ Углаковъ, а еще болѣе того супруга его слыли въ Москвѣ людьми умными и просвѣщенными, и потому ихъ, собственно, общество по преимуществу состояло изъ старыхъ масоновъ и изъ дамъ de lettres, что въ переводѣ значило: изъ дамъ весьма скучныхъ, значительно безобразныхъ и, по лѣтамъ своимъ, полустарухъ. Карточныхъ игроковъ, размѣстившихся въ особой отдѣльной комнатѣ, было тоже немало, и посреди нихъ виднѣлась замѣтная фигура Калмыка и напоминающая собой копну сѣна фигура Θεодосія Гаврилыча: онъ игралъ въ пикетъ съ Лябьевымъ и имѣлъ болѣе чѣмъ когда-либо безмысленно-серьезное выраженіе въ лицѣ. Танцы производились въ залѣ подъ игру тапера, и молодой, вертлявый хозяинъ почти ни на шагъ не отходилъ отъ madame Марейной, которая, говоря безъ лести, была красивѣе и даже наряднѣе всѣхъ прочихъ дамъ: для бала этого Сусанна Николаевна, безъ всякаго понужденія со стороны Егора Егорыча, сдѣлала себѣ новое и весьма пзящное платье. Муза Николаевна на этотъ разъ была тоже весьма интересна, и это условливалось отчасти тѣмъ, что, пользуясь вечернимъ освѣщеніемъ, она употребила протпвъ своего красноватаго цвѣта лица нѣкоторыя легкія косметическія средства. Общество пожилое между тѣмъ сидѣло въ гостиной, и Егоръ Егорычъ замѣтно тутъ первоприсутствовалъ; по крайней мѣрѣ хозяинъ, старичокъ очень чистенькій и франтоватый, со звѣздой

выражалъ большую аттенцію къ каждому слову, которое произносилъ Марейнъ. Что касается до хозайки, то она себя держала тою-же величавою дамой, какою мы видѣли ее въ церкви Архангела Гавриила. Невдалекѣ отъ нея сидѣла такожде особа женскаго пола, маленькая, черномазенькая, особа, должно быть, прѣбезпокойнаго характера, потому что хоть и держала въ своихъ востлявыхъ рукахъ работу, но безпрестанно повертывалась къ каждому, кто говорилъ, имѣя при этомъ такое выраженіе, которымъ какъ-бы заявляла: «Ну-ко, ну, говори!... Я вотъ тебя сейчасъ и прихлопну!» Прихлопывать ей, разумѣется, не часто удавалось, но что она въ душѣ постоянно къ тому стремилась, это несомнѣнно! Особа эта была нѣкая Зинаида Иракліевна, дочь заслуженнаго кавказскаго генерала, владѣющая значительнымъ состояніемъ и, не смотря на свой солидный возрастъ, до сихъ поръ еще не вышедшая замужъ, вѣроятно, потому, что, какъ говорили нѣкоторые насмѣшники, не имѣла никакихъ пріятныхъ женскихъ признаковъ. Въ обществѣ (заглаза, разумѣется), Зинаиду Иракліевну обыкновенно называли mademoiselle Блоха. Такое прозвище она стяжала оттого, что будто-бы Денисъ Давыдовъ, въ современной пѣснѣ своей, говоря: *заговорщица блоха*, имѣлъ въ виду ее. Но, какъ-бы то ни было, сія все-таки почтенная дѣвица, лишенная утѣхъ сердца, старалась устроить себѣ умственную жизнь, ради чего она почти до униженія заискивала между тогдашними литераторами и между молодыми, какіе тогда были налицо, учеными, которыхъ Зинаида

Иракліевна, какъ-бы они ни увертывались, завербовывала себѣ въ друзья. Въ настоящее время жертвой ея былъ одинъ молодой человекъ, года три передъ тѣмъ прожившій за-границей. Mademoiselle Блоха, познакомившись съ нимъ, начала его приглашать къ себѣ, всюду вывозить съ собой и всѣмъ кричать, что это умнѣйшій господинъ и вдобавокъ гегеліанецъ. Въ чемъ собственно состоялъ гегелизмъ, Зинаида Иракліевна весьма смутно вѣдала; но тѣмъ не менѣе въ обществѣ, которое до того времени дѣлилось на масоновъ и волтеріанцевъ, начали потолковывать и о философіи Гегеля, слухъ о чемъ достигнулъ и до Егора Егорыча съ самыхъ первыхъ дней пріѣзда его въ Москву. Егоръ Егорычъ зналъ объ ученіи Гегеля еще менѣе Зинаиды Иракліевны и помнилъ только имя сего ученаго, о которомъ онъ слышалъ въ бытность свою въ двадцатыхъ годахъ за-границей, но все-таки познакомиться съ какимъ-нибудь гегеліанцемъ ему очень хотѣлось съ тою цѣлю, чтобы повыщупать того и, если можно, то и поспорить съ нимъ. Онъ переговорилъ объ этомъ съ madame Углаковой, которая (благо и Пьеръ ея все приступалъ къ ней затѣять у нихъ какъ-нибудь танцы) устроила невдолгѣ вечеръ, пригласивъ на оный mademoiselle Блоху и убѣдительно прося ее при этомъ привезти съ собою ея молодого друга, что та и исполнила. Гегеліанецъ оказался скромнымъ по виду господиномъ, въ очкахъ, съ длинными волосами и съ весьма благородными манерами. Егоръ Егорычъ устремилъ на него испытующій взоръ, но прямо разговоръ о Гегелѣ, разумѣется, не могъ начаться, и къ нему пришли нѣ-

сколько окольнымъ путемъ. Подъ звуки раздававшейся въ залѣ музыки и при шумѣ шарканья танцующихъ madame Углакова спросила Егора Егорыча:

— А вы вчера слушали «Божественную Каплю»?

— Да,—отвѣчалъ онъ ей.

— Говорятъ, очень глубокое произведеніе?

— Глубокое по мысли своей, но по-моему сухо и непоэтично выполненное,—произнесъ Егоръ Егорычъ.

— Это есть отчасти,—согласился съ нимъ старикъ Углаковъ.

— Какая-же мысль этой поэмы?—пожелала узнать mademoiselle Блоха, выражая въ лицѣ своемъ: «ну-ка, ну, договори!»

Егоръ Егорычъ, однако, не утрашился этого и очень спокойно, завинувъ только ногу подъ себя, принялся объяснять.

— Это—переложенное въ повму апокрифическое преданіе о разбойникѣ, который попросилъ Дѣву Марію, шедшую въ Египетъ съ Іосифомъ и Предвѣчнымъ Младенцемъ, дать каплю молока своего его умирающему съ голоду ребенку. Дѣва Марія покормила ребенка, который впоследствии, сдѣлавшись, подобно отцу своему, разбойникомъ, былъ распятъ вмѣстѣ со Христомъ на Голгоѣ и умирая произнесъ къ собрату своему по млеву: «Помяни мя, Господи, егда придеши во царствіе Твое!»

— Все это, разумѣется, имѣетъ символическое значеніе, — замѣтилъ старикъ Углаковъ.

— Конечно, — подтвердилъ Егоръ Егорычъ: — ибо что такое явленіе Христа, какъ не возрожденіе ветхаго райскаго Адама, и капля Богородицы внесла

въ душу разбойника искру божественнаго огня, давшую силу ему узнать въ распятомъ Христѣ вѣчно живущаго Бога.. Нынче, впрочемъ, все это, пожалуй, можетъ показаться черезчуръ религіознымъ, значить, неумнымъ.

— Почему-же неумнымъ? Богъ есть разумъ всего, высшій умъ! — возразила Зинаида Иракліевна, вѣроятно, при этомъ думавшая; «А я вотъ тебя немножко и прихлопнула!» Въ то-же время она взглянула на своего молодого друга, какъ-бы желая знать, одобряетъ-ли онъ ее; но тотъ молчалъ, и можно было думать, что всѣ эти старички съ ихъ мнѣніями казались ему смѣшны: откровенный Егоръ Егорычъ успѣлъ, однако, вызвать его на разговоръ.

— Вы гегеліанецъ?—началъ онъ прямо.

— Гегеліанецъ!—отвѣчалъ молодой человѣкъ, немного подумавъ.

— Я невѣжда въ отношеніи Гегеля... Съ Фихте и Шеллингомъ я знакомъ немного и уважаю ихъ, хотя я самъ весь, по существу моему, мистикъ; но знать, говорятъ, все полезно... Скажите, въ чемъ состоитъ сущность ученія Гегеля: продолжатель-ли онъ своихъ предшественниковъ, или начинатель чего-нибудь новаго?...

— То и другое, я думаю.

— Но его исходная точка, по крайней мѣрѣ, собственная?

— Почти совершенно собственная: его главное положеніе выражается въ такой формулѣ, что все раціональное реально и все реальное раціонально, и что человѣкъ долженъ вѣрить въ одинъ только умъ, ибо онъ самъ есть умъ!

Егора Егорыча при этомъ замѣтно покоробило.

— Все человѣческое есть человѣческое только посредствомъ мысли, то-есть ума, — говорилъ далѣе ученый:—и самое высшее знаніе—это мысль, занятая сама собой, ищущая и находящая самое себя. Она называется формальною, когда разсматривается независимо отъ содержанія; мысль болѣе опредѣленная становится понятіемъ; мысль въ полной опредѣленности есть идея, натура которой *развиваться* и только чрезъ это дѣлаться тѣмъ, что она есть. Въ ней надобно различать два состоянія: одно, которое извѣстно подъ именемъ расположенія, способности, возможности и которое по-нѣмецки называется *an sich Sein*, бытіемъ въ самомъ себѣ. Второе есть дѣйствительность, вещественность или то, что именуется бытіемъ для себя, *für sich Sein*.

— Значить, Гегель разсматриваетъ мысль въ совершенномъ отвлеченіи, ея только дѣйствія и пути, но гдѣ-жъ содержаніе какое-нибудь?

— Содержанія онъ и не касается... Подкладывайте подъ мысль какое вамъ угодно содержаніе, которое все-таки будетъ таково, какимъ понимаетъ его мысль.

— Но неужели-же ни вы, ни Гегель не знаете, или, зная, отвергаете то, что говоритъ Бенеке? — привелъ еще разъ мнѣніе своего любимаго философа Егоръ Егорычъ.—Бенеке говоритъ, что для ума есть черта, до которой онъ идетъ могущественно, но тутъ-же весь и кончается, а тамъ, дальше, за чертой, и поэзія, и Богъ, и религія, и это ужъ работа не его, а дѣло фантазіи.

— Но что-же такое и фантазія, если она хоть сколько-нибудь признана, какъ не мысль?... Вы вотъ изволили упомянуть о религіяхъ; Гегель вовсе не отдѣляетъ и не исключаетъ религіи изъ философіи и полагаетъ, что это два различные способа познавать одну и ту же истину. Философія есть ничто иное, какъ уразумѣваемая религія, вѣра, переведенная на разумъ...

— Но нельзя вѣру перевести на разумъ! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Позвольте ужъ мнѣ прежде докончить, — сказалъ ему на это скромно молодой ученый.

— Виновать, виновать, молчу и слушаю васъ, — произнесъ Егоръ Егорычъ съ своей стороны съ покорностью.

Молодой ученый снова продолжалъ:

— Гомеръ сказалъ, что всѣ вещи имѣютъ два названія: одно на языкѣ боговъ, а другое на языкѣ человѣковъ. Первое выражаетъ смыслъ положительнаго, конкретнаго понятія, а другое есть языкъ чувствъ, представленій, мысли, заключенной въ конечныя категоріи. Религія можетъ существовать безъ философіи, но философія не можетъ быть безъ религіи. Философія, по необходимости, по существу своему, заключаетъ въ себѣ религію. Еще схоластикъ Ансельмъ сказалъ: *negligentia mihi videtur, si postquam confirmati simus in fide, non studemus, quod credimus intelligere.*

Эту латинскую цитату молодой ученый явно произнесъ для произведенія вѣшняго эффекта, такъ какъ оной никто изъ слушателей не понялъ, за

исключеніемъ Егора Егорыча, который на это воскликнулъ:

— Нельзя этого intelligere, нельзя, а если и можно, такъ вотъ чѣмъ!... сердцемъ нашимъ!...—и Егоръ Егорычъ при этомъ постукалъ себѣ пальцемъ въ грудь.—А не этимъ!—прибавилъ онъ, постукавъ уже пальцемъ въ лобъ.

— Сердцемъ, я полагаю, ничего нельзя понимать,—возразилъ ему его оппонентъ:— оно можетъ только чувствовать, то-есть отвращаться отъ чего-либо или прилѣпляться къ чему-либо; но сравнивать, сознавать и даже запоминать способенъ одинъ только умъ. Мы достаточно уже имѣемъ чистыхъ формъ истины въ религіяхъ и мифологіяхъ, въ гностическихъ и мистическихъ системахъ философіи, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Содержаніе ихъ вѣчно юно, и однѣ только формы у нихъ старѣютъ, и мы легко можемъ открыть въ этихъ формахъ идею и убѣдиться, что философская истина не есть что-нибудь отдѣльное и чуждое міровой жизни, и что она въ ней проявлена, по крайней мѣрѣ, какъ распря.

— Не понимаю васъ, не понимаю, — затараторилъ Егоръ Егорычъ:—кромѣ послѣдняго вашего слова: распря. Откуда-же эта распря происходитъ?... Откуда это недовольствіе, это какъ - бы движеніе впередъ?... Неужели вы тутъ не чувствуете, что человѣкъ ищетъ свой утраченный свѣтъ, свой затемненный разумъ?...

— Онъ-бы сейчасъ его нашелъ, если-бы только повѣрилъ въ него безусловно.

— Но отчего-же тогда политики врутъ и на

каждомъ шагу ошибаются, а, кажется, дѣйствуютъ все по уму и съ расчетомъ.

— Я не знаю, собственно, что вы разумѣете подъ именемъ политиковъ,—возразилъ ему молодой человѣкъ: — но Гегель въ отношеніи права, нравственности и государства говоритъ, что истина этихъ предметовъ достаточно ясно высказана въ положительныхъ законахъ.

— Однако, нашъ мыслящій умъ не удовлетворяется этими истинами!—перебилъ его Егоръ Егорычъ.

— Онъ не столько не удовлетворяется, сколько стремится облечь ихъ въ умственную форму и, такъ сказать, оправдать ихъ передъ мыслию свободною и самодѣятельною. Въ естественномъ правѣ Гегель требуетъ, чтобы, вмѣсто отвлеченнаго способа созидать государство, понимали это государство, какъ нѣчто рациональное въ самомъ себѣ, и отсюда его выводами были: повиновеніе властямъ, уваженіе къ праву положительному и отвращеніе ко всякимъ насильственнымъ и быстрымъ переворотамъ.

— Все ужъ это очень рационально, черезчуръ даже!—произнесъ Егоръ Егорычъ, потрясая своей головой.

— Непремѣнно рационально, какъ и должно быть все въ мірѣ, и если вы взглянете внимательно, то увидите, что развитіе духа всего міра представляется въ четырехъ элементахъ, которые имѣютъ представителями своими Востокъ, Грецію, Римъ и Германію. На Востокѣ идея является въ своей чистой безконечности, какъ безусловная субстанція въ себѣ, an sich, безъ всякой формы, безъ всякаго опредѣленія, по-

глощающая и подавляющая все конечное, человеческое; поэтому единственная форма общества здѣсь есть теократія, въ которой человѣкъ безусловно подчиненъ божеству... Въ Греціи идея уже получаетъ конечную форму и опредѣленіе; человеческое начало выступаетъ и выражаетъ свободно идею въ опредѣленныхъ, прекрасныхъ образахъ и созданіяхъ, то-есть, для себя бытіе идеи, für sich Sein, въ области идеальнаго созерцанія и творчества. Въ Римѣ человѣкъ, какъ практическая воля, осуществляетъ идею въ практической жизни и дѣятельности... Онъ создаетъ право, законъ и всемірное государство для практическаго выраженія абсолютной истины... Въ мірѣ германскомъ человѣкъ, какъ свободное лицо, осуществляетъ идею въ ея собственной области, какъ безусловную свободу: здѣсь является свободное государство и свободная наука, то-есть чистая философія.

— Темно, темно,—повторилъ и на это Егоръ Егорычъ.

— Можетъ быть, что не совсѣмъ ясно,—не отрицалъ молодой ученый:—Гегель самъ говоритъ, что философія непременно должна быть темна, и что ясность есть принадлежность мыслей низшаго разряда.

Такого рода споръ, вѣроятно, долго-бы еще продолжался, если-бы онъ не былъ прерванъ довольно страннымъ явленіемъ: въ гостиную вдругъ вошелъ лакей въ мѣховой, съ гербовыми пуговицами, ливреѣ и даже въ неснятой, тоже ливрейной, мѣховой шапкѣ. Онъ несъ въ рукахъ что-то очень большое и должно быть весьма тяжелое, имѣющее какъ-бы форму тре-

угольника, завернутое въ толстое, зеленаго цвѣта сукно. За этимъ лакеемъ слѣдовала пожилая дама въ платъѣ декольте, съ худою и длинною шеей, съ сѣдыми, но весьма тщательно подвитыми пучками и съ множествомъ брилліантовыхъ вещей на груди и на рукахъ. Хозяйка, увидавъ эту даму, почти со всѣхъ ногъ бросилась къ ней на встрѣчу, пожимая обѣ руки той, воскликнула:

— Марья Федоровна, какъ я вамъ рада, Боже мой, какъ рада!

Хозяинъ тоже всталъ съ своего кресла и почтительно раскланивался съ Марьей Федоровной.

— Приѣхала, по вашему желанію, съ арфой, — проговорила та, показывая рукою на внесенную лакеемъ вещь.

— Ахъ, какъ мы вамъ благодарны, несказанно благодарны! — говорили супругъ и супруга Углаковы.

— Но гдѣ-жь позвольте мнѣ поставить мой инструментъ? — спросила Марья Федоровна, безповойно потрясая своими сѣдыми вудрями.

— Я думаю, около фортеціано: вы, вѣроятно, будете играть съ акомпанементомъ? — проговорила хозяйка.

— Могу и съ акомпанементомъ, только съ очень нешумнымъ, — объяснила Марья Федоровна.

— О, безъ сомнѣнія! — воскликнула хозяйка.

— Заглушать вашу игру было-бы преступленіемъ, — присовокупилъ къ этому старикъ Углаковъ.

Марья Федоровна послѣ этого повелительно взглянула на лакея, и тотъ, снова поднявъ свое бремя, потащилъ его въ залу, причемъ отъ ливрейной шубы

его исходилъ холодъ, а на лбу, напротивъ, выступала испарина. Если-бы бѣднаго служителя сего спросить въ настоящія минуты, что онъ желаетъ сдѣлать съ несомымъ имъ инструментомъ, то онъ навѣрное-бы сказалъ: «расщепать его на мелкую лучину и въ огонь!» Но арфа, наконецъ, устлана была около фортепiano. Суконный чохолъ былъ съ нея снятъ. Таперъ, сидѣвшій до того за фортепiano, всталъ и отошелъ въ сторону. Танцы, само собою разумѣется, прекратились.

— Кто-жь мнѣ будетъ акомпанировать?—спросила Марья Федоровна, повертывая свою голову на худой шеѣ и осматривая все общество. Она видимо желала немедля-же приступить къ своимъ музыкальнымъ упражненіямъ.

— Милая, добрая Муза Николаевна,—отнеслась хозяйка къ Лябевой:—акомпанируйте Марью Федоровну!

Муза Николаевна повывдвинулась изъ толпы.

— Не соглашайтесь!—шепнулъ ей стоявшій около молодой Углаковъ:— пусть эта старая вѣдьма булькаетъ одна на своихъ гусяхъ.

Муза Николаевна, конечно, не послушалась его и подошла къ роялю.

— Я всегда очень дурно акомпанирую Марью Федоровну,—произнесла она.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы отлично акомпанируете!—возразила та, тряхнувъ своими кудрями и усаживаясь на пододвинутое ей хозяиномъ кресло.

«Буль, буль!» заиграла она въ самомъ дѣлѣ на арфѣ.

— Буль, буль!—повторилъ за нею и Углаковъ, садясь рядомъ съ Сусанной Николаевной.

Та, кажется, старалась не смотрѣть на него и не слушать его.

— Какую арію вамъ угодно, чтобы я акомпанировала?—спросила Муза Николаевна.

— Я-бы больше всего желала сыграть гимнь солнцу пиеагорейцевъ, который я недавно сама положила на музыку,—сказала съ оттѣнкомъ важности Марья Федоровна.

— Но я его не знаю,—произнесла на это скромно Муза Николаевна.

— Марья Федоровна,—воскликнулъ въ это время вскочившій съ своего мѣста молодой Углаковъ, подбѣгая къ роялю:—вы сыграйте: «Вотъ мчится тройка удалая!» а я вамъ спою!

При этомъ возгласѣ сына старикъ Углаковъ вопросительно взглянулъ на него, а мать выразила на лицѣ своемъ неудовольствіе и даже испугъ: она заранѣе предчувствовала, что Пьеръ ея затѣялъ какую-нибудь проказу.

— А вы поете эту пѣсню?—спросила Марья Федоровна, вскидывая на повѣсу свои сантиментальные глаза.

— Пою и пою отлично,—отвѣчалъ тотъ не задумавшись.

Тутъ ужъ madame Углакова укоризненно покачала головою сыну; старикъ отецъ тоже растерялся.

Ничего этого не замѣчавшая Марья Федоровна забулькала на арфѣ хорошо ей знакомую пѣсню. Муза Николаевна стала ей слегка подыгрывать на форте-

ціано, а Углаковъ запѣлъ. Сначала все шло, какъ слѣдуетъ; большая часть общества изъ гостиной и изъ наугольной сошлась слушать музыку и пѣніе. Изъ игроковъ остались на своихъ мѣстахъ только Лябевъ, что-то такое задумчиво маравшій на столѣ мѣломъ, Θεодосій Гаврилычъ, обыкновенно никогда и нигдѣ не трогавшійся съ того мѣста, которое себя избиралъ, и Калмыкъ, подсѣвшій тоже къ ихъ столу. Θεодосію Гаврилычу замѣтно хотѣлось говорить съ самъ послѣднимъ.

— А я тебѣ не рассказывалъ, какую я умную штуку придумалъ?—началъ онъ.

— Нѣтъ, не рассказывалъ; надѣюсь, что она поумнѣй этой дурацкой музыки, которая тамъ раздается, — отозвался Калмыкъ.

— За такую музыку ихъ всѣхъ-бы передушить слѣдовало! — произнесъ со злостію Лябевъ и нарисовалъ мѣломъ на столѣ какой-то огромный носъ.

— Поумнѣй немножко этой музыки, поумнѣй! — произнесъ самодовольно Θεодосій Гаврилычъ.—Ну, такъ вотъ что такое я именно придумалъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Калмыку:—случился у меня въ имѣніяхъ слѣдующій казусъ: на водяной мельницѣ плотину прорвало, а вѣтряныя не мелютъ: вѣтровъ нѣтъ!

— Что-жь, ты самъ изъ себя придумалъ испускать оные?—замѣтилъ Калмыкъ.

— Гдѣ-жь мнѣ испускать изъ себя? Я не Эоль. Но слушай ужь серьезно: механику ты знаешь. Ежели мы отъ какой-нибудь тяжести перевинемъ ве-

ревку черезъ блокъ, то она дѣйствуетъ вдвое... Я и придумалъ на мѣсто всѣхъ этихъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ построить одну большую, которую и буду двигать тяжестью даже небольшой, положимъ, въ три пуда. Эти три пуда, перевинутые черезъ блокъ, будутъ дѣйствовать, какъ шесть пудовъ, перевинутые еще черезъ блокъ, еще болѣе, такъ что на десятомъ, можетъ быть, блокъ составитъ тысячи полторы пудовъ; понялъ?

— Понялъ,—отвѣчалъ Калмыкъ.

— Значитъ, хорошо я придумалъ?

— Нѣтъ, не хорошо.

— Почему?

— Потому что ты механики-то, видно, и не знаешь. У тебя мельница, дѣйствительно, повернется, но только одинъ разъ въ день, а на этомъ много муки не смелешь.

— Что ты говоришь: одинъ разъ въ день!—возразилъ, даже презрительно разсмѣявшись, Θεодосій Гаврилычъ:— чѣмъ ты это докажешь?

— Тѣмъ, что тяжесть, перекинутая чрезъ блокъ, хоть и дѣйствуетъ сильнѣе, но въ то же время на столько-же и медленнѣе.

Сколь ни плохо зналъ механику Θεодосій Гаврилычъ, но справедливость мысли Калмыка понялъ.

— Фу ты, чортъ тебя возьми! Ты какъ дьяволъ, все понимаешь,—произнесъ онъ, но, въ этотъ моментъ Лябьевъ поспѣшно поднялся съ своего стула и проворно вышелъ въ залу, гдѣ произошло нѣчто весьма курьезное.

Углавовъ въ концѣ пѣтой имъ пѣсни вдругъ зачихалъ, причемъ чихнулъ, если не въ лицо, то прямо

въ открытую шею Марьи Ѳедоровны, которая при этомъ съ величіемъ откинулась назадъ; но Углаковъ не унимался: онъ чихнулъ потомъ на арфу и даже нѣсколько на платье Музы Николаевны, будучи не въ состояніи удержаться отъ своей чихотки. Все это, разумѣется, прекратило музыку и пѣніе, и въ заключеніе всего изъ наугольной Калмыкъ захопалъ и провричалъ:

— Браво!

— Браво!— подхватилъ ему во свѣдъ и юный Углаковъ.

Конфузу и смущенію стариковъ-хозяевъ предъловъ не было, а также и удивленію со стороны Марьи Ѳедоровны.

— Какъ вашъ сынъ дурно воспитанъ!—сказала она madame Углаковой.

— У него, вѣроятно, насморкъ, — объяснила та, чтобы какъ-нибудь оправдать свое дѣтище.

— У меня насморкъ, Марья Ѳедоровна, видитъ Богъ, насморкъ!—вопіялъ съ своей стороны юный Углаковъ и затѣмъ сейчасъ-же скрылся въ толпу и усѣлся рядомъ съ Сусанной Николаевной.

— Что такое съ вами?—спросила та.

— Да я у Ѳедотыча, какъ онъ проходилъ съ лимонадомъ, выпросилъ табаку, и когда Марья Ѳедоровна разыгралась очень на своей арфѣ, я и нюхнулъ этого табаку, ну, я вамъ скажу, это штука чувствительная: слонъ-бы и тотъ расчихался!

Сусанна Николаевна, слушая шалуна, не могла удержаться отъ смѣха.

Между тѣмъ, Марья Ѳедоровна, не хотѣвшая, къ общему удовольствію, кажется, публики, продолжать

своей игры на арфѣ, перешла въ гостиную и сѣла около Зинаиды Иракліевны, которая не замедлила ее слегка кольнуть.

— А я не знала, что вы арфу вашу даже кутаєте, чтобы она не простудилась.

— Иначе и нельзя, а то она отсырѣетъ и тонъ потеряетъ... Это самый, я думаю, деликатный инструментъ,—отвѣчала простодушно Марья Федоровна, вовсе не подозрѣвавшая яду въ словахъ своей собесѣдницы, которая, впрочемъ, не стала съ нею больше говорить и все свое вниманіе отнесла къ спору, все еще продолжавшемуся между молодымъ ученымъ и Егоромъ Егорычемъ, ради чего они усѣлись уже вдали въ уголокъ.

— Вѣдь это пантеизмъ, чистѣйшій пантеизмъ,—полувосклицалъ Марейнъ:—а я не хочу быть пантеистической пѣшкой!... Я чувствую и сознаю Бога, сознаю также и себя отдѣльно!

— Вы потому и сознаете себя отдѣльно, что вашъ умъ можетъ обращаться на самого себя и себя познавать!—возражалъ молодой гегелианецъ.

— Что мнѣ въ этомъ обращеніи ума на себя!... А остальное все прекрасно, и повтому должно быть *statu quo*?... На этомъ, помяните мое слово, и подшибутъ вашего Гегеля.

— Можетъ быть,—соглашался ученый:—но потомъ все-таки опять къ нему возвратятся.

— Возвратятся, но уже не къ нему, а скорѣе къ англійскому эмпиризму...

Въ эти самыя минуты, чего Егоръ Егорычъ, конечно, и не подозрѣвалъ, между Сусанной Николаевной и молодымъ Угладовымъ тоже происходилъ довольно

отвлеченный разговоръ. Сначала, какъ мы видѣли, Петръ Александровичъ все зубоскалилъ, но затѣмъ вдругъ, какъ-бы очнувшись, онъ спросилъ:

— Вы, Сусанна Николаевна, я думаю, совершенно дрянью считаете меня?

— Съ чего вы это взяли?—сказала она, вспыхнувъ въ лицѣ.

— Съ того, что я въ самомъ дѣлѣ дрянъ,—отвѣчалъ онъ.

— Мужъ мой тоже, когда бываетъ не въ духѣ, говоритъ иногда, что онъ дурной человѣкъ, но развѣ я вѣрю ему?

— Мужу вы, можетъ быть, не повѣрите, а про меня и сами такого-же мнѣнія, какъ я думаю о себѣ.

— Ну, это еще Богъ знаетъ!—возразила улыбнувшись Сусанна Николаевна.

— Вы не шутите и не скрываете, что дурно обо мнѣ думаете?

— Пока нисколько не думаю о васъ дурно.

— Я-бы и былъ недурной человѣкъ, если-бы мнѣ было позволено одно.

— Что именно?—спросила Сусанна Николаевна, но тутъ-же видимо и испугалась своего вопроса.

— То, чтобы вы позволили мнѣ быть влюбленну въ васъ.

Сусанна Николаевна окончательно растерялась.

— О, этого я никогда вамъ не позволю,—сказала она, какъ-бы и смѣясь.

— Отчего?—произнесъ протяжно Углаковъ.

— Оттого, что я замужняя женщина... и зачѣмъ-мнѣ ваша любовь?

— Въ такомъ случаѣ, я останусь дряннымъ человѣкомъ... и вотъ теперь-же пойду и схвачусь съ Лябьевымъ въ банкъ!...

— Я не позволю вамъ этого дѣлать, потому что не желаю, чтобы Лябьевъ проигралъ... и чтобы вы проигрывались.

— Но я васъ не слушаюсь, потому что вы не позволяете мнѣ ни быть въ васъ влюбленну, ни въ карты играть.

— Нѣтъ, вы слушаетесь меня!... Иначе, я съ вами ни одного слова никогда не скажу.

— Вы ужасная деспотка!—проговорилъ Углавовъ и какъ-бы невольно вздохнулъ.

— Можетъ быть,—не отвергнула того и Сусанна Николаевна и, видя, что Егоръ Егорычъ вышелъ изъ гостиной съ шапкою въ рукѣ, она присовокупила:

— Мы скоро уѣдемъ, дайте мнѣ честное слово, что вы не будете Лябьева подговаривать въ карты играть.

— Извольте!—отвѣчалъ покорнымъ тономъ Углавовъ. Сусанна Николаевна поблагодарила: его улыбкой и подошла къ сестрѣ; та пошутила ей.

— Ты, однако, весь вечеръ разговаривала съ этимъ бѣсенкомъ, Углавовымъ.

— Ужъ именно бѣсенокъ!—подхватила Сусанна Николаевна и къ этому ни слова больше не прибавила.

IV.

Съ наступленіемъ февраля неурожай прошедшаго лѣта начиналъ окончательно давать себя чувствовать. Цѣны на хлѣбъ поднялись въ Москвѣ

вчетверо. Былъ составленъ особый комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ, а также для покупки и продажи хлѣба хоть сколько-нибудь по сноснымъ цѣнамъ. Члены комитета начали сѣзжаться каждодневно, и на этихъ собраніяхъ было произнесено много теплыхъ рѣчей, но самое дѣло подвигалось медленно; подписка на пожертвованія шла, въ свою очередь, не обильно, а о какихъ-либо фактическихъ распоряженіяхъ касательно удешевленія пищи пока и помину не было; объ этомъ все еще спорили: одни утверждали, что надобно послать закупить хлѣба въ тавія-то мѣстности; другіе указывали на совершенно инныя мѣстности; затѣмъ возникъ вопросъ, кого послать? Нѣкоторые утверждали, что для этого надобно выбрать особыхъ комиссаровъ и назначить имъ жалованье; наконецъ, князь Индобскій, тоже успѣвшій попасть въ члены комитета, предложилъ деньги, предназначенныя для помѣщичьихъ крестьянъ, отдать помѣщикамъ, а раздачу вспомошествованій крестьянамъ казеннымъ и мѣщанамъ возложить на кого-либо изъ членовъ комитета, но когда ни одно изъ сихъ мнѣній его не было принято комитетомъ, то князь высказалъ свою прежнюю мысль, что такъ какъ дѣла откуповъ тѣсно связаны съ благосостояніемъ народнымъ, то не благоугодно-ли будетъ комитету пригласить господъ откупщиковъ, которыхъ тогда много сѣхалось въ Москву, и съ ними посовѣтоваться, какъ и что тутъ лучше предпринять. Эту мысль комитетъ одобрилъ. Посланы были пригласительныя письма къ откупщикамъ. Тѣ пріѣхали въ засѣданіе и единогласно объявили, что полезнѣе-бы всего было раздать деньги

на руки самимъ голодающимъ; однако, члены комитета, понявъ заднюю мысль, руководившую сихъ мытарей, въ глаза имъ объявили, что при подобномъ способѣ большая часть денегъ бѣдняками будетъ употреблена не на покупку хлѣба, а на водку откупщицкую. Затѣмъ, какъ водится, послѣдовалъ споръ, шумъ, посреди котораго въ залу засѣданія вошелъ самый денежный изъ откупщиковъ, Василій Ивановичъ Тулузовъ. Онъ направился къ предсѣдателю и извинился передъ тѣмъ, что опоздалъ нѣсколько. Предсѣдатель, съ своей стороны, счелъ нужнымъ объяснить Тулузову все, что до него происходило, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предложивъ Василю Ивановичу сдѣлать посильное приношеніе въ пользу голодающихъ, просилъ его дать совѣтъ касательно того, какъ-бы поскорѣе устроить вспомошествованіе бѣднымъ.

— А до какой цифры накопилась теперь пожертвованная сумма? — спросилъ Тулузовъ.

Предсѣдатель заглянулъ въ лежавшую передъ нимъ вѣдомость и произнесъ нѣсколько конфузливымъ голосомъ:

— Тысячъ до двадцати пяти.

— И всѣ деньги въ сборѣ?

— Нѣтъ, нѣкоторая часть еще не поступила.

На губахъ Тулузова явно пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Я-съ готовъ сдѣлать пожертвованіе, — сталъ онъ громко отвѣчать предсѣдателю, такъ чтобы слышали его прочіе члены комитета: — и пожертвованіе не маленькое, а именно: въ триста тысячъ рублей.

При этомъ какъ членовъ комитета, такъ и откупщиковъ словно взрывомъ какимъ ошеломило. Предсѣдатель хотѣлъ было немедля-же отъ себя и отъ всего комитета выразить Василию Иванычу великую благодарность, но тотъ легкимъ движеніемъ руки остановилъ его и снова продолжалъ свою рѣчь:

— Я теперь собственно потому опоздалъ, что былъ у генераль-губернатора, которому тоже объяснилъ о моей готовности внести на спасеніе отъ голодной смерти людей триста тысячъ, а также и о томъ условіи, которое-бы я желалъ себѣ выговорить: триста тысячъ я вношу на покупку хлѣба съ тѣмъ лишь, что самолично буду распоряжаться этими деньгами и при этомъ обязуюсь черезъ двѣ же недѣли въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ найду нужнымъ, открыть хлѣбные амбары, въ которыхъ буду продавать хлѣбъ по цѣнамъ, не превышающимъ цѣнъ прежнихъ неголодныхъ годовъ.

— Но тозе какой хлѣбъ вы будете продавать и гдѣ? — замѣтилъ одинъ изъ откупщиковъ съ такими явными слѣдами своего жидовскаго происхожденія, что имѣлъ даже пейсы, распространялъ отъ себя невыносимый запахъ чесноку и дзикалъ въ своемъ произношеніи до омерзѣнія.

— Хлѣбъ мой можетъ всегда свидѣтельствовать полиція, а продавать его я буду, гдѣ мнѣ вздумается.

— Но отчего-же вы не хотите ваше благодѣяніе совершить совмѣстно съ нашимъ комитетомъ? — сказалъ какъ-бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ предсѣдатель.

— Ваше превосходительство, — отвѣчалъ ему

Тулузовъ почтительно: — къ несчастію, я знаю поговорку, что у семи нянекъ дитя безъ глазу.

— Но тогда-же вы будете продавать васъ хлѣбъ, только гдѣ откупа васи, вотъ сто вы этанете дѣлать! — произнесъ укоризненно еврей.

— Непремѣнно-съ тамъ буду продавать и нигдѣ больше! — едва удостоилъ его отвѣтомъ Тулузовъ.

— Но тогда-же весь народъ пойдетъ въ васи города!... Сто-же вы сдѣлаете съ другими откупщиками: вы всѣхъ насъ зарѣзаете! — почти уже кричалъ жидъ.

— Заведите и вы у себя дешевую продажу хлѣба, тогда и у васъ будетъ народъ! — отозвался съ надменностью Тулузовъ.

— У насъ-же нема денегъ для того! — продолжалъ кричать жидъ.

Но Тулузовъ, не желавшій, повидимому, тратить съ нимъ больше словъ, повернулся въ нему спиной и отнесся къ предсѣдателю:

— Я, ваше превосходительство теперь пріѣхалъ не испрашивать разрѣшеніе у комитета на мою операцію, которая мнѣ уже разрѣшена генераль-губернаторомъ, а только, какъ приказалъ онъ мнѣ, объявить вамъ объ этомъ.

— Приму къ свѣдѣнію! — отозвался на это сухо предсѣдатель.

Тулузовъ послѣ того раскланялся со всѣми и уѣхалъ.

Всѣ члены комитета, а еще болѣе того откупщики остались очень недовольными и смущенными: первые прямо изъ засѣданія отправились въ англійскій клубъ, гдѣ стали рассказывать, какую штуку

позволилъ себѣ сыграть съ ними генераль-губернаторъ, и больше всѣхъ въ этомъ случаѣ протестовалъ князь Индобскій.

— Помилуйте, — говорилъ онъ: — этотъ нашъ европеецъ, генераль-губернаторъ, помимо комитета входитъ въ стачку съ кабацкимъ аферистомъ, который нагло является къ намъ и объявляетъ, что онъ прокормитъ Москву, а не мы!

Между откупщиками, откупщикъ еврей немалое еще время возглашалъ, пожимая своими костлявыми плечами:

— Мы всё зарѣзаны, зарѣзаны!

Откупщики изъ русскихъ тоже позатуманились и послѣ нѣкотораго совѣщанія между собой отправились гуртомъ къ Тулузову, вѣроятно, затѣмъ, чтобы дать ему отступнаго и просить его отказаться отъ своего хлѣбнаго предпріятія; но тотъ ихъ не принялъ и черезъ лакея сказалъ имъ, что онъ занятъ. Такимъ образомъ откупщики уѣхали отъ него съ носомъ. Василій Ивановичъ, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ былъ занятъ: онъ въ ту-же ночь собралъ всѣхъ своихъ поумнѣй и поплутоватѣй цѣловальниковъ и велѣлъ имъ со всей ихъ накопленной выручкой ѣхать въ разныя мѣстности Россіи, гдѣ, по его расчету, былъ хлѣбъ недорогъ, и закупить его весь, цѣликомъ, подъ задатки и контракты. Тѣ исполнили приказаніе своего повелителя съ замѣчательною скоростью и ловкостью и приторговали массу хлѣба, который недѣлю черезъ двѣ потянулся въ Москву; а Тулузовъ, тѣмъ временемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ заарендовавъ нѣсколько водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, въ половинѣ поста, устроилъ на всѣхъ почти рын-

бахъ московскихъ лабазы и открылъ въ нихъ продажу муки по цѣнамъ прежнихъ лѣтъ. Мало того, онъ сталъ скупать въ голодающихъ губерніяхъ скотъ, который, не имѣя чѣмъ кормить, крестьяне и даже помѣщики сбывали за безцѣнокъ. Онъ убивалъ этотъ скотъ, чтобы не тратиться на прогонъ и на прокормъ на мѣстахъ покупки, и, пользуясь зимнимъ холодомъ, привозилъ его въ Москву въ формѣ убоины, которую продавалъ по цѣнамъ болѣе чѣмъ умѣреннымъ. Весь бѣдный людъ, что предсказывалъ еврей-откупщикъ, хлынулъ на всякаго рода заработки въ Москву. Пьянство началось велие; откупъ не только не несъ убытка, а, напротивъ, процвѣталъ, и, по расчетамъ людей опытныхъ въ дѣлѣ, Тулузовъ отъ откупа и отъ продажи хлѣба нажилъ въ какіе-нибудь два мѣсяца тысячъ до пятисотъ. Обо всемъ этомъ заговорила, разумѣется, вся Москва, и даже гордо-мнящій о себѣ и съ сильно-аристократической заваской англійскій клубъ долженъ былъ сознаться, что Тулузовъ въ смыслѣ коммерсанта человекъ геніальный. Къ этому присоединилось и то, что, по слухамъ, генераль-губернаторъ, зачисливъ Тулузова попечителемъ какого-то богоугоднаго заведенія, будто-бы представилъ его въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Пока все это творилось въ мірѣ официальномъ и общественномъ, въ мірѣ художественномъ тоже подготовлялось событіе: предполагалось возобновить пьесу «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», въ которой главную роль, Жоржа, долженъ былъ играть Мочаловъ. Муза Николаевна непременно пожелала быть на семъ представленіи, подговоривъ на то и

Сусанну Николаевну. Билетъ имъ въ бель-этажъ еще заранѣе досталъ Углаковъ; сверхъ того, по условію, онъ въ день представленія долженъ былъ захватить къ Музѣ Николаевнѣ, у которой хотѣла быть Сусанна Николаевна, и обѣихъ дамъ сопровождать въ театръ; но вотъ въ сказанный день седьмой часъ былъ на исходѣ, а Углаковъ не являлся, такъ что дамы рѣшились ѣхать однѣ. Публики было множество. Бель-этажъ блисталъ туалетами дамъ, посреди которыхъ между прочимъ кидалась въ глаза очень растолстѣвшая и разряженная до-нельзя Екатерина Петровна Тулузова. Усы на губахъ ея до того уже были замѣтны, что она принуждена была подстригать ихъ. Рядомъ съ ней помѣщался также и супругъ ея.

— Куда могъ дѣваться этотъ вертопрахъ Углаковъ? — проговорила Муза Николаевна, усѣвшись съ сестрой въ ложѣ.

Та отрицательно пожала плечами, какъ-бы говоря: «я не знаю, не понимаю», и въ то-же время нѣсколько поблѣднѣла.

Сомнѣнья ихъ, впрочемъ, разрѣшилъ вошедшій въ ложу нѣсколько впопыхахъ Лябьевъ.

— Гдѣ Углаковъ, скажи, пожалуйста! — спросила его жена.

— Углаковъ дома и лежитъ въ нервной горячкѣ почти безъ памяти; я сейчасъ отъ него, — отвѣчалъ Лябьевъ и какъ-то странно при этомъ взглянулъ на Сусанну Николаевну, которая, въ свою очередь, еще болѣе поблѣднѣла.

— Ты, Муза, и вы, Сусанна Николаевна, — продолжалъ онъ: — съѣздите завтра къ Углаковымъ!...

Ваше участіе очень будетъ пріятно старикамъ и оживить больнаго.

— Я непременно поѣду, — сказала Муза Николаевна.

— А вы? — отнесся Лябевъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— И я, если это нужно, поѣду, — произнесла та.

— Нужно-съ, — повторилъ съ какимъ-то особеннымъ отгвѣнкомъ Лябевъ и собрался уйтн.

— А ты развѣ не будешь смотрѣть пьесы? — спросила Муза Николаевна.

— Нѣтъ, она слишкомъ на мой счетъ написана и какъ-будто-бы для того и дается, чтобы сдѣлать мнѣ нравоученіе... Даже ты, я думаю, ради этого пожелала быть въ театрѣ.

— Именно для этого! — подхватила съ улыбкой Муза Николаевна.

— Ну, и наслаждайся, сколько тебѣ угодно, — проговорилъ явно съ насмѣшкою Лябевъ, но въ то-же время почти съ нѣжностью поцѣловалъ у жены руку и уѣхалъ.

Занавѣсъ, наконецъ, поднялся. Передъ глазами зрителя игорный домъ. Во второмъ явленіи изъ толпы игроковъ выбѣгаетъ въ блестящемъ костюмѣ маркиза обыгранный до-гла Жоржъ де - Жермани. Бѣшенству его предѣловъ нѣтъ. Онъ кидаетъ на полъ держимый имъ въ рукахъ обломокъ стула. Въ публикѣ, узнавшей своего любимца, раздалось рукоплесканіе; трагикъ, не слыша ничего этого и проговоривъ нѣсколько съ старавшимся его успокоить Варнеромъ, вмѣстѣ съ нимъ уходитъ со сцены, потрясая своими поднятыми вверхъ руками;

но въ воздухѣ театральнoй залы какъ-бы еще продолжалъ слышаться его мелодическiй и проникающiй каждому въ душу голосъ. Затѣмъ Жоржъ де-Жермани послѣ перемѣны декораціи въ домѣ отца своего передъ вѣнчаньемъ съ Амаліей. Онъ не глядитъ ни на публику, ни на дѣйствующихъ лицъ. Ему стыдно взглянуть кому-либо въ лицо; онъ чувствуетъ, сколь недостойнъ быть мужемъ невинной, простодушной дѣвушки. Муза Николаевна вся устремилась на сцену; изъ нея съ воспаленными вѣками глазъ текли слезы; но Сусанна Николаевна сидѣла спокойная и блѣдная и даже какъ-бы не видѣла, что происходитъ на сценѣ. Съ закрытіемъ занавѣса Муза Николаевна отвлеклась нѣсколько отъ сцены и, взглянувъ на сестру, если не испугалась, то, по крайней мѣрѣ, очень удивилась.

— Отчего ты, Сусанна, такая точно деревянная сегодня?

— Я? — спросила, словно-бы проснувшаяся отъ сна, Сусанна Николаевна.

— Да, тебя, я вижу, обезпокоила болѣзнь Углакова?

— Меня... обезпокоила болѣзнь Углакова?... Почему ты это знаешь?— снова переспросила Сусанна Николаевна.

— Да потому, почему и ты всегда знаешь и угадываешь, что я чувствую и думаю.

— Нѣтъ, ты не знаешь, что я думаю,— произнесла протяжно Сусанна Николаевна.

— Нѣтъ, я знаю! — возразила настойчиво Муза Николаевна: — У тебя, я увѣрена, произошло что-нибудь съ Углаковымъ... Мужъ недаромъ сказалъ, чтобы ты съѣздила со мной къ Углаковымъ.

Сусанна Николаевна лгать сестрѣ или тайтъ что-нибудь отъ нея не могла.

— Если ты хочешь, то произошло, — начала она тихо:—но посуди ты мое положеніе: Углаковъ, я не спору, очень милый, добрый, умный мальчикъ и съ нимъ всегда пріятно видаться, но послѣднее время онъ вздумалъ ѣздить къ намъ каждый день и именно по утрамъ, когда Егоръ Егорычъ ходитъ гулять... говоритъ мнѣ, разумѣется, разныя разности, и хоть я въ этомъ случаѣ, какъ добрая маменька, держу его всегда въ границахъ, однако, думаю, что все-таки это можетъ не понравиться Егору Егорычу, которому я, конечно, говорю, что у насъ былъ Углаковъ; и разъ я увидѣла, что Егоръ Егорычъ ужъ и поморщился.... Согласись, что мнѣ оставалось послѣ того дѣлать?... Я дѣйствительно дня два тому назадъ сказала Углакову, что меня стѣсняють его посѣщенія по утрамъ, и что вечеромъ, когда Егоръ Егорычъ дома, напротивъ, мы всегда рады его видѣть..... Ты вообразить себѣ не можешь, что произошло тутъ съ Углаковымъ!... Онъ вдругъ заплакалъ и, проговоривъ: «ну, я теперь погибъ совсѣмъ!» сейчасъ-же уѣхалъ..... Что это такое?... Я не понимаю даже...

— Очень понятно, — произнесла съ нѣскольکو лукавой улыбкой Муза Николаевна: — влюбился въ тебя до безумія.

Сусанна Николаевна придала недовольное выраженіе своему лицу.

— Но какъ-же влюбиться до безумія?—возразила она: — для этого надобно имѣть какой-нибудь по-

воду и чтобы хоть сколько-нибудь на это человек поощряли.

— Ты ошибаешься! Безъ поощреній гораздо сильнѣе влюбляются! — подувоскликнула Муза Николаевна, и такъ какъ въ это время занавѣсъ поднялся, то она снова обратилась на сцену, гдѣ въ продолженіе всего втораго акта ходилъ и говорилъ своимъ трепетнымъ голосомъ, небольшого роста и съ чрезвычайно подвижнымъ лицомъ, курчавый Жоржъ де-Жермани, и отъ впечатлѣнія его съ нѣсколько приподнятыми плечами фигуры никто не могъ избавиться. Стала прислушиваться къ трагикѣ и Сусанна Николаевна, а Екатерина Петровна Тулузова держала, не отнимая отъ глазъ, уставленный на него лорнетъ и почему-то вдругъ вспомнила перваго своего мужа, безпутно-поэтическаго Валеріана, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовала почти омерзѣніе къ настоящему супругу, сидѣвшему съ надутой и важной фізіономіей. Въ концѣ этого дѣйствія Жоржъ де-Жермани, обманутый злодѣемъ Варнеромъ, застрѣлилъ ни въ чемъ неповиннаго Родольфа д'Эрикура. Въ публикѣ снова поднялись неистовые аплодисменты, подъ шумъ которыхъ Екатерина Петровна, ни слова не сказавъ мужу, вышла въ корридоръ и вошла въ ложу Лябевой.

— Надѣюсь, mesdames, что вы позволите мнѣ напомнить вамъ о себѣ? А съ вами мы даже родственницы! — проговорила она заискивающимъ тономъ и при послѣднихъ словахъ обращаясь къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Обѣ сестры, конечно, на ея любезность отвѣтили такую-же любезностью.

— Какая чудная пьеса и какой живой человекъ этотъ Жоржъ де-Жермани! — продолжала Екатерина Петровна.

— Совершенно живой! — подтвердила Муза Николаевна.

— Мнѣ больше пьесы нравится Мочаловъ!... Я теперь буду ѣздить на каждое его представленіе, — замѣтила Сусанна Николаевна.

— Значить, мы будемъ съ вами видѣться часто; я почти каждый день бываю въ театрѣ, — подхватила Екатерина Петровна: — тутъ другой еще есть актеръ, молодой, который (вы, можетъ быть, замѣтили) играетъ этого Родольфа д'Эривура: у него столько души и огня!

— Фи!... Какая это душа! — подхватила уже Муза Николаевна: — Онъ весь какой-то накрахмаленный и слащавый.

— Да, — подтвердила и Сусанна Николаевна.

Тулuzовъ между тѣмъ изъ своей ложи внимательно прислушивался къ тому, что говорили дамы: ему, кажется, хотѣлось-бы представиться Марейной и Лябевой, на которыхъ ему въ началѣ еще спектакля указала жена, но онъ, при всей своей смѣлости, не рѣшался этого сдѣлать. Занавѣсъ вскорѣ опять поднялся. Сцена представляла дѣсь, хижину; Жоржъ де-Жермани и жена его, оба уже старики, въ нищенскихъ лохмотьяхъ. Когда Жоржу, принесшему откуда-то пищи своей голодающей семьѣ, маленькая дочь, подавая воды, сказала: «Ахъ, папа, у тебя руки въ крови!» — «Въ крови?» — воскликнулъ онъ, проливая будто-бы случайно воду и обмывая ею руку. Звукъ голоса и выраженіе ужаса

въ лицѣ великаго трагика были таковы, что вся публика какъ-бы слегка привстала со своихъ мѣстъ. Несомнѣнно, что онъ всю эту толпу соединилъ въ одномъ чувствѣ. Даже Тулузова, повидимому, пробрало; по крайней мѣрѣ, онъ покраснѣлъ въ лицѣ и торопливо взглянулъ себѣ на руки, словно-бы ожидая увидѣть на нихъ кровь. Въ послѣднемъ явленіи, когда Жоржъ потащилъ Варнера въ объятую огнемъ хижину, крича: «Въ адъ, въ адъ тебя!» Тулузовъ тоже безпокойно пошевелился въ своемъ креслѣ и совершенно отвернулся отъ сцены.

На другой день, въ приличный для визитовъ часъ, Муза Николаевна и Сусанна Николаевна были у Углаковыхъ. Лябьева, какъ вошла, такъ немедленно спросила встрѣтившую ихъ старуху Углакову:

— Петръ Александрычъ боленъ?

— Очень, очень! — отвѣчала та, нѣжно цѣлуясь съ обѣими гостями, причемъ Сусанна Николаевна была крайне смущена. Между Музой Николаевной и Углаковой, несмотря на болѣзнь сына, началось обычное женское переливанье изъ пустаго въ порожнее. Сусанна Николаевна при этомъ упорно молчала; вошелъ потомъ въ гостиную и старичокъ Углаковъ. Онъ разсыпался передъ гостями въ благодарностяхъ за ихъ посѣщеніе и въ заключеніе съ нѣкоторою таинственностью присовокупилъ:

— Пьеръ скоро васъ попроситъ къ себѣ!

— А развѣ онъ проснулся?—спросила Углакова мужа.

— Проснулся и приведетъ только въ порядокъ свой туалетъ, — отвѣчалъ онъ ей таинственно.

Читатель, конечно, самъ догадывается, что ста-

рики Углаковы до безумія любили свое единственное дѣтище и почти каждодневно ставились въ тупикъ отъ тѣхъ нечаянностей, которыя Пьеръ имъ устривалъ, причемъ иногда мать лучше понимала, къ чему стремился и что затѣвалъ сынъ, а иногда отецъ. Вошедшій недолгъ камердинеръ Пьера просилъ всѣхъ пожаловать къ больному. Муза Николаевна сейчасъ-же поднялась; но Сусанна Николаевна нѣсколько медлила, такъ что старуха Углакова проговорила:

— *Soyez aimable, venez voir notre pauvre malade!*

Больной помѣщался въ самой большой и теплой комнатѣ. Когда къ нему вошли, въ сопровожденіи Углаковыхъ, наши дамы, онъ, очень перемѣнившійся и похудѣвшій въ лицѣ, лежалъ покрытый по самое горло одѣяломъ и привѣтливо поклонился имъ, приподнявъ немного голову съ подушки. Тѣ усѣлись, Муза Николаевна совсѣмъ около кровати его, а Сусанна Николаевна въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Какъ это вамъ не стыдно хворать!—сказала первая изъ нихъ.

— Ахъ, мнѣ чрезвычайно стыдно, — отвѣчалъ Углаковъ: — но что-жъ дѣлать: я былъ пораженъ такимъ сильнымъ горемъ!

Муза Николаевна бросила при этомъ короткій взглядъ на сестру, которая сидѣла въ положеніи статуи.

— Вообразите вы, — продолжалъ Пьеръ плачевнымъ голосомъ: — *mademoiselle* Блоха въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ собирается укусить смертельно друга моего, гегелианца!... Онъ женится на ней!... Бѣд-

ный, бѣдный философъ!... Неужели и философія не спасаетъ людей отъ женщинъ?

При такой шуткѣ Пьера родители и гости расцвѣли, видя, что больному лучше; но Пьеръ и этимъ еще не ограничился. Онъ вдругъ сбросилъ съ себя одѣяло, причемъ оказался въ полной вицъ-мундирной формѣ и, вскочивъ, прямо подбѣжалъ къ Сусаннѣ Николаевнѣ и воскликнулъ:

— Madame Марейна, je vous supplie, un petit tour de valse! Муза Николаевна, сыграйте намъ вальсъ!

Сусанна Николаевна сначала была совершенно ошеломлена.

— De grâce! — продолжалъ молить Углаковъ.

Сусанна Николаевна, какъ-бы не отдавая себѣ отчета, встала и положила свою руку на плечо Углакова, какъ обыкновенно дамы дѣлаютъ это во время танцевъ, а Муза Николаевна сѣла уже за фортепіано и заиграла одинъ изъ рѣзвѣйшихъ вальсовъ.

Углаковъ повесся съ Сусанной Николаевной.

Старикъ Углаковъ смѣялся и удивлялся въ одно время. Углаковъ, сдѣлавъ съ своей дамой туръ-два, наконецъ, почти упалъ на одно изъ креселъ. Сусанна Николаевна подумала, что онъ и тутъ что-нибудь шутитъ, но оказалось, что молодой человекъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, такъ что старикъ Углаковъ, съ помощью даже Сусанны Николаевны, почти перетащили его на постель и уложили.

— Что это, Петръ Александрычъ, вы дѣлаете?— сказала она: — теперь я ни одному вашему слову не стану вѣрить.

— Одному только слову моему вѣрьте: послѣ ко-

тораго вы (помните?) тогда разсердились на меня! — воскликнулъ Пьеръ.

— Ну, извольте, я всёмъ вашимъ словамъ повѣрю, только успокойтесь! — сказала настойчивымъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— Вамъ повѣрять! — повторила за сестрой и Муза Николаевна.

Углаковъ покачалъ отрицательно головой и закрылъ глаза: притворился-ли онъ и на этотъ разъ, или въ самомъ дѣлѣ ему было нехорошо, — сказать трудно.

Сусанна Николаевна и Муза Николаевна попросили, наконецъ, у стариковъ-хозяевъ позволенія оставить больнаго и уѣхать.

Тѣ еще разъ горячо поблагодарили ихъ и проводили до передней.

Усѣвшись съ сестрой въ сани, Сусанна Николаевна проговорила:

— Всѣ эти Углаковы какіе-то сумасшедшіе!

— Нисколько не сумасшедшіе! — возразила ей Муза Николаевна.

— Какъ не сумасшедшіе? Неужели ты не видѣла, какъ я по милости твоего мужа была одурочена сегодня?

Муза Николаевна на это лукаво улыбнулась.

— Тебя одурачило твое собственное чувство, и я радуюсь этому.

— Чему-жъ тутъ радоваться, — я не понимаю!

— Радуюсь, что нельзя-же всю жизнь Богу молиться и умничать, надобно же пожить когда-нибудь и для сердца.

— Но сердце мое и безъ того полно и живетъ!

— Нѣтъ, — отвергнула Муза Николаевна: — у тебя въ жизни не было ни одной такой минуты, которыя были у меня, когда я выходила замужъ, и которыя теперь иногда повторяются, не смотря на мою несчастную жизнь, и которыхъ у Людмилы, вѣроятно, было еще больше.

— Ну, я такихъ минутъ счастья не желаю! — отвѣчала Сусанна Николаевна, хотя въ голосѣ ея и не слышалось полной рѣшимости.

V.

Между тѣмъ, какъ все это происходило у Углаговыхъ, Егоръ Егорычъ былъ погруженъ въ чтеніе только-что полученнаго имъ письма отъ Сверстова, которое, какъ увидитъ читатель, было весьма серьезнаго содержанія.

«Великій учитель! — началъ обычнымъ своимъ воззваніемъ Сверстовъ: — Время великаго труда и пота настало для меня. Нашъ честиѣйшій и благороднѣйшій Аггей Никитичъ нашелъ при дѣлахъ земскаго суда еще два документа, весьма важные для нашего дѣла: первый увольнительное свидѣтельство отъ общества, выданное господину Тулузову, но съ такой изломанной печатью и съ такой неразборчивой подписью, что Аггей Никитичъ сдѣлалъ въ тамошнюю думу запросъ о томъ, было-ли выдано господину Тулузову вышереченное свидѣтельство, откуда нынѣ получилъ отвѣтъ, что такового увольненія никому изъ Тулузовыхъ выдаваемо не было, изъ чего явствуетъ, что свидѣтельство сіе поддѣльное и у насъ здѣсь, въ нашей губерніи, собрано

кованное. Второе: архивариусъ земскаго суда откопалъ въ старыхъ дѣлахъ показаніе одного бродяги нищаго, пойманнаго и въ судѣ допрашивавшагося, изъ каковаго показанія видно, что сей нищій называлъ себя бѣжавшимъ изъ Сибири вмѣстѣ съ другимъ ссыльнымъ, который нынѣ служитъ у господина губернскаго предводителя Крапчика управляющимъ, и имя коего не Тулузовъ, а семинаристъ Воздвиженскій, сосланный на поселеніе за кражу церковныхъ золотыхъ вещей, и что вотъ-де онъ вывернулся и пребываетъ на свободѣ, а что его, старика, въ тюрьмѣ держать; показанію этому, какъ говоритъ архивариусъ, господа члены суда не дали, однако, хода, частію изъ опасенія господина Крапчика, который-бы, вѣроятно, заступился за своего управителя, а частію потому, что получили съ самого господина Тулузова порядочный, должно быть, магарычъ, ибо неоднократно при его пріѣздѣ въ городъ у него пировали и пьянствовали. Изъ всего этого вы, высокочтимый нами Егоръ Егорычъ, узрите, что звѣрь обслѣженъ со всѣхъ сторонъ; мы только ждемъ вашего разрѣшенія и наставленія, какъ намъ поступать далѣе».

Послѣдній вопросъ поставилъ Егора Егорыча въ сильное затрудненіе. Онъ схватилъ себя за голову и сталъ бормоча восклицать самъ съ собой:

— Научить ихъ!... Легко сказать!... Точно они не понимаютъ, въ какое время мы живемъ!... Вонъ онъ, — этотъ каторжникъ и злодѣй, — чуть не съ триумфомъ носится въ Москвѣ!... Я не ангелъ смертоносный, посланный Богомъ карать нечестивцевъ, и не могу отсѣчь головы всѣмъ негодяямъ! — Но

вскорѣ-же Егоръ Егорычъ почувствовалъ и раскаяніе въ своемъ уныніи. — Вздоръ, — продолжалъ онъ восклицать: — правда никогда не отлетаетъ изъ міра; жало ея можно притупить, но нельзя оторвать; я долженъ и хочу совершить этотъ мой послѣдній гражданскій подвигъ!

Предпринявъ такое рѣшеніе, Егоръ Егорычъ написалъ однимъ взмахомъ пера письмо къ Сверстову:

«Разрѣшаю вамъ и благословляю васъ дѣйствовать. Старайтесь токмо держаться въ законной формѣ. Вы, какъ писали мнѣ еще прежде, уже представили о вашихъ сомнѣніяхъ суду: но пусть Аггей Никитичъ, имѣя въ виду то, что онъ самъ открылъ, начнетъ свои дѣйствія, а тамъ на лѣто я къ вамъ пріѣду на помощь. Къ подвигу вашему, я увѣренъ, вы приступите безбоязненно, ибо оба вы, въ смыслѣ высшей морали, люди смѣлые».

«Firma rupes».

Не успѣлъ еще Егоръ Егорычъ запечатать этого письма, какъ къ нему вошла какою-то рѣшительною походкой только-что возвратившаяся домой Сусанна Николаевна. Всѣмъ, что произошло у Углаковыхъ, а еще болѣе того состояніемъ собственной души своей она была чрезвычайно недовольна и пришла къ мужу немного-немало какъ съ намѣреніемъ ему все и даже, признавшись въ томъ, что она начинаетъ чувствовать что-то въ родѣ любви къ Углакову, просить Егора Егорыча спасти ее отъ этого безумнаго увлеченія. Какой-бы кавардакъ могъ произойти изъ этого, предсказать нельзя; но, къ счастью, своеобразная судьба повернула ходъ событій нѣсколько иначе. Началось съ того, что, когда Су-

санна Николаевна вошла къ Егору Егорычу, то онъ, находя еще преждевременнымъ посвящать ее въ дѣло Тулузова, поспѣшилъ спрятать написанное имъ къ Сверстову письмо. Сусанна Николаевна замѣтила это и вообразила, что ужь не написалъ ли кто-нибудь Егору Егорычу объ ея недостойномъ поведеніи. Сусанна Николаевна, какъ мы знаемъ, еще съ дѣтскихъ лѣтъ была склонна ко всякаго рода фантастическимъ измышленіямъ, и при этой мысли ею овладѣлъ почти страхъ передъ Егоромъ Егорычемъ; но она все-таки сказала ему:

— Я сейчасъ была съ сестрой у Углаковыхъ: у нихъ молодой Углаковъ очень боленъ.

— Что-жъ мудренаго? — проговорилъ съ явнымъ презрѣніемъ Егоръ Егорычъ: — Онъ тутъ какъ-то, съ недѣлю тому назадъ, въ англійскомъ клубѣ на моихъ глазахъ пилъ мертвую... Миѣ жаль отца его, а никакъ ужь не этого повѣсу.

Сусаннѣ Николаевнѣ противъ воли ея было ужасно досадно слышать такое мнѣніе объ Углаковѣ, потому она и не вѣрила мужу, предполагая, что тотъ это говорить изъ ревности.

Вся эта путаница ощущеній до того измучила бѣдную женщину, что она, не сказавъ болѣе ни слова мужу, ушла къ себѣ въ комнату и тамъ легла въ постель. Егоръ Егорычъ, въ свою очередь, тоже былъ радъ уходу жены, потому что получилъ возможность запечатать письмо и отправить на почту.

Затѣмъ всѣ главныя событія моего романа позамолели на нѣкоторое время, кромѣ развѣ того, что англійскій клубъ, къ великому своему неудовольствію, окончательно узналъ, что Тулузовъ мало что

представленъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но уже и произведенъ въ сей чинъ, что потомъ онъ давалъ обѣдъ на весь официальный и откупщицкій міръ и что за этимъ обѣдомъ только-что птичьяго молока не было; далѣе, что на балу генераль-губернатора Екатерина Петровна была одѣта богаче всѣхъ, и что самъ хозяинъ прошелъ съ нею полонезъ; послѣднее обстоятельство если не разсердило серьезно настоящихъ аристократическихъ дамъ, то по крайней мѣрѣ размѣшило ихъ.

Вслѣдъ за такимъ величіемъ Тулузовыхъ вдругъ въ одно утро часовъ въ одиннадцать къ Марѣинымъ пріѣхала Екатерина Петровна и умоляла черезъ лакея Сусанну Николаевну, чтобы та непременно ее приняла, хотя-бы даже была неодѣта. Та, конечно, по добротѣ своей, не отказала ей въ этой просьбѣ, и когда увидѣла Екатерину Петровну, то была несказанно поражена: визитное платье на madame Тулузовой было надѣто кое-какъ; она, кажется, не причесалась нисколько; на подрумяненныхъ щекахъ ея были замѣтны слѣды недавнихъ слезъ.

— Pardon, ma chère, — начала она, цѣлуясь съ Сусанной Николаевной: — я пріѣхала къ вамъ не какъ дама свѣта, а какъ ваша хорошая знакомая и наконецъ, какъ родня ваша, просить васъ объяснить мнѣ...

При послѣднихъ словахъ у Екатерины Петровны появились слезы.

— Успокойтесь, Бога ради, я все вамъ готова объяснить, что знаю! — отвѣчала разжалобленная Сусанна Николаевна и рѣшительно не могшая понять, что такое случилось съ Екатериной Петровной.

— Тутъ, надѣюсь, насъ никто не услышитъ, —

начала та:—вчерашній день мужъ мой получилъ изъ нашей гадкой провинціи извѣщеніе, что на него тамъ сдѣланъ какой-то совершенно глупый доносъ, что будто-бы онъ бѣглый съ каторги и что поэтому уже начато дѣло... Это-бы все еще ничего;—но говорятъ, что доносъ этотъ идетъ отъ какого-то живущаго у васъ доктора.

— Это Сверстовъ, но онъ благороднѣйшій человѣкъ!—воскликнула съ удивленіемъ Сусанна Николаевна.

— Однако, доносъ не показываетъ его благородства; и главное, по какому поводу ему мѣшаться тутъ? А потомъ, самое дѣло повелъ нашъ тамошній долговязый дуралей исправникъ, котораго (все очень хорошо знаютъ) вашъ мужъ почти насильно навязалъ дворянству, и неужели-же Егоръ Егорычъ все это знаетъ и также дѣйствуетъ вмѣстѣ съ этими господами? Я скорѣй умру, чѣмъ повѣрю этому. Мужъ мой, конечно, смѣется надъ этимъ доносомъ, но я, какъ женщина, встревожилась и пріѣхала спросить васъ, не говорилъ-ли вамъ чего-нибудь объ этомъ Егоръ Егорычъ?

— Ни слова, ни звука, —отвѣчала Сусанна Николаевна:—онъ, я думаю, самъ ничего не знаетъ, потому что еслибы зналъ что-нибудь, то непременно бы мнѣ сказалъ.

— Странно!—произнесла Екатерина Петровна, пожимая плечами.—А скажите, могу я видѣть Егора Егорыча и ра спросить его? Онъ такой добрый и, я увѣрена, пойметъ мое ужасное положеніе.

— Если только онъ чувствуетъ себя хорошо, то онъ, можетъ быть, приметъ васъ, —отвѣчала неувѣ-

реннымъ тономъ Сусанна Николаевна, хорошо вѣдая, что Егоръ Егорычъ очень не любилъ Екатерины Петровны; но все-таки изъ сожалѣнія къ той рѣшилась попробовать и, войдя къ мужу, сказала:

— У насъ Катерина Петровна; она желаетъ тебя видѣть.

— Это зачѣмъ я ей нуженъ?—вспылилъ сразу-же Егоръ Егорычъ:—пускай выдается съ кѣмъ ей угодно, только не со мной!

— О, она очень испугана и разстроена... На ея мужа теперь донесли, что онъ бѣглый изъ Сибири... и что, будто-бы, этотъ доносъ сдѣлалъ нашъ Сверстовъ.

Услышавъ это, Егоръ Егорычъ захохоталъ и съ какимъ-то злымъ удовольствіемъ сталъ потирать свои руки.

Сусаннѣ Николаевнѣ это не понравилось. Она никакъ не ожидала, чтобы Егоръ Егорычъ былъ такой недобрый.

— Если я затѣмъ нуженъ Катеринѣ Петровнѣ, такъ очень радъ ее видѣть и побесѣдовать съ нею.

— Но тебѣ лучше совсѣмъ на принимать ее, если ты на нее такъ сердить, потому что ты можешь еще больше ее огорчить,—замѣтила Сусанна Николаевна, уже и пожалѣвшая, что взялась устроить это свиданіе.

— Я не стану ея огорчать, — возразилъ Егоръ Егорычъ:—но расскажу ей нѣкоторыя подробности, которыхъ она, вѣроятно, не знаетъ, а ты сама не входи къ намъ!

Въ тонѣ голоса Егора Егорыча Сусанна Николаевна очень хорошо чувствовала иронию и гнѣвъ,

а потому, возвратясь къ Екатериинѣ Петровнѣ, сочла за лучшее нѣсколько предупредить ту:

— Вы не слушайте и не принимайте къ сердцу, что будетъ говорить вамъ Егоръ Егорычъ: онъ нынче сдѣлался очень раздражителенъ и иногда сердится на людей ни за что.

— Что-жь мнѣ на него огорчаться? Я давно знаю, какъ онъ любитъ пѣтушиться... Я только буду просить его помочь какъ-нибудь намъ, — проговорила Екатерина Петровна и пошла къ Егору Егорычу все-таки нѣсколько сконфуженной.

Онъ ее, впрочемъ, принялъ, хотъ и съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ, но вѣжливо.

— Вамъ Сусанна Николаевна, можетъ быть, сказала причину моего визита?—начала Екатерина Петровна, усѣвшись и потупляя глаза.

— Сказала-съ!—отвѣтилъ ей Егоръ Егорычъ рѣзкимъ тономъ.

— И неужели-же эта клевета на моего мужа могла выйти изъ вашего дома, отъ вашего врача?—спросила Екатерина Петровна.

— Вѣроятно, отъ него!—произнесъ Егоръ Егорычъ, закидывая свои глаза вверхъ и стараясь не глядѣть на Тулузову.—А почему вы думаете, что это клевета?—присовокупилъ онъ затѣмъ послѣ короткаго молчанія.

— Потому что я жена Тулузова, а развѣ я могла бы выйти за подобнаго человѣка?—проговорила со всѣмъ растерявшаея Екатерина Петровна.

— Это ничего не значитъ! — возразилъ Егоръ Егорычъ, продолжая не смотрѣть на свою гостью:—

Мало-ли женщинъ выходятъ замужъ, не отдавая себѣ отчета, за кого онѣ идутъ.

— Да это бываетъ, но обыкновенно ошибаются въ характерѣ человѣка, но чтобы не знать, кто онъ по происхожденію своему, это невозможно! Я готова поклясться, что мужъ мой не бѣглый; онъ слишкомъ для того умный и образованный человѣкъ.

— А развѣ тамъ, откуда его считаютъ выходцемъ, мало умныхъ и образованныхъ? Я думаю, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

— Это конечно, но онъ-то не оттуда.

— А откуда-же? — спросилъ Егоръ Егорычъ, устремляя уже свои глаза на Екатерину Петровну.

— Онъ...—произнесла она и назвала небольшой городъ, но только совершенно не тотъ, который значился въ документахъ Тулузова.

— Кто вамъ говорилъ объ этомъ?—продолжалъ какъ-бы допросъ Егоръ Егорычъ.

— Мнѣ говорилъ это прежде отецъ мой, который, вы знаете, какой правдивый и осторожный человѣкъ былъ; потомъ говорилъ мужъ мой!—объяснила Екатерина Петровна, все это, неизвестно для чего, выдумавъ отъ себя: о мѣстѣ родины Тулузова ни онъ самъ, ни Петръ Григорычъ никогда ей ничего не говорили.

— Ну-съ, въ такомъ случѣ, вы и вашъ отецъ обмануты. Кто такой собственно вашъ супругъ, я не знаю, но мнѣ досконально извѣстно, что та фамилія, которую онъ принялъ на себя, принадлежала одному молодому мѣщанину, убитому какими-то бродягами, похитившими у него деньги и паспортъ. Мо-

лодаго человѣка этого очень хорошо зналъ докторъ Сверстовъ и даже производилъ слѣдствіе объ убійствѣ его, вмѣстѣ съ чинами полиціи; но какимъ образомъ билетъ этого убитаго мѣщанина очутился въ рукахъ вашего супруга, вы ужь его спросите; онъ, конечно, объяснитъ вамъ это!

— Я и спрашивать его никогда не рѣшусь объ этомъ, потому что тутъ все неправдоподобно... Тулузовъ откуда-то бѣжалъ, кого-то убилъ и взялъ у убитаго билетъ... Все это, ей-богу, похоже на какія-то бредни!—едва имѣла силы выговорить Екатерина Петровна.

— Слѣдствіе покажетъ, бредни это, или нѣтъ!—возразилъ ей холодно Егоръ Егорычъ.

— Но каково-же всего этого дожидаться? Мужъ еще можетъ быть спокойнѣе меня, потому что онъ хорошо знаетъ и съумѣетъ, конечно, доказать, что все это ложь; но что-же я должна буду чувствовать, а между тѣмъ, Егоръ Егорычъ, я дочь вашего преданнаго и вѣрнаго друга!... Сжальтесь вы хоть сколько-нибудь надо мною.

Сказавъ это, Екатерина Петровна заплакала. Егоромъ Егорычемъ замѣтно уже начинало овладѣвать прирожденное ему мягкосердіе.

— Я тутъ ни причемъ!... Господинъ Тулузовъ теперь во власти закона!—забормоталъ онъ.

— Но законъ можетъ ошибиться!... Помните, Егоръ Егорычъ, какъ я поступила въ отношеніи вашего племянника, который явно хотѣлъ быть моимъ убійцей, потому что стрѣлялъ въ меня на глазахъ всѣхъ; однако, я прежде всего постаралась спасти его отъ закона и не хотѣла, чтобы онъ былъ подъ

судомъ: я сказала, что ссора наша семейная, Валеріанъ виноватъ только противъ меня и я его прощаю... Такъ и вы простите насъ!...

Егоръ Егорычъ при этомъ снова злобно захохоталъ.

— Поэтому вы полагаете, что мое дѣло съ Тузовымъ тоже семейное?—спросилъ онъ явно гнѣвнымъ голосомъ:—И какъ вамъ не грѣхъ сравнивать Валеріана съ какимъ-то выходцемъ! вмѣсто того, чтобы оплакивать вашу ошибку, ваше паденіе, вы хотите закидать грязью хотя и безразсуднаго, но честнаго человѣка!...

Екатерина Потровна струсила.

— Я не хочу того!—сказала она почти униженнымъ тономъ:—Я это сказала не подумавъ, подъ вліяніемъ ужаснаго страха, что неужели-же мнѣ непременно суждено быть женой человѣка, котораго могутъ обвинить въ убійствѣ.

— Но кто-жь въ томъ виноватъ?...—воскликнулъ Егоръ Егорычъ:—всякое безуміе должно увѣнчиваться несчастіемъ... Вы говорите, чтобы я простилъ Тулова... Да развѣ противъ меня онъ виноватъ?... Онъ виноватъ передъ Богомъ, передъ закономъ, передъ общежитіемъ; если его оправдаетъ слѣдствіе, порадоюсь за него и за васъ, а если обвинять, то печалюсь за васъ, но его не пожалѣю!

— Его не осудятъ, повѣрьте мнѣ!—воскликнула Екатерина Петровна: — Онъ меня послалъ къ вамъ затѣмъ только, чтобы попросить васъ не вмѣшиваться въ это дѣло и не вредить ему вашимъ вліяніемъ на многихъ лицъ.

Егоръ Егорычъ отрицательно покачалъ головой.

— И на то не даю слова!—началъ онъ: — Если

вашъ мужъ дѣйствительно окажется подорожнымъ разбойникомъ, убившимъ невооруженнаго человѣка съ цѣлью ограбленія, то я весь, во всеоружіи моей мести, возстану противъ него и совѣтую вамъ также возстать противъ господина Тулузова, если только вы женщина правдивая. Себя вамъ жалѣтъ тутъ нечего; пусть даже это будетъ вамъ наказаніемъ, что тоже не лишнее.

— Ахъ, я и безъ того довольно наказана!—принесла Екатерина Петровна и склонила голову.

Прошло нѣсколько минутъ въ тяжеломъ для обоихъ собесѣдниковъ молчаніи. Екатерина Петровна, наконецъ, поднялась со стула.

— Не думала я, Егоръ Егорычъ, что вы будете такъ жестокосерды ко мнѣ!—сказала она со ртомъ, искаженнымъ печалью и досадой:—Вы, конечно, мнѣ мстите за Валеріана, что вамъ, какъ доброму родственнику, извинительно, но вы тутъ въ одномъ ошибаетесь: противъ Валеріана я ни въ чемъ не виновата, кромѣ любви моей къ нему, а онъ виноватъ передъ мной во всемъ!

Проговоривъ это, Екатерина Петровна пошла.

— Тутъ оба виноваты! — крикнулъ ей вслѣдъ Егоръ Егорычъ, не поднимаясь съ своего кресла.

Екатерина Петровна зашла потомъ, и то больше изъ приличія, къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Ну, что, переговорили? — спросила та озабоченнымъ голосомъ.

— Да, — отвѣтила протяжно Екатерина Петровна.

Выѣхавъ отъ Марейныхъ, она направилась не домой, а въ Кремль, въ одинъ изъ соборовъ, гдѣ,

не видя даже передъ какимъ образомъ, упала на колѣни и начала со слезами на глазахъ молиться. За послѣдніе два года она все чаще и все искреннѣе прибѣгала къ молитвѣ. Дѣло въ томъ, что Екатерина Петровна почти насквозь начинала понимать своего супруга, а что въ настоящія минуты происходило въ ея душѣ, — и подумать страшно. Заступаясь во всей предыдущей сценѣ за мужа, она почти вѣрила тому, что говорилъ про Тулузова Егоръ Егорычъ, и ее кидало даже въ холодный потъ при мысли, что она, все-таки рожденная и воспитанная въ порядочной семьѣ, раздѣляла ложе и заключала въ свои объятія вора, убійцу и каторжника!...

Возвратясь домой, она не зашла къ мужу, не смотря на то, что собственно исполняла его порученіе. Она оставалась въ своей комнатѣ, покуда къ ней не пришла на помощь ея разсудочная способность, наслѣдованная ею отъ отца. Любви къ Тулузову Екатерина Петровна не чувствовала никакой; еслибы и сослали его, то это, конечно, было-бы стыдно и неловко для нея, но и только. Что касается до имущественнаго вопроса, то хотя Тулузовъ и заграбасталъ всѣ деньги Петра Григорьяича въ свои руки, однако, недвижимыя имѣнія Екатерина Петровна съумѣла сберечь отъ него и дѣлала это такимъ образомъ, что едва онъ заговаривалъ о пользѣ если не продать, то, по крайней мѣрѣ, заложить какую-нибудь изъ деревень, такъ какъ на деньги можно сдѣлать выгодные обороты, она съ ужасомъ восклицала: «Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, покойный отецъ мой никогда никому не былъ долженъ, и я

не хочу должать!» Сообразивъ все это, Екатерина Петровна опредѣлила себѣ свой образъ дѣйствія и не сочла болѣе нужнымъ скрывать передъ мужемъ свое, до того тайное отъ него, чувство. Тулузовъ, между тѣмъ, давно уже слышавшій, что жена возвратилась, и тщетно ожидая, что она придетъ къ нему съ должнымъ донесеніемъ, потерявъ, наконецъ, терпѣніе и самъ вошелъ къ ней.

— Ты застала Марейна?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ, какимъ обыкновенно разговаривалъ съ Екатериной Петровной, особенно съ тѣхъ поръ, какъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

— Застала, —отвѣчала Екатерина Петровна, не поворачивая даже головы къ мужу.

— Что-жь тебѣ набормоталъ этотъ старый хрычъ? Екатерина Петровна при этомъ насмѣшливо улыбнулась.

— Зачѣмъ же ты тогда посылалъ меня къ Марейну, если считаешь его только старымъ бормотуномъ?—проговорила она.

— Потому что подобные старичишки опаснѣе всякихъ змѣй... Узнала-ли ты отъ него что-нибудь?

— Узнала!

— Что же именно?

— Узнала, что на тебя дѣйствительно донесъ докторъ Сверстовъ, который лично зналъ одного молодого Тулузова, что Тулузова этого кто-то убилъ на дорогѣ, отнявъ у него большія деньги, а также и паспортъ, который потомъ у тебя оказался и съ которымъ ты появился въ нашу губернію.

Какъ ни умѣлъ Василій Иванычъ скрывать свои душевныя ощущенія, но при этомъ покраснѣлъ.

— Развѣ Тулузовъ одинъ только и былъ на свѣтѣ?—воскликнулъ онъ:— говорила-ли ты это Марешну?

— Нѣтъ, не говорила.

— Но какъ-же главнаго-то не сказать!

— Въ голову не пришло; и вообще Егоръ Егорычъ говоритъ, что дѣло это теперь въ рукахъ правительства и что слѣдствіе раскроетъ тутъ все, что нужно!

— Я безъ него это знаю и по слѣдствію, конечно, докажу, кто я и откуда... Имъ меня ни въ чемъ не уличить!

Екатерина Петровна слегка пожала плечами, какъ-бы думая: «тогда объ чемъ-же разговаривать», и вслухъ сказала:

— Егоръ Егорычъ, по его словамъ, будетъ очень радъ, если ты все это докажешь!

— Радъ этому онъ не будетъ, это онъ хитрить и пусть только хоть не мѣшается въ это дѣло, отъ котораго ему не можетъ быть ни тепло, ни холодно... Просила ты его объ этомъ?

— Просила, но онъ мнѣ сказалъ, что если по дѣлу окажется, что ты убійца (на послѣднія слова Екатерина Петровна сдѣлала нѣкоторое удареніе), тогда онъ будетъ непременно дѣйствовать противъ тебя!

— На бѣду его, по дѣлу этого никогда не докажется! — проговорилъ Тулузовъ разсмѣявшись.

Екатерина Петровна на это ничего не сказала.

— Все это вздоръ и пустяки! — продолжалъ

тотъ: — На людей, начинающихъ возвышаться, всегда возводятъ множество клеветъ и сплетень, которыя потомъ, какъ комары отъ холода, сразу всё пропадають; главное теперь не въ томъ: я имѣю къ тебѣ еще другую, болѣе серьезную для меня просьбу: продать мнѣ твою эту маленькую деревню Федюхину, въ сорокъ или пятьдесятъ душъ, кажется.

— Это зачѣмъ она тебѣ понадобилась? — спросила Екатерина Петровна недобримъ голосомъ.

— Затѣмъ, чтобы имѣть своихъ крѣпостныхъ людей, которые гораздо вѣрнѣе, усерднѣе и преданнѣе служатъ, да вдобавокъ еще и страха больше чувствуютъ, чѣмъ наемные.

— Но зачѣмъ я тебѣ буду продавать эту деревню, когда она и безъ того крѣпостная наша! — возразила тѣмъ-же недобримъ тономъ Екатерина Петровна.

— Крѣпостная, но ваша, а не моя; — это большая разница, и люди это очень хорошо понимаютъ.

Екатерина Петровна при этомъ злобно усмѣхнулась и проговорила:

— Нѣтъ, ужъ ты можешь покупать себѣ крѣпостныхъ крестьянъ у кого тебѣ угодно, только не у меня.. Я разъ навсегда тебѣ сказала, что ни одной копѣйки не желаю болѣе проживать изъ состоянія покойнаго отца.

— Но вы и не проживете; я не дарить васъ прошу мнѣ это имѣнье, а продать... Вы не поняли, значитъ, моихъ словъ.

— И продавать ни хочу ни за какія деньги! — повторяла свое Екатерина Петровна.

— Какъ это глупо! — воскликнулъ Тулузовъ.

— По-твоему, глупо, а по-моему, умно, и мнѣ ужь наскучило на все глядѣть не своими, а твоими глазами.

Тулузовъ пожалъ плечами.

— Съ тобой сегодня говорить нельзя, — сказалъ онъ: — разсвирѣпѣла отъ болтовни Марейна, какъ тигрица, и кидается на всѣхъ.

— Ты-то пуще добрый! — воскликнула Екатерина Петровна.

— Хоть и не добрый, но не сумасшедшій, по крайней мѣрѣ! — отозвался насмѣшливо Тулузовъ и ушелъ отъ жены.

Впродолженіе всего остальнаго дня супруги не видались больше. Тулузовъ тотчасъ-же послѣ объясненія съ женой уѣхалъ куда-то и возвратился домой очень поздно. Екатерина же Петровна въ семь часовъ отправилась въ театръ, гдѣ давали «Гамлета» и гдѣ она опять встрѣтилась съ Сусанной Николаевной и съ Лябевой, въ ложѣ которыхъ сидѣлъ на этотъ разъ и молодой Углаковъ, несовсѣмъ еще, кажется, поправившійся послѣ болѣзни.

Всею публикой, какъ это было и въ «Жизни игрока», владѣлъ Мочаловъ. На Сусанну Николаевну онъ произвелъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ въ роли Жоржа де-Жермани: она, почти ниразу не отвернувшись, глядѣла на сцену, а когда занавѣсъ опускался, то на публику. Углаковъ, не удостоенный такимъ образомъ ни однимъ взглядомъ, сидѣлъ за ея стуломъ, какъ скромный школьникъ. Муза Николаевна тоже чрезвычайно заинтересовалась пьесой; но за то Екатерина Петровна вовсе не обращала никакого вниманія на то, что происходило на сценѣ,

и безпрестанно взглядывала на двери ложи, въ которой она сидѣла одна-одинехонька, и только ужъ въ четвертомъ антрактѣ рядомъ съ нею появился довольно пріятной наружности молодой человѣкъ. Первая это замѣтила Муза Николаевна и, по невольному любопытству, спросила Углакова:

— Вы не знаете, кто этотъ господинъ, который сидитъ въ ложѣ у madame Тулузовой, этой дамы, брюнетки, черезъ три ложи отъ насъ?

Углаковъ небрежно взглянулъ на названную ему ложу.

— Это одинъ изъ театральныхъ женъ-премьеровъ. Онъ тутъ на мѣстѣ: madame Тулузова изъ самыхъ дойныхъ коровъ теперь въ Москвѣ!

Муза Николаевна слегка раземѣялась и погрозила ему пальцемъ, а Сусанна Николаевна какъ-будто-бы и не слыхала ничего изъ того, о чемъ они говорили.

VI.

Страшная молва разнеслась по Москвѣ о томъ, ави-бы Лябьевъ, играя съ княземъ Индобскимъ въ карты, разсорился съ нимъ и убилъ его на смерть, и что это произошло въ домѣ у Калмыка, который, когда слѣдствіе кончилось, самъ не скрывалъ того, и за однимъ изъ прескверныхъ обѣдовъ, даваемыхъ Θεодосіемъ Гаврилычемъ еженедѣльно у себя наверху близкимъ друзьямъ своимъ, подробно разсказалъ, какъ это случилось:

— Вотъ-съ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, — сталъ

онъ повѣствовать:— князь Индобскій подцѣпилъ нашего милаго Аркашу; потомъ пролѣзъ ко мнѣ въ домъ, какъ пролѣзъ и къ разнымъ нашимъ обжорамъ, коихъ всѣхъ очаровалъ тѣмъ, что умѣлъ ѣсть и много ѣлъ, а между тѣмъ подъ рукою распускалъ слухъ, что онъ продаетъ какое-то свое большое имѣніе, и всюду, гдѣ только можно, затѣвалъ банкъ....

— Ну, да, банкъ, банкъ! Отъ этихъ скороспѣлокъ всѣ и гибнуть! — отозвался вдругъ хозяинъ, боязливо взглянувъ на отворенную дверь, изъ которой онъ почувствовалъ, что тянетъ нѣсколько свѣжій воздухъ.

— Гибнуть только дураки отъ скороспѣлокъ, а умные ничего себѣ, живутъ! — возразилъ ему Калмыкъ и продолжалъ свой рассказъ: — Аркаша, оглоданный до костей своими проигрышами, вздумалъ на этомъ, такомъ-же оглодыщѣ, поправить свои дѣлишки.

— Ахъ, баринъ, баринъ!... Не ты-бы говорилъ, не я-бы слушала! — воскликнула вдругъ возсѣдавшая на мѣстѣ хозяйки Аграфена Васильевна: — Кто больше твоего оглаживалъ Аркашу?... Ты вотъ говоришь, что онъ тамъ милый и размиленный, а тебѣ, я знаю, ничего, что онъ сидитъ теперь въ тюрьмѣ.

— Какъ ничего! — воскликнулъ въ свою очередь Калмыкъ:—Я самъ чуть не угодилъ вмѣстѣ съ нимъ въ острогъ попасть.

— Да тебѣ-то бы давно довѣло тамъ быть! — подхватила расходившаяся Аграфена Васильевна.

— Да и буду, тетенька, тамъ. Мнѣ даже во снѣ снятся не райскія долины, а мѣста болѣе отдаленныя въ Сибири, — проговорилъ кроткимъ голосомъ

и, повидимому, нисколько не разсердившійся Калмыкъ.

— Не перебивай, Груня, и не мѣшай! — остановилъ жену Θεодосій Гаврилычъ. — Рассказывай мнѣ съ точностью, — отнесся онъ къ Калмыку: — гдѣ это произошло?

— У меня на вечерѣ; человекъ пятьдесятъ гостей было. Я, по твоему доброму совѣту, не играю больше въ банкъ, а хожу только около столовъ и наблюдаю, чтобы въ порядкѣ все было.

— Я думаю, не играешь! — снова отозвалась не вытерпѣвшая Аграфена Васильевна.

— Ей-богу, тетенька, не играю, и вотъ доказательство: я подошелъ было и сѣлъ около Аркадія, который держалъ банкъ, чтобы не задурачился онъ и не просмотрѣлъ-бы чего....

— А пьяны они были? — спросилъ съ нѣкоторою таинственностью Θεодосій Гаврилычъ.

— Какъ водится, на третьемъ взводѣ оба.

— А кому изъ нихъ больше везло? — интересовался съ глубокомысленнымъ видомъ Θεодосій Гаврилычъ.

— Аркадію! Билъ почти все карты.

Аграфену Васильевну точно что подмывало при этомъ, и она безпрестанно переглядывалась то съ однимъ, то съ другимъ изъ прочихъ гостей.

— Но изъ-за чего у нихъ произошла ссора? — снова спросилъ съ глубокомысленнымъ видомъ Θεодосій Гаврилычъ.

— Изъ-за того, что этотъ затхлый князь вдругъ рвануль на всю залу: «Здѣсь навѣрняка обыгры-

вають, у васъ баломуть подтасованъ!» — «Какъ баломуть?» рывкнулъ и Аркаша.

— Да, такъ вотъ что князь сказалъ, теперь я понимаю!... — произнесъ глубокомысленно Θεодосій Гаврилычъ.

— Что-жь ты именно понимаешь? — спросилъ его насмѣшливо Калмыкъ.

— То, что Лябьевъ обидѣлся и долженъ былъ выйти изъ себя! — благородничалъ Θεодосій Гаврилычъ.

— Вовсе не долженъ! — возразилъ ему съ прежною почти презрительною усмѣшкою Калмыкъ: — Я-бы на другой-же день вызвалъ этого тухляка на дуэль и поучилъ-бы его, и никакой-бы исторіи не вышло.

— Но ты мнѣ объясни одно, — допытывался, сохраняя свой серьезный видъ, Θεодосій Гаврилычъ: — что подерутся за вортами, этому я бывалъ свидѣтелемъ; но чтобы убить человѣка, согласись, что странно.

— Ничего нѣтъ страннаго! — отозвался съ нѣкоторою запальчивостію Калмыкъ: — Аркадій, въ азартѣ, хватилъ его шандаломъ по головѣ и прямо въ високъ... Никто, я думаю, много послѣ того не надышетъ.

— Конечно, это правда! — сталъ соглашаться Θεодосій Гаврилычъ: — Но, по городскимъ рассказамъ, Индобскаго не то что ударилъ одинъ Лябьевъ, а его били и другіе...

— Лябьевъ еще живой человѣкъ, однако онъ не показываетъ, — возразилъ Калмыкъ.

— Не показываетъ, какъ рассказываютъ это, по

благородству души своей, и зная, что произошло изъ-за него, принялъ все на себя.

— Мало-ли въ Москвѣ наболтаютъ,— произнесъ съ презрѣніемъ Калмыкъ.

— Наболтать, конечно, что наболтаютъ,— отозвался Θεодосій Гаврилычъ:—но все-таки князь, значить, у тебя въ домѣ померъ?

— У меня!... Такъ что я долженъ былъ ѣхать въ полицію и вызвать ту, чтобы убрали отъ меня эту пададь.

Когда Янгуржеевъ говорилъ это, то его лицо приняло столь непріятное и почти отвратительное выраженіе, что Аграфена Васильевна снова не вытерпѣла и повторила давно уже данное ей мужемъ прозвище Янгуржееву: «Дьяволь, какъ есть!» Калмыкъ, понявъ, что это на его счетъ сказано, замѣтилъ ей:

— Что вы, тетенька, меня все дьяволомъ браните; пожалуй, и я васъ назову вѣдьмой.

— Э, зови меня, какъ хочешь! Твоя брань ни у кого на вороту не повиснетъ... Я людей не убивала, въ карты и на разныя плутни не обыгрывала, а что на счетъ баломута ты говоришь, такъ это ты, душенька, не ври, ты его подкладывалъ Лябьеву: это еще и прежде замѣчали за тобой. Аркаша, я знаю, что не дѣлалъ этого, да ты-то хотѣлъ его руками жаръ загребать. Развѣ ты не игралъ съ нимъ въ половинѣ, одно скажи!

— Игралъ!—отвѣчалъ ей Янгуржеевъ.

— И отчего такъ вдругъ повезло Аркашѣ?

— Прошу тебя, замолчи! — снова остановилъ жену Θεодосій Гаврилычъ: — ты въ картахъ ничего

не понимаешь: можно въ нихъ и проигрывать, и выигрывать.

— Больше тебя, вислоухаго, понимаю, — перебила расходившаяся вконецъ Аграфена Васильевна. — И я вотъ при этомъ баринѣ тебѣ говорю, — продолжала она, указывая своей толстой рукой на Калмыка: — что если ты станешь еще возжаться съ нимъ, такъ я заберу всѣхъ моихъ ребятишекъ и убѣгу съ ними въ какой-нибудь таборъ... Будьте вы прокляты всѣ, картежники! Всѣхъ-бы я васъ своими руками передушила...

— Уйми прежде твоего ребенка, который, я слышу, тамъ плачетъ внизу! — сказалъ ей наставительно Θεодосій Гаврилычъ.

— Безъ тебя-то пуще не знаютъ! — огрызнулась Аграфена Васильевна и, вставъ изъ-за стола, пошла внизъ.

— Какъ ты можешь жить съ этой злой дурой? — спросилъ, по уходѣ ея, Калмыкъ.

— Умомъ, братецъ, однимъ только умомъ и живу съ ней, — объяснилъ самодовольно Θεодосій Гаврилычъ.

Калмыкъ при этомъ усмѣхнулся, да усмѣхнулись, кажется, и другіе гости.

Что происходило, между тѣмъ, у Лябевыхъ, а также и у Марейныхъ — тяжело вообразить даже. Лябевъ изъ дому-же Калмыка былъ арестованъ и посаженъ прямо въ тюрьму. Муза Николаевна, сама не помня отъ вого получившая объ этомъ уведомленіе, на первыхъ порахъ совсѣмъ рехнулась ума; къ счастью еще, что Сусанна Николаевна, на другой-же день узнавшая о страшномъ событіи,

пріѣхала къ ней и перевезла ее къ себѣ; Егоръ Егорычъ, тоже услыхавшій объ этомъ случайно въ англійскомъ клубѣ, поспѣшилъ домой, и когда Сусанна Николаевна повторила ему то же самое съ присовокупленіемъ, что Музу Николаевну она перевезла къ себѣ, похвалилъ ее за то и поникъ головой. Что Лябьевъ разорится окончательно, онъ давно ожидалъ, но чтобы дѣло дошло до убійства, того не чаялъ. «Бѣдныя, бѣдныя Рыжовы! Не суждено вамъ счастья, не смотря на вазу доброту и кротость!» пробормоталъ онъ. Стоявшая около него Сусанна Николаевна глубоко вздохнула и какъ-бы ожидала услышать слово утѣшенія и совѣта. Егоръ Егорычъ инстинктивно понялъ это и постарался совладѣть съ собой.

— Чѣмъ болѣе непереносимыя по разуму человѣческому горя посылаетъ Богъ людямъ, тѣмъ болѣе Онъ даетъ имъ силы выдерживать ихъ. Ступай къ сестрѣ и ни на минуту не оставляй ее: въ своей безумной печали она, пожалуй, сдѣлаетъ что-нибудь съ собой!

— Я все время буду при ней, — проговорила Сусанна Николаевна покорно и оставила Егора Егорыча, который затѣмъ предался умному дѣланію, при чемъ вдругъ предъ его уметственнымъ взоромъ, какъ самъ онъ потомъ рассказалъ Сусаннѣ Николаевнѣ, нарисовалась тихая деревенская картина съ небольшой хижиной, около которой сидѣли Муза Николаевна и Лябьевъ, а также вдали виднѣлся хоть и блѣдный довольно, но все-таки узнаваемый образъ Валеріана Ченцова. Они не были съ столь измученными и истерзанными лицами, какими онъ при-

выгъ ихъ видѣть. Егоръ Егорычъ поспѣшилъ ущипнуть себя, ради убѣжденія, что не спитъ; но видѣніе еще продолжалось, такъ что онъ всталъ со стула. Тогда все исчезло, и Егоръ Егорычъ сталъ видѣть передъ собой окно, диванъ и постель, и затѣмъ, начавъ усердно молиться, провелъ въ томъ всю ночь до разсвѣта. Въ слѣдующіе затѣмъ дни къ Марѣинымъ многіе пріѣзжали, а въ томъ числѣ и madame Тулузова; но они никого не принимали, за исключеніемъ одного Углакова, привезшаго Егору Егорычу письмо отъ отца, въ которомъ тотъ, извиняясь, что по болѣзни самъ не можетъ навѣстить друга, убѣдительно просилъ Марѣина взять къ себѣ сына въ качествѣ ординарца для исполненія порученій по разнымъ хлопотамъ, могущимъ встрѣтиться при настоящемъ ихъ семейномъ горѣ. Егоръ Егорычъ, не переговоривъ предварительно съ Сусанной Николаевной, разрѣшилъ юному Углакову остаться у него. Тотъ, въ восторгѣ отъ такого позволенія, усѣлся въ маленькой залѣ Марѣиныхъ навѣтяжку, какъ-бы въ самомъ дѣлѣ былъ ординарцемъ Марѣина, и просидѣлъ тутъ, ничего не дѣлая, два дня, уѣзжая только куда-то на короткое время. На третій день, наконецъ, въ немъ случилась надобность: Сусанна Николаевна, сойдя внизъ къ Егору Егорычу съ мезонина, гдѣ безотлучно пребывала около сестры, сказала ему, что Муза очень желаетъ повидаться съ мужемъ и что нельзя-ли какъ-нибудь устроить это свиданіе.

— Тамъ сидитъ у насъ молодой Углаковъ, попроси его ко мнѣ!—проговорилъ на это Егоръ Его-

рычь, къ которому monsieur Pierre, прѣвзжая, всегда являлся и рапортовалъ, что онъ на своемъ посту.

Сусанна Николаевна была крайне удивлена: она нивакъ не ожидала, что Углаковъ у нихъ; но какъ-бы то ни было, хоть и сконфуженная нѣсколько, вышла къ нему.

— Давно-ли вы у насъ? — спросила она его неволью.

— Третій день! — отвѣчалъ онъ, вскочивъ со стула.

— Какъ, третій день? — опять неволью спросила Сусанна Николаевна.

— Меня отецъ прислалъ къ Егору Егорычу, что не буду-ли я нуженъ ему, — объяснилъ Углаковъ.

Сусанна Николаевна, конечно, поняла, что это дѣло не отца, а самого Пьера, а потому, вспыхнувъ до ушей, попросила только Углакова войти къ Егору Егорычу; а сама и не вошла даже вмѣстѣ съ нимъ.

— Милый юноша, — сказалъ Егоръ Егорычъ Пьеру: — несчастная Ляьева желаетъ повидаться съ мужемъ... Я сижу совсѣмъ больной... Не можете-ли вы, посовѣтовавшись съ отцомъ, выхлопотать на это разрѣшеніе?

— Выхлопочу! — отвѣчалъ Углаковъ и, не заѣзжая къ отцу, отправился въ домъ генераль-губернатора, куда прѣхавъ, онъ въ пріемной для просителей комнатѣ объяснилъ на французскомъ языкѣ дежурному адъютанту причину своего прибытія. Тотъ, безъ всякаго предварительнаго доклада, провелъ его въ кабинетъ генераль-губернатора, гдѣ опять-таки на безукоризненномъ французскомъ языкѣ, на-

чался между молодыми офицерами и маститымъ правителемъ Москвы оживленный разговоръ о томъ, что Лябевъ вовсе не преступникъ, а жертва несчастнаго случая. Генераль-губернаторъ удивился, что madame Лябева до-сихъ-поръ не видалась съ мужемъ, причемъ присовокупилъ, что онъ велѣлъ даже бѣдному узнику съ самыхъ первыхъ дней заключенія послать фортепьяно въ тюрьму. Заручившись такимъ мнѣніемъ генераль-губернатора, Углаковъ поскакалъ къ оберъ-полицеймейстеру, который далъ отъ себя къ тюремному смотрителю записку, что madame Лябева можетъ ѣздить въ острогъ и пребывать тамъ, сколько ей угодно. Такимъ образомъ на слѣдующее утро Петръ Углаковъ долженъ былъ madame Лябеву и madame Марѣину провести въ тюрьму; обѣ сестры отправились въ каретѣ, а Углаковъ слѣдовалъ за ними въ своихъ саняхъ. Проѣхать имъ пришлось довольно далеко. Муза и Сусанна переживали въ эти минуты хоть и одинаково печальныя, но въ другомъ отношеніи и разныя чувствованія. Муза, конечно, кромѣ невыносимой тоски, стремилась къ одному: скорѣе увидѣть и обнять мужа, сказать ему, что нисколько не винить его, и что, чѣмъ бы ни рѣшилась его участь, она всюду послѣдуетъ за нимъ. Сусанна Николаевна ѣхала тоже подъ вліяніемъ главнаго своего желанія успокоить, сколько возможно, сестру и Лябева; но къ этому какъ-то болѣзненно и вмѣстѣ радостно примѣшивалась мысль объ Углаковѣ; что этотъ бѣдный мальчикъ влюбленъ въ нее до безумія, Сусанна Николаевна, къ ужасу своему, очень хорошо видѣла, и что сама она... Но, тутъ

столько страховъ и противорѣчій возникало въ воображеніи Сусанны Николаевны, что она ничего отчетливо понять не могла и дошла только до такого вывода, что была-бы совершенно счастлива, если-бы Углаковъ сталъ ей другомъ или братомъ, но не болѣе... Карета, наконецъ, остановилась у воротъ тюрьмы. Караульный офицеръ, по врученной ему Углаковымъ запискѣ оберъ-полицеймейстера, велѣлъ унтеръ-офицеру провести его, а также и дамъ, во внутрь зданія. Тотъ сначала звякнулъ ключами, отпирая входную калитку въ желѣзныхъ дверяхъ тюрьмы, затѣмъ пошли всѣ по двору. Муза Николаевна совершенно не видѣла, что было около нея, Сусанна же Николаевна старалась не видѣть. При входѣ въ самое зданіе, снова раздалось звяканье желѣза и звяканье очень громкое, такъ что обѣ дамы невольно вскинули головы. Оказалось, что съ лѣстницы сходила цѣлая партія скованныхъ по рукамъ и ногамъ каторжниковъ, предназначенныхъ къ отправкѣ по этапу. Сопровождавшій арестантовъ отрядъ отдалъ Углакову честь, причемъ тоже звякнулъ своими ружьями. Отовсюду, между тѣмъ, чувствовался запахъ кислой капусты и махорки. Въ дворянскомъ, впрочемъ, отдѣленіи, куда направлялись мои посѣтители, воздухъ оказался нѣсколько посвѣжѣе и былъ уже пропитанъ дымомъ Жукова табаку и сигаръ съ примѣсью запаха подгорѣлой телятины. Въмѣсто дневнаго свѣта по корридорамъ горѣли тускляя сальныя свѣчи. Здѣсь Углаковъ спросилъ ходившаго по корридору унтеръ-офицера, гдѣ номеръ Лябьева. Тотъ подвелъ ихъ. Первая рванулась въ дверь Муза Николаевна. Уви-

давъ ее, Лябьевъ покраснѣлъ и растерялся: ему прежде всего сдѣлалось стыдно передъ ней. Но Муза бросилась къ нему.

— Я знаю все, но совершенно покойна и здорова, сказала она.

Вошедшая вслѣдъ за сестрой Сусанна Николаевна тоже старалась сохранить спокойствіе.

— Егоръ Егорычъ и я просимъ васъ не падать духомъ!—произнесла онъ: — Богъ прощаетъ многое людямъ.

— Я знаю, что прощаетъ, и нисколько не упалъ духомъ,—отвѣчалъ Лябьевъ.

Углаковъ вошелъ въ камеру заключеннаго, какъ-бы къ себѣ въ комнату; онъ развѣсилъ по гвоздямъ снятые имъ съ дамъ салопы, а также и свою собственную шинель; дѣловъ томъ, что Углаковъ у Лябьева, съ перваго-же дня ареста того, бывалъ ежедневно.

Между узникомъ и посѣтителями его какъ-то не завязывался разговоръ. Да и съ чего его было начать? Съ того, что случилось? Это все знали хорошо. Высказывать бесполезныя разсужденія или утѣшенія было-бы очень пошло. Но только вдругъ Лябьевъ и Углаковъ услышали въ корридоръ хорошо имъ знакомый голосъ Аграфены Васильевны, которая съ кѣмъ-то, должно быть, вздорила и, наконецъ, брякнула:

— Какъ вы смѣете не пускать меня? Я сенаторша!

Феодосій Гаврилычъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хоть и не присутствовавшій никогда, по причинѣ зоба, но все-таки сенаторъ.

При этомъ объявленіи столь важнаго титула все смолкло, и Аграфена Васильевна, какъ-бы королева-побѣдительница, гордо вошла въ номеръ.

— Вотъ и я къ тебѣ пріѣхала!—сказала она, цѣлуясь съ Лябьевымъ.

Сусанинъ Николаевичъ и Музъ Николаевичъ она сдѣлала нѣсколько церемонный реверансъ. Познакомить дамъ Лябьевъ и Углаковъ забыли. Аграфена Васильевна усѣлась.

— А у тебя тутъ и потѣшка есть?—сказала она, показывая головой на фортепьяно.

— Есть,—отвѣчалъ Лябьевъ.

— Поигрываешь хоть маненько?

— Играю, сочинять даже началъ.

— Вотъ это хвалю!—воскликнула Аграфена Васильевна.—А что такое измыслилъ?

— Оперу большую затѣялъ. Помнишь, я тебѣ говорилъ, «Амалатъ-Бека».

— Ты принялся, наконецъ, за «Амалатъ-Бека»?—вмѣшалась радостно Муза Николаевна.

— Принялся, но не клеится какъ-то.

— Склеится, погоди маненько! Сыграй-ка что-нибудь изъ того, что надумалъ!—ободрила его Аграфена Васильевна.

— Что играть?... Все это пока въ фантазіи только.

— Не ври, не ври! Знаю я тебя, играй! Себя поразсѣй, да и насъ потѣшь!

Лябьевъ повернулся къ фортепьяно и первоначально обратился къ Углакову:

— Пьеръ, возьми вотъ эту маленькую тетрадку съ окна! Это либретто, которое мнѣ еще прошлый

годъ сочинилъ Ленскій, и прочти начало перваго акта.

Углаковъ взялъ тетрадь и прочелъ:

«Татарское селеніе; на заднемъ занавѣсѣ видѣнъ гребень Кавказа; молодежь съѣхалась на скачку и джигитовку; на одной сторонѣ женщины, безъ покрывалъ, въ цвѣтныхъ чалмахъ, въ длинныхъ шелковыхъ, перетянутыхъ туниками, сорочкахъ и въ шальварахъ; на другой мужчины, кои должны быть въ архалукахъ, а нѣкоторые изъ нихъ и въ черныхъ персидскихъ чухахъ, обложенныхъ галунами, и съ закинутыми за плечи висячими рукавами».

На этихъ словахъ Лябьевъ махнулъ рукой Углакову, чтобы тотъ замолчалъ.

— Поетъ общій хоръ, — сказалъ онъ и началъ играть, стараясь, видимо, подражать нестройному татарскому пѣнію; но русская натура въ немъ взяла свое, и изъ-подъ пальцевъ его все больше и больше начали раздаваться задушевные русскіе мотивы. Какъ-бы разсердясь за это на себя, Лябьевъ снова началъ извлекать изъ фортепьяно шумные и безъ всякой послѣдовательности переходящіе одинъ въ другой звуки, но и то его утомило, но не удовлетворило.

— Нѣтъ, лучше сыграю лезгинку, — сказалъ онъ и на первыхъ порахъ началъ фантазировать нѣчто довольно медленное, а потомъ быстрое, и совсѣмъ уже быстрое, какъ-бы вихрь, и посреди этого слышались каскады сыплющихся звуковъ, очень напоминающихъ звуки мѣдныхъ тарелокъ. Все это очень понравилось слушателямъ Лябьева, а также, кажет-

ся, и ему самому, такъ что онъ съ нѣкоторымъ довольствомъ спросилъ Углакова:

— Далѣе, сколько я помню, по либретто дуэтъ между Амалать-Бекѣмъ и Султанъ-Ахметѣмъ?

— Такъ! — подтвердилъ тотъ, взглянувъ въ тетрадку.

Лябьевъ опять сталъ фантазировать, и тутъ у него вышло что-то хорошее и могущее глубоко зашевелить душу всякаго человѣка. По чувствуемой мысли дуэта можно было понять, что тщетно злымъ и настойчивымъ басомъ укорялъ хитрый ханъ Амалать-Бека, называлъ его измѣнникомъ, трусомъ, грозилъ Кораномъ; Амалать-Бекъ, теноръ, съ ужасомъ отрицался отъ того, что ему совѣтовалъ ханъ, и умолялъ не возлагать на него подобной мисси. При этомъ въ игрѣ Лябьева ясно слышались вопли и страданія честнаго человѣка, котораго негодяй и мерзавецъ тащитъ въ пропасть. Дамы и Углаковъ хорошо поняли, что художникъ изображаетъ этимъ исторію своихъ отношеній съ Янгуржеевымъ; но Лябьевъ, повидимому, дуэтомъ остался недоволенъ: у него больше кипѣло въ душѣ, чѣмъ онъ выразилъ это звуками. Переставъ играть, онъ склонилъ голову, но потомъ вдругъ приподнялъ ее и заигралъ положенную имъ, когда еще онъ былъ женихомъ Музы Николаевны, на музыку хвалебную пѣснь: «Тебе Бога хвалимъ, Тебе Господа исповѣдуемъ». Тогда онъ сочинилъ эту пѣснь, чтобы угодить Сусаннѣ Николаевнѣ, но теперь она пришлась по душѣ всѣмъ и какъ-бы возвысила духъ каждаго. Аграфена Васильевна, бывшая, не смотря на свое цыганское происхождение, весьма религіозною и знавшая хорошо хва-

лебную пѣснь, начала подпѣвать, и ея густой контральто сразу-же раздался по всему корридору. «Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѣ, полны суть небеса и земля величества славы Твоя!» отчетливо пѣла она. Всѣ почти арестанты этого этажа вышли въ корридоръ и скучились около пріотворенной нѣсколько двери къ камеру Лябьева. У многихъ изъ нихъ появились слезы на глазахъ, но посмѣшившій въ корридоръ смотритель, въ отставномъ военномъ вицъ-мундирѣ и съ сильно пьяной рожей, велѣлъ, во-первыхъ, арестантамъ разойтись по своимъ мѣстамъ, а потомъ, войдя въ номеръ къ Лябьеву, объявилъ послѣднему, что пѣть въ тюрьмѣ не дозволяется.

— Почему не дозволяется? — крикнулъ на него Углаковъ.

— Это можетъ возмутить арестантовъ, какъ и возмутило ихъ нѣсколько,—проговорилъ съ важною смотритель, вовсе не подозрѣвая, что у бѣдныхъ узниковъ текли слезы не изъ духа возмущенія, а отъ чувства умиленія.

— Вотъ болванъ-то!—проговорилъ почти вслухъ Углаковъ.

— Полно, Пьеръ! — остановилъ его Лябьевъ. — Мы не будемъ пѣть,—отнесся онъ къ смотрителю.

— Прошу васъ,—сказалъ тотъ и, идя потомъ по корридору, нѣсколько разъ повторилъ самъ себѣ: «А съ этимъ господиномъ офицеромъ я еще посчитаюсь, посчитаюсь».

Вскорѣ затѣмъ посѣтители стали собираться; но Муза Николаевна рѣшительно объявила, что она хочетъ остаться съ мужемъ.

— Вы имѣете на то право, а если васъ дуравъ

смотритель станетъ беспокоить, такъ покажите ему вотъ эту записку оберъ-полицеймейстера.

И Углаковъ подалъ сказанную записку Лябьевой, которая была въ восторгѣ отъ подобнаго разрѣшенія. Самъ-же monsieur Пьеръ рассчитывалъ, кажется, поѣхать назадъ въ одномъ экипажѣ съ Сусанной Николаевной, но та, вѣроятно, заранѣе это предчувствовавшая, немедля-же, какъ только они вышли отъ Лябьева, сказала:

— Прощайте, Петръ Александрычъ!

— Да я къ вамъ-же ѣду!—возразилъ было тотъ.

— Но я еще ѣду не домой и заѣду въ Никитскій монастырь!—придумала Сусанна Николаевна и чрезвычайно проворно пошла съ лѣстницы.

У monsieur Пьера вытянулось лицо, но дѣлать нечего; оставшись въ сообществѣ съ Аграфеной Васильевной, онъ пошелъ съ ней неторопливымъ шагомъ, такъ какъ Аграфена Васильевна по тучности своей не могла быстро ходить, и когда они вышли изъ воротъ тюрьмы, то карета Сусанны Николаевны виднѣлась уже далеко.

— А вы, тетенька, на извозикѣ развѣ?—спросилъ Углаковъ Аграфену Васильевну.

— На извозикѣ!... Мой-то старичище забралъ всѣхъ лошадей и съ Калмыкомъ уѣхалъ шестерикомъ на пѣтушій бой... Ишь, какія себѣ забавы устраиваютъ!... Такъ взяла-бы, да пѣтушиными-то когтями и выпарапала имъ всѣмъ глаза!...

— Тогда, постойте, тетенька, я васъ доведу.

— Довези!

И они усѣлись съ большимъ трудомъ въ довольно

широкія сани Углакова. Аграфена Васильевна очень уж много мѣста заняла.

— А не завернете-ли вы, тетенька, со мной, по старой памяти, пофрыштикать въ Желѣзный?

— Могу,—отвѣчала Аграфена Васильевна.

Трактиръ, который Углаковъ наименовалъ «Желѣзнымъ», находился, если помнитъ читатель, прямо противъ Александровскаго сада и былъ менѣе посѣщаемъ, чѣмъ Московскій трактиръ, а потому тамъ посѣтителямъ отвели довольно уединенное помѣщеніе, что врядъ-ли Углаковъ и не имѣлъ главною для себя цѣлю, такъ какъ желалъ поговорить съ Аграфеной Васильевной по душѣ и наединѣ. Потребовали они оба не Богъ знаетъ чего. Тетенька пожелала скушать подовый пирожокъ и сосисокъ подъ капустой и запить все сіе медомъ, но на послѣднее Углаковъ не согласился и велѣлъ подать бутылку шампанскаго. Задушевный разговоръ между ними сейчасъ-же начался.

— Кто это, другая-то барыня была въ тюрьмѣ? —спросила Аграфена Васильевна.

— Это сестра Лябевой, Марейна! — отвѣчалъ Углаковъ.

— Я такъ и чаяла!... Барыня, я тебѣ скажу, того... писаная красавица!...

— Мало, что красавица... божество какое-то!

— Да...— протянула Аграфена Васильевна. — И что-жъ ты за ней примахиваешь маненько, больно ужъ все какъ-то юлилъ около нея?

— Ахъ, тетенька,—воскликнулъ на это Углаковъ, —не то, что примахиваю, а такъ вотъ до сихъ поръ, по самую макушку врѣзался.

— Ишь ты какой!... Губа-то, я вижу, у тебя не дура!... А она-то что-же?... Тоже?

— Нѣтъ, она невнимательна.

— Но, можетъ, любитъ ужь другаго?

— Нѣтъ!

— А мужъ вѣдь, чай, есть у ней?

— Есть!

— Молодой?

— Старый, но умень очень.

— Ну, что умень... По-моему, знаешь, что я тебѣ скажу, Петруша... Барыня эта также къ тебѣ сильно склонна.

— Какъ?—воскликнулъ Углаковъ, выпучивъ глаза отъ удивленія и радости.

— Да такъ!... Мы, бабы, лучше другъ друга разумѣемъ... Почто-же она, какъ заяцъ, убѣжала отъ тебя, когда мы вышли отъ Лябьева?

— Можетъ быть, изъ отвращенія ко мнѣ!—подхватилъ Углаковъ.

— Ну, да!... Изъ отвращенія къ нему!—возразила Аграфена Васильевна:—А не изъ того-ли, что на ворѣ-то шапка горитъ: — изъ страха за самое себя, изъ робости къ тебѣ?... Это, милый другъ, я знаю по себѣ: насъ вѣдь батьки иматки и весь, почестъ, таборъ лелѣютъ и холятъ, какъ скотину передъ праздникомъ, чтобы отдать на убой барину богатому, али, пожалуй, какъ нынче вотъ стало, и купцу, а мнѣ того до смерти не хотѣлось, и полюбился мнѣ тутъ одинъ чиновничекъ молоденькій; на гитарѣ, я тебѣ говорю, онъ игралъ хоть-бы нашимъ запѣвамъ впору, и все ходилъ въ нашъ, знаешь, трактиръ, въ Грузинахъ... Вижу я, что больно ужь онъ

на меня пристально смотреть, и я на него смотрю... И прилѣпились мы такимъ манеромъ другъ къ другу душой, какъ ни наестъ сильно, а сказать о томъ ни онъ не посмѣлъ и я робѣла... Пословица-то, видно, справедлива: «тутъ-то много, да вонъ нейдетъ». Такъ мы, братикъ мой, и промигали наше дѣло.

— Поэтому, тетенька, вы думаете, что и я промигаю свое дѣло? — спросилъ стремительно Угларовъ.

— Ты и она, оба промигаете!... А по нашему цыганскому разсужденію, знаешь, какъ это пѣсня поется: «Лови, лови часы любви!»

— Но какъ ихъ, тетенька, поймать-то?... Поймать я не знаю какъ!... Научите вы меня тому!

— Смѣшной ты человекъ!... Научи его я?... Коли я и сама не сумѣла того, что хотѣла... Наука тутъ одна: будь посмѣлѣй! Смѣлость города беретъ, не то что нашу сестру пльняетъ.

— Ну, а если Сусанна Николаевна очень за это разсердится?... Что тогда?

— Это тоже, какъ сказать, можетъ, разсердится, а то и нѣтъ... Старый-то мужъ, поди чай, надоѣлъ ей: «Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, бей меня, я другаго люблю!» — негромко пропѣла Аграфена Васильевна и, допивъ свое шампанское, слегка ударила стаканомъ по столу: видно, ужъ и ей старый-то мужъ надоѣлъ сильно.

— Но изъ чего вы, тетенька, заключаете, что Сусанна Николаевна склонна ко мнѣ?

— Изволь, скажу! Ты-то вотъ не видѣлъ, а я замѣтила, что она ажно въ спину тебѣ смотреть,

какъ ты отвернешься отъ нея, а какъ повернулся къ ней, сейчасъ глаза въ сторону и отведеть.

— Тетенька, вѣрно-ли вы это говорите?—переспросилъ Углаковъ.

— Вѣрно! У насъ, старыхъ завистницъ, на это глазъ зоркѣй.

— Я васъ, тетенька, за это обниму и зацѣлю до смерти.

— Цѣлуй! До смерти-то словно не зацѣлуетъ... Цѣловали меня тоже, паря, не жалѣючи.

Затѣмъ они обнялись и расцѣловались самымъ искреннимъ образомъ, а потомъ Углаковъ, распивъ съ тетенькой на радости еще полубутылочку шампанскаго, завезъ ее домой, а самъ направился къ Марепнымъ, аки-бы на дежурство, но въ то-же время съ твердою рѣшимостью добиться отъ Сусанны Николаевны отвѣта, любить-ли она его сколько-нибудь, или нѣтъ.

VII.

Въ почтительной позѣ и склонивъ нѣсколько на бокъ свою сухощавую голову, стоялъ передъ Тулузовымъ, сидѣвшимъ величаво въ богатомъ кабинетѣ, дверь котораго была наглухо притворена, знакомый намъ маляръ Савелій Власевъ, мужъ покойной Авсюш. Лицо Савелія, попрежнему, имѣло зеленовато-желтый цвѣтъ, но нарядъ его былъ нѣсколько иной: вмѣсто позолоченнаго перстня, на пальцѣ красовался настоящій золотой и даже съ какимъ-то розовымъ камнемъ; по атласному жилету проходилъ бисерный

шнурокъ и въ карманѣ имѣлись часы; жидкіе волосы на головѣ были сильно напомажены; брюки уже не спускались въ сапоги, а лежали сверху сапогъ. Все это объяснялось тѣмъ, что Савелій Власьевъ въ настоящее время не занимался ужь болѣе своимъ ремесломъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ главнаго повѣреннаго при откупѣ Тулузова, взявъ который, Василій Иванычъ сейчасъ-же вспомнилъ о Савеліѣ Власьевѣ, какъ о распорядительномъ, умномъ и плутоватомъ мужикѣ. Выписавъ его изъ Петербурга въ Москву, онъ сталъ его быстро возвышать и приближать къ себѣ, какъ нѣкогда и его самого возвышалъ Петръ Григорьичъ. Савелій Власьевъ оказался, главнымъ образомъ, очень способнымъ устраивать и улаживать разныя откупныя дѣла съ полиціей, и чрезъ какіе-нибудь полгода онъ былъ на дружеской ногѣ со всѣми почти квартальными и даже нѣкоторыми частными. Въ настоящемъ случаѣ Василій Иванычъ и велъ съ нимъ разговоръ объ этомъ именно предметѣ.

— Я тебѣ очень благодаренъ, Савелій Власьевъ, — говорилъ онъ, сохраняя свой надменный видъ: — что у насъ по откупу не является никакихъ дѣлъ.

— Зачѣмъ-же и быть имъ? — отвѣчалъ, слегка усмѣхнувшись тонкими губами, Савелій Власьевъ.

— Да... но цѣловальники, вѣроятно, и вещи краденныя принимаютъ, — продолжалъ Тулузовъ.

— Постоянно-съ! — не потаилъ Савелій Власьевъ.

— А полиція что-же?

— Полиціи какое дѣло, жалобъ нѣтъ, и отъ насъ она получаетъ, что ей слѣдуетъ.

— Кромѣ ворованныхъ вещей, я убѣжденъ,

что въ кабакахъ опиваются часто и убійства, можетъ быть, даже совершаются? — допытывался Василій Иванычъ.

— Конечно, не безъ грѣха-съ! — объяснилъ Савелій Власевъ.

— И какъ-же вы тутъ вывертываетесь?

— Что-жь?... Помаменьку вывертываемся... Развѣ трудно человекѣна изъ кабака куда-нибудь по-дальше?... Слава Богу, пустырей около Москвы много.

— Вывезти, ты говоришь!... Но въ кабакъ могутъ быть свидѣтели и видѣть все это!

— Какіе тамъ свидѣтели?... Съ пьяну-то другой и не видитъ, что вокругъ его происходитъ, а которые потрезвѣй, такъ испугаются и разбѣгутся. Вонъ, не то что въ кабакъ, а въ господскомъ домѣ, на вечерѣ, князя одного убили.

— Ты развѣ слышалъ это?

— Слышалъ-съ!... Мнѣ тутошный кварталный надзиратель все какъ есть разсказалъ.

— Однако тотъ господинъ, которъй убилъ князя (я его знаю: — онъ нашей губерніи), нѣкто Лябевъ, въ тюрьмѣ теперь сидитъ.

— Вольно-жь ему было во-время не позамаслить полиціи... Вонъ, хозяина, у кого это произошло, небось не посадили.

— Да того за что-же сажать?

— За то, что-съ, какъ разсказывалъ мнѣ кварталный, у нихъ дѣло происходило такъ: князь проигрался очень сильно, они ему и говорятъ: «Заплати деньги!» — «Денегъ, говоритъ, у меня нѣтъ!» — «Какъ, говоритъ, нѣтъ?» — Хозяинъ ужь это, зна-

читъ, вступился и, сцапавъ гостя за шиворотъ, сталъ его душить... почестъ что на смерть! Тотъ, однако, отъ него выцарапался, да и закричалъ: «Вы мошенники, вы меня обыграли навѣрняка!» Тогда вотъ этотъ-то баринъ (какъ его Лябьевъ, что-ли?) и пустилъ въ него подсвѣчниккомъ.

— Вздоръ это! — отвергнувъ настойчиво Тулузовъ:— князя билъ и убилъ одинъ Лябьевъ, который всегда былъ негодай и картежникъ... Впрочемъ, чортъ съ ними! Мы должны думать объ нашихъ дѣлахъ... Ты говоришь, что еслибы что и произошло въ кабакъ, такъ бывшіе тутъ разбѣгутся; но этого мало... Ты самъ видишь, какія строгости нынче пошли насчетъ этого... Надобно, чтобы у насъ были заранѣе готовые люди, которые бы показали все, что мы имъ скажемъ. Полагаю, что такихъ людей у тебя еще нѣтъ подъ рукой?

— Никакъ нѣтъ!— отвѣчалъ Савелій Власьевъ.

— Но прискаты ты ихъ можешь?

Савелій Власьевъ нѣсколько мгновений соображалъ.

— Прискаты, отчего-же не прискаты? Только осмѣлюсь вамъ доложить, какъ-же мы ихъ будемъ держать? На жалованьи?— произнесъ Савелій Власьевъ, кажется, находившій такую мѣру совершенно излишнею.

— На жалованьи, конечно, и пусть въ кабакахъ даромъ пьютъ, сколько имъ угодно... Главное не медли и надняхъ-же прищи ихъ!

— Слушаю-сь! — отвѣчалъ покорно Савелій Власьевъ.

Онъ видѣлъ барина въ такомъ безпокойномъ состояніи только одинъ разъ, когда тотъ распорядился

разсылкой цѣловальниковъ для закупки хлѣба и потому употребилъ все стараніе, чтобы какъ можно скорѣе исполнить данное ему порученіе. Однако, прошло дня четыре, впродолженіе которыхъ Тулузовъ вымещалъ свое нетерпѣніе и гнѣвъ на всемъ и на всѣхъ: онъ выпоролъ на конюшнѣ повара за то, что тотъ напился пьянъ, сослалъ совсѣмъ въ деревню своего камердинера съ предписаніемъ употребить его на самыя черныя работы: камердинера этого онъ засталъ на поцѣлуѣ съ одной изъ горничныхъ, которая чуть-ли не была въ близкихъ отношеніяхъ къ самому Василю Ивановичу.

Савелій Власевъ, наконецъ, предсталъ передъ свѣтлыя очи своего господина и донесъ, что имъ отысканы нужные люди.

— Кто именно?—спросилъ въ одно и то же время съ радостью и величавымъ выраженіемъ въ лицѣ Тулузовъ.

— Да двое изъ нихъ чиновники, одинъ отставной поручикъ артиллеріи.

— Что они молодые или старые?

— Какое молодые!... Старые... Развѣ человекъ въ силахъ и годный на что-нибудь пошелъ бы на то?

— Это и хорошо!... Но теперь о тебѣ собственно, — началъ Тулузовъ, и голосъ его принялъ явно ужь отѣнокъ строгости:—ты мнѣ всѣмъ обязанъ: я тебя спасъ отъ Сибири, я возвелъ тебя въ главноуправляющіе по откупу, но если ты мнѣ будешь служить не съ усердіемъ, то я съ тобой строго распоряжусь и сошлю тебя туда, куда воронъ костей не занашивалъ.

— Развѣ я того не понимаю съ?—произнесъ съ

чувствомъ Савелій Власьевъ: — я готовъ служить вамъ, сколько съумѣю.

— Дѣло мое, о которомъ я буду теперь съ тобой говорить,—продолжалъ, уже не сидя величественно въ креслѣ, а ходя безпокойными шагами по кабинету, Тулузовъ:—состоитъ въ слѣдующемъ глупомъ казусѣ: въ молодости моей я имѣлъ неосторожность потерять мой паспортъ... Я такъ испугался, оставшись безъ вида, что сунулся къ тому, къ другому моему знакомому, которые и приладили мнѣ купить чужой паспортъ на имя какого-то Тулузова... Я записался по этому виду, давалъ росписки, векселя, клалъ деньги въ приказъ подъ этимъ именемъ, тогда какъ моя фамилія вовсе не Тулузовъ, но повернуться назадъ было нельзя!... За это сослали-бы меня, понимаешь?

— Поди ты какое дѣло! — сказалъ съ участіемъ Савелій Власьевъ.

— Но казусъ-то разыгрался еще сквернѣе!—подхватилъ Тулузовъ: — надняхъ на меня сдѣланъ доносъ; что человѣкъ, по паспорту котораго я существую на бѣломъ свѣгѣ, убитъ кѣмъ-то на дорогѣ.

— Господи помилуй!—проговорилъ уже съ нѣкоторымъ страхомъ Савелій Власьевъ.

— Удивительное, я тебѣ говорю, стеченіе обстоятельствъ!... Объявить мнѣ теперь, что я не Тулузовъ, было-бы совершеннымъ сумасшествіемъ, потому что, разсуди самъ, подъ этимъ именемъ я сдѣлался дворяниномъ, получилъ генеральскій чинъ... Значитъ, все это должны будутъ съ меня снять.

— Но за что же это, помилуйте?!—возразилъ съ участіемъ Савелій Власьевъ.

— Законъ у насъ не милуетъ никого и, чтобы избѣжать его, мнѣ надобно, во чтобы то ни стало, доказать, что я Тулузовъ, не убитый, конечно, но другой, и это можно сдѣлать только, если я представлю свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что они въ томъ городѣ, который я имъ скажу, знали моего отца, мать и даже меня въ молодости... Согласны будутъ показать это пріисканныя тобою лица?

— Какъ-бы, кажется, не согласиться! Это не вѣсть что такое! — произнесъ съ нѣкоторымъ раздумьемъ Савелій Власевъ, — только сьумѣютъ ли они, ваше превосходительство, вотъ что опасно... Не соврали-бы чего и пустяковъ какихъ-нибудь не наговорили.

— Это можно устранить: я тебѣ надиктую, что они должны **будутъ** говорить, а ты имъ это вдолби и пусть они стоятъ на одномъ, что знали отца моего и мать.

— Понимаю-съ! — проговорилъ Савелій Власевъ:—но тутъ еще и другое есть, — присовокупилъ онъ усмѣхнувшись:—больно они мерзко одѣты, всё въ лохмотьяхъ.

— Въ такомъ случаѣ, купи имъ новое платье и скажи имъ, чтобы они являлись въ немъ, когда ихъ потребуютъ по какому-бы то ни было нашему дѣлу.

— Сказать имъ это слѣдуетъ, только послушаются-ли они?... Пожалуй, того и гляди, что пропьютъ съ себя все, окаянные! — возразилъ Савелій Власевъ.

— А если пропьютъ, другое имъ сдѣлаешь!... Стоить-ли объ этомъ говорить?

— Слушаю-съ,—сказалъ на это Савелій Власевъ и хотѣлъ было уже раскланяться съ бариномъ, но тотъ ему присовокупилъ:

— Если ты мнѣ все это дѣло устроишь, я тебѣ двѣ тысячи дамъ въ награду.

— Благодарю-съ на томъ!—отозвался нѣсколько глухимъ голосомъ Савелій Власевъ и ушелъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сей умный мужикъ, выдавшій на своемъ вѣку многое, понялъ всю суть дѣла и вывелъ такого рода заключеніе, что баринъ у него теперь совсѣмъ въ лапахъ и что сколько-бы онъ потомъ ни сталъ воровать по откупу, все ему будетъ прощаться.

Не ограничиваясь всѣми вышесказанными мѣрами, Тулузовъ на другой день поутру поѣхалъ для предварительныхъ совѣщаній въ частный домъ къ приставу. Предпринявъ этотъ визитъ, Василий Ивановичъ облекся въ форменный вицъ-мундиръ и въ свой владимірскій крестъ. Частный приставъ, толстый и по виду очень шустрый человекъ, зналъ, разумѣется, Тулузова въ лицо, и, когда тотъ вошелъ, онъ догадался, зачѣмъ собственно этотъ господинъ прибылъ, но, все-таки, принялъ сего просителя съ полнымъ уваженіемъ и предложилъ ему стулъ около служебнаго стола своего, покрытаго измараннымъ краснымъ сукномъ, и вообще въ камерѣ все какъ-то выглядывало грязновато: стоявшее на столѣ зеркало было безъ всякихъ слѣдовъ позолоты; лежавшіе на окнахъ законы не имѣли надлежащихъ переилетовъ; стѣны всѣ являлись заплеванными; даже отъ самага вицъ-мундира частнаго пристава сильно пахнуло скипидаромъ, посредствомъ

котораго сей мундиръ каждадневно обновлялся нѣсколько.

— Я получилъ отъ васъ бумагу, — началъ Тулузовъ съ обычнымъ ему послѣднее время важнымъ видомъ: — въ которой вы требуете отъ меня объясненія, по поводу доноса, сдѣланнаго на меня однимъ негодеемъ.

— Да, что дѣлать?... Извините! — отвѣчалъ частный приставъ, пожимая плечами: — служба то повѣлываетъ, а еще болѣе того наша управа благочинія, которая заставляетъ насъ, по необходимости, дѣлать неприятности обывателямъ.

— Кто-жь этого не понимаетъ?... И я пріѣхалъ не претензіи вамъ изъявлять, а посовѣтоваться съ вами, какъ съ человѣкомъ опытнымъ въ подобныхъ дѣлахъ.

— Благодарю васъ за довѣріе и сочту себя обязаннымъ быть къ вашимъ услугамъ.

— Услуга ваша будетъ для меня состоять въ томъ, чтобы вы научили меня, въ какомъ духѣ дать вамъ объясненіе.

— То-есть, я полагаю, — произнесъ рѣшительнымъ тономъ частный приставъ: — что вамъ лучше всего отвергнуть доносъ во всѣхъ пунктахъ и учинить во всемъ полное заперательство.

— Да мнѣ заператься-то не въ чемъ; понимаете? — возразилъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ и презрительно разсмѣявшись Тулузовъ.

— Знаю-съ это; извините, что не такъ выразился!... Отвергнуть весь доносъ, — повторилъ частный приставъ.

— Мало, что отвергнуть, — продолжалъ Тулузовъ:—но доказать даже противное.

— А это еще лучше, если вы можете! — подхватилъ частный приставъ.

— Могу-съ! — отвѣчалъ съ окончательною уже величавостью Василій Иванычъ: — я представлю вамъ свидѣтелей, которые знали меня въ дѣтствѣ, знали отца моего, Тулузова.

— И превосходно, отлично!—воскликнулъ частный приставъ:—тогда этотъ доносъ разлетится въ пухъ и прахъ!

— Но вы, конечно, указанныхъ мною свидѣтелей вызовете въ часть и спросите?—допытывался Тулузовъ.

— Непремѣнно-съ!—проговорилъ частный приставъ.

— И я просилъ-бы васъ, Иринархъ Максимычъ, назвалъ Тулузовъ уже по имени частного пристава:—позволить мнѣ быть при этомъ допросѣ.

По лицу частного пристава пробѣжалъ какъ-бы маленькій конфузъ.

— По закону, этого, ваше превосходительство, нельзя, — сказалъ онъ: — но, желая вамъ угодить, я готовъ это исполнить... Наша проклятая служба такова: если гдѣ не довернулся, начальство бьетъ, а довернулся, господа московскіе жители обижаются.

— Ну, это дураки какіе-нибудь! — произнесъ вставая Тулузовъ:—я не замедлю вамъ представить объясненіе.

— Бога ради; мы уже подтвержденіе по этому дѣлу получили! — воскликнулъ жалобнымъ тономъ частный приставъ.

— Не замедлю-съ,— повторилъ Тулузовъ и, дѣйствительно, не замедлилъ: черезъ два-же дня онъ лично привезъ объясненіе частному приставу, а вмѣстѣ съ этимъ Савелій Власьевъ привелъ и присканныхъ имъ трехъ свидѣтелей, которые, дѣйствительно, оказались всѣ людьми пожилыми и по платью своему имѣли довольно приличный видъ, но физиономіи у всѣхъ были весьма странныя: старѣйшій изъ нихъ, видимо, бывшій чиновникъ, такъ какъ на груди его красовалось пряжка за тридцатипятилѣтнюю безпорочную службу, отличался необыкновенно загорѣлымъ, сморщеннымъ и лупившимся лицомъ; происходило это, вѣроятно, оттого, что онъ цѣлые дни стоялъ у Иверскихъ воротъ въ ожиданіи кліентовъ, съ которыми и продѣлывалъ маленькія дѣлишки; другой, болѣе молодой и, вѣроятно, очень опытный въ дачѣ всякаго рода свидѣтельскихъ показаній, держалъ себя съ нѣкоторымъ апломбомъ; но жалче обоихъ своихъ товарищей былъ по своей наружности отставной поручикъ. Онъ являлъ собою какъ-бы ходячую водянку, которая, кажется, каждую минуту была готова брызнуть изъ-подъ его кожи; ради сокрытія того, что глаза поручика еще съ раняго утра были налиты водкой, Савелій Власьевъ надѣлъ на него очки. Когда всѣ сіи свидѣтели поставлены были на должныя имъ мѣста, въ камеру вошелъ заштатный священникъ и отобралъ отъ свидѣтелей клятвенное обѣщаніе, внушительно прочитавъ имъ слова, что они ни ради дружбы, ни свойства, ни ради какихъ-либо выгодъ не будутъ утаивать и по-кажутъ сущую о всемъ правду. Во время отобранія присяги какъ сами свидѣтели, такъ равно и частный

приставъ вмѣстѣ съ Тулузовымъ и Савелиемъ Власевымъ имѣли, какъ водится, нѣсколько печальныхъ лица. Опросъ потомъ начался съ отставнаго поручика.

— Вы знали родителя господина Тулузова?—спросилъ его частный приставъ.

— Зналъ! — нетвердо выговорилъ поручикъ: — у насъ въ бригадѣ былъ тоже Тулузовъ...

— Это къ дѣлу нейдетъ! — остановилъ его частный приставъ.

— Пожалуй, что и нейдетъ!... Позвольте мнѣ сѣсть: у меня ноги болятъ!...

— Сдѣлайте милость!—разрѣшилъ ему приставъ. Савелій Власевъ поспѣшилъ пододвинуть поручику стулъ, на который тотъ и опустился.

— Я раненый... и ни откуда никакого вспоможенія не имѣю... — бормоталъ, пожимая плечами, поручикъ.

— Но подтверждаете-ли вы, что знали отца господина Тулузова? — повторилъ ему приставъ.

— Утверждаю! — воскликнулъ громко, какъ-бы воспрянувъ на мгновение, поручикъ.

— Тогда подпишитесь вотъ къ этой бумагѣ! — сказалъ ему ласковымъ голосомъ приставъ.

Поручикъ всталъ на ноги и долго, долго смотрѣлъ на бумагу, но врядъ ли что-нибудь прочелъ въ ней и затѣмъ кривымъ почеркомъ подмахнулъ: такой-то.

— Могу я теперь уйти? — спросилъ онъ.

— Можете, — разрѣшилъ ему частный.

Поручикъ пошелъ шатающейся походкой, бормоча: «За неволю пьешь, когда никакого нѣтъ состоянія, а я раненый, служить не могу...»

Тулузовъ за приведеніе такого пьянаго свидѣтеля

бросилъ сердитый взглядъ на Савелія Власьева и обратился потомъ къ частному приставу, показывая глазами на ушедшаго поручика:

— А, вѣдь, часто бывалъ въ домѣ моего покойнаго отца... Я его очень хорошо помню: былъ весьма приличный молодой человѣкъ.

— Что дѣлать? Жизнь!—отвѣчалъ на это философскимъ тономъ частный и сталъ спрашивать старичка чиновника: — Знали вы родителя господина Тулузова?

— Зналъ! — отвѣчалъ плаксивымъ тономъ старичокъ.

— А самого господина Тулузова, который сидитъ вотъ здѣсь, вы видали въ домѣ его отца?

— Видалъ, батюшка!... Вотъ ужъ я одной ногой въ могилѣ стою, а не потею, видалъ!

Тулузовъ при этомъ поспѣшно сказалъ приставу.

— Это показаніе вы запишите въ подлинныхъ выраженіяхъ господина Пупкина!

— Безъ сомнѣнія!—подхватилъ тотъ и, повернувшись затѣмъ къ старичку чиновнику, проговорилъ:—подпишитесь!

Старичекъ не сталъ даже и читать отобраннаго отъ него показанія, но за то очень четкимъ старческимъ почеркомъ начерталъ: «Провинціальный секретарь и кавалеръ Антонъ Пупкинъ».

Чиновникъ, опытный въ дачѣ свидѣтельскихъ показаній, сдѣлалъ, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе точное и подробное показаніе, чѣмъ его предшественники. Онъ утвердительно говорилъ, что очень хорошо зналъ самого господина Тулузова и его родителей, бывая въ томъ городѣ, гдѣ они проживали,

и что потомъ встрѣчался съ господиномъ Тулузовымъ неоднократно въ Москвѣ, какъ съ своимъ старымъ и добрымъ знакомымъ. Желтоватое лицо Савелія Власьева при этомъ блистало удовольствіемъ. Чело Тулузова также сдѣлалось менѣ пасмурно. И когда, послѣ такого допроса, всѣ призванныя къ дѣлу лица, со включеніемъ Савелія, ушли изъ камеры, то приставъ и Тулузовъ смотрѣли другъ на друга какъ-бы съ нѣкоторою нѣжностью.

— А вотъ вамъ и еще пакетикъ!—проговорилъ Василій Ивановичъ, подавая частному довольно туго наполненный пакетъ.

— Это очень пріятно!—отвѣтилъ тотъ, на-щупъ узнавъ, сколько тайлось въ пакетѣ.

Совершивъ это, Тулузовъ спросилъ уже снова съ насупленнымъ нѣсколько лицомъ:

— А Управа Благочинія этими показаніями удовлетворится?

— Полагаю, что не придерется!—отвѣчалъ съ несовѣмъ полною увѣренностью частный приставъ:— но для большей безопасности похлопочите лучше и тамъ!

— У самого предсѣдателя?—сказалъ Тулузовъ.

— Нѣтъ-съ! Тотъ, знаете, человѣкъ военный, мало въ дѣла входитъ... Надобно задобрить совѣтника, въ отдѣленіе котораго поступятъ ваши бумаги.

— А тотъ какого сорта человѣкъ?—спросилъ Тулузовъ.

— Тотъ родомъ французишко какой-то!... Сначала былъ учителемъ, а теперь вотъ на эту должность пробрался... Больше всего покушать любить на чу-

счетъ... Вы позовите его въ Московскій и угостите обѣдцемъ, онъ на вѣкъ вашимъ другомъ станетъ и хотъ каждый день будетъ ходитъ къ вамъ обѣдать.

— О, чортъ-бы его драль!... Но, все-таки, благодарю васъ за совѣтъ,—произнесъ Тулузовъ и при этомъ пожалъ руку частному приставу.

Въ описываемое мною время Московскій трактиръ послѣ трехъ часовъ пополудни рѣшительно представлялъ какъ-бы продолженіе засѣданій ближайшихъ присутственныхъ мѣстъ. За отдѣльными столиками обыкновенно сидѣли, кушали и пили разныя до шестаго класса включительно служебныя лица вмѣстѣ съ своими просителями, кои угощали ихъ обильно и радушно. Однажды за такимъ столикомъ Тулузовъ чувствовалъ нужнаго ему члена управы. Членъ этотъ дѣйствительно былъ родомъ французикъ, значительно пожилой, но при этомъ вертлявый, въ завитомъ парикѣ, слегка набѣденный, подрумяненный, съ большимъ ртомъ, съ визгливымъ голосомъ и съ какой-то несносной для всѣхъ энергіей, по милости которой, а также и манерами своими, онъ весьма напоминалъ скорпіона, потому что когда къ кому пристанетъ, такъ тотъ отъ него не скоро отцѣпится. Тулузовъ прежде всего старался его накормить всевозможными яствами и накатить виномъ. На все это членъ управы шелъ довольно податливо. Къ концу обѣда Василій Ивановичъ нашелъ возможнымъ приступитъ къ необходимому для него объясненію.

— У васъ скоро будетъ въ разсмотрѣніи мое дѣло, —сказалъ онъ.

— Знаю-съ, —взвизгнулъ членъ управы.

— И какъ-же вы на него взглянете? — спросилъ, напротивъ, почти октавой Тулузовъ.

— Этого я не знаю-съ, ибо самаго дѣла не помню!

— Дѣло, въ сущности, пустяшное!... Я, по моимъ отношеніямъ къ генералъ-губернатору, могъ-бы совершенно затушить его...

Тутъ ужь членъ управы обидѣлся.

— Нѣтъ-съ, у насъ генералъ-губернаторъ не такой, чтобы тушить дѣла... Вы сильно ошибаетесь! — завизжалъ онъ.

— Да я и самъ не хочу тушить, а желаю, напротивъ, чтобы оно всплыло совершенно, — возразилъ Тулузовъ.

— И всплыветъ-съ, не беспокойтесь! Кромѣ того-съ, въ общественныхъ мѣстахъ не должно говорить о дѣлахъ, а вотъ лучше, — визжалъ членъ, проворно хватая съ стоявшей на столѣ вазы фрукты и конфеты и разсовывая ихъ по своимъ карманамъ: — лучше теперь прокатимся и заѣдемъ къ одной моей знакомой дамѣ на Срѣтенкѣ и у ней переговоримъ обо всемъ.

— Съ великимъ удовольствіемъ! — отозвался на первыхъ порахъ въ самомъ дѣлѣ съ удовольствіемъ Тулузовъ, и затѣмъ оба они, взявъ лихача-извозчика, полетѣли на Срѣтенку.

Тулузовъ потомъ возвратился домой въ два часа ночи и замѣтно былъ въ сильно гнѣвномъ состояніи. Онъ тотчасъ-же велѣлъ позвать къ себѣ Савелія Власьева. Тотъ оказался дома и явился къ барину.

— Сколько тебѣ стоили эти дурацкіе свидѣтели? — спросилъ Тулузовъ.

— У меня счетъ написанъ-съ! — отвѣчалъ Савелій Власьевъ и подалъ довольно длинное исчисленіе, просмотрѣвъ которое, Тулузовъ еще болѣе нахмурился.

— Порядочно израсходовалъ! — произнесъ онъ.

— Меньше никто не бралъ-съ! — отвѣчалъ твердымъ голосомъ Савелій Власьевъ.

— Но всего важнѣе то, что они все болтали какой-то вздоръ, вовсе не то, что я тебѣ говорилъ.

— Развѣ можно было вдолбить этимъ дуракамъ?

— Да тебѣ-бы слѣдовало прискаты мнѣ не глупыхъ, а умныхъ. Теперь, пожалуй, затормозятъ въ управѣ. Я сегодня цѣлый день провелъ съ однимъ тамошнимъ гусемъ. Это такая каналья, какихъ міръ еще не производилъ.

— Что-жь онъ, очень много задомилъ?

— И много, и нахально! — продолжалъ Тулузовъ. — Мало, что самъ сорвалъ, да еще привезъ меня къ какимъ-то дѣвицамъ; началъ танцовать съ ними; меня тоже, скотина, заставлялъ это дѣлать, требуя, чтобы я угощалъ ихъ и деньгами награждалъ...

— Ужасно нынче эти чиновники безобразничаютъ, — замѣтилъ Савелій Власьевъ.

— Но я это имъ все припомню, только бы кончилось мое дѣло!... Я расскажу объ нихъ все генераль-губернатору... Онъ мнѣ повѣритъ...

— Еще-бы вамъ-то не повѣрить? Слава Богу, благодѣтель всей Москвы! — подхватилъ Савелій.

— А не знаешь-ли ты, барыня дома?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Гдѣ-жь она?

— Кучеръ говорилъ, что ему приказано карету заложить въ театръ-съ!

— Какой теперь театръ?... Въ два часа ночи...

Савелій Власьевъ молчалъ. Василій Иванычъ тоже нѣкоторое время какъ-бы нѣчто соображалъ и затѣмъ продолжалъ:

— Ты хоть и плохо, но все-таки исполнилъ мое порученіе; можешь взять изъ откупной выручки тысячу рублей себѣ въ награду. вмѣстѣ съ тѣмъ я даю тебѣ другое столь-же важное для меня порученіе. Разспроси ты кучера Екатерины Петровны, куда именно и въ какія мѣста онъ ѣздитъ по ночамъ съ нею?

— Слушаю съ! — произнесъ на это Савелій Власьевъ.

— Но скажетъ-ли онъ тебѣ правду? Катерина Петровна сама его выбрала себѣ противъ воли моей. Въ дружбѣ, вѣроятно, съ нимъ состоитъ и замасливаетъ его.

— Не думаю-съ! — возразилъ Савелій Власьевъ: — онъ тоже очень жалуется на нихъ, изнонила она его по этому морозу совѣмъ. Тоже вотъ, какъ онъ говорилъ, и прочіе-то кучера, что стоятъ у театра, Боже ты мой, какъ бранять господь!... Хорошо еще у котораго лошади смирныя, такъ слѣзть можно и погрѣться у этихъ тамошнихъ костровъ, но у Екатерины Петровны пара, вѣдь, не такая: строже, пожалуй, всякой купеческой.

— Ну, ты ему скажи, что пусть пока терпѣть все, и дай ему отъ меня десять рублей... Вели только, чтобы онъ тебѣ всякій разъ говорилъ, куда онъ возитъ госпожу свою.

— Ахъ, батюшка, Василій Иванычъ! — воскликнулъ Савелій съ какимъ-то грустнымъ умиленіемъ:— мы-бы рады всей душой нашей служить вамъ, но намъ опасно тоже.... Вдругъ теперь Екатерина Петровна разгнѣвавшись потребуетъ, чтобы вы насъ сослали на поселеніе, какъ вотъ тогда хотѣла она сослать меня съ женой..... А за что?... Въ тѣ поры я ни въ чемъ не былъ виноватъ...

— Ты глупъ послѣ этого, если не понимаешь разницы! Тогда Екатерина Петровна дѣйствовала изъ ревности, а теперь развѣ она узнаетъ о томъ, что вы мнѣ говорите?... Теперь какая къ кому ревность?

— Да все словно бы, когда-бы мы были вольные, поспокойнѣе-бы было. Я вотъ такъ теперь передъ вами, какъ передъ Богомъ, говорю: не жалуйте мнѣ вашихъ двухъ тысячъ награды, а сдѣлайте меня съ отцомъ моимъ вольными хлѣбопашцами!

— Теперь я этого еще не могу сдѣлать, но со временемъ, и даже скоро, я это устрою, а теперь я тебя еще хочу немного на уздечкѣ подержать. Понялъ меня?

— Понялъ-съ! — отвѣтилъ Савелій Власевъ, потупляя глаза.

VIII.

Наступилъ и май, но Марейны не уѣзжали въ деревню. Сусанна Николаевна никакъ не хотѣла, до рѣшенія участи Лябьева, оставить сестру, продолжавшую жить у нихъ въ домѣ и обыкновенно цѣлые дни

проводившую въ тюрьмѣ у мужа. Углаковъ, попрежнему, бывалъ у Марѣиныхъ каждыйдневно и всякій разъ намѣревался заговорить съ Сусанной Николаевной порѣшительнѣе, но у него ни разу еще не хватило на то духу: очень ужъ она держала себя съ нимъ осторожно, такъ что ему ни на минуту не приходилось остаться съ ней вдвоемъ, хотя частыя посѣщенія monsieur Пьера вовсе, повидимому, не были неприяты Сусаннѣ Николаевнѣ. Егоръ-же Егорычъ, съ своей стороны, искренно привязался къ молодому шалуну, который, впрочемъ, надобно сказать правду, послѣднее время сдѣлался гораздо степеннѣе, и, главнымъ образомъ, онъ поражалъ Егора Егорыча своей необыкновенною даровитостью: онъ прекрасно пѣлъ, очень мило рисовалъ каррикатуры, мастерски читалъ, особенно, комическія вещи. Того, что причиною частыхъ посѣщеній Углакова была Сусанна Николаевна, Егоръ Егорычъ нисколько не подозрѣвалъ, какъ не подозрѣвалъ онъ нѣкогда и Ченцова въ любви къ Людмилѣ Николаевнѣ. Въ началѣ іюня Егоръ Егорычъ былъ обрадованъ прїездомъ въ Москву Мартына Степаныча Пилецкаго, которому послѣ двухгодичныхъ хлопотъ разрѣшили наконецъ прїѣхать изъ Петербурга въ Москву къ обожаемой имъ, но, увы, почти умирающей Екатеринѣ Филипповнѣ. Мартынъ Степанычъ извѣстилъ Егора Егорыча о своемъ прїѣздѣ письмомъ, въ которомъ, тысячекратно извиняясь, что не является лично, ибо не можетъ оставить больную ни на минуту, умолялъ посѣтить его. Егоръ Егорычъ, безъ сомнѣнія, немедля поѣхалъ. Екатерина Филипповна жила въ довольно глухой мѣстности, въ собственномъ наследственномъ домѣ, кото-

рый, впрочемъ, она, по переѣздѣ въ Москву, сломала, къ великому удовольствію своихъ сосѣдей, считавшихъ прежде всего ее самое немножко за колдунью, а потомъ утверждавшихъ, что въ домѣ ея издавна обитала нечистая сила, такъ какъ въ немъ нерѣдко по вечерамъ слышали возню и даже иногда видали какъ-бы огонь. Въмѣсто этого, дѣйствительно, угрюмаго зданія, Екатерина Филипповна на своемъ дворѣ, занимавшемъ, по крайней мѣрѣ, десятныи три пространства и усаженномъ красивыми, вѣтвистыми березками, выстроила нѣсколько маленькихъ деревянныхъ флигельковъ, соединявшихся между собою дорожками, усыпанными пескомъ. Все это придавало двору весьма оживленный видъ и дѣлало его какъ-бы похожимъ на скитъ раскольничій, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ этихъ флигелькахъ проживали какія-то все старушки, называвшія себя богадѣлками Екатерины Филипповны. Сверхъ того, весь дворъ обнесенъ былъ высокимъ заборомъ съ единственными, всегда затворенными, воротами, у калитки которыхъ стоялъ привратникъ. Когда Егоръ Егорычъ подъѣхалъ къ дому Екатерины Филипповны, то, по просьбѣ этого привратника, долженъ былъ оставить экипажъ на улицѣ и пройти по двору пѣшкомъ. Екатерина Филипповна жила тоже въ одномъ изъ флигельковъ, въ которомъ встрѣтилъ Егора Егорыча почти на порогѣ Мартынъ Степанычъ. Въ первую минуту свиданія оба друга какъ-бы не находились, о чемъ имъ заговорить, и только у обоихъ навернулись слезы на глазахъ. Мартынъ Степанычъ началъ потомъ первый:

— Надѣюсь, что почтенная Сусанна Николаевна здорова?

— Да, здорова,—отвѣчалъ отрывисто Егоръ Егорычъ: — но, — присовокупилъ онъ, протянувъ нѣсколько,—у насъ тутъ въ семьѣ опять натворилось.

Что именно натворилось, Егоръ Егорычъ не дообъяснилъ.

— Слышалъ это я, — сказалъ Мартынъ Степанычъ, проведя пальцемъ у себя за ухомъ, которое, кажется, еще больше оттопырилось: — но слышалъ также и то, что это было дѣломъ несчастнаго случая....

— Несчастнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безнравственнаго случая, который оправдывать нельзя! — возразилъ мрачно Егоръ Егорычъ.

— Полагаю, что до извѣстной степени можно оправдать...—произнесъ, опять проведя себя за ухомъ, Мартынъ Степанычъ:—господинъ Лябьевъ сдѣлалъ это изъ свойственнаго всѣмъ благороднымъ людямъ *point d'honneur*.

Егоръ Егорычъ при этомъ почти вышелъ изъ себя:

— Какой у завзятыхъ игроковъ можетъ быть *point d'honneur*?!... Вспомните, что сказано о нихъ: «Не вѣрю чести игрока!» Меня тутъ беспокоитъ не Лябьевъ... Я его жалѣю и уважаю за музыкальный талантъ, но, какъ человѣкъ, онъ для меня подъ сомнѣніемъ, и я склоняюсь болѣе къ тому, что онъ дурной человѣкъ!... Такъ его понялъ съ перваго свиданія нашъ общій съ вами пріятель Сверстовъ.

— По какому-же поводу?—сказалъ Мартынъ Степанычъ.

— Ни по какому! Въ силу только своего предчувствія, *pressentiment*.

— *Pressentiment*?...—повторилъ Мартынъ Степанычъ, начавъ уже водить не отставая у себя за ухомъ:—*Pressentiment*, видно, многое вѣдаетъ, чего не вѣдаетъ умъ.

— Да,—подтвердилъ Егоръ Егорычъ:—и расскажу вамъ тутъ про себя: когда я получилъ это страшное извѣстіе, то въ тотъ-же день, черезъ нѣсколько минутъ, имѣлъ видѣніе.

— Видѣніе?—спросилъ съ одушевленіемъ Мартынъ Степанычъ.

— Видѣніе, ибо оно представилось мнѣ въявь, а не во снѣ!... Я, погруженный въ молитву, прямо передъ глазами своими видѣлъ тихую, свѣтлую долину и въ ней съ умиленными лицами Лябьева, Музу и покойнаго Валеріана...

— Видѣніе, значить, было въ смыслѣ благопріятномъ!—произнесъ, склоняя голову, Мартынъ Степанычъ.

— Благопріятномъ!—повторилъ Егоръ Егорычъ. Мартынъ Степанычъ впалъ на нѣкоторое время въ раздумье и потупился.

— Можетъ быть,—заговорилъ онъ, не поднимая своего взора:—вы желали-бы имѣть нѣкоторое подтвержденіе или отрицаніе вашего видѣнія?

— Желалъ-бы!—отвѣчалъ быстро Егоръ Егорычъ, понявшій, куда тянетъ Мартынъ Степанычъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ можетъ пособить Екатерина Филипповна: она, особенно, послѣднее время, болѣе чѣмъ когда-либо проникнута даромъ пророчества.

— Но развѣ она въ состояніи меня принять?— спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Даже очень рада будетъ васъ видѣть? — подхватилъ Мартынъ Степанычъ и ввелъ Егора Егорыча въ слѣдующую комнату, въ которой Екатерина Филипповна, худая, какъ скелетъ, но съ горящими глазами, въ чопорномъ съ накрахмаленными фальборами чепцѣ и чистѣйшемъ батистовомъ капотѣ, полулежала въ покойныхъ креслахъ, обложенная сзади и по бокамъ подушками. Стѣны ея весьма оригинальнаго помѣщенія были не оштукатурены и не оклеены ничѣмъ, а оставались просто деревянными, только гладко выстроганными, и по новизнѣ своей издавали изъ себя пріятный смолистый запахъ. Въ переднемъ углу было устроено небольшое тябло, на которомъ стоялъ тоже небольшой образъ Иверской Божіей Матери, съ теплившейся передъ нимъ лампадкою. Всею этою простотою Екатерина Филипповна врядъ-ли не хотѣла подражать крестьянскимъ избамъ, каковое намѣреніе ея, однако, сразу же уничтожалось висѣвшею на стѣнѣ прекрасною картиною Боровиковскаго, изображавшею Бога-Отца, который взираетъ съ высоты небесъ на почившаго Сына Своего: лучезарный свѣтъ и парящіе въ немъ ангелы наполняли весь фонъ картины; а также мало говорила о простотѣ и стоявшая въ углу арфа, показавшаяся Егору Егорычу по отломленной головѣ одного изъ позодоченныхъ драконовъ, украшавшихъ рамку, нѣсколько знакомою.

— А вы еще и поигрываете? — сказалъ онъ, цѣлуя протянутую руку больной и указывая глазами на арфу.

— Ахъ, нѣтъ, я никогда на арфѣ не играла, — отвѣчала Екатерина Филипповна: — это арфа добройшей Маріи Ѳедоровны... Она привезла ее ко мнѣ и прѣзжаетъ иногда развеселять меня своей игрой.

Егоръ Егорычъ нахмурился: онъ игры на арфѣ Маріи Ѳедоровны, равно какъ и подвитыя сѣдыя кудри ея, всегда терпѣть не могъ.

— Егоръ Егорычъ пораженъ горемъ! — отнесся къ Екатеринѣ Филипповнѣ Мартынъ Степанычъ.

— Это вы мнѣ говорили! — сказала та.

— Но Егора Егорыча очень беспокоитъ участь его несчастныхъ родныхъ, — продолжалъ Мартынъ Степанычъ: — и онъ уже имѣлъ видѣніе...

— Какое? — спросила Екатерина Филипповна.

— Ободряющее и подающее надежду! — объяснилъ Мартынъ Степанычъ. — Не будете ли и вы объ этомъ имѣть сна какого-нибудь?... Вы въ такомъ теперъ близкомъ общеніи съ будущимъ людей...

— Да, въ близкомъ, — подтвердила Екатерина Филипповна. — Напишите мнѣ, что-бы вы желали знать... только своей рукой! — проговорила она Егору Егорычу.

— Потрудитесь написать! — сказалъ ему тоже и Мартынъ Степанычъ, подавая со стола карандашъ и бумагу. Егоръ Егорычъ написалъ своимъ крупнымъ почеркомъ то, что онъ желалъ бы знать о судьбѣ Лябевыхъ, съ присовокупленіемъ вопроса о томъ, какъ это подѣйствуетъ на Сусанну Николаевну.

— Положите къ образу вашу записку, — сказала ему Екатерина Филипповна: — завтра Пилецкій напишетъ вамъ мой отвѣтъ, а теперъ до свиданья!

Егоръ Егорычъ успѣшилъ раскланяться съ Екатериной Филипповной и Мартыномъ Степанычемъ. По выходѣ изъ флигеля онъ вздумалъ пройтись немного по двору между пахучими березами, причемъ ему стали встрѣчаться разныя старушки въ бѣлыхъ и, по покрою, какъ бы монашескихъ одѣяніяхъ, которыя, истово и молча поклонившись ему, шли всѣ по направленію къ флигелю Екатерины Филипповны. Не обративъ на это особеннаго вниманія, Егоръ Егорычъ продолжалъ свою прогулку и въ концѣ двора вдругъ увидалъ, что въ калитку воротъ вошла Марія Ѳеодоровна, которая, спѣша и потрясая своими сѣдыми кудрями, тоже направлялась къ домику Екатерины Филипповны. Егоръ Егорычъ, занятый своими собственными мыслями, и тому не придавъ никакого значенія, направился со двора въ садъ, густо заросшій разными деревьями, съ клумбами цвѣтовъ и съ немного сыроватымъ, но душистымъ воздухомъ, каковой онъ и сталъ жадно вдыхать въ себя, почти не чувствуя, что ему приходится все ниже и ниже спускаться; наконецъ, садъ прекратился, и передъ глазами Егора Егорыча открылась идущая изгибомъ Москва-рѣка съ виднѣющимся въ полумракѣ наступившихъ сумерекъ Дѣвичьимъ Монастыремъ, а съ другой стороны, съ чернѣющими Воробьевыми горами. Садъ отдѣлялся невысокой деревянной рѣшеткой и невдалекъ была небольшая скамейка, на которой Егоръ Егорычъ усѣлся и еще болѣе погрузился въ свои невеселыя мысли. Ему было досадно, что онъ не задалъ Екатерины Филипповны вопроса о самомъ себѣ, такъ какъ чувствовалъ, что хирѣетъ и старѣетъ съ каж-

дымъ днемъ, и въ этомъ случаѣ онъ боялся не смерти, нѣтъ! Какъ искренній масонъ, онъ привыкъ размышлять о смерти безъ трепета, но его заботила опять-таки Сусанна Николаевна въ томъ отношеніи, что какъ она останется одна на свѣтѣ, безъ него? За ея мораль и нравственную чистоту Егоръ Егорычъ нисколько не опасался, но все-таки Сусанна Николаевна была еще молода, совершенно неопытна въ жизни и, главное, какъ всѣ Рыжовы, очень довѣрчива; между тѣмъ, Егоръ Егорычъ, при всемъ своемъ оптимизмѣ, совершенно убѣдился, что коварство, лживость, безчестность и развращенность понятій растутъ въ обществѣ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, онъ поднялся со скамейки и пошелъ въ обратный путь къ своему экипажу, но когда опять очутился на дворѣ, то его поразили: во-первыхъ, яркій свѣтъ въ окнахъ комнаты, занимаемой Екатериной Филипповной, а потомъ раздававшаяся оттуда черезъ отворенную форточку игра на арфѣ, сопровождаемая пѣніемъ нѣсколькихъ дребезжащихъ старческихъ голосовъ. Нисколько не желая соглядатайствовать, Егоръ Егорычъ, тѣмъ не менѣе, взглянувъ въ окна комнаты, замѣтилъ, что сама Еватерина Филипповна попрежнему сидѣла въ своемъ креслѣ, а невдалекѣ отъ нея помѣщалась съдовласая Марія Федоровна въ бѣлой одеждѣ и играла на арфѣ. Около стѣнъ-же комнаты сидѣли старушки и даже два-три старичка, тоже въ бѣлыхъ какъ-бы рубахахъ. Между послѣдними Егоръ Егорычъ увидалъ Мартына Степаныча, также въ бѣломъ халатѣ. Картина Боровиковскаго видна была до мельчайшихъ подробностей и блестяла своею дорогою ра-

мой. Догадавшись, что это было радѣніе, Егоръ Егорычъ поспѣшилъ уйти со двора Екатерины Филипповны и поѣхалъ домой.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что бессознательное безпокойство Егора Егорыча о грядущей судьбѣ Сусанны Николаевны оказалось въ настоящія минуты почти справедливымъ. Дѣло въ томъ, что, когда Егоръ Егорычъ уѣхалъ къ Пилецкому, Сусанна Николаевна, оставшись одна дома, была совершенно покойна, потому что Углаковъ былъ у нихъ по-утру, и она очень хорошо знала, что по два раза онъ не ѣздитъ къ нимъ; но тутъ вдругъ какъ-бы изъ-подъ земли выросъ передъ ней. Сусанна Николаевна удивилась, смутилась и явно выразила въ лицѣ своемъ неудовольствіе.

— Я сейчасъ встрѣтилъ Егора Егорыча и видѣлъ, что онъ ѣдетъ куда-то далеко, а потому и пріѣхалъ къ вамъ,—объявилъ ей Углаковъ наивно.

— Вы ошибаетесь: мужъ сейчасъ вернется, и вашъ визитъ покажется ему страннымъ... Вы меня компрометируете, Углаковъ! — возразила ему Сусанна Николаевна.

— Нѣтъ, ничего,—произнесъ тотъ умоляющимъ голосомъ: — вы не сердитесь только и выслушайте меня... Я не воленъ болѣе въ себѣ и заклинаю васъ сказать мнѣ, любите-ли вы меня хоть на каплю?...

Сусанна Николаевна сидѣла отвернувшись и какъ-бы не слушала его.

— Сусанна Николаевна, — продолжалъ Углаковъ:—ваше молчаніе, ваша осторожность до такой степени мучаютъ меня, что я или убью себя, или съ ума сойду.

Сусанна Николаевна и на это молчала.

— Но если ужъ въ васъ нисколько нѣтъ любви ко мнѣ, — продолжалъ Углаковъ трепетнымъ голосомъ:—то дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, вашу дружбу, каковой наградила меня Муза Николаевна...

— Дружбу? Извольте!—почти съ радостью воскликнула Сусанна Николаевна:—Я готова къ вамъ питать ее и буду вамъ искренній и полезный другъ... Вотъ вамъ въ томъ рука моя!... — заключила она и, нимало не остерегаясь, сама протянула ему руку, которую Углаковъ схватилъ и началъ цѣловать десять, двадцать, пятьдесятъ разъ.

— Будетъ-же, будетъ! — говорила ему Сусанна Николаевна, тщетно стараясь оторвать свою руку отъ его губъ. — Идите-же, наконецъ, вонъ, Углаковъ!... Вы, я вижу, не стоите дружбы! — почти крикнула она на него.

Углаковъ оставилъ ее руку и въ явномъ отчаяніи опустился на одно изъ креселъ.

— Вы правы, я не могу оставаться вашимъ другомъ!—произнесъ онъ.

— Ну, такъ вотъ видите, что,—заговорила Сусанна Николаевна со свойственною ей въ рѣшительныхъ случаяхъ энергіей: — я давно это знаю и вижу, что вы не другъ мнѣ, потому что не счастья мнѣ хотите, а желаете, напротивъ, погубить меня!...

Углаковъ отрицательно затрясъ головой и откинулся на спинку кресла.

— Да, погубить, — повторила Сусанна Николаевна:—потому что, если-бы я позволила себѣ къмъ-нибудь увлечься и принадлежать тому человѣку, то

это все равно, что онъ убилъ-бы меня!... Я, навѣрное, на другой же день лежала-бы въ гробу... Хотите вы этого достигнуть?... Таитья теперь больше нечего: я признаюсь вамъ, что люблю васъ, но въ то-же время думаю и увѣрена, что вы не будете столь жестоки ко мнѣ, чтобы воспользоваться моимъ отчаяніемъ!

Сколь ни восхитило Углакова такое признаніе Сусанны Николаевны, послѣднія слова ея, однако, сильно ограничили его восторгъ.

— Значить,—проговорилъ онъ: — мнѣ остается выбирать одно изъ двухъ: или вашу смерть, или мою собственную, и я, конечно, предпочту послѣднее.

— Нѣтъ, нѣтъ, и того не дѣлайте! — воскликнула Сусанна Николаевна:—это тоже сведетъ меня въ могилу и вмѣстѣ съ тѣмъ уморитъ и мужа... Но вы вотъ что... если ужъ вы такой милый и добрый, вы покиньте меня, уѣзжайте въ Петербургъ, развлекитесь тамъ!... Полюбите другую женщину, а такихъ найдется много, потому что вы достойны быть любимы!

— Вы остаетесь даже мнѣ около васъ не позволяете? — сказала, склонивъ печально свою голову, Углаковъ.

— Не позволю оттого, что я... вы видите, я сама не знаю, что такое я!...—отвѣтила ему, горько усмѣхнувшись Сусанна Николаевна. — Но я молю васъ пощадить и пощадить меня!... Повѣрьте, я не меньше васъ страдаю!...

— Извольте, уѣду! — произнесъ Углаковъ и, вставъ, почтительно поклонился Сусаннѣ Никола-

евнѣ, чтобы уйти, но она торопливо и задышающимъ голосомъ вскрикнула ему:

— Еще просьба!... Прощаться не прїѣзжайте къ намъ, а то я, боюсь, не выдержу себя и это будетъ ужасно для Егора Егорыча.

— Не прїѣду, если вы не хотите того,—сказалъ Углаковъ и окончательно ушелъ.

По уходѣ его, Сусанна Николаевна принялась плакать: видимо, что ею овладѣла невыносимая печаль.

«Но что-же это такое? возможенъ здѣсь вопросъ: Сусанна Николаевна поэтому совершенно разлюбила мужа?» Отвѣтъ на это болѣе ясный читатель найдетъ впоследствии, а теперь достаточно сказать, что Сусанна Николаевна продолжала любить мужа, но то была любовь пассивная, основанная на уваженіи къ уму и благородству Егора Егорыча, любовь, поддерживаемая доселѣ полнымъ согласіемъ во всевозможныхъ взглядахъ; чувство-же къ Углакову выражало порывъ молодого сердца, стремленіе къ жизненной поэзіи, исканіе таинственного счастья, словомъ, чувство чисто-активное и болѣе реальное. Когда Сусанна Николаевна увидала, что Егоръ Егорычъ подѣхалъ къ крыльцу, она, чтобы скрыть отъ него свои слезы, бросилась опрометью къ себѣ наверхъ и не сходила оттуда весь остальной вечеръ. Что касается Углакова, то онъ прямо отъ Маренныхъ поскакалъ къ другу своему, Аграфенѣ Васильевнѣ, которую, къ великому утѣшенію своему, засталъ дома тоже одну; старичище ея, какъ водится, уѣхалъ въ англійскій клубъ сидѣть въ своемъ шкафу и играть въ коммерческую игру. Аграфена Василь-

евна, по искаженному выраженію лица милаго ея чертенка, догадалась, что съ нимъ что-то неладное происходитъ, и первое ей пришло въ голову, что ужь не засужденъ-ли Лябьевъ.

— Ну, садись и рассказывай, что Лябьевы, всели у нихъ благополучно?—спросила она торопливо.

— Лябьевы... ничего, пока здоровы!—отвѣчалъ Углаковъ отрывисто.

— Отчего-же ты такой, словно съ цѣпи сорвался?

— Я съ чего такой? — повторилъ Углаковъ: — Но вы прежде, тетенька, велите мнѣ дать вина какого-нибудь, покрѣпче!

— Ну, это, дяденька, ты врешь!... Крѣпкаго вина я тебѣ не дамъ, а шампанскимъ, коли хочешь, накачу.

И Аграфена Васильевна велѣла подать шампанскаго, бывшаго у нея всегда въ запасѣ для добрыхъ пріятелей, которые, надобно сказать правду, всѣ любили выпить.

Углаковъ, подкрѣпившись виномъ, передалъ Аграфенѣ Васильевнѣ буквально всю предъидущую сцену съ Сусанной Николаевной.

— Поди ты, какая ломака барыня-то!... По половицѣ: хочется и колется... И что-жь ты уѣдешь?

— Уѣду, тетенька, потому что все равно. Если я не уѣду, она въ деревню уѣдетъ, какъ уже сказала она мнѣ разъ.

— Это такъ, да!—согласилась Аграфена Васильевна: — Да и побережь ее тебѣ всамотко надобно; не легко тоже, видно, ей приходится.

— Поберегу!... Что бы со мной ни было, а ее я поберегу!

— Самъ-то тоже не благуй очень!... И что вы тутъ оба намололи, удивительное дѣло! Ты убьешь себя, она умретъ... Какъ есть вы нѣженки!

— Не нѣженки, а что точно, очень непереносно... А что пить я стану, это будетъ!... Ты такъ, тетенька, и знай!

— Попить, ничего, попей!... Вино куражитъ человека!... Помни одно, что вы съ Сусанной Николаевной не перестарки какіе, почестъ еще сосунцы, а старичокъ ея не вѣкъ-же станетъ жить, можетъ, скоро уберется и женишься ты тогда на своей милой Сусаннушкѣ и пойдетъ промежъ васъ дѣло настоящее.

— Ахъ, тетенька, если-бы это когда-нибудь случилось!... И вдругъ мнѣ Сусанна Николаевна пропоетъ пѣсенку Беранже: *«Verse encore; mais pourquoi ces atours entre tes baisers et mes charmes? Romps ces noeuds, oui, romps-les pour toujours, ma pudeur ne connait plus d'alarmes!*— продекламировалъ Углаковъ.

Аграфена Васильевна слушала его улыбаясь, будучи очень довольна, что чертенокъ поразвеселился.

— Что-жь это значить?—спросила она.

— Значить это, тетенька: *«Наливай мнѣ вина! Но зачѣмъ же эта рубашка мѣшаетъ тебѣ цѣловать мои красоты? Прочь ее, и прочь навсегда! У меня ужъ нѣтъ болѣе стыдливости къ тебѣ».*

— Пѣсня складная и ладная!—опредѣлила Аграфена Васильевна.

— Ладная!—воскликнулъ Углаковъ:— Самое хорошее тутъ слово: *pudeur*, стыдливость... Къ чорту еѣ, чтобы пропала она у Сусанны Николаевны!...

— Ишь ты, что ему надобно... чтобы и не стыдились его! — произнесла Аграфена Васильевна и, при разставаньи съ чертеночкомъ, глаза ея наполнились слезами.

На другой день часовъ еще въ девять утра къ Марейну прѣвхалъ старикъ Углаковъ, встревоженный, взволнованный и, объявивъ съ великимъ горемъ, что вчера въ ночь Пьеръ его вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ускакалъ въ Петербургъ на службу, спросилъ, не можетъ-ли Егоръ Егорычъ что-нибудь объяснить ему по этому поводу. Вѣроятно, старикъ Углаковъ догадывался отчасти, что Пьеръ его влюбился въ Сусанну Николаевну. Егоръ Егорычъ ничего, конечно, не могъ объяснить ему и, когда гость отъ него уѣхалъ, онъ, сойдясь съ Сусанной Николаевной и Музой Николаевной за чаемъ, повѣдалъ имъ о нечаянномъ отъѣздѣ молодаго Углакова въ Петербургъ и объ его намѣреніи снова поступить на службу. Сусанна Николаевна при этомъ постаралась выразить въ лицѣ своемъ маленькое удивленіе, хотя-сама смутилась до невозможности. Муза Николаевна прежде всего взглянула на сестру. Разговоръ, впрочемъ, на томъ только и окончился. Муза Николаевна вскорѣ-же уѣхала къ мужу, а Сусанна Николаевна отправилась сначала къ обѣднѣ, возвратясь откуда, прошла къ себѣ на верхъ; Егоръ же Егорычъ все ждалъ письма отъ Пилецкаго. Такъ прошелъ весь день. Понятно, что обѣ сестры, столь привыкшія быть между собою откровенными, не могли долго скрытничать. Муза Николаевна, узнавъ отъ мужа въ тюрьмѣ всю исторію, происшедшую между влюбленными, о чемъ Лябьеву рассказывалъ

самъ Углаковъ, заѣзжавшій къ нему прощаться, немедля-же, по возвращеніи, заговорила объ этомъ съ сестрой:

— Ты удалила отъ себя Углакова окончательно? —начала она нѣсколько укоризненнымъ тономъ.

— Удалила,—отвѣчала Сусанна Николаевна.

— И тебѣ не жаль его?

— Напротивъ, жаль и даже жаль самой себя.

— Но зачѣмъ-же ты все это дѣлаешь?

— Затѣмъ, что мнѣ еще болѣе обоихъ насъ жаль моего мужа.

— Послѣ этого, ты не знаешь твоего мужа! —воскликнула Муза Николаевна:—Я увѣрена, что если-бы ты намекнула ему только на то, что ты чувствуешь теперь, такъ Егоръ Егорычъ потребовалъ-бы отъ тебя совершенно противнаго.

— Можетъ быть,—не отвергнула Сусанна Николаевна:—но я тоже знаю, чего это будетъ стоить ему... Кромѣ того, мнѣ моя собственная совѣсть никогда не позволитъ до такой степени сдѣлаться порочною, какъ желаетъ того Углаковъ.

Муза Николаевна на это пожала только плечами съ удивленіемъ и сожалѣніемъ.

Пока происходила эта бесѣда, къ Егору Егорычу одна изъ богадѣленокъ Екатерины Филипповны принесла письмо отъ Пиледкаго, которое тотъ нетерпѣливо сталъ читать. Письмо Мартына Степаныча было слѣдующее:

«Я замедлилъ вамъ отвѣтомъ, ибо Екатерина Филипповна весь сегодняшній день была столь ослабшею послѣ вчерашняго, довольно многолюднаго, у насъ собранія, что вечеромъ токмо въ силахъ была

продиктовать желаемые вами отвѣты. Отвѣтъ о Лябьевыхъ: благодарите за нихъ Бога; путь ихъ хоть умалень, но они не погибнуть и въ концѣ жизни своей возрадуются, что великимъ несчастіемъ Господь смирилъ ихъ. Отвѣтъ о высовочтимой Сусаннѣ Николаевнѣ: блюдите о ней, мните о ней каждоминутно и раскройте къ ней всю вашу душевную нѣжность».

Прочитавъ эти довольно темныя изреченія, Егоръ Егорычъ затрепеталъ, такъ какъ изреченія совпадали съ его собственнымъ необъяснимымъ страхомъ, и забормоталъ про себя: «Что же это такое, болтовня обезумѣвшей старухи или пророчество и должный ударъ въ мою совѣсть? Я знаю теперь и чувствую, сколько виноватъ, и все отъ того, что возмнилъ опять о себѣ! Всѣ чувствуйте, какъ я чувствую, а не какъ они! Сколь ни велики мои грѣхи, но неужели милосердый Богъ назначить мнѣ еще новое невыносимое для меня испытаніе, и умру не я, а Сусанна!» При этой мысли Егоръ Егорычъ почти обезумѣлъ: не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ велѣлъ Антипу Ильичу позвать Сусанну Николаевну, чтобы сколь возможно откровеннѣе переговорить съ нею. Та, въ свою очередь, услыхавъ изъ кроткихъ устъ Антипа Ильича приглашеніе, тоже затрепетала и, едва владѣя собой, сошла къ Егору Егорычу, который рассказалъ ей, какъ онъ былъ у пророчицы Екатерины Филипповны Татариновой, подруги Пилецкаго, какъ задалъ сей послѣдней вопросы о Лябьевыхъ и о ней, Сусаннѣ, а затѣмъ прочелъ самые отвѣты, изъ которыхъ послѣдній еще болѣе смутилъ Сусанну Николаевну, особенно когда Егоръ Егорычъ воскликнулъ:

— Значитъ, я загубилъ тебя?

— Когда и чѣмъ ты загубилъ меня? — воскликнула Сусанна Николаевна.

— Тѣмъ, что ты все больна, — бормоталъ все Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала ему торопливо Сусанна Николаевна: — ты не думай нисколько, что я больна... Будь прежде всего покоенъ за меня; ты нуженъ еще для многихъ добрыхъ дѣлъ, кромѣ меня...

— Я нуженъ для одного только дѣла, чтобы искупить кровь Валеріана и обличить убійцу, возведеннаго теперь Москвой.

— Сдѣлай это сначала, а потомъ я поговорю съ тобой о самой себѣ, — продолжала какъ-бы невольно проговорившаяся Сусанна Николаевна.

— Но что-жь ты будешь говорить со мной? — снова воскликнулъ Егоръ Егорычъ съ безпокойствомъ.

— Да я теперь еще и не знаю, что такое буду тебѣ говорить! — отвѣтила Сусанна Николаевна и вдругъ, чего она никогда прежде не дѣлала, встала и ушла къ себѣ на верхъ.

Егоръ Егорычъ остался совсѣмъ огорченный и надломленный. Онъ уже понялъ, что у Сусанны Николаевны есть тайныя и большія страданія и что онъ причиною сихъ страданій.

IX.

Марейныхъ вновь постигнуло хоть и ожидаемое, но все-таки горе. Юлія Матвѣвна, бывшая последнее время очень слаба, кончила, наконецъ, свою печальную жизнь, и тутъ неприятнѣе всего было,

что смерть ея ускорила по милости ея горничной, дуры Агапіи, которая напугала Юлію Матвѣевну. Случилось это такимъ образомъ: Сверстовъ и gnädige Frau, знавшіе, конечно, изъ писемъ Марейныхъ о постигшемъ Лябьева несчастіи, тщательно объ этомъ, по просьбѣ Сусанны Николаевны, скрывали отъ больной; но въ Кузьмищево зашла за подаянiемъ всеобщая вѣстовщица, дворянка-богомолка, успѣвшая уже сошлѣндать въ Москву и первой же Агапіи возвѣстила, что зятекъ Юліи Матвѣевны, Лябьевъ, за картами убилъ генерала и сидитъ теперь за то въ тюрьмѣ. Агапія, по своей чувствительной натурѣ, разахалась, разревѣлась и, прямо бросившись къ свсей госпожѣ, провричала ей:

— Матушка-барыня, вашъ-то зять убилъ, слышь, человѣка!...

Старуха, не вполне уже все понимавшая, тутъ, однако, уразумѣла, видно, и затрепетала всѣмъ тѣломъ.

— Егорычъ!—спросила она.

— Нѣтъ, матушка, другой-то, молодой... какъ его?... я и не знаю... убилъ, матушка, генерала?

— Лябьевъ?—выговорила хоть и слабымъ голосомъ, но чисто, старуха.

— Оно-тка самый!—воскликнула Агапія.

— Сверстовъ... ну... дай!—намекала старуха.

— Да онъ уѣхалъ куда-то!—провопіяла Агапія.

Сверстовъ дѣйствительно уѣхалъ, и уѣхалъ далеко, къ Аггею Никитичу, для совѣщанiя съ нимъ по дѣлу Тулузова.

— Ну, барыню его позову, все-то-тко равно! — сообразила Агапія и убѣжала къ gnädige Frau.

— Подьте, матушка, къ моей барынѣ! У нихъ зятьва-то въ острогъ услали.

Gnädige Frau была ужасно этимъ поражена.

— Кто-жь сказалъ объ этомъ Юліи Матвѣевнѣ? — спросила она, проворно вставая и оставляя постоянную работу—вязаніе мужу шерстяныхъ носковъ, которыхъ онъ, будучи весь день на ногахъ, изнашивалъ великое множество.

— Я, матушка, имъ доложила,—объяснила наивно Агапія.

— Ахъ, ты, глупая женщина! Какъ-же ты смѣла это сдѣлать, не сказавъ прежде мнѣ?—вспылила gnädige Frau и поспѣшно прошла къ Юліи Матвѣевнѣ.

— Зять... зачѣмъ... убилъ?—спросила ее та какимъ-то даже строгимъ голосомъ.

— Это все сплетни!.. Онъ не убивалъ!—стала было утѣшать ее gnädige Frau и, между тѣмъ, неволью краснѣла отъ сознанія, что говорила неправду.

— Муза?... Сусанна?... — едва выговорила старушка.

— Муза и Сусанна Николаевна здоровы и покойны,—отвѣчала ей gnädige Frau.

— Егорычъ гдѣ?

— Въ Москвѣ, вмѣстѣ съ Сусанной Николаевной;— онъ тоже повоенъ и здоровъ.

Старушка на нѣкоторое время замолчала, и у нея только мускулы въ лицѣ подергивало.

— Крестись! — почти приказала она потомъ gnädige Frau, которая поняла, что больная требуетъ отъ нея влѣтвеннаго подтвержденія того, что она ей говорила; gnädige Frau на мгновеніе колебалась, но, вспомнивъ, что скрывать отъ старушки несчастіе

зятя была не ея воля, а воля Сусанны Николаевны, перекрестилась.

Что-то въ родѣ горькой улыбки отразилось на пересохшихъ губахъ больной: по инстинкту матери она хорошо сознавала, что ее обманываютъ.

— Ничего этого не было, — старалась успокоивать старушку gnädige Frau, но, увидавъ стоявшую тутъ-же, въ комнатѣ, съ совершенно мокрымъ отъ слезъ лицомъ Агапію, сказала той:

— Ты уйди!

Агапія пошла было.

— Нѣтъ!—остановила ту старушка.

Агапія осталась на своемъ мѣстѣ.

Gnädige Frau рѣшительно не знала, что предпринять ей.

— Не хотите-ли я привесу капель, которыя мужъ велѣлъ вамъ принимать и которыя всегда васъ такъ успокоиваютъ?

— Нѣтъ,—отказалась Юлія Матвѣевна, и когда gnädige Frau сѣла было невдалекѣ отъ ея постели, она, хотъ и молча, но махнула рукой.

Gnädige Frau, понявъ изъ этого, что Юлія Матвѣевна желаетъ, чтобы она удалилась, исполнила ея желаніе и, выйдя въ корридоръ, помѣстилась на стулѣ, около комнаты больной. Прошло съ часъ времени, Юлія Матвѣевна замѣтно начала свободнѣе дышать, потомъ вдругъ указала на лежавшія въ углу валеныя туфли.

Агапія, не смотря на свою глупость, лучше всѣхъ понимавшая Юлію Матвѣевну, подала ей эти валенки, но старуха затрясла отрицательно головой. Агапія и тутъ, однако, догадалась, что она хотѣла и при-

несла шерстяные чулки, въ которые обула больную, а сверхъ ихъ надѣла валенки.

— Дай тутъ!... — что-то такое сказала больная, но Агапія опять-таки догадалась, что Юлія Матвѣевна требуетъ салопъ себѣ, и вынула изъ шкафа ваточный салопъ.

— Ну!—сказала ей Юлія Матвѣевна.

Агапія попыталась окутать этимъ салопомъ ноги больной, но та почти разсердилась.

— Дай, дай... — говорила она: — Егорычъ... лошадь!

Агапія, подумавъ, что бѣдная старушка собиралась ѣхать куда-то и, испугавшись такого намѣренія Юліи Матвѣевны, побѣжала сказать о томъ gnädige Frau.

— Какъ это возможно?—произнесла та съ безпокойствомъ и вошла опять въ комнату больной, но Юлія Матвѣевна была почти въ безсознательномъ состояніи и съ ней уже начался предсмертный ознобъ: зубы ея щелкали, въ лицѣ окончательно подергивало всѣ мускулы, наконецъ сталъ, какъ говорится, и хоробрецъ ходить, а черезъ нѣсколько минутъ Юліи Матвѣевны не стало болѣе въ живыхъ.

Агапія, первая, ревмя заревѣла, заплакала вслѣдъ затѣмъ Фадѣевна, а вмѣстѣ съ ней и молодыя горничныя. Gnädige Frau, между тѣмъ, послала за отцомъ Василиемъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какъ распорядиться похоронамъ. Отецъ Василій немедля же пришелъ по ея приглашенію и былъ значительно выпивши. Увы! сей умнѣйшій и образованнѣйшій человекъ опять началъ сильно зашибаться хмѣлемъ. Главной причиной тому была неудача, постигшая

его «Исторію масонства въ Россіи», которая была имъ окончена и которую онъ читалъ въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ своимъ кузьмищевскимъ масонамъ. Всѣ они были въ восторгѣ отъ глубокой учености его труда и изящества въ изложеніи, а Егоръ Егорычъ, сверхъ того, взялся напечатать эту исторію въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, для чего, разумѣется, потребовалось испросить разрѣшеніе; но тутъ-то и затормозилось дѣло. Напрасно Егоръ Егорычъ, пользуясь своимъ обширнымъ знакомствомъ и разославъ трудъ отца Василія, переписанный въ нѣсколькихъ экземплярахъ, къ разнымъ властямъ свѣтскимъ и духовнымъ, просилъ ихъ содѣйствія. Всѣ онѣ отвѣтили ему безъ замедленія и въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отзывались о капитальности труда и о краснорѣчій автора, но находили вмѣстѣ съ тѣмъ, что для обнародованія подобнаго рода исторій не пришло еще время. Такимъ образомъ, отецъ Василій долженъ былъ на всю остальную жизнь потерять всякую надежду заявить себя обществу въ томъ, что составляло его главную силу и достоинство, а это было для него, какъ чловѣка честолюбиваго, горше смерти.

Gnädige Frau, увидавъ своего любимца въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, въ каковомъ онъ уже являлся передъ ней неоднократно, очень этимъ огорчилась, но не подала, конечно, виду и начала съ нимъ бесѣдовать. Объ умершей они много не разговаривали (смерть ея было такое естественное явленіе), а переговаривали о томъ, какъ имъ увѣдомить поосторожнѣе Марѣиныхъ, чтобы не разстроить ихъ очень, и придумали (мысль эта всецѣло принадлежитъ

gnädige Frau) написать Антипу Ильичу и поручить ему сказать о смерти старушки Егору Егорычу, ибо gnädige Frau очень хорошо знала, какой высоко-духовный человекъ Антипъ Ильичъ и какъ его слушается Егоръ Егорычъ. Отецъ Василій одобрилъ эту мысль и перешелъ потомъ къ болѣе отвлеченному разговору.

— Съ давнихъ вѣковъ, — началъ онъ: — существуетъ для людей вопросъ: что бываетъ съ человекомъ послѣ смерти его? Вопросъ этотъ на первый взглядъ можетъ показаться празднымъ, ибо каждая религія рѣшаетъ его по своему; но, съ другой стороны, и существеннымъ, потому что люди до сихъ поръ продолжаютъ о немъ беспокоиться и думать.

— Я полагаю, что они думаютъ и беспокоятся оттого, что ищутъ утраченнаго ими райскаго луча. Вы сами такъ прекрасно говорили объ этомъ въ вашей рѣчи на свадьбѣ Сусанны Николаевны.

— Я знаю, что я прекрасно говорилъ, — произнесъ отецъ Василій съ нѣкоторою ядовитостью (выпивши онъ всегда становился жедчнымъ и начиналъ ко всему относиться скептически): — но это происходило въ силу того закона, что мой разумъ и воображеніе приучены къ этому представленію болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому.

— Отецъ Василій, вы какъ-будто-бы теперь отказываетесь отъ самого себя и отъ словъ своихъ? — подувоскликнула gnädige Frau.

— Нѣтъ, я не отказываюсь ни отъ того, ни отъ другаго, — произнесъ мрачнымъ тономъ отецъ Василій: — я тотъ-же остаюсь масонъ и въ придатокъ къ тому — православный попп; но уразумѣйте меня, gnä-

dige Frau: я человекъ, и потому не вполне себя вѣрю; не могу, наиримѣръ, утверждать, что исповѣдуемое мною вѣроученіе непогрѣшимо; напротивъ того, я вѣрую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ищу. Между нами, русскими, и вами, нѣмцами, та и разница, что вы все рѣшили и дѣйствуете; а мы, повторяю еще разъ, вѣруемъ и ищемъ; только, къ несчастію, мы-же сами себя искать-то пока не позволяемъ. О, это великая пронія судебъ!

Gnädige Frau не совсемъ уразумѣла смыслъ послѣднихъ словъ отца Василія и отнесла это не къ своей непонятливости, а къ тому, что собесѣдникъ ея былъ немного подъ-шафѣ.

— Если вы по прежнему остаетесь искреннимъ масономъ,—стояла она на своемъ:—такъ чего-же вамъ искать? Масонство рѣшило многое и, по моему, совершенно правильно.

— Что именно-съ? — спросилъ отецъ Василій опять-таки ядовитымъ тономъ и съ прибавленіемъ съ.

— Мы должны быть честны!—стала перечислять gnädige Frau.

— Это хорошо!—согласился отецъ Василій.

— Должны быть трудолюбивы,—продолжала та.

— А это еще лучше того!... Потомъ-съ?—выпытывалъ отецъ Василій gnädige Frau.

Но она была не изъ тѣхъ дамъ, чтобы сробѣть и спасовать въ области нравственныхъ и религіозныхъ вопросовъ.

— Потомъ — отвѣчала она даже съ маленькимъ азартомъ:—дѣлать добро, любить прежде всего близкихъ намъ, любить по мѣрѣ возможности и другихъ людей; а идя этимъ путемъ, мы будемъ воз-

вращать себѣ райскій лучъ, который освѣтитъ намъ то, что будетъ послѣ смерти.

— Ну-съ, — полувоскликнулъ на это уже отецъ Василій:—такого освѣщенія, сколько мнѣ пзвѣстно, не дано было еще никому, и скажу даже болѣе того: по моимъ горестямъ и по начинающимъ меня отъ дѣтъ моихъ терзать тѣлеснымъ недугамъ, я ни о чемъ болѣе какъ о смерти не размышляю, но все-таки мое воображеніе ничего не можетъ мнѣ представить опредѣлительнаго, и я успокоиваюсь лишь на томъ, во что мнѣ предписано вѣрить.

— И вѣрите!... Это очень хорошо съ вашей стороны,—произнесла gnädige Frau, какъ-бы поучавшая отца Василія, а не онъ ее.

— Но сами вы чему вѣрите? — сказалъ онъ ей съ прежней ядовитостью.

— Я вѣрю, — объяснила gnädige Frau со своей обычной точностью:—что мы, живя честно и трудолюбиво и не дѣлая другимъ зла, не должны бояться смерти; это говоритъ мнѣ моя религія и масонство.

— Знаю, что это говорится, но только человѣкъ-то этимъ весь не исчерпывается; опять привожу въ доказательство себя-же: мысленно я не страшусь смерти, но ея боится мой архей и заставляетъ меня даже вскрикивать отъ страха, когда меня, особенно послѣднее время, какъ-нибудь посильнѣе тряхнетъ въ моей колымажкѣ, въ которой я ѣзжу по приходу.

— Я архея не отвергаю и согласна, что онъ иногда въ насъ говоритъ сильнѣе, чѣмъ наша душа и наше сердце,—замѣтила gnädige Frau.

— А только то и требовалось доказать! — под-

хватилъ опять-таки съ усмѣшкой отецъ Василій и всталъ, чтобы отправиться домой.

Къ благословенію его gnädige Frau, конечно, не подошла, да отецъ Василій и не ожидалъ того. Разставшись, оба бесѣдующіе невольно подумали другъ о другѣ:

— Какого высокаго ума человекъ и въ какое страшное сомнѣніе впадаетъ! — сказала сама себѣ gnädige Frau.

Отецъ-же Василій, идя дорогой, размышлялъ: «Сія дама, по своему узкому протестантизму, все рѣшила, а Фауста-то и забыла, хоть и нѣмка!»

И отецъ Василій при этомъ захохоталъ на всю улицу.

Gnädige Frau очень умно придумала написать о смерти Юліи Матвѣевны Антипу Ильичу, а не Егору Егорычу, безъ того уже бывшему отъ разнаго рода непріятностей въ сильно раздраженномъ состояніи. Антипъ Ильичъ, прочитавъ письмо gnädige Frau, написанное четкимъ почеркомъ отца Василія, конечно, съ одной стороны, опечалился, узнавъ о смерти Юліи Матвѣевны, но съ другой — остался доволенъ тѣмъ довѣріемъ, которымъ былъ почтенъ отъ госпожи Сверстовой. Прежде всего, онъ всталъ на довольно продолжительную молитву, а потомъ улучивъ минуту, когда Егоръ Егорычъ былъ совершенно одинъ, вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Позвольте васъ спросить, — началъ онъ своимъ добрымъ голосомъ: — когда вы имѣете намѣреніе отправиться въ Кузьмищево?

— Не знаю и самъ! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ,

нѣсколько удивленный словами Антипа Ильича, такъ какъ сей послѣдній никогда не дѣлалъ ему подобнаго рода вопросовъ:—Ты самъ видишь, какъ тутъ уѣхать: Муза Николаевна измучена своимъ несчастьемъ; Сусанна Николаевна тоже вмѣстѣ съ нею мучится и, какъ я подозреваю, даже больна...

— Да-съ,—протянулъ ему Антипъ Ильичъ:—Сусанну Николаевну намъ надобно всѣмъ побереечь!

Егоръ Егорычъ испугался этихъ словъ Антипа Ильича. Ему показалось, что и онъ вмѣстѣ съ Екатериной Филипповной пророчить что-то недоброе Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Развѣ ты замѣчаешь, что она дѣйствительно больна?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ опять протяжно Антипъ Ильичъ:—но онѣ всегда очень беспокоятся обо всеи душой, а маменька ихъ теперь въ лѣтахъ преклонныхъ и тяжко больна... Все въ волѣ Божіей!...

Егоръ Егорычъ уразумѣлъ, что Антипъ Ильичъ клонитъ разговоръ въ совершенно другую сторону.

— Можетъ быть, со старухой что-нибудь случилось?—спросилъ онъ полушепотомъ.

— Да-съ,—опять протянулъ Антипъ Ильичъ:—Господь Богъ призвалъ ихъ въ лоно свое.

— Тебѣ пишетъ объ этомъ кто-нибудь?

— Госпожа Сверстова прислала мнѣ письмо и приказала поосторожнѣе сказать вамъ о томъ.

Егора Егорыча, впрочемъ, это извѣстіе, повидимому, не особенно встревожило.

— Миръ праху ея!... Конечно, жаль!—пробормоталъ онъ.

— Ахъ, батюшка, Егоръ Егорычъ, — восклик-

нуль на это Антипъ Ильичъ:—не печалиться, а радоваться надо за насъ, стариковъ, когда мы путь нашихъ испытаній оканчиваемъ.

— Конечно, но я боюсь, что это будетъ новымъ ударомъ для Музы и Сусанны.

— Имъ укрѣпиться въ вѣрѣ надо; укрѣпите ихъ вѣрою!—посовѣтовалъ Антипъ Ильичъ.

— Тебѣ пишутъ, когда она умерла?

— Двадцатаго числа, въ восемь часовъ вечера.

Подумавъ Егоръ Егорычъ предположилъ сказать сначала Музѣ, такъ какъ онъ зналъ, что все-таки она меньше привязана къ матери, чѣмъ Сусанна; но прежде, однако, пожелалъ узнать мнѣніе объ этомъ Антипа Ильича.

— Зачѣмъ? Что тутъ лукавить? Дѣло житейское! Скажите имъ какъ только Богъ вамъ внушитъ!—объяснилъ ему тотъ.

— Тогда лучше скажи ты! Ты къ Богу ближе, чѣмъ я!—пробормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Извольте-съ, скажу.

— Поди сейчасъ и сдѣлай это!—рѣшилъ по своей торопливости Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ, ничего уже болѣе не сказавъ, ушелъ своей медленной походкой отъ барина.

Егоръ Егорычъ съ нервнымъ вниманіемъ началъ прислушиваться къ тому, что происходило въ сосѣднихъ комнатахъ. Онъ ждалъ, что раздадутся плачь и рыданья со стороны сестеръ; этого, однако, не слышалось, а, напротивъ, скоро вошли къ нему въ комнату обѣ сестры, со слезами на глазахъ, но, повидимому, сохранившія всю свою женскую твердость. Велѣдъ за ними вошелъ также и Антипъ

Ильичъ, лицо котораго сіяло полнымъ спокойствіемъ.

— Мамаша умерла! — начала Сусанна Николаевна первая.

— Да, вотъ ему пишетъ gnädige Frau,—указалъ ей Егоръ Егорычъ на Антипа Ильича.

— А мамаша ужъ похоронена? — спросила того Сусанна Николаевна совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не изволятъ-съ объ этомъ писать,—отвѣчалъ Антипъ Ильичъ.

— Тогда, прикажи, пожалуйста, привести мнѣ почтовыхъ лошадей!.. Я сейчасъ-же поѣду похоронить мамашу... — проговорила Сусанна Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — отказалъ ей наотрѣвъ Егоръ Егорычъ.

— Почему-же нѣтъ? — сказала Сусанна Николаевна съ удивленіемъ.

— Оттого, что ты сама больна и разстроена!..

Сусанна Николаевна при этомъ какъ будто-бы стыдливо повраснѣла.

— Я нисколько не больна и не разстроена,—пропзнесла она:—и непременно хочу ѣхать!

Муза Николаевна, между тѣмъ, сидѣвшая все это время въ углу и потихоньку плакавшая, вдругъ при этомъ зарыдала.

Егоръ Егорычъ сейчасъ-же воспользовался этимъ.

— У тебя вотъ еще кто на рукахъ: несчастное, живое существо, а тамъ одно тѣло... прахъ! — проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ,—вскричала Муза:—пусть сестра ѣдетъ!.. Я плачу о томъ, что сама не могу ѣхать съ ней.

Егоръ Егорычъ началъ какъ-бы колебаться, но его выручилъ и поддержалъ Антипъ Ильичъ.

— Мы панихиды и заупокойныя обѣдни можемъ совершать и здѣсь по Юліи Матвѣевнѣ, она-же все это будетъ знать и вѣдать. Прикажете идти позвать священниковъ для служенія панихиды?

— Да, позови!—разрѣшилъ ему Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ тогда обратился къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Мы, сударыня, теперь прилетимъ къ Юліи Матвѣевнѣ на коняхъ болѣе быстрыхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ вы приказывали приготовить, — проговорилъ онъ ей и ушелъ за священниками. Тѣ вскорѣ пришли, и началось служеніе панихиды. Какія разнообразныя чувствованія волновали всѣхъ молящихся! Егоръ Егорычъ исключительно думалъ о Сусаннѣ Николаевнѣ и безпрестанно взглядывалъ на нее; она хоть и не смотрѣла на него, но чувствовала это и была мучима тайнымъ стыдомъ: при всей тяжести настоящаго ея горя, она не переставала думать объ Углаковѣ. Музою-же овладѣла главнымъ образомъ мысль, что въ отношеніи матери своей она всегда была дурной дочерью, такъ что иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, особенно послѣ выхода замужъ, не вспоминала даже о ней.

Сусанна Николаевна, впрочемъ, не оставила своей мысли ѣхать похоронить мать и на другой же день опять-таки приступила къ Егору Егорычу съ просьбой отпустить ее въ Кузьмищево. Напрасно онъ почти съ запальчивостью ей возражалъ:

— Это бессмыслица!... Юлія Матвѣевна, конечно,

теперь похоронена... Письмо шло къ намъ цѣлую недѣлю.

— Не похоронена, — упорно возражала Сусанна Николаевна:— *gnädige Frau* понимаетъ меня и знаетъ, какъ бы я желала быть на похоронахъ матери.

Споръ такого рода, конечно, кончился-бы тѣмъ, что Егоръ Егорычъ, по своей любви къ Сусаннѣ Николаевнѣ, уступилъ ей и самъ даже повѣхалъ-бы съ ней; но вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ явился, прискакавшій въ Москву на курьерскихъ, Сверстовъ. Во всей его фигурѣ виднѣлось утомленіе, а въ глазахъ досада; между тѣмъ онъ старался казаться покойнымъ и даже безпечнымъ.

— Что такое? Опять еще что-нибудь случилось?— воскликнулъ Егоръ Егорычъ, начинавшій окончательно терять свойственное ему величіе духа.

— А мать похоронена? — подхватила и Сусанна Николаевна.

— Третьяго дня!—отвѣчалъ ей Сверстовъ.

— За чѣмъ-же вы не подождали меня?—спросила его съ укоромъ Сусанна Николаевна.

— Разлагаться очень начала... Вы, барыни, этого не понимаете... Промедли еще день, такъ изъ гроба лужи-бы потекли... Какъ это можно?!...—отвѣчалъ ей со строгостью Сверстовъ.

— Я ей тоже говорилъ, — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

Затѣмъ, со стороны дамъ послѣдовали вопросы: какъ старушка умерла, не говорила-ли она чего, не завѣщала-ли чего-нибудь?

— Умерла отлично, какъ слѣдуетъ умереть ста-

рому организму... тихо, покойно, безъ страданій,— выдумывалъ для успокоенія своихъ друзей Сверстовъ.

Но тутъ вошелъ Антипъ Ильичъ и снова объявилъ, что начинается панихида.

Что Сверстовъ такъ неожиданно пріѣхалъ, этому никто особенно не удивился: всѣ очень хорошо знали, что онъ съ быстротой борзой собаки имѣлъ обыкновеніе кидаться ко всѣмъ, кого постигало какое-либо несчастіе, тѣмъ болѣе спѣшилъ на несчастье друзей своихъ; но на этотъ разъ Сверстовъ имѣлъ еще и другое въ виду, о чемъ и сказалъ Егору Егорычу, какъ только остался съ нимъ вдвоемъ.

— Я не говорилъ при Сусаннѣ Николаевнѣ, но я не былъ при смерти старушки, а находился въ это время за триста верстъ отъ Кузьмищева, у Аггея Никитича.

— У Звѣрева?—переспросилъ съ оттѣнкомъ безпокойства Егоръ Егорычъ:—По какому поводу?

— По такому,—отвѣчалъ Сверстовъ:— что онъ вызвалъ меня по дѣлу Тулузова, по которому чортъ знаетъ что творится здѣсь въ Москвѣ!

— Что такое?—снова спросилъ Егоръ Егорычъ съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— А вотъ что-съ, — принялся объяснять Сверстовъ:—на посланные Аггеемъ Никитичемъ господину Тулузову вопросные пункты тотъ учинилъ полное заперательство и въ доказательство того, что онъ *Тулузовъ*, представилъ троихъ свидѣтелей, которые подъ присягой показали, что они всегда лично его знали подъ именемъ Тулузова, а также знали и его родителей... Хорошо?

— Хорошо! — похвалилъ Егоръ Егорычъ, разсмѣявшись саркастически.

— Недурно, — поддакнулъ Сверстовъ: — а потомъ съ къ Аггею Никитичу вскорѣ послѣ этой бумаги явился разъ вечеромъ на домъ не то лавочникъ, не то чиновникъ, который, объяснивъ ему дѣло Тулузова до мельчайшихъ подробностей, просилъ его покончить это дѣло, какъ возникшее по совершенно ложному доносу, и, въ концѣ концовъ, предложилъ ему взятку въ десять тысячъ рублей.

— Но кто-же такой былъ этотъ человѣкъ... самъ Тулузовъ? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, не онъ. Аггей Никитичъ того знаетъ; но это былъ чортъ его знаетъ кто такой!

— А отчего-же Аггей Никитичъ не задержалъ его? — возразилъ Егоръ Егорычъ съ раздраженіемъ: — Онъ долженъ былъ-бы это сдѣлать, когда тотъ предложилъ ему взятку, чтобы за то его наказать.

— Аггей Никитичъ наказалъ его, только по своему; какъ человѣкъ военный, онъ рывнулъ на него.. Тотъ ему сгрубилъ что-то такое... Онъ повернулъ его, да въ шею, такъ что тотъ еле уцепилъ ноги отъ него.

— Глупо это, глупо! — замѣтилъ Егоръ Егорычъ.

— Вдругъ не найдешься, согласитесь!.. — возразилъ Сверстовъ: — И какъ потомъ докажешь, что онъ предлагалъ взятку?... Разговоръ у нихъ происходилъ съ глазу на глазъ, тѣмъ больше, что, когда я получилъ обо всемъ этомъ письмо отъ Аггея Никитича и поѣхалъ къ нему, то изъ Москвы прислана была новая бумага въ судъ съ требованіемъ передать все дѣло Тулузова въ тамошнюю управу бла.

гочинія для дальнѣйшаго производства по оному, такъ какъ господинъ Тулузовъ проживаетъ въ Москвѣ постоянно, гдѣ поѣтому должны производиться всѣ дѣла, касающіяся его... Понимаете, какая подведена махинація?

— Понимаю!—отвѣтилъ угрюмо Егоръ Егорычъ.

— Но что-жъ намъ остается послѣ этого дѣлать?—спросилъ Сверстовъ.

Егоръ Егорычъ сталъ соображать.

— Я, къ сожалѣнію, съ нынѣшнимъ генералъ-губернаторомъ никогда не сблизался, по той причинѣ, что онъ искони французъ и энциклопедистъ; я-же масонъ, а потому мнѣ ѣхать теперь къ нему и говорить объ дѣлѣ, совершенно меня не касающемся, странно. Но я вмѣстѣ съ вами поѣду къ моему другу Углакову, который очень хорошъ съ княземъ.

— Optime!—воскликнулъ Сверстовъ, и на другой день оба друга поѣхали къ Углакову; но, къ великой досадѣ ихъ, застали того почти въ отчаянномъ состояніи. Его Пьеръ, снова было поступившій на службу, вдругъ заболѣлъ той-же нервной горячкой, которой онъ болѣлъ въ Москвѣ. Madame Углакова уѣхала уже къ сыну, чтобы быть при немъ сидѣлкой; но, тѣмъ не менѣе, когда Егоръ Егорычъ и Сверстовъ рассказали Углакову дѣло Тулузова, онъ объявилъ имъ, что сейчасъ-же поѣдетъ къ генералъ-губернатору, причѣмъ увѣрялъ, что князь все сдѣлаетъ, чего требуетъ справедливость. Покончивъ на этомъ, Егоръ Егорычъ и Сверстовъ разстались съ Углаковымъ и поѣхали: первый домой, а другой пересѣлъ на извозчика и отправился къ Мартыну Сте-

паньчу Пилецкому, съ которымъ Сверстовъ отъ души желалъ поскорѣе повидаться.

Сусанна Николаевна, между тѣмъ, замѣтно поджидавшая съ нетерпѣніемъ мужа, сейчасъ же, какъ онъ пріѣхалъ, спросила его:

— Ну, что у Углаковыхъ?.. Какъ тамъ идетъ?

— Тамъ идетъ скверно, — бухнулъ прямо Егоръ Егорычъ: — нашъ общій любимецъ, Пьеръ, заболѣлъ и лежитъ опять въ горячкѣ; мать ускакала къ нему, отецъ сидитъ, какъ пришибленный баранъ, и сколь я ни люблю Пьера, но сильно подозреваю, что онъ пьянствовать тамъ началъ?

Сусанна Николаевна при этомъ поблѣднѣла только, и что она чувствовала, предоставляю судить всѣмъ молодымъ дамамъ, которыя въ сердцахъ своихъ таили чувствованія, подобныя ея чувствованіямъ!

Х.

Въ кофейной Печкина вечеромъ собралось обычное общество: Максилька, гордо возсѣдавшій нѣсколько вдали отъ прочихъ на диванъ, пдущемъ по тремъ стѣнамъ: отставной докторъ Сливцовъ, выгнанный изъ службы за то, что обыгралъ на биліардѣ два кавалерійскіе полка, и продолжавшій, затѣмъ, свою профессію въ Москвѣ: въ настоящемъ случаѣ онъ игралъ съ надсмотрщикомъ гражданской палаты, чиновникомъ еще нестарымъ, который получивъ сію духовную должность, не преминулъ каждадневно ходить къ кофейную, чтобы придать себѣ,

какъ онъ полагалъ, болѣе свѣтское воспитаніе; затѣмъ, на томъ же диванѣ сидѣлъ франтоватый господинъ, весьма мизерной наружности, но изъ аристократовъ, такъ какъ носилъ званіе камеръ-юнкера, и по поводу этого камеръ-юнкерства рассказывалось, что когда онъ былъ облеченъ въ это придворное званіе и явился на выходъ при пріѣздѣ Императора Николая Павловича въ Москву, то Государь, взглянувъ на него, сказалъ, съ оттѣнкомъ неудовольствія, генералъ-губернатору: «Какъ тебѣ не совѣстно завертывать такихъ червяковъ, какъ въ какіе-нибудь коконы, въ камеръ-юнкерскій мундиръ!» Вмѣстѣ съ этимъ господиномъ пріѣхалъ въ кофейную также и знакомый нашъ молодой гегеліанецъ, который, наконецъ, сталъ ужь укрываться и спасаться отъ mademoiselle Блохи по трактирамъ. То, что онъ будтобы женится на ней, была часто выдумка Углакова. Наконецъ, какъ бы для придачи большей пестроты этому разнокалиберному обществу, посреди его находился тотъ самый толстенькій частный приставъ, который опрашивалъ свидѣтелей по дѣлу Тулузова и который, по своей вожеватости, состоя на дружеской ногѣ съ большою частію актеровъ, во всякое свободное отъ службы время являлся въ кофейную.

Разговоръ между собесѣдниками начался съ того, что Максинька, не безъ величія, отнесся къ частному приставу съ вопросомъ:

— А что, нашего Петю... того... прихлопнуть?

— За что его прихлопнуть? — отвѣчалъ частный приставъ, какъ-бы не понявшій вопроса Максиньки.

— Ну, тамъ, вы сами знаете за что! — сказалъ Максинька и скорбно захохоталъ.

— Нѣтъ, ничего не будетъ, — успокоилъ его частный приставъ.

— Вамъ извѣстна вся эта исторія, про которую Богъ знаетъ что рассказываетъ? — спросилъ важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и гнусливымъ нѣскольکو голосомъ невзрачный господинъ.

— Извѣстна-съ, потому что я и производилъ это дѣло, — объяснилъ приставъ.

— По моему, вы неблагородно поступили, что позволили себѣ накрывать, и кого же?... дамъ! — укорилъ его Максинька, всегда вѣрный своему возвышенному взгляду на женщинъ вообще и на благородныхъ дамъ въ особенности.

— А когда начальство вамъ приказываетъ играть какую-нибудь роль, вы ослушиваетесь? — спросилъ его съ комическою серьезностью приставъ.

— Нѣтъ, — сказалъ протяжно Максинька.

— Ну, такъ и мы, полиція, не можемъ не слушаться закона! — объяснилъ ему частный приставъ.

— Скажите, доносъ, что-ли, или жалоба отъ кого-нибудь была объ этомъ? — продолжалъ спрашивать мизерный господинъ.

— Жалоба была, — началъ частный приставъ и вслѣдъ затѣмъ, осмотрѣвъ всю комнату и видя, что особенно постороннихъ въ ней никого не было, продолжалъ вполголоса: — господинъ Тулузовъ жаловался, предполагая въ этихъ сборищахъ найти жену свою и, дѣйствительно, нашелъ ее тамъ.

— Но кто-же съ ней еще другія дамы были? — поинтересовался мизерный господинъ.

— Ну, это наша полицейская тайна, — возразилъ

частный приставъ: — я могу сказать одно, что все это дамы изъ круга.

— Хороша тайна! — перебилъ съ гнѣвной усмѣшкой Максинька: — И зачѣмъ же вы про Тулузову рассказываете?

— Госпожу Тулузову я наименовалъ потому, что о ней и безъ меня всѣмъ извѣстно.

— Я другихъ тоже знаю: — произнесъ, лукаво подмигнувъ, камеръ-юнкеръ: — Въ первую голову тутъ была Н.

— Такъ! — подтвердилъ частный приставъ.

— Потомъ Р. и Ч.

— Все такъ! — не отвергалъ частный приставъ.

— А что-же въ этихъ сборищахъ было противузаконнаго? — пожелалъ узнать гегеліанецъ.

Частный приставъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Незаконнаго если хотите, ничего не было; но неприлично же дамамъ такъ вести себя.

— Полиція-то пуще всего понимаетъ приличія: — произнесъ опять съ гнѣвомъ и ироніей Максинька.

— Но въ чемъ собственно неприличія эти состояли? — допытывался гегеліанецъ: — Мнѣ рассказывали, что тамъ накрыта была совершенно скандальная сцена.

— Почти, — произнесъ съ усмѣшкой частный приставъ: — и чтобы оправдать полицію я долженъ начать издалека: года два тому назадъ въ Лефортовской части устроился и существовалъ, такъ называемый, Евинъ клубъ, куда, понимаете, не мужчины приглашали дамъ, а дамы мужчинъ, которые имъ нравились; клубъ этотъ, однако, по

предписанію изъ Петербурга, былъ закрытъ; но на-дняхъ господинъ Тулузовъ въ прошеніи своемъ объяснилъ, что Евинъ клубъ снова открылся. Согласитесь, что при такого рода обстоятельствахъ мы не могли бездѣйствовать, и начальство это дѣло поручило мнѣ.

— Какъ лицу опытному въ такихъ дѣлахъ,—не переставалъ язвить частнаго пристава Максинька.

Тотъ немного при этомъ вспыхнулъ въ лицѣ, но нисколько не растерялся.

— Да, Максинька, я опытенъ!... Вотъ попадись и ты мнѣ на любимой тобой Козихѣ и побуянъ тамъ, я тебя сейчасъ-же упрячу въ сибирку.

— Дудки! Петъ, небось, ничего не могъ сдѣлать!—возразилъ Максинька и опять захохоталъ иронически.

— Да, вѣдь, Петя человѣкъ молодой, красивый, а ты-то что такое?

— Какъ я что?... Я тоже человѣкъ?...

— Сомнительно, очень сомнительно, Максинька...—сталъ тоже и его доѣзжать частный приставъ:—Помнишь-ли ты, что про тебя сказалъ Никиторовъ, когда къ вамъ затесалась на репетицію собака и стала на тебя глядѣть?

— Ничего онъ про меня не сказалъ, — притворился Максинька, какъ-будто-бы въ самомъ дѣлѣ заблѣлъ.

— А вотъ онъ что сказалъ, — напомнилъ ему частный приставъ:—онъ гладитъ собаку да и говоритъ: «Не удивляйся, Амочка, не удивляйся, это тоже человѣкъ». А ужъ если собака усомнилась, такъ намъ и Богъ простить.

— Ври больше!—нашелъ только возразить на это Максинька.

— Ну, плюньте на него, рассказывайте далѣе!— почти приказалъ частному приставу невзрачный господинъ, видимо заинтересованный и даже какъ-бы обезпокоенный рассказомъ того.

— Далѣе было... — принялся повѣствовать частный приставъ:—Я вмѣстѣ съ господиномъ Тулузовымъ часа въ два ночи отправился въ указанный имъ домъ... Прибыли мы въ оный и двери нашли не запертыми... Входимъ и видимъ, что въ довольно большой залѣ танцуютъ дамы въ очень легонькихъ костюмахъ, да и мужчины тоже, кто безъ фрака, кто безъ мундира... Ужинъ и возліянія, надо полагать, были обильные... Тулузовъ взялъ жену за руки и почти насильно увелъ въ другую комнату, а другая тутъ дама кинулась на меня. «Какъ вы смѣли, говорить, сюда придти?... У насъ не заговоръ какой-нибудь!» — «Совершенно, говорю, согласенъ, сударыня; но я пріѣхалъ сюда только освѣдомиться, такъ какъ насъ извѣстили, что въ здѣшнемъ домѣ открылся нѣкогда существовавшій Евинъ клубъ». — «Убирайтесь, говорить, къ чорту! Здѣсь никакого Евина клуба нѣтъ, а у насъ аѳинскій вечеръ». Къ ней, конечно, пристали и мужчины, которыми я говорю: «вы, господа, конечно, можете разорвать меня на кусочки, но вамъ же послѣ того хуже будетъ!» Это-бы, конечно, ихъ не остановило; но, на счастье мое, вышелъ Тулузовъ и говоритъ мнѣ: «Я не желаю вести это дѣло». — «Очень хорошо, говорю, а я и пуще того не желаю!...» Такъ мы и разѣхались.

— Госпожа Тулузова—вмѣшался вдругъ въ разговоръ кончившій играть на биллиардѣ надсмотрщикъ гражданской палаты:—вчера у насъ совершала купчую крѣпость на проданное ею имѣніе мужу своему.

— А велико-ли это имѣніе?—спросилъ, моргнувъ глазомъ, камеръ-юнкеръ.

— Всего одна деревня, въ двадцать душъ,—сказалъ надсмотрщикъ.

— *C'est étonnant! Qu'en pensez vous?*—отнесся камеръ-юнкеръ къ гегелианцу и, видя, что тотъ не-совсѣмъ уразумѣлъ его вопросъ, присовокупилъ: — Поэтому господинъ Тулузовъ за двадцать душъ про-стилъ своей женѣ все?...

— Богъ его знаетъ, — отозвался съ презрѣніемъ ученый:—но меня здѣсь другое интересуесть, почему они свое сборище называли аеинскимъ вечеромъ?

— О, это я могу тебѣ объяснить!—сказалъ окончателью гнусливымъ голосомъ камеръ-юнкеръ:—Название это взято у Дюма, но изъ какого романа не помню, и, по моему, эти сборища, о которыхъ такъ теперь кричитъ благочестивая Москва, были не больше, какъ свободныя, не стѣсняемая свѣтскими приличіями, развлеченія молодежи. Я самъ никогда не бывалъ на такихъ вечерахъ,—совралъ, по мнѣнію автора, невзрачный господинъ: онъ, вѣроятно, бывалъ на аеинскихъ вечерахъ, но только его не всегда приглашали туда за его мизерность.

— Но когда-жь они происходили? По опредѣленнымъ днямъ? — сталъ съ живостью спрашивать молодой ученый, который, кажется, и самъ-бы не прочь былъ съѣздить на эти, въ греческомъ вкусѣ, развлеченія.

— Никакихъ опредѣленныхъ дней не было,—отвѣчалъ гнусливо камеръ-юнкеръ:—а случалось обыкновенно такъ, что на какомъ-нибудь балѣ, очень скучномъ, по обыкновенію, молодыя дамы стоваривались съ молодыми людьми повеселѣй потанцовать и поужинать, и для этого они ѣхали въ подговоренный еще прежде домъ...

— Однако, позволь, мнѣ рассказывали, что въ извѣстный часъ амфитріонъ ужина восклицалъ: «couvre feus!»—возразилъ ему молодой ученый, которому съ ужасомъ и подъ величайшимъ секретомъ рассказывала это mademoiselle Блоха.

— Не знаю-съ! — заперся мизерный камеръ-юнкеръ.

— А это, по-моему, было хорошо!—воскликнулъ громко Максинька, но на него никто вниманія не обратилъ.

— Любопытно-бы знать, какіе собственно въ самихъ-то Афинахъ были эти вечера?—спросилъ гегелианца вкрадчивымъ голосомъ частный приставъ.

— То-есть пиры ихъ, правильнѣе назвать,—сказалъ тотъ:—которымъ, по большей части, предшествовалъ обѣдъ, соответствующій римскому соена; такіе обѣды происходили иногда и у гетеръ.

— А гетеры, кто такія это?—перебилъ молодого ученаго частный приставъ, все съ болѣе и болѣе возрастающимъ любопытствомъ.

— Это женщины, которыя продавали любовь свою за деньги, и деньги весьма большія; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на примѣръ: Фрина и Аспазія, заслужили даже себѣ историческія имена, и первая прославилась красотой своей, а Аспазія—умомъ.

— Понимаю-сь!—произнесъ, слегка мотнувъ головой, частный приставъ: — Но вотъ еще осмѣлюсь спросить: въ тотъ вечеръ, на который мы пріѣхали съ господиномъ Тулузовымъ, одно меня больше всего поразило: всѣ дамы и кавалеры были, съ позволенія сказать, босикомъ.

— По гречески такъ и слѣдуетъ, — объяснилъ улыбнувшись гегеліанецъ:—греки, вообще, благодаря своему теплему климату, очень легко одѣвались и ходили въ сандаляхъ только по улицамъ, а когда приходили домой или даже въ гости, то снимали свою обувь, и рабы немедленно обмывали имъ ноги благовоннымъ виномъ.

— Вотъ-какъ-сь!... Но все-таки, по моему, это не хорошо: нашъ сапогъ гораздо лучше и благороднѣе,—произнесъ частный приставъ и мелькомъ взглянулъ на собственный сапогъ, который былъ весьма изященъ: лучший въ то время сапожникъ жилъ именно въ части, которою завѣдывалъ частный приставъ. — У меня есть картина-сь—продолжалъ онъ:—или, точнѣе сказать, гравюра, очень хорошая и на ней изображено, что греки или римляне, я ужъ не знаю, обѣдаютъ и не сидятъ, знаете, по нашему, за столомъ, а лежатъ.

— То-есть, возлежать, — поправилъ его молодой ученый.

— Но вѣдь тутъ, можетъ быть, и начальство какое-нибудь есть; неужели же они и передъ начальствомъ возлежать? — воскликнулъ съ полукомическимъ оттѣнкомъ частный.

— Его все начальство-то беспокоитъ, — пробур-

чалъ язвительно Максинька, но на его слова опять никто не обратилъ вниманія.

— А что греки кушали — допытывался частный приставъ:—такъ же, какъ и мы грѣшныя, осетринку, севрюжинку?...

— Рыбу греки любили,—объясналъ ему молодой ученый.

— И ветчину даже? — пристававалъ частный приставъ.

— Колбасы и свинина у нихъ тоже были въ большомъ употребленіи.

— А на счетъ выпивки?—присовокупилъ частный приставъ, облигнувшись слегка.

— За обѣдомъ греки совершенно не пили вина, а пиръ съ виномъ у нихъ устраивался послѣ обѣда и назывался симпозионъ, для распорядженія которымъ выбирался начальникъ, симпозиархъ.

— Господа,—воскликнулъ вдругъ при этомъ, вставая на ноги, частный приставъ: — я такъ увлекся греческимъ пиромъ, что желаю предложить нѣчто въ родѣ того всему нашему почтенному обществу!

Камеръ-юнкеръ хотя и сдѣлалъ нѣсколько насмѣшливую гримасу, но, однако, ничего, согласился почти первый; гегелианцу, кажется, было все равно, гдѣ-бы ни убить время, чтобы только спастись отъ *mademoiselle* Блохи, онъ лишь замѣтилъ:

— Но кого-жь, однако, мы выберемъ въ симпозиархи?

— Васъ, конечно! — воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— О, Господь съ вами!—произнесъ, какъ-бы даже испугавшись, молодой ученый.

Въ этотъ моментъ вдругъ всталъ Максинька и, выпрямясь во весь свой высокій ростъ, произнесъ могильнымъ голосомъ:

— Семпiархъ—перервалъ онъ немножко — долженъ быть онъ!—и Максинька величественно указалъ пальцемъ на частнаго пристава:—Онъ насъ угощаетъ ужиномъ, и поэтому онъ и начальникъ,

— Вы, вы!—обратились прочіе къ частному приставу, который раскланялся передъ обществомъ и произнесъ:

— Благодарю васъ, господа, что вы приняли отъ меня ужинъ и потомъ почтили меня еще большей честью быть распорядителемъ всего ужина. Тѣмъ болѣе для меня это лестно, что настоящее число есть день моего рожденія.

Проговоривъ это, частный приставъ ушелъ, чтобы войти въ соглашеніе съ прикащикомъ кофейной.

Въ сущности, частный приставъ совралъ, что настоящій день былъ днемъ его рожденія: онъ только желалъ еще тѣснѣе сблизиться съ весьма пріятнымъ ему обществомъ, а кромѣ того, у него чувствительно шевелился въ карманѣ магарычъ, полученный имъ съ Тулузова по обоимъ его дѣламъ.

Максинька, между тѣмъ, пересѣлъ уже ближе къ остальному обществу: не смотря на свою ненависть къ полиціи, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поужинать на счетъ частнаго пристава.

— Скажите, въ Аѳинахъ былъ театръ и пріѣзжали на эти ихъ ужины актрисы? — спросилъ онъ гегеліанца.

— Театръ былъ и актрисы пріѣзжали на ужины! — отвѣчалъ тотъ.

— Вотъ оно, какъ мы давно существуемъ!—пропизнесъ самодовольно Максинька, но въ это время вошелъ симпозиархъ, за нимъ половой внесъ нѣсколько графинчиковъ водокъ, зернистую икру, семгу, рыжички, грузочки...

— Позвольте, господа, этого нельзя,—замѣтилъ гегеліанецъ, указывая на водку:—греки во время ѣды ничего не пили.

— Что жь дѣлать?—возразилъ ему частный приставъ:—Мы безъ водочки не привычны принимать хлѣбъ-соль; намъ рюмочку, другую непременно надобно вонзить въ себя, чтобы аппетитецъ разыгрался.

— Мы должны прежде выпить!—подтвердилъ Максинька, наливая себѣ самую огромную рюмку и цапнувъ ее сразу:—Фантазію это нагоняетъ... человекъ отъ этого умнѣ дѣлается.

— Но вотъ рыбка наша плыветъ къ намъ,—сказалъ симпозиархъ, указывая на полового, несшаго огромную паровую стерлядь, вкусный запахъ которой пріятно защекоталъ обоняніе всѣхъ.

Когда сіе благородное блюдо было поконечно, то выгнанный изъ службы докторъ, не уступавшій въ количествѣ выпитой водки Максинькѣ, пропизнесъ еще первыя впродолженіе цѣлаго вечера слова:

— Такия рыбы, дай Богъ, чтобы и въ Эгейскомъ морѣ водились!

— Тамъ нѣтъ такихъ: это мнѣ иностранцы говорили; наши рыбы лучшія въ свѣтѣ,—сказалъ ему на это негромко, какъ-бы тайну какую, надсмотрщикъ палаты.

— Согласно вашимъ указаніямъ,—отнесся затѣмъ симпозиархъ къ молодому ученому:—я велѣлъ поросеночка изжарить; вы изволили говорить, что греки свиннину кушали.

— Отлично! — одобрили частнаго пристава Максинька, докторъ и надсмотрщикъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!... Дай Богъ выдержать!—произнесъ камеръ-юнкеръ.

— Нѣтъ, ничего, — возразилъ ему гегеліанецъ, сдѣлавшійся ужасно оживленнымъ вслѣдствіе выпитыхъ двухъ-трехъ рюмокъ мадеры, которую частный приставъ умѣлъ какъ-то незамѣтно подливать ему.

Поросенокъ съ подрумяненной кожицей недолгъ былъ поданъ. Симпозиархъ крикнулъ половому:

— Madame Клико сюда на сцену!

Madame Клико, слегка подмороженная, явилась въ количествѣ шести бутылокъ, ровно сколько было трапезующихъ, а затѣмъ, по уничтоженіи поросенка, начался уже настоящій симпозионъ.

— Греки обыкновенно,—началъ поучать молодой ученый:—какъ народъ въ высокой степени культурный и изобрѣтательный, наполняли свои вечера играми, загадками, музыкой и остротами, которыя по преимуществу у нихъ говорили, такъ называемые, паразиты, то-есть люди, которымъ не на что самимъ было угощать, и они обыкновенно ходили на чужіе пиры, иногда даже безъ зова, отплачивая за это остротами.

— Это я!—отозвался самодовольно Максинька.

— Только безъ остроумія! — замѣтилъ частный приставъ.

— Ну, ужь это не тебѣ судить!—возразилъ Ма-

кспинька и отнесся къ гегеліанцу:—А какія это у нихъ загадки были? Такія-же, какъ п у насъ, когда загадаешь, такъ скверно выходитъ, а отгадаешь,—ничего хорошо?

— Какія-же у насъ такія загадки?—спросилъ его, въ свою очередь, частный приставъ, напередъ ожидавшій, что Максинька что-нибудь совретъ.

— А вотъ такія,—отвѣчалъ Максинька:—идеть свинья изъ Питера, вся истыкана.

— Да что-жь тутъ гадкаго? — допытывался частный приставъ.

— Какъ-же не гадко?... Вся истыкана, а значить это наперстокъ, — произнесъ Максинька и захохоталъ.

Засмѣялся за нимъ и прочіе, но не надъ загадкой, а надъ самимъ Максинькой: до того фізіономія его была глупо самодовольна.

— У грековъ, конечно, не было такихъ остроумныхъ загадокъ!—замѣтилъ молодой ученый. — У нихъ, наприѣръ, загадывалось: какое существо рождаясь бываетъ велико, въ среднемъ возрастѣ мало, когда-же близится къ концу, то становится опять громаднымъ? Когда кто угадывалъ, того греки украшали вѣнками, подносили ему вина; кто-же не отгадывалъ, того заставляли выпить чашку соленой морской воды.

— Я эту загадку могу отгадать,—вызвался самонадѣянно Максинька.

— Сдѣлайте милость, тогда мы васъ вѣнчаемъ вѣнкомъ,—объявилъ ему гегеліанецъ.

— Это коровье вымя! — произнесъ съ гордостью Максинька.

— Почему?—спросили его всѣ въ одинъ голосъ.

— Какъ почему? Потому что — отвѣчалъ Максинька:—по утру, когда корова еще не доена, вымя у нея огромное, а какъ подоить въ полдень, такъ маленькое, а къ вечеру она нажрется, и у нея опять эти мамы-то сдѣлаются большія.

Нѣкоторымъ изъ слушателей такая отгадка Максиньки показалась правильною, но молодой ученый отвергнулъ ее.

— Вы ошиблись, — сказалъ онъ: — греки подъ этой загадкой разумѣли тѣнь, которая по утру бываетъ велика, въ полдень мала, а къ вечеру снова вырастаетъ.

— Это вотъ такъ, ближе къ дѣлу пдегъ,—подхватилъ частный приставъ: — и поэтому тебѣ, Максинька, подобаетъ закатить соленой воды.

Но Максинька не согласился съ тѣмъ и возразилъ:

— Это, можетъ быть, по гречески не такъ, а по нашему, по русски, точно то выходитъ, что я сказалъ.

— Но я вотъ, имѣя честь слушать васъ, — сказалъ почтительно молодому ученому частный приставъ:—вижу, что дамъ тутъ никакихъ не было?

— Напротивъ, призывались флейтщицы, разныя акробатки, которыя кидали искусно обручами, танцовали между ножами...

— Какъ у насъ въ циркахъ это дѣлаютъ, — замѣтилъ частный приставъ.

— Ну, да!

— А въ карты и на биллиардѣ греки играли?—осмѣлился спросить молодого ученаго надсмотрщикъ.

— Греки играли въ кости, но болѣе любимая ихъ забава была игра коттабось; она представляла ни что иное, какъ вѣсы, въ коромыслу которыхъ на обоихъ концахъ были привѣшены маленькія чашечки; подъ чашечки эти ставили маленькія металлическія фигурки. Искусство въ этой игрѣ состояло въ томъ, чтобы играющій изъ кубка съумѣлъ плеснуть въ одну изъ чашечекъ такъ, чтобы она, опускаясь, ударилась объ голову стоящей подъ ней фигурки, а потомъ плеснуть въ другую чашечку, чтобы та пересилила прежнюю и ударилась сама въ голову своей фигурки.

— Это хорошая штука, почище будетъ вашего биллиарда, — отнесся частный приставъ къ упорно молчавшему доктору.

— Не знаю-съ, я не видалъ такой штуки, — промолвилъ тотъ нехотя: ему, кажется, грустно было, что въ этотъ вечеръ онъ мало облупилъ на биллиардѣ постоянную свою жертву: надсмотрщика.

На этомъ мѣстѣ бесѣды въ кофейную вошли два новые посѣтителя, это — начинавшій уже тогда приобрѣтать себѣ громкую извѣстность Провъ Михайлычъ Садовскій, который съ наклоненною немного на бокъ головой и съ нѣкоторой скукою въ выраженіи лица вошелъ неторопливой походкой; за нимъ слѣдовалъ другой господинъ, худой, въ подержаномъ фракѣ, и очень напоминающій своей фигурой Донъ-Кихота. При появленіи этихъ лицъ выразилось общее удовольствіе; кто кричалъ: «милый нашъ Проша!» другой: «голубчикъ, Провъ Михайлычъ, садись, кушай!»

Товарищъ его тоже былъ опривѣтствованъ.

— Откуда ты, небесъ посланникъ?—продекламировалъ тому невзрачный камеръ-юнкеръ.

— Изъ больницы, умеръ было совсѣмъ...—отвѣчалъ тотъ:—вообразите, посадили меня на діету умирающихъ... Лежу я, голодаю, худѣю, наконецъ, мнѣ вообразилось, что я въ святыя попалъ и говорю: «о, чудо изъ чудесъ и скандалъ для небесъ, Дьяковъ въ ракъ и святитель въ усахъ, при штанахъ и во фракъ!»

— Bravo!—закричали всѣ на четверостишіе этого господина и вслѣдъ затѣмъ стали приставать къ Прову Михайлычу, чтобы онъ рассказалъ, какъ купцы говорятъ о пьесѣ «Гамлетъ».

Въ отвѣтъ на это Провъ Михайлычъ безъ всякаго ломанія, съѣвъ и выпивъ малую толику, прямо началъ:

— Идемъ, сударь ты мой, мы съ Иваномъ Петровымъ мимо театера. Я говорю «Иванъ Петровъ, загляни въ объявленіице, Мочаловъ значитъ тутъ?» — «Значится-съ!» говоритъ. — «Захвати два билетчика!....» Пришли-съ.... Занавѣска еще не поднималась.... Ради скуки по десяточку яблочковъ сжевали... Наконецъ, дѣло пошло настоящимъ маверомъ, и какую, я тебѣ, братецъ ты мой, скажу, эти шельмы ахтеры штуку подвели.., на удивленіе только!... Кажутъ они намъ лѣсище густѣйшій, одно слово роща цѣлая, хоть на срубъ покупай, и выходить въ эту самую рощу принецъ, печальный, распечальный, какъ-бы по торговлѣ что случилось али съ хозяйюшкой поразмолвился... Къ нему является генералъ. «Ваше высочество,»—говоритъ—«здѣсь не благополучно!» — «Что такое?» — спрашиваетъ при-

нецъ.—«Тятенька по ночамъ ходитъ!» А у принца, понимаешь, только передъ тѣмъ родитель побывшился, шести недѣль еще не прошло. «По ночамъ»—говорить—«ходитъ!»—«Не можетъ быть»,—говорить принецъ, и только онъ это слово сказалъ, смотримъ, пзъ-за одного пня мужичище высокій дѣзетъ!... Ну, какъ есть, я тебѣ говорю, живой человекъ, только что въ саванѣ, да глоткой немного поосищъ!...»

При этомъ всѣ взглянули на Максиньку, который при этомъ гордо усмѣхнулся.

— И прямо онъ подходитъ къ принцу и началъ онъ его костить: «Ты такой, этакой и разэтакой, мать твоя тоже такая!» Тотъ, братецъ, стоитъ, молчитъ; нельзя, хошь и мертвый, все-таки-жь родитель!... Накостивши такимъ манеромъ сына своего, этотъ самый мертвецъ стукнулъ объ полъ ногой и провалился сквозь землю. Принецъ видитъ дѣлать нечего, идетъ къ матери. «Маменька,»—говорить—«такъ и такъ, тятенька по ночамъ ходитъ!» Но королева, братецъ ты мой, вольнымъ духомъ это приняла. «Что-же,» — говоритъ — «вели тятенькѣ колъ осиновой покрѣпче въ спину вколотить!»—«Въ томъ-то и штука,»—говорить—«маменька, что это не поможетъ: тятенька-то нѣмецъ?»

Всѣ искренно засмѣялись.

— Главная соль тутъ, — замѣтилъ молодой ученый:—что осиновый колъ потому не подѣйствуетъ, что тятенька нѣмецъ.

— Нѣтъ, не то, — возразилъ величаво Максинька:—главное тутъ, что дуракъ мужикъ говоритъ, а самъ ничего не понимаетъ.

— Ты, Максинька, больше слушай, а не раз-

суждай,—остановилъ его частный приставъ и, обратясь съ умоляющимъ лицомъ и голосомъ къ разскащику, началъ его упрашивать:—Голубчикъ, Провъ Михайлычъ, разскажи еще про Наполеондера!

— Ну, нѣтъ, будетъ! — отказывался было тотъ.

— Разскажите, Провъ Михайлычъ! — подхватили прочія лица.

И Провъ Михайлычъ съ блеснувшими слегка небольшими его глазами началъ съ тою простотою, свободою и вѣрностью тона, каковая была ему столь присуща:

— Задумалъ, сударь ты мой, французъ Наполеондера выкопать, а похороненъ этотъ самый Наполеондеръ на островѣ Аленъ, гдѣ нѣтъ ни земли, ни воды, а только зыбь поднебесная. Но безъ Императора Всероссийскаго нельзя было того сдѣлать; они и пишутъ Государю Императору нашему прошеніе на гербовой бумагѣ: «Что такъ молъ и такъ, позвольте намъ Наполеондера выкопать!» — «А мнѣ что», — говоритъ — «плевать на то, пожалуй, выкапывайте!» Стали они рыться и видятъ гробъ въявь, а какъ только къ нему, онъ глубже въ землю уходитъ..... Бились они такимъ манеромъ долгое время; хорошо, что еще на умъ имъ пришло: взяли нашихъ ухтомцевъ, и тѣ въ пять дней, какъ пить дали, вырыли. Лежитъ, сударь ты мой, этотъ самый Наполеондеръ весь цѣлехонекъ, только сапогами поизносился, да волосами поистратился».

Разсказъ этотъ такъ былъ хорошо произнесенъ, что даже никто не разсмѣялся, а только переглянулись всѣ между собою и какъ-бы въ удивленіи пожали слегка плечами.

Подъ конецъ, впрочемъ, бесѣда была нѣсколько омрачена печальнымъ извѣстіемъ, которое принесъ вновь прибывшій господинъ, съ лицомъ отчасти польскаго характера, въ усахъ, и какъ-бы похожій на отставнаго военнаго, но на самомъ дѣлѣ это былъ одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ музыкальныхъ талантовъ.

— Александръ Сергѣичъ, милости просимъ!... Прошу васъ васъ выпить и покушать: я сегодня праздную день моего рожденія!—воскликнулъ ему частный приставъ съ подобострастіемъ.

— Нѣтъ, не хочу, — отказался Александръ Сергѣичъ: — завтра мнѣ чортъ знаетъ какая пытка предстоитъ.

— Что такое? — спросили его почти всѣ безпокойствомъ.

— Лябьева завтра повезутъ на площадь лишать правъ состоянія, — произнесъ мрачнымъ голосомъ Александръ Сергѣичъ.

— Стало быть, дѣло его рѣшено? — сказалъ съ участіемъ гегеліанецъ.

— Рѣшено съ, — отвѣтилъ Александръ Сергѣичъ, бывшій видимо незнакомъ съ гегеліанцемъ: — и рѣшено безобразнѣйшимъ образомъ: его ни много, ни мало приговорили на каторгу.

Общій ужасъ встрѣтилъ этотъ отвѣтъ, за исключеніемъ, впрочемъ, камеръ-юнкера, который, кажется, зналъ это прежде и въ настоящемъ случаѣ довольно равнодушнымъ тономъ проговорилъ вполголоса гегеліанцу:

— Тутъ больше всего жаль несчастную жену

Лябьева; она идетъ съ нимъ на каторгу и, говорятъ женщина больная, нервная.

Александръ Сергѣичъ между тѣмъ пересѣлъ въ фортепiano и началъ играть переведенную впоследствіи, а тогда еще пѣвшую на французскомъ языкѣ пѣсню Беранже: «Въ ногу ребята идите; полно не вѣшать ружья!» Въ его отрывистой музыкѣ чувствовался бой барабана, сопровождающій обыкновенно всѣ казни. Безъ преувеличенія можно сказать, что холодныя мурашки пробѣгали при этомъ по тѣлу всѣхъ слушателей, опять-таки за исключеніемъ того-же камеръ-юнкера, который, вставъ, какимъ-то вялымъ и гнусливымъ голосомъ сказалъ гегеліанцу:

— Я завтра тоже командированъ на эту процессію; хочешь, пойдешь со мной!

— Поди ты! — отозвался тотъ съ сердцемъ: — по моему, это самое безнравственное любопытство.

— Нѣтъ, ничего! — проговорилъ, вовсе, кажется, не находившій ничего безнравственнаго въ подобномъ любопытствѣ камеръ-юнкеръ.

XI.

На другой день зимнее утро, какъ нарочно оказалось свѣтлымъ и тихимъ. По Москвѣ раздавался благовѣстъ, къ обѣднѣ; прохожіе, благодаря свѣжему воздуху, шли болѣе обыкновеннаго оживленной и быстрой походкой; даже такъ называемые ваньки-позощики ѣхали довольно рѣзво; но среди такого веселаго дня вдоль Волхонки, по направленію къ Конной площади, какъ уже догадывается, вѣроятно, чита-

тель, везли на позорныхъ дорогахъ несчастнаго Лябьева, въ арестантской одеждѣ, съ повѣшенной на груди дощечкой, на которой было четко написано: «убійца». За дорогами слѣдовала толпа народа, въ которой между сермягами и полушубками виднѣлось очень много дамъ въ дорогихъ салопахъ и мужчинъ въ щеголеватыхъ бекешахъ и шубахъ. Ближе всѣхъ къ колесницѣ шла, или почти въ безсознательномъ состояніи была ведена подъ руки Муза Николаевна Егоромъ Егорычемъ и Сусанной Николаевной, которые, впрочемъ, и сами еле брели. Никто изъ нихъ, равно какъ и самъ преступникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ почитатели его таланта никакъ не ожидали такого строгаго рѣшенія, а тѣмъ болѣе столь быстраго исполненія приговора; всѣми чувствовалось, что тутъ чья-то невѣдомая рука तोропила блюстителей закона. Аграфена Васильевна, вся въ поту, задыхавшаяся, тоже шла невдалекѣ отъ Марейныхъ и всю дорогу ругала полицейскихъ чиновниковъ, сопровождавшихъ процессію.

— Это вотъ все эти архангелы-то! — кричала она:—черномазаго, небось, не притянули: откупился; а Аркашъ, можетъ, и того сдѣлать не нашто было: все у него разные подлецы обобрали.

— Не шумите, сударыня, здѣсь не мѣсто выражать ваше негодованіе! — вздумалъ было ее остановить ѣхавшій невдалекѣ отъ нея прокуроръ.

— А ты кто такой?—спросила его гнѣвно Аграфена Васильевна.

— Я прокуроръ! — отвѣчалъ ей тотъ внушительно.

— А я сенаторша!—привела Аграфена Васильевна

обычный свой аргументъ, употребляемый ею въ разныхъ случаяхъ жизни.

Прокуроръ выразилъ въ лицѣ своемъ сомнѣніе.

— Что, не вѣришь?... Поди, вонъ, спроси мужа!.. Онъ тутъ-же въ каретѣ ѣдетъ!

Феодосій Гаврилычъ, дѣйствительно, плотнѣйшимъ образомъ закупоренный въ своемъ возвѣ, ѣхалъ четверней за процессіей: считая себя человѣкомъ просвѣщеннымъ, онъ нашелъ нужнымъ выразить знакъ участія таланту.

Прокуроръ между тѣмъ еще что-то такое хотѣлъ возразить Аграфенѣ Васильевнѣ, но его остановилъ сидѣвшій съ нимъ въ однихъ саняхъ знакомый намъ камеръ-юнкеръ.

— *Laissez la donc, cher ami, c'est une bohémienne,* — сказалъ онъ ему.

— *Et femme d'un sénateur en vérité?* — спросилъ его прокуроръ.

— *Si!* — отвѣчалъ камеръ-юнкеръ.

— Вотъ видишь, какъ залепетали сейчасъ! — огрызалась на нихъ Аграфена Васильевна, а вмѣстѣ съ тѣмъ по ея полному лицу текли неудержимымъ потокомъ слезы.

Самъ преступникъ сидѣлъ, понуривъ голову, и, только повременамъ поворачивая ее назадъ, взглядывалъ на жену; на тѣхъ-же дрогахъ сидѣлъ, спустивъ съ нихъ ноги, палачъ, въ плисовыхъ новыхъ штанахъ, въ красной рубахѣ и въ легонькой, какъ-бы кучерской, поддевкѣ. Рожа у него была красная, пьяная и выражала одну только какою-то чувственность. Въ рукахъ онъ держалъ саблю Лябьева, когда-то служившаго въ гусарахъ. Наконецъ повѣздъ

достигнулъ Конной площади, которая и нынѣ некрасива, а тогда просто представляла какой-то огромный пустырь, окруженный съ четырехъ сторонъ маленькими, полуразвалившимися домиками; на одной сторонѣ ея цыгане и разные русскіе барышники торговали лошадьми или, скорѣй, невзрачными влячами. Всякій изъ нихъ, продавая свою лошадь, вскакивалъ на нее верхомъ и начиналъ лупить ее, что есть силы, внутромъ и ногами по бокамъ, заставляя нестись благимъ матомъ, а самъ при этомъ дѣлалъ видъ, что будто-бы едва сдерживалъ коня; зубоскальство и ругань при этомъ сыпалось неумолкаемо. На другой сторонѣ площади, точно также не безъ крику и ругательствъ, одни продавали, а другіе покупали дровни, оглобли, дуги, станки для хомутовъ; а посерединѣ ея, обыкновенно по торговымъ днямъ, приводились въ исполненіе уголовныя рѣшенія. Въ настоящемъ случаѣ на этомъ мѣстѣ виднѣлся эшафотъ, который окруженъ былъ цѣпью гарнизонныхъ солдатъ, съ ружьями на перевѣсѣ. Въ цѣпь эту вѣхала колесница въ сопровожденіи разныхъ служебныхъ лицъ. Солдаты затѣмъ сомкнулись еще плотнѣе и отдѣлили ее окончательно отъ прочей толпы. На эшафотъ Лябьевъ вошелъ довольно твердой походкой и самъ всталъ у позорнаго столба. Частный приставъ сталъ ему читать приговоръ, но онъ его совершенно не слушалъ и все время искалъ глазами въ толпѣ жену и Марейныхъ. Послѣ прочтенія приговора къ нему подошелъ священникъ, который сначала что-то такое тихо говорилъ осужденному, наконецъ громко, такъ что всѣ слышали, произнесъ: «Прощаю и разрѣшаю тя; да проститъ тебѣ и Богъ твое великое

прегрѣшеніе, зане велико было покаяніе твое!» Священника смѣнилъ палачъ. Тотъ пододвинулъ осужденнаго нѣсколько ближе къ столбу, поднялъ надъ головой его шпагу и, сломавъ ее, бросилъ на подмости эшафота, причемъ уничтоженное орудіе чести сильно звякнуло. Этого ужъ Лябьевъ не выдержалъ и пошатнулся, готовый упасть, но тотъ-же палачъ съ явнымъ уваженіемъ поддержалъ его и бережно свелъ потомъ подъ руку съ эшафота на землю, гдѣ осужденный былъ принятъ полицейскими чинами и повезенъ обратно въ острогъ, въ сопровожденіи, конечно, конвоя, въ смоленой фурѣ, въ которой отвозили наказываемыхъ кнутомъ, а потому она была очень перепачкана кровью. Вслѣдъ за этимъ поѣздомъ направились первые Марѣины, держа всю дорогу въ своихъ объятіяхъ бѣдную Музу Николаевну. Не отставая отъ нихъ, поѣхали также Аграфена Васильевна и нѣсколько мужчинъ разныхъ художественныхъ профессій: музыканты, живописцы, актеры и сверхъ того нѣкоторыя дамы изъ бомонда. Но по пріѣздѣ всего этого общества въ острогъ имъ объявили, что во внутренность тюрьмы, за исключеніемъ жены осужденнаго, никого не велѣно пускать. Егоръ Егорычъ заспорилъ было, а вмѣстѣ съ нимъ и Аграфена Васильевна: послѣдняя начала уже говорить весьма вѣскія словечки; но къ нимъ вышелъ невзрачный камеръ-юнкеръ и на чистомъ французскомъ языкѣ сталъ что-то такое объяснять Егору Егорычу, который, видимо, началъ поддаваться его словамъ, но Аграфена Васильевна снова протестовала.

— Вы мнѣ на своемъ парле-ву-франсе не бол-

тайте, я не разумѣю; а скажите, по-что-же насъ не пускаете въ тюрьму?

Камеръ-юнкеръ хотя и сухо, но вѣжливо отвѣтилъ ей, что осужденный чувствуетъ себя очень дурно и проведенъ въ больницу, а потому пустить къ нему многихъ значитъ еще больше его разстроить. Такое объясненіе показалось Аграфенѣ Васильевнѣ основательнымъ: одно ей не понравилось, что все это говорилъ невзрачный баринъ, который даже бывалъ у нихъ въ домъ, но только всегда вмѣстѣ съ Калмыкомъ, а потому по ея мнѣнію, онъ тоже былъ изъ мошенниковъ. Когда камеръ юнкеръ ушелъ отъ нихъ, то Аграфена Васильевна очутилась лицомъ къ лицу съ Марѣиными и съ свойственной ей несдержанностью отнеслась къ Егору Егорычу:

— Вы родственникъ Аркашѣ и мужъ этой дамы? — сказала она, показывая головой на Сусанну Николаевну.

— Мужъ,—пробормоталъ ей Егоръ Егорычъ, терзаемый раздѣрившими его душу чувствованіями и потомъ удивленный такимъ вопросомъ со стороны совершенно незнакомой ему дамы.

— Для чего-же вы, батенька, такъ промигали и допустили надругаться надъ Аркашей?—принялась та допевать Егора Егорыча.

— Я не допускалъ и не хотѣлъ допустить,—какъ-бы оправдываясь онъ:—я заставилъ Лябьева подать на Высочайшее имя прошеніе и не могу понять, зачѣмъ здѣшнія власти поспѣшили исполнить приговоръ.

— Зачѣмъ поспѣшили?... Куплены, видно! — объяснила Аграфена Васильевна.

— Кѣмъ?—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Тѣмъ-же черномазымъ чортомъ, Калмыкомъ,— дополнила Аграфена Васильевна.

Егоръ Егорычъ выразилъ въ лицѣ своемъ недоумѣніе: ни о какомъ Калмыкѣ онъ не слыхалъ и подозревалъ въ этомъ случаѣ другое лицо, а именно— общаго врага всей ихъ родни, Тулузова, который, дѣйствительно, по неудержимой, злой натурѣ своей, желая отомстить Марѣнну, обдѣлалъ черезъ того-же члена управы, французишку, что дѣло Лябьева, спустя три дня послѣ рѣшенія, было приведено въ исполненіе.

— Хорошо, что подали,— продолжала Аграфена Васильевна. — А у меня съ вами другой еще есть общій пріятель, Петруша Углаковъ,—присовокупила она не безъ умысла, кажется.

— О, да!—произнесъ съ оттѣнкомъ удовольствія Егоръ Егорычъ.

— Я, вѣдь батюшка, хоть по мужъ-то сенаторша, а родомъ цыганка. Вы, я думаю, слыхали обо мнѣ: Груня тутъ когда-то въ Москвѣ была? Это я!—толковала Аграфена Васильева.

— Слышалъ о васъ; но слыхать васъ не слыхалъ!—отвѣчалъ ей Егоръ Егорычъ.

— Гдѣ ужъ вамъ по нашимъ кабакамъ и трактирамъ насъ слушать! А вотъ Петруша ѣздитъ ко мнѣ и поемъ мы съ нимъ иногда, а что мы въ Аркашъ-то потеряли, Господи ты, Боже мой!

Сусанна Николаевна, продолжала идти подъ руку съ мужемъ, вдругъ спросила нѣсколько боязливымъ голосомъ Аграфену Васильевну:

— Вы имѣете о Петрѣ Александрычѣ извѣстія:

онъ уѣхалъ въ Петербургъ и, говорятъ, боленъ тамъ?

— Да то-то, что не имѣю: не пишетъ. Можетъ, что и умеръ!—отвѣчала та.

Сусанна Николаевна такъ затрепетала при этомъ, что Егоръ Егорычъ, шедшій съ ней подъ руку, почувствовалъ это и спросилъ:

— Ты не утомлена-ли очень?

— Да, я устала!—проговорила Сусанна Николаевна взволнованнымъ голосомъ.

— Тогда поѣдемъ!—сказалъ Егоръ Егорычъ и, раскланявшись съ Аграфеной Васильевной, посадилъ жену въ карету и самъ сѣлъ около нея.

Сусанна Николаевна, усѣвшись, вдругъ поспѣшно опустила стекло въ дверцѣ кареты и крикнула Аграфенѣ Васильевнѣ:

— Вы будьте такъ добры, какъ-нибудь посѣтите насъ; мы будемъ вамъ очень рады.

— Пріѣду!—отвѣтила ей съ нѣкоторымъ лукавствомъ Аграфена Васильевна.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте! -- крикнулъ тоже ей вслѣдъ Егоръ Егорычъ.

Аграфена Васильевна и на это предложеніе слегка усмѣхнулась. Я не даромъ еще раньше говорилъ, что она была женщина, не смотря на свою грубоватую простоту, тонко понимавшая жизнь, особенно дѣла сердечнаго свойства, и ясно уразумѣла, что Сусанна Николаевна заискиваетъ въ ней, въ надеждѣ получить отъ нея свѣдѣнія объ Углаковѣ, и что супругъ ея хоть и умный, по слухамъ, мужикъ, но ничего того не зреть, да и ништо имъ, старымъ хрычамъ: не женитесь на молодыхъ! Къ такого 'рода умозаклю-

ченію Аграфена Васильевна отчасти пришла по личному опыту, такъ какъ у нея тоже былъ мужъ старше ея лѣтъ на двадцать, и она хорошо знала, каково возиться съ такими старыми ошметками.

Поѣхавъ съ женой, Егоръ Егорычъ сказалъ ей:

— Ты, мой ангелъ, завези меня въ Углакову! Мнѣ нужно съ нимъ повидаться.

Сусанна Николаевна при этомъ вспыхнула.

— И я желала-бы съ тобой заѣхать къ Углаковымъ; madame Углакова, можетъ быть, вернулась изъ Петербурга,—проговорила она тихимъ голосомъ.

— Но ты и безъ того утомлена, — возразилъ было ей Егоръ Егорычъ.

— Ничего!.. Ты, конечно, не долго у нихъ проведешь,—замѣтила на это Сусанна Николаевна.

— Недолго,—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ и велѣлъ кучеру ѣхать къ Углаковымъ.

Madame Углакова не возвращалась еще изъ Петербурга, и Марейны застали дома одного старика, который никакъ было не хотѣлъ принять Егора Егорыча съ его супругою, потому что былъ въ дезабиле; но тотъ насильно вошелъ къ нему вмѣстѣ съ Сусанной Николаевной въ кабинетъ, и благообразный старичокъ рассыпался передъ ними въ извиненіяхъ, что они застали его въ халатѣ, хотя халатъ былъ шелковый и франтовато сшитый. Самъ онъ только-что передъ тѣмъ побрился, и лицо его, посыпанное пудрой, цвѣло удовольствіемъ по той причинѣ, что наканунѣ имъ было получено письмо отъ жены, которая увѣдомляла его, что ихъ безцѣнный Пьеръ начинаетъ окончательно поправляться и что

черезъ нѣсколько дней, вѣроятно, выѣдетъ прокатиться.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ, услыхавъ объ этомъ.

— Слава Богу! — повторила за нимъ набожно и Сусанна Николаевна, слегка даже перекрестившись.

— А мы къ вамъ прямо съ печальной и безобразной процессіи, — забормоталъ Егоръ Егорычъ: — но не объ этомъ пока дѣло: видѣлись-ли вы съ нашимъ вельможей и говорили-ли съ нимъ по дѣлу Тулузова?

— Видѣлся и говорилъ, конечно, — произнесъ невеселымъ тономъ Углаковъ.

— И что-же? — перебилъ его нетерпѣливо Егоръ Егорычъ.

— Расскажу вамъ все подробно, — продолжалъ Углаковъ: — сначала я не понялъ, въ чемъ тутъ главная пружина состоитъ; но вижу только, что когда я съ княземъ заговорилъ о васъ, онъ благосклонно выслушивалъ и даже прямо выразился, что немного знаетъ васъ и всегда уважалъ...

У Егора Егорыча при этомъ что-то въ родѣ прерзительной усмѣшки пробѣжало по губамъ.

— Когда-же я перешелъ къ Тулузову и началъ ему передавать ваши и господина Сверстова сомнѣнія касательно личности этого господина, князь вдругъ захохоталъ, и захохоталъ, я вамъ говорю, гомерическимъ хохотомъ.

— А, ему это смѣшно! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ и, вскочивъ съ креселъ, началъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ: — У него людей, хоть и виновныхъ, но преступныхъ и не умѣющихъ только

прятать концы, ссылаютъ на каторгу, а разбойники и убійцы настоящіе пользуются почетомъ и возвышаются!.. Это ему даромъ не пройдетъ!.. Нѣтъ!.. Я барывался съ подобными господами...

— Князь тутъ ни въ чемъ не виноватъ, повѣрьте мнѣ! — сталъ его убѣждать Углаковъ: — онъ человекъ благороднѣйшаго сердца, но довѣрчивъ, это правда; и я потомъ говорилъ объ этомъ-же дѣлѣ съ управляющимъ его канцеляріей, который—родственникъ моей женѣ, и спрашивалъ его, откуда происходитъ такая милость князя къ Тулузову и за что? Тотъ объяснилъ, что князь, главнымъ образомъ, полюбилъ Тулузова за ловкую хлѣбную операцію; но потомъ у него есть заступникъ за Тулузова, одинъ изъ любимцевъ князя.

— Кто такой?—спросилъ Егоръ Егорычъ.

Углаковъ при этомъ усмѣхнулся.

— Особа онъ пока еще не важная: членъ этой здѣшней управы благочинія, а нѣкогда былъ цирюльникомъ князя, брилъ его, забавляя рассказами, за что былъ имъ опредѣленъ на службу; а теперь ужь коллежскій ассесоръ и скоро, говорятъ, будетъ сдѣланъ совѣтникомъ губернскаго правленія... Словомъ, маленькій Оливье нашего добраго Людовика одиннадцатаго... Этотъ Оливье, въ присутствіи нашего родственника, весьма горячо говорилъ князю въ пользу Тулузова и обвинялъ васъ за доносъ.

— Значить, князь мнѣ меньше вѣритъ, чѣмъ этому цирюльнику? — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Не то, что не вѣритъ вамъ,—возразилъ Углаковъ: — но полагаетъ, что вы введены въ заблужденіе.

— Ну, такъ и чортъ его дери! — перебилъ нетерпѣливо Марейнъ:—Я поѣду въ Петербургъ и тамъ все разоблачу.

— И прекрасно сдѣлаете! — одобрилъ его намѣреніе Углаковъ:—Москва какъ-бы не поднимала високо носа, все-таки муравейникъ, ибо можетъ прибыть изъ Петербурга какой-нибудь буйволь большой и сразу насъ уничтожить.

— Слѣдовало-быэто, слѣдовало! — горячился Егоръ Егорычъ:—Глупый, дурацкій городъ! Но, къ несчастію, тутъ вотъ еще что: я пріѣхалъ на ваши рамена возложить новое бремя: съѣздите, Бога ради, къ князю и убѣдите его помедлить высылкой на торгу Лябьева, ибо тотъ подалъ просьбу на Высочайшее имя, и просите князя не отъ меня, а отъ себя: вы дружественно были знакомы съ Лябьевымъ...

— Конечно,—подхватилъ Углаковъ:—князь, навѣрное, это сдѣлаетъ, онъ такой человѣкъ, что на всякое доброе дѣло сейчасъ пойдетъ; но принять какую-нибудь противъ кого-бы ни было строгую мѣру совершенно не въ его характеръ.

— Быть такимъ безсмысленно добрымъ такъ-же глупо, какъ и быть безумно строгимъ!—продолжалъ пѣтушиться Егоръ Егорычъ:—Это ихъ узкая французская гуманитѣ, при которой выходитъ, что она изливается только на приближенныхъ негодаевъ, а всѣ честные люди чувствуютъ северитѣ... Прощайте... Поѣдемъ!—затараторилъ Егоръ Егорычъ, обращаясь въ одно и тоже время къ Углакову и къ женѣ.

Сусанна Николаевна, вставъ, поспѣшно проговорила Углакову:

— Пожалуйста, кланяйтесь отъ меня супругѣ вашей и Петру Александрычу!.. Передайте ему, что я душевно рада его выздоровленію, и дай Богъ, чтобы онъ никогда не хворалъ больше!

— Отъ меня тоже самое передайте!—подхватилъ Егоръ Егорычъ, уходя такъ быстро изъ кабинета, что Сусанна Николаевна едва успѣвала за нимъ слѣдовать.

Ѣхавъ домой, Егоръ Егорычъ всю дорогу былъ погруженъ въ размышленія и видимо что-то такое весьма серьезное обдумывалъ. Съ Сусанной Николаевной онъ не проговорилъ ни одного слова; зато, оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, сейчасъ сталъ писать къ Аггею Никитичу письмо:

«Сверстовъ въ Москвѣ, мы оба бодрствуемъ; не выпускайте и Вы изъ Вашихъ рукъ выслѣженнаго нами волка. Вамъ пишутъ изъ Москвы, чтобы Вы все дѣло передали въ московскую полицію. Такое требованіе, по моему, незаконно: Москва Вамъ не начальство. Не исполняйте сего требованія или, крайней мѣрѣ, медлите Вашимъ отвѣтомъ; я сегодня же въ ночь скачу въ Петербургъ: авось, Богъ мнѣ поможетъ повернуть все иначе, какъ помогалъ Онъ мнѣ многократно въ битвахъ моихъ съ разными злоумышленниками!»

Не отправляя, впрочемъ, письма сего, Егоръ Егорычъ послалъ за Сверстовымъ, жившимъ весьма недалеко въ одной гостиницѣ. Докторъ явился и, услыхавъ, гдѣ и какъ провелъ утро Егоръ Егорычъ, сталъ слегка укорять его:

— Какъ-же вамъ не совѣстно было меня не взять

съ собою!... Мало-ли что могло случиться, гдѣ помощь врача была-бы необходима.

— Мы сами вчера только узнали объ этомъ, а потомъ позабыли о васъ... — бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Но, однако, все прошло благополучно?—спросилъ Сверстовъ.

— Пока!—отвѣчалъ Егоръ Егорычъ:—Но теперь главное... Я написалъ письмо къ Звѣреву: прочитайте его!

Сверстовъ прочелъ письмо.

— Поэтому, вы ѣдете въ Питеръ?—воскликнулъ онъ съ вспыхнувшею въ глазахъ радостью.

— Ёду?

— А я?—спросилъ докторъ.

— И вы со мной поѣдете! Это необходимо! — объяснилъ Егоръ Егорычъ.

— Совершенно необходимо!—подхватилъ съ тою же радостью докторъ: — А Сусанна Николаевна?

— Конечно, поѣдетъ! — произнесъ было сначала Егоръ Егорычъ; но подумавъ немного, проговорилъ:—Хотя меня тутъ беспокоить... Она все это время на видъ такая слабая; а послѣ сегодняшней процедуры, вѣроятно, будетъ еще слабѣе... Я боюсь за нее!

— Да, она и меня тревожить!... У нея такой сталъ дурной цвѣтъ лица, какого она никогда не имѣла; потомъ нравственно точно какъ-бы все прячется отъ всѣхъ и скрывается въ самое себя!

Кровь стыла въ жилахъ Егора Егорыча при этихъ словахъ доктора, и мысль, что неужели Су-

санна Николаевна умереть прежде его, точно ядовитая жаба шевелилась въ его головѣ.

— Тогда что-же мнѣ дѣлать? — произнесъ онъ почти въ отчаяніи, разводя руками.

Сверстовъ задумался и видимо употреблялъ всё усиліе своего разума, дабы придумать, какъ тутъ лучше поступить.

— Прежде всего, по моему, — сказалъ онъ неторопливо: — надобно спросить Сусанну Николаевну, какъ себя чувствуетъ.

— О, она, конечно, схитритъ и обманетъ! Скажетъ, что ничего, совершенно здорова, и будетъ просить, чтобы я взялъ ее съ собой! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Да противъ меня-то она не можетъ схитрить! — возразилъ Сверстовъ: — Я все-таки докторъ и знаю душу и архей женщинъ.

— Спросимъ ее! — согласился Егоръ Егорычъ, и попрежнему къ Сусаннѣ Николаевнѣ былъ посланъ Антипъ Ильичъ.

Сусанна Николаевна пришла.

— Ну-съ, барыня моя, — началъ ее допрашивать докторъ: — мы съ супругомъ вашимъ сегодня въ ночь ѣдемъ въ Петербургъ, а вамъ какъ угодно будетъ: сопровождать насъ или нѣтъ?

На лицѣ Сусаннѣ Николаевны на мгновеніе промелькнула радость; потомъ выраженіе этого чувства мгновенно-же перешло въ страхъ, и сколь ни внимательно смотрѣли на нее въ эти минуты Егоръ Егорычъ и Сверстовъ, но рѣшительно не поняли и недогадались, какая борьба началась въ душѣ Сусанны Николаевны; мысль ѣхать въ Петербургъ и

увидѣть тамъ Углакова наполнила ея душу восторгомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилось и обычное «но». Углаковъ уже не былъ боленъ опасно, не лежалъ въ постели, начиналъ даже выѣзжать, и что изъ этого произойдетъ, Сусанна Николаевна боялась и подумать; такого рода смутное представленіе возможности чего-то встало въ воображеніи молодой женщины угрожающимъ чудовищемъ, и она проговорила:

— Я-бы, конечно, не желала отпустить Егора Егорыча одного; но какъ я оставлю сестру, особенно въ такое ужасное для нея время?

— Такъ, совершенно справедливо разсуждаешь!— подхватилъ довольнымъ тономъ Егоръ Егорычъ.

— Такъ, справедливо! — повторилъ за нимъ и Сверстовъ:—Кромѣ того-съ, позвольте-ка мнѣ пульсъ вашъ немножко изслѣдовать!

Сусанна Николаева подала ему свою руку. Сверстовъ долго и внимательно щупалъ ея пульсъ.

— Ни дать, ни взять онъ у васъ такой теперь, какимъ былъ, когда вы исповѣдывались у вашего ритора; но тогда вѣдь прошло, — Богъ дастъ и теперь пройдетъ!—успокаивалъ ее Сверстовъ:—ѣхать же вамъ, барыня, совсѣмъ нельзя! Извольте сидѣть дома и ничѣмъ не волноваться!

— Я постараюсь, конечно, не волноваться, — сказала на это тихимъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— И обо мнѣ тоже не скучай очень!—замѣтилъ ей Егоръ Егорычъ.

— Да, но и ты тоже не скучай обо мнѣ!—проговорила Сусанна Николаевна, какъ-бы даже усмѣхнувшись.

Трудно передать, сколько разнообразныхъ оттѣн-ковъ почувствовалось въ этомъ отвѣтѣ. Сусанна Николаевна какъ-будто-бы хотѣла тутъ, кромѣ произнесеннаго ею, сказать: «Ты не скучай обо мнѣ, потому что я не стою того, и даже не знаю, буду-ли я сама скучать о тебѣ!» Всѣ эти оттѣнки, разумѣется, какъ двѣта преломившагося на мгновеніе луча, пропали и слились потомъ въ одномъ рѣшеніи:

— Мнѣ необходимо здѣсь остаться для сестры и для себя,—сказала Сусанна Николаевна.

Одобривъ такое намѣреніе ея, Егоръ Егорычъ и Сверстовъ поджидали только возвращенія изъ тюрьмы Музы Николаевны, чтобы узнать отъ нея, въ какомъ душевномъ настроеніи находится осужденный. Муза Николаевна, однако, не вернулась домой и вечеромъ поздно прислала осторожнаго фельшера, который грубоватымъ, солдатскимъ голосомъ доложилъ Егору Егорычу, что Муза Николаевна осталась на ночь въ тюремной больницѣ, такъ какъ господинъ Лябьевъ сильно заболѣлъ. Сусанна Николаевна, бывшая при этомъ докладѣ фельдшера, сказала, обратясь къ мужу:

— Въ такомъ случаѣ, я раннимъ утромъ завтра поѣду къ сестрѣ въ тюрьму.

— Прошу тебя, прошу!—повторилъ Егоръ Егорычъ и часа черезъ два онъ, улегшись вмѣстѣ съ Сверстовымъ въ дорожную кибитку, скакалъ на почтовыхъ въ Петербургъ, давая на каждой станціи по полтиннику ящикамъ на водку съ тѣмъ, чтобы они скорѣй его везли.

XII.

Сверстовъ лѣтъ пятнадцать не бывалъ въ Петербургѣ и такъ какъ, не смотря на свои сѣдины, сохранилъ способность воспринимать впечатлѣнія, то Сѣверная Пальмира, сильно украсившаяся за это время, просто потрясла его и онъ, наскоро побрившись, умывшись и вообще приодѣвшись, немедленно побѣжалъ посмотрѣть: на Невскій проспектъ, на дворецъ, на Александровскую колонну, на набережную, на памятникъ Петра. Передъ всѣми этими дивами Петербурга Сверстовъ останавливался какъ дуракъ какой-нибудь и, потрясая своей курчавой головой, восклицалъ самъ себѣ: «Да, да! Растемъ мы, растемъ, и что-бы тамъ ни говорили про насъ, но исполнѣ идетъ быстрыми шагами!» Затѣмъ, какъ-бы для того, чтобы еще сильнѣе поразить нашего патриота, мимо него стали проходить возвращавшіеся съ парада кавалергарды съ своими орлами на шлемахъ, трехаршинные почти преображенцы, курносые и съ прострѣленными киверами павловцы. Сверстовъ трепеталъ отъ восторга и началъ уже декламировать стихи Пушкина:

„Иль мало насъ?... Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?..“

Обѣдать потомъ Сверстовъ зашелъ въ Палкинскій трактиръ и, не любя, по его выраженію, французскихъ фрикасе, наѣлся тамъ ветчины и осетрины.

Прямо изъ трактира онъ отправился въ театръ, гдѣ, какъ нарочно, наскочилъ на Каратыгина въ роли Прокопа Ляпунова, который впродолженіе всей пьесы говорилъ въ духѣ патріотическаго настроенія Сверстова и между прочимъ восклицалъ стоявшему передъ нимъ кичливо Деллагарди: «Да знаетъ-ли вашъ пресловутый Западъ, что если Русь поднимется, такъ вамъ почудится сѣдое море!» Ну, попадись въ это время доктору его gnädige Frau съ своимъ постоянно антирусскимъ направлениемъ, я не знаю, что-бы онъ сдѣлалъ, и не ручаюсь даже, чтобы онъ не устроилъ ей сцены самаго бурнаго свойства, тѣмъ болѣе, что за палкинскимъ обѣдомъ Сверстовъ выпилъ не три обычныхъ рюмочки, а около десяточка. Впрочемъ, къ концу представленія у него весь этотъ паръ нравственный и физическій испарился нѣсколько, и Сверстовъ побѣжалъ въ свою гостиницу къ Егору Егорычу, но того еще не было дома, чему докторъ былъ, отчасти, радъ, такъ какъ высокочтимый учитель его, пожалуй, могъ-бы замѣтить, что ученикъ былъ немножко, какъ говорится, на третьемъ взводѣ. Егоръ Егорычъ, въ свою очередь, конечно, въ это время занятъ былъ совершенно инымъ. Онъ, еще ѣхавъ въ въ Петербургъ, все обдумывалъ и соображалъ, какъ ему дѣйствовать въ предпринятыхъ имъ на себя дѣлахъ, и рассчиталъ, что беспокоить и вызывать на что-либо князя Александра Николаича было-бы бесполезно, ибо Егоръ Егорычъ, по перепискѣ съ нѣкоторыми лицами, зналъ, что князь окончательно страдалъ глазами. Михаилъ Михайлычъ Сперанскій, увы! былъ уже болѣе году записанъ Егоромъ Егорычемъ въ поминальнигѣ. Стало быть, изъ людей вліятель-

ныхъ у него только и оставался нѣкогда бывший гроссмейстеръ великой провинціальной ложи Сергѣй Степанычъ. Къ нему-то онъ и отправился.

Сергѣй Степанычъ замѣтно обрадовался Егору Егорычу, и разговоръ на этотъ разъ между ними начался не о масонствѣ, а о томъ, что наболѣло у Мартина на душѣ. Разказавъ Сергѣю Степанычу о своей женитьбѣ, о всѣхъ горяхъ своихъ семейныхъ, онъ перешелъ и къ общественному горю, каковымъ считалъ явленіе убійцы и каторжника Тулузова на горизонтѣ величія, и просилъ помочь ему во всѣхъ сихъ дѣлахъ. Сергѣй Степанычъ сначала не понялъ, о комъ собственно и о чемъ просить Егоръ Егорычъ, такъ какъ тотъ сталъ какъ-то еще болѣе бормотать и сверхъ того, вслѣдствіе нравственнаго волненія, говорилъ безъ всякой послѣдовательности въ мысляхъ.

— Поэтому вы прежде всего, — заговорилъ Сергѣй Степанычъ, съ своей англійской важностью: — желаете исходатайствовать смягченіе участи вашего свояка, такъ, кажется, я назвалъ?

— Такъ, словомъ Лябьевъ по фамиліи! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— Фамилію его я помню и даже слыхалъ нѣкоторыя его музыкальныя пьесы... Но, независимо отъ прошенія его, вы утверждаете, что онъ убилъ совершенно неумышленно своего партнера?

— Это не я одинъ, а вся Москва утверждаетъ, и говорятъ, что онъ не собственно убилъ, а какой-то негодяй есть тамъ, по прозванію Калмыкъ, держащій у себя открытый картежный домъ, который подкупилъ полицію и вышелъ сухъ изъ воды... Вообще, жить становится невозможнымъ.

— Да почему-же ужь такъ? — спросилъ Сергѣй Степанычъ.

— Да потому, — крикнулъ Марейнъ: — что, во-первыхъ, порядочнымъ людямъ служить нельзя... Мы въ нашей губерніи выбрали одного честнаго человѣка въ исправники, который теперь удичаетъ этого негодяя Тулузова и вмѣстѣ съ тѣмъ каждоминутно ждетъ, что его выгонятъ изъ службы. Прежде бывало миротворили и кривили совѣстью ради связей, дружбы, родства; гадко это, но все-же нѣсколько извинительно, а теперь выступила на смѣну тому кабацкая мощь, передъ которой преклоняется чуть-ли не все государство, чающее отъ нея своего благосостоянія... И ходятъ нынѣ эти господа кабатчики, въ родѣ Тулузова, по всей землѣ русской, какъ богатыри какіе; все имъ прощается: бей, рѣжь, жги, грабь... Но зато ужь Лябьевы не попадайся; ихъ за то, за что слѣдовало-бы только на церковное покаяніе послать, упрячутъ на каторгу!...

— О, нѣтъ! Вы очень въ послѣднемъ случаѣ ошибаетесь! — перебилъ Егора Егорыча довольно рѣзко Сергѣй Степанычъ: — Если въ прошеніи господина Лябьева на Высочайшее имя достаточно выяснено, что имъ совершенно убійство не преднамѣренно, а случайно, то я увѣренъ, что Государь значительно смягчитъ участь осужденнаго, тѣмъ болѣе, что господинъ Лябьевъ артистъ, а Государь ко всѣмъ художникамъ весьма милостивъ и внимателенъ.

— Государь, я знаю, что милостивъ, — закричалъ на это Марейнъ: — но, по пословицѣ: «царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ», подъ нимъ-то стоящимъ милѣе Тулузовы и кабатчики!

Въ лицѣ Сергѣя Степаныча при этомъ пробѣжало уже замѣтное неудовольствіе. Егоръ Егорычъ сколько ни горячился, но подмѣтилъ это и еще сильнѣе закричалъ:

— Я не о васъ, какихъ-нибудь десяти праведникахъ, говорю, благородствомъ которыхъ, можетъ быть, и спасается только кормило правленія! Я не историкъ, а только гражданинъ и говорю, какъ-бы сталъ говорить, если-бы меня на плаху возвели, что позорно для моего отечества, мало что оставлять убійцъ и грабителей на свободѣ, но, унижая и оскверняя государственные кресты и чины, украшать ими сихъ негодяевъ за какую-то ави-бы приносимую ими пользу.

Сколь ни прискорбно было Сергѣю Степанычу выслушивать всѣ эти запальчивыя обвиненія Егора Егорыча, но внутренно онъ соглашался съ нимъ самъ, видя и чувствуя, какъ все болѣе и болѣе творять беззаконія разныя силы: кабацкая, интендантская, путейская...

— Касательно того,—началъ онъ размышляющимъ тономъ: — что Тулузовъ убійца и каторжникъ, я вѣрю не вполнѣ и не вижу, изъ чего вы это усматриваете...

— Объ этомъ-съ въ нашей губерніи,—принялся выпечатывать Егоръ Егорычъ:—началось дѣло, и у меня въ рукахъ всѣ копіи съ этого дѣла; только я не знаю, къ кому мнѣ обратиться.

— Конечно, къ министру внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе къ такому министру, какъ нынѣшній; онъ по-такать не любитъ.

— Такого намъ и надо! Намъ нельзя еще жить

безъ дубинки Петра!... Но я не знакомъ совершенно съ новымъ министромъ.

— О, это все равно! — сказалъ Сергѣй Степанычъ и, немного подумавъ, присовокупилъ: — Я послѣ завтра увижусь со Львомъ Алексѣичемъ и скажу ему, что вы очень-бы желали быть у него. Онъ, я увѣренъ, приметъ васъ и приметъ не официально, а вечеромъ.

— Мнѣ не одному у него нужно быть, а съ моимъ деревенскимъ докторомъ, который поднялъ и раскрылъ дѣло Тулузова и который, по этому дѣлу имѣлъ даже предчувствіе за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, что онъ и никто другой, какъ онъ, раскроетъ это убійство; а потому вы мнѣ и ему устройте свиданіе у министра!

— Непремѣнно! — обѣщалъ Сергѣй Степанычъ.

— А когда вы меня оповѣстите о томъ?

— Да всего лучше вотъ что, — началъ Сергѣй Степанычъ: — вы пріѣзжайте въ слѣдующую среду въ англійскій клубъ обѣдать! Тамъ я вамъ и скажу, когда Левъ Алексѣичъ можетъ васъ принять, а вы между тѣмъ, можетъ быть, встрѣтитесь въ клубѣ съ нѣкоторыми вашими старыми знакомыми.

— Очень радъ, очень! — отозвался на это Марейнъ: — Ну, а какъ у васъ въ Петербургѣ масонство процвѣтаетъ? Всѣ, я думаю, на попятный дворъ удрали?

— Не могу сказать, чтобы такъ это было. Всѣ, кто были масонами, остались ими, но вымираютъ, а новыхъ не нарождается.

— Да! — согласился съ этимъ Егоръ Егорычъ и присовокупилъ: — Хочу отъ васъ заѣхать къ князю Александру Николаичу.

— Это, конечно, слѣдуетъ вамъ сдѣлать. Только князь, вѣроятно, васъ не приметъ.

— Отчего?... Неужели онъ такъ боленъ?

— И боленъ, а главное князь теперь диктуетъ исторію собственной жизни Батеневу...

— Никитѣ Семенычу Батеневу? — переспросилъ Егоръ Егорычъ.

— Никитѣ Семенычу; — отвѣчалъ Сергѣй Степанычъ:—хотя, въ сущности, это вовсе не диктовка, а Батеневъ его спрашиваетъ и самъ уже излагаетъ, начертывая буквы крупно мѣломъ на черной доскѣ, дабы князь могъ прочесть написанное.

— Это хорошій выборъ сдѣлалъ князь! — замѣтилъ Егоръ Егорычъ: — образъ мышленія Батенева чистомистическій, но только онъ циниченъ, особенно съ женщинами!

— Этого я не скажу,—возразилъ Сергѣй Степанычъ: — и могу опровергнуть ваше замѣчаніе мнѣніемъ самихъ женщинъ, изъ которыхъ многія очень любятъ Никиту Семеныча; жена моя, напримѣръ, утверждаетъ, что его нѣсколько тривиальными, а иногда даже нескромными выраженіями могутъ возмущаться только женщины весьма глупыя и пустыя.

— Не знаю, чтобы это пустоту женщины свидѣтельствовало, а скорѣй показываетъ ея чистоту,—возразилъ Егоръ Егорычъ, видимо имѣвшій нѣкоторое предубѣжденіе противъ Батенева: отдавая полную справедливость его уму, онъ, въ тоже время, подозрѣвалъ въ немъ человѣка весьма хитраго, льстиваго и при этомъ еще грубо-чувственнаго. Выѣхавъ отъ Сергѣя Степаныча, онъ прямо направился къ

князю; но швейцаръ того печальнымъ голосомъ объявилъ, что князь не можетъ его принять.

— Слышалъ это я,—объяснилъ сему почтенному члену масонства Егоръ Егорычъ: — но все-таки ты передай князю, что я въ Петербургѣ и заѣзжалъ провѣдать его!

— Слушаю-съ! — произнесъ съ отѣвкомъ нѣкотораго глубокомыслія швейцаръ.

Въ среду, въ которую Егоръ Егорычъ долженъ былъ пріѣхать въ англійскій клубъ обѣдать, онъ поутру получилъ радостное письмо отъ Сусанны Николаевны, которая писала, что, на другой день послѣ отъѣзда Егора Егорыча въ Петербургъ, къ нему пріѣзжалъ старикъ Углаковъ и рассказывалъ, что когда генераль-губернаторъ узналъ о столь строгомъ рѣшеніи участи Лябьева, то пришелъ въ удивленіе и негодованіе и, вызвавъ къ себѣ гражданскаго губернатора, намылилъ ему голову за то, что тотъ пропустилъ такой варварскій приговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаль ходатайствовать передъ Государемъ объ уменьшеніи наказанія несчастному Аркадію Михайлычу. Егоръ Егорычъ, прочитавъ это извѣстіе, проникся такимъ чувствомъ благодарности, что, не откладывая ни минуты и захвативъ съ собою Сверстова, поѣхалъ съ нимъ въ Казанскій соборъ отслужить благодарственный молебенъ за Государя, за московскаго генераль-губернатора, за Сергѣя Степаныча и самъ при этомъ рыдалъ на всю церковь: до того нервы старика были уже разбиты.

Въ англійскомъ клубѣ изъ числа знакомыхъ своихъ Егоръ Егорычъ встрѣтилъ одного Батенева, о которомъ онъ передъ тѣмъ только говорилъ съ Сер-

гѣмъ Степанычемъ и котораго Егоръ Егорычъ почти не узналъ, такъ какъ онъ привыкъ видѣть сего господина всегда небрежно одѣтымъ, а тутъ передъ нимъ предсталъ весьма молодежавый мужчина въ завитомъ парикѣ и надушенномъ фракѣ.

— Здравствуйте, пѣтушокъ! — сказалъ ему Батеневъ, нѣсколько покровительственнымъ тономъ.

Егора Егорыча немножко передернуло.

— Здравствуйте, мой милый коршунъ! — отвѣчалъ и онъ тоже покровительственно.

Батеневъ въ самомъ дѣлѣ своимъ длиннымъ носомъ и пронизательными глазами напомнилъ нѣсколько коршуна.

— Вы были у князя? — продолжалъ тотъ.

— Былъ! — отвѣчалъ коротко Егоръ Егорычъ.

— И, можетъ быть, вы желали передать князю какую-нибудь просьбу отъ васъ?

— Нѣтъ, не желаю! — отказался рѣзко Егоръ Егорычъ, котораго начиналъ не на шутку бѣсить покровительственный тонъ Батенева, прежде обыкновенно всегда льстившаго всѣмъ или смѣшившаго публику. — И о чемъ мнѣ просить князя? — продолжалъ онъ: — Общее наше дѣло такъ теперь унижено, что и говорить о томъ грустно, тѣмъ паче, что и понять нельзя, какая причина тому?

— Причина понятная! — сказалъ ему на это Батеневъ: — Вы гдѣ теперь живете?

— Я въ Москвѣ живу.

— Ну, ходите въ тамошній университетъ на лекціи естественныхъ наукъ и вслушайтесь внимательно, какіе гигантскіе успѣхи дѣлаютъ науки этого рода!.. А когда умъ челоуѣка столь занялся пред-

метами міра матеріальнаго, что стремится даже какъ-бы одухотворить этотъ міръ и въ самой матеріи найти конечную причину, такъ тутъ всѣмъ религіямъ и отвлеченнымъ философіямъ не поздоровится, по пословицѣ: «Когда Ванька поетъ, такъ ужъ Машка молчи!»

— Но это время пройдетъ!—воскликнулъ Егоръ Егорычъ.

— Не знаю; старуха еще на-двое сказала: либо дождикъ, либо снѣгъ либо будетъ, либо нѣтъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ тѣмъ, что къ Егору Егорычу подошелъ Сергѣй Степанычъ.

— Левъ Алексѣичъ поручилъ мнѣ пригласить васъ и доктора пріѣхать къ нему въ субботу вечеромъ!—сказалъ онъ.

— Благодарю, благодарю! — забормоталъ Егоръ Егорычъ.—Сегодняшній день, ей-Богу, для меня какой-то особенно счастливый! — продолжалъ онъ съ намернувшимися на глазахъ слезами:—Полутру я получилъ письмо отъ жены...—и Егоръ Егорычъ рассказалъ, что ему передала въ письмѣ Сусанна Николаевна о генераль-губернаторѣ.

— Это превосходно! Тогда успѣхъ почти несомнѣнный,—подхватилъ Сергѣй Степанычъ.

Въ это время стали садиться за столъ, а послѣ обѣда Егоръ Егорычъ тотчасъ уѣхалъ домой, чтобы отдохнуть отъ всѣхъ пережитыхъ имъ хоть и радостныхъ, но все-же волненій. Отдохнуть ему, однако, не удалось, потому что, войдя въ свой номеръ, онъ на столѣ нашелъ еще письмо отъ Сусанны Николаевны. Ожидая, что это новая печальная вѣсть о чемъ-либо, онъ обмеръ отъ страха, который, впро-

чемъ, оказался совершенно неосновательнымъ. Сусанна Николаевна отправила это письмо вечеромъ того же дня, какъ послано было ею первое письмо. Сдѣлала она это, аки-бы, затѣмъ, что въ прежнемъ посланіи забыла исполнить порученіе старика Углакова, который, будто-бы, умолялъ Егора Егорыча навѣстить его Пьера и увѣдомить черезъ Сусанну Николаевну, дѣйствительно-ли тотъ поправляется отъ своей болѣзни. Все это, конечно, было говорено старикомъ Углаковымъ, но только не совѣмъ такъ, какъ писала Сусанна Николаевна. Углаковъ выразилъ только желаніе, что не навѣститъ-ли Егоръ Егорычъ его Пьера и не увѣдомитъ-ли его хоть единою строчкою о состояніи здоровья того. Сусанна Николаевна, какъ мы видѣли, простое названіе назвала мольбою; а надежду старика, что Егоръ Егорычъ увѣдомитъ его о Пьерѣ, она перемѣнила на убѣдительную просьбу написать Сусаннѣ Николаевнѣ о томъ, какъ Пьеръ себя чувствуетъ, и она уже отъ себя хотѣла извѣстить безпокоющагося отца.

Для читателя, конечно, понятно, для чего были сдѣланы и придуманы Сусанной Николаевной сіи невинныя перемѣны, и къ этому надо прибавить одно, что въ промежутокъ времени между этими двумя письмами Сусанна Николаевна испытала мучительнѣйшія колебанія. Начавъ писать первое письмо, она твердо рѣшила не передавать Егору Егорычу желанія старика Углакова, что, какъ мы видѣли, и исполнила, но, отправивъ письмо на почту, впала почти въ отчаяніе отъ мысли, что затѣмъ-же она лишаетъ себя отрады получить хоть коротенькое

извѣстіе о здоровьи чловѣка, который оттого, вѣроятно, и боленъ, что влюбленъ въ нее безумно.

Ничего этого, конечно, не подозрѣвая, Егоръ Егорычъ въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ къ Углакову. Пьеръ, хотя уже и одѣтый, лежалъ еще въ постели. Услыхавъ, что пріѣхалъ Марейнъ, онъ почти во все горло закричалъ сидѣвшей съ нимъ матери:

— Маман, встрѣтите поскорѣ Егора Егорыча и спросите, съ нимъ-ли Сусанна Николаевна.

Madame Углакова грустно улыбнулась и встала было, чтобы идти на-встрѣчу гостю, но Егоръ Егорычъ самъ влетѣлъ въ комнату больнаго.

— А Сусанна Николаевна? — обратился къ тому Пьеръ.

— Она въ Москвѣ и обоимъ вамъ кланяется.

Пьеръ надулся. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Егоръ Егорычъ пріѣхалъ безъ Сусанны Николаевны.

— Развѣ она не захотѣла ѣхать въ Петербургъ? — спросилъ онъ.

— Не захотѣла, потому что ей нельзя оставить сестру, которая, какъ вы знаете, въ страшномъ горѣ, — объяснилъ Егоръ Егорычъ и началъ потомъ подробно спрашивать madame Углакову, чѣмъ собственно былъ боленъ ея сынъ, и когда та сказала, что у него была нервная горячка, Егоръ Егорычъ не повѣрилъ тому и подумалъ по прежнему, что молодой повѣса, вѣроятно, покутилъ сильно.

— Діету вамъ, мой милый, надобно держать: ѣсть меньше, вина не пить! — сказалъ онъ, обращаясь къ Пьеру.

— Ахъ, онъ теперь ничего почти не кушаетъ и совершенно не пьетъ вина!

— Это раньше надобно было дѣлать! Діета предохраняетъ насъ отъ многихъ болѣзней.

Весь этотъ разговоръ Пьеръ слушалъ молча и надувшись, думая въ то-же время про себя: «Неужели этотъ старый сморчокъ не понимаетъ, что я оттого именно и боленъ, что онъ живетъ еще на свѣтѣ и не засохъ совсѣмъ!»

Къ концу визита Егоръ Егорычъ неумышленно, конечно, но помазалъ елеемъ душу Пьера.

— Сусанна Николаевна весьма соболѣзнуетъ о вашемъ нездоровьи, — сказалъ онъ, обращаясь къ нему: — и я сегодня-же напишу ей, какимъ я васъ молодцомъ засталъ. А вы здѣсь долго еще останетесь? — отнесся онъ къ madame Углаковой.

— Ахъ, не думаю! Если выздоровленіе Пьера пойдетъ такъ успѣшно, какъ теперь идетъ, то мы черезъ мѣсяцъ-же возвратимся въ Москву.

— И monsieur Pierre оставляетъ Петербургъ и переѣдетъ съ вами въ Москву? — спросилъ Егоръ Егорычъ.

— Конечно, безъ сомнѣнія! — подхватила madame Углакова: — что ему въ этомъ ужасномъ климатѣ оставаться? Да и скучаетъ онъ очень по Москвѣ.

— Поэтому au revoir! — произнесъ Егоръ Егорычъ, обращаясь къ матери и къ сыну, и съ обычной для него быстротою исчезъ.

Вскорѣ наступившая затѣмъ суббота была знаменительнымъ и тревожнымъ днемъ для Сверстова по той причинѣ, что ему предстояло вмѣстѣ съ Егоромъ Егорычемъ предстать передъ министромъ, а это было ему не легко, такъ какъ, съ одной стороны, онъ терпѣть не могъ всѣхъ министровъ, а съ другой

и побаивался ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ являлся какъ-бы въ качествѣ доносчика. Последняя мысль до такой степени обезпокоила его, что онъ открылся въ томъ Егору Егорычу.

— Что за вздоръ?—воскликнулъ тотъ съ нѣкоторой даже запальчивостью:—Дай Богъ, чтобы въ Россіи побольше было такихъ доносчиковъ! Я самъ тысячекратно являлся такимъ извѣтчикомъ и никогда не смущался тѣмъ, помня, что дѣлая и говоря правду, грѣха бояться нечего.

Въ приемной министра, прилегающей къ его кабинету, по случаю вечерняго времени, никого изъ просителей не было и сидѣлъ только дежурный чиновникъ, который, вѣроятно, заранѣе получилъ приказаніе, потому что, услыхавъ фамиліи прибывшихъ, онъ безъ всякаго доклада отворилъ имъ двери въ кабинетъ и предложилъ войти туда. Тѣ вошли: Егоръ Егорычъ, пообыкновенію, топорщась, а Сверстовъ, какъ будто-бы его кто сжалъ и давилъ въ тискахъ. За большимъ письменнымъ столомъ они увидали министра въ новомъ, съ иглочки, виць-мундирѣ, съ сильно желтоватымъ цвѣтомъ довольно красиваго, но сухаго лица, на которомъ какъ-бы написано было, что министръ умѣлъ только повелѣвать и больше ничего. Увидѣвъ посѣтителей, онъ мотнулъ имъ головой и небрежно указалъ на два стула около стола. Егоръ Егорычъ совершенно свободно плюхнулъ на свой стулъ, а Сверстовъ, проклиная свою глупую робость, едва согнулъ себя, чтобы сѣсть. Министръ съ перваго же слова началъ разспрашивать о дѣлѣ и о личности Тулузова. Егоръ Егорычъ, догадываясь, что у его сотоварища, отъ смущенія, прилилъ

языкъ къ гортани, началъ вмѣсто него выпечатывать все касающееся существа Тулузовскаго дѣла, и только, повременамъ, обращался къ Сверстову и спрашивалъ его:

— Такъ я говорю?

— Совершенно такъ!—подтверждалъ тотъ, мрачно смотря въ полъ.

Затѣмъ, послѣ множества переходовъ въ разговоръ на разные подробности, министръ прямо уже отнесся къ Сверстову:

— Отъ васъ перваго, какъ я усматриваю, подано заявленіе въ земскій судъ?...

— Отъ меня-съ, потому что подозрѣніе касательно личности господина Тулузова мнѣ одному принадлежало или, точнѣе сказать, для одного меня составляетъ твердое убѣжденіе!—постарался Сверстовъ выразиться нѣсколько покраснорѣчивѣе.

— А мнѣ вы можете повторить ваше заявленіе?—продолжалъ министръ совершенно сухимъ тономъ.

— Могу, ваше превосходительство, вамъ и Государю, и Богу повторить мой извѣтъ,—произнесъ съ твердостью Сверстовъ.

— Въ такомъ случаѣ подайте мнѣ завтра же докладную записку!—присовокупилъ министръ.

— Она у меня написана, ваше высокопревосходительство,—поправился въ наименованіи титула Сверстовъ и подалъ заранѣе имъ приготовленный, по совѣту Егора Егорыча, извѣтъ на Тулузова.

Министръ, прочитавъ чрезвычайно внимательно всю бумагу отъ начала до конца, сказалъ, болѣе обращаясь къ Егору Егорычу:

— Хотя все это довольно правдоподобно, однако,

я долженъ предварительно собрать справки и теперь могу сказать лишь то, что требованіе московской полиціи передать дѣло господина Тулузова къ ея производству я нахожу неправильнымъ, ибо всѣ слѣдствія должны быть производимы въ мѣстахъ первичнаго ихъ возникновенія, а не по мѣсту жительства обвиняемыхъ, и это распоряженіе полиціи я пресѣку.

— А намъ только того и нужно-съ! — полу-воскликнулъ Егоръ Егорычъ и взглядомъ далъ знать Сверетову, что пора раскланяться.

Когда они вышли отъ министра, то прежде всего, точно вырвавшись изъ какого-нибудь душнаго мѣста, постарались вздохнуть поглубже чистымъ воздухомъ, и Егоръ Егорычъ хотѣлъ было потомъ свезти доктора еще къ другому важному лицу, Сергѣю Степанычу, но старый бурсакъ уперся противъ этого руками и ногами.

— Господь съ ними, съ этими сильными міра сего! Имъ говоришь, а они подозрѣваютъ тебя и думаютъ, что лжешь, того не понимая, что развѣ легко это говорить! — воскликнулъ онъ и, не сѣвъ съ Егоръ Егорычемъ въ сани, проворно ушелъ отъ него.

Такимъ образомъ Марейнъ заѣхалъ одинъ къ Сергѣю Степанычу, который встрѣтилъ его съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

— Были вы у министра и получили тамъ успѣхъ? — спросилъ онъ.

— Былъ я, кажется, не безъ успѣха, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— А я вамъ приготовилъ еще новую радость:

участь Лябьева смягчена государемъ; онъ назначенъ только ко временной ссылке въ Тобольскую губернію.

— Благодаритель вы человечества! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ и бросился обнимать Сергѣя Степаныча съ такою быстротой, что если-бы тотъ не поспѣшилъ наклониться, то Егоръ Егорычъ, по своей малорослости, обнялъ-бы его животъ, а не грудь.

Нетерпѣніе моихъ путниковъ возвратиться поскорѣе въ Москву такъ было велико, что они, не медля ни минуты, отправились въ обратный путь, и были оба исполнены несказаннаго удовольствія: Сверстовъ отъ мысли, что ему больше не будетъ надобности являться къ сильнымъ міра сего, а Егоръ Егорычъ предвкушалъ радостное свиданіе съ Сузанной Николаевной и Лябьевыми. Что касается дѣла Тулузова, оставшагося въ нерѣшенномъ положеніи, то оно много не заботило Егора Егорыча: по безконечной добротѣ своей онъ больше любилъ вершить дѣла добрыя и милостивыя, а не карательныя.

XIII.

Дамы, озабоченныя мизернымъ камеръ-юнкеромъ подъ буквами Н., Р. и Ч., которыхъ Тулузовъ равно какъ и супругу свою, прикрываясь полиціей, засталъ среди ихъ невинныхъ развлеченій, подняли противъ него цѣлый походъ и стали частью сами, а частью черезъ родныхъ своихъ и знакомыхъ доводить до свѣдѣнія генераль-губернатора, что нельзя-же дозволить разнымъ полудикимъ мужьямъ и полушьянымъ полицейскимъ чиновникамъ являться на совер-

шенно неполитическія сборища и только-что не палками разгонять общество, принадлежавшее къ лучшему московскому кругу. Добрый властитель Москвы по поводу такихъ толковъ имѣлъ, наконецъ, серьезное объясненіе съ оберъ-полиційместеромъ; причемъ оказалось, что оберъ-полиціймейстеръ совершенно не зналъ ничего этого и, возвратясь отъ генераль-губернатора, вызвалъ къ себѣ полиціймейстера, въ районѣ котораго случилось это событіе, но и тотъ ничего не вѣдалъ, и, въ концѣ концовъ, обнаружилось, что все это устроилъ безъ всякаго предписанія со стороны начальства толстенькій частный приставъ, которому оберъ-полиціймейстеръ за сію продѣлку предложилъ подать въ отставку; но вожеватый другъ актеровъ, однако, вывернулся: онъ какъ-то долѣзь до генераль-губернатора, всталъ передъ нимъ на колѣни, расплакался и повторялъ только: «Ваше сіятельство! я полагалъ, что это Евинъ клубъ, ваше сіятельство, я счелъ это... Конечно, ваше сіятельство, это была ошибка моя, но ошибка невинная!» Маститый властитель, повѣривъ, что это въ самомъ дѣлѣ была невинная ошибка со стороны частного пристава, позволилъ ему остаться на службѣ, строго наказавъ ему, чтобы впредь подобныхъ ошибокъ онъ не дѣлалъ.

Вскорѣ послѣ того къ генераль-губернатору явился Тулузовъ и, вѣроятно, предувѣдомленный частнымъ приставомъ, началъ было говорить объ этомъ столь близкомъ ему дѣлѣ, но властитель отклонилъ даже разговоръ объ этомъ и выразился такимъ образомъ: «Les chevaliers aux temps les plus barbares faisaient mourir leurs femmes, poussés par la jalousie, mais ne les

deshonoraient jamais en public!» Тулузовъ не вполнѣ, конечно, понялъ эту фразу, но за то совершенно уразумѣлъ, что генераль-губернаторъ недоволенъ имъ за его поступокъ съ Екатериной Петровной. Но этимъ начавшая надъ нимъ невзгода еще не окончилась... здѣсь, впрочемъ, я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

Заставъ жену на аеинскомъ вечерѣ, Тулузовъ первоначально напугалъ ее, сказавъ, что она будетъ арестована, а потомъ объяснилъ, что ей можно откупиться отъ этой бѣды только тѣмъ, если она дастъ ему, Тулузову, купчую крѣпость на деревню Оедюхино, по которой значится записаннымъ Савелій Васильевъ, человекъ весьма нужный для него въ настоящее время. Екатерина Петровна, пристыженная и растерявшаяся, согласилась и на другой-же день, какъ мы знаемъ, продала по купчей это имѣніе Тулузову, и затѣмъ супруги совершенно перестали видаться. Но такъ какъ вся Москва почти знала, что генераль-губернаторъ весьма милостиво взглянулъ на аеинскія сборища, то оныя были возобновлены и въ нихъ принялись участвовать прежнія дамы, не выключая и Екатерины Петровны, которая, однако, къ великому огорченію своему, перестала на этихъ сборищахъ встрѣчать театральнаго женъ-преьера, до такой степени напуганнаго происшедшимъ скандаломъ, что онъ не являлся болѣе и на домъ къ Екатеринѣ Петровнѣ. Какъ-бы на выручку ея изъ горестнаго одиночества на аеинскія сборища успѣлъ пробраться знакомый намъ камеръ-юнкеръ и сразу-же сталъ ухаживать за madame Тулузовой. Конечно, такой мизерный господинъ для вся-

кой женщины не большою *быль* была находкой; но по пословицѣ: на безрыбьи и ракъ рыба, сверхъ того, если принять въ расчетъ собственное признаніе Екатерины Петровны, откровенно говорившей своимъ пріятельницамъ, что она безъ привязанности не можетъ жить, то весьма будетъ понятно, что она уступила ухаживаньямъ камеръ-юнкера и даже совершенно утѣшилась въ потерю красиваго женъ-премьера. Камеръ-юнкеръ, съ восторгомъ занявшій такого рода постъ около *madame Тулузовой*, оказался столь-же, если еще не больше трусливымъ по характеру, какъ и юный театральнй любовникъ, такъ что всякій разъ, когда *monsieur chambellan* бывалъ у Екатерины Петровны, то ему чудилось, что вотъ сойдетъ сейчасъ сверху скотина Тулузовъ и велитъ его отдуть палками. Чтобы спасти себя отъ подобнаго непріятнаго казуса, камеръ-юнкеръ придумалъ рассказывать Екатерину Петровну городскіе слухи, въ которыхъ будто-бы всѣ ее осуждали единогласно, что она послѣ такого варварскаго съ ней поступка мужа продолжаетъ съ нимъ жить, тѣмъ болѣе, что она сама имѣетъ совершенно независимое отъ него состояніе. Сначала Екатерина Петровна возражала нѣсколько и говорила, что разойтись съ мужемъ вовсе не такъ легко, особенно съ такимъ человѣкомъ, какъ Тулузовъ, потому что онъ рѣшится на все.

— Тогда и противъ него надобно рѣшиться на все!—возразилъ камеръ-юнкеръ.

— Но что-же я могу сдѣлать?—спросила Екатерина Петровна.

Камеръ-юнкеръ даже разсмѣялся при такомъ наивномъ, по его мнѣнію, вопросѣ ея.

— Все, что вы хотите! — воскликнулъ онъ: — Неужели вы не чувствуете, въ какое время мы живемъ? Сколь ни грубый городъ Москва, но все-таки общественное мнѣніе въ подобныхъ случаяхъ всегда стоитъ за женщину.

Екатерина Петровна хоть и согласилась, что нынче, дѣйствительно, стали отстаивать слабыхъ, бѣдныхъ женщинъ, но все-таки сдѣлать какой-нибудь рѣшительный шагъ колебалась, считая Тулузова почти не за человѣка, а за дьявола. Тогда камеръ-юнкеръ, какъ самъ человѣкъ мнительный и способный придумать всевозможныя опасности, навелъ ее за однимъ секретнымъ ужиномъ на другаго рода страхъ.

— Наконецъ—сказалъ онъ:—мужъ вашъ, имѣя въ виду седьмую часть вашего состоянія, способенъ отравить васъ!

Такое предположеніе Екатерину Петровну поразило.

— Какъ же онъ отравить меня?—спросила она:— Я никогда съ нимъ не обѣдаю, ни чаю не пью вмѣстѣ?

— Тѣмъ удобнѣе это сдѣлать для него. Онъ подкупить повара и подложить какого-нибудь снадобья, а нынче такіе яды изобрѣтены, что на вкусъ не узнаешь...

— О, зачѣмъ вы меня такъ пугаете?!—произнесла укоризненнымъ голосомъ Екатерина Петровна и для придачи себѣ храбрости выпила залпомъ стаканъ довольно вѣриваго нюю.

— Я дѣлаю только логическій выводъ изъ того порядка вещей, какимъ вы обставлены... А развѣ

вы сомнѣваетесь, что мужъ вашъ способенъ сдѣлать подобную вещь?

— Нѣтъ, я не то, что сомнѣваюсь...—произнесла Екатерина Петровна, и такъ какъ была съ нѣсколько уже отуманенной головой, то рассказала своему обожателю о подозрѣнiяхъ въ личности Тулузова, а равно и о томъ, что объ этомъ началось дѣло, отъ котораго Тулузовъ до сихъ поръ увертывается.

— Гдѣ-же это дѣло производится?—спросилъ камеръ-юнкеръ съ явнымъ удовольствiемъ: ему весьма было-бы прiятно поймать Тулузова по какому-бы то ни было дѣлу и упрятать его подальше.

— Не знаю! — отвѣчала Екатерина Петровна.

— Кто-жь, по крайней мѣрѣ, это дѣло началъ и возбудилъ?—разспрашивалъ камеръ-юнкеръ.

— Это одинъ мой родственникъ по первому мужу, Марѣинъ, который давно вредитъ Тулузову.

— Гдѣ теперь этотъ родственникъ?

— Въ Москвѣ.

— Но не можете-ли вы поѣхать къ нему разспросить его о дѣлѣ вашего мужа?

— Нѣтъ, — отвѣчала отрицательно мотнувъ головой, Екатерина Петровна:—послѣ исторiи съ нашимъ аѳинскимъ вечеромъ Марѣинъ, вѣроятно, меня не приметъ.

На этомъ кончилось совѣщанiе камеръ-юнкера съ Екатериной Петровной, но она потомъ не спала всю ночь и ей безпрестанно мерещилось, что мужъ ее отравитъ, такъ что на другой день, едва Тулузовъ возвратился отъ генераль-губернатора, она послала къ нему пригласить его прiйти къ ней.

Василій Ивановичъ, предчувствуя заранѣе что-то недоброе для него, пошелъ на приглашеніе супруги неохотно. Екатерина Петровна приняла его гнѣвно и величественно и съ перваго же слова сказала ему:

— Послѣ всѣхъ вашихъ продѣлокъ противъ меня вы, надѣюсь, понимаете, что продолжать мнѣ жить съ вами глупо и неприлично...

Тулузова сильно покорибли эти слова!

— Какую-же продѣлку мою вы разумѣете?

— Да хоть послѣднюю, которою вы осрамили меня на всю Москву,—отвѣчала, злобно взглянувъ на мужа, Екатерина Петровна.

— Это, конечно, былъ неосторожный и необдуманнѣйшій поступокъ съ моей стороны, — отвѣчалъ онъ, едва выдерживая уставленный на него взглядъ жены.

— А мнѣ, напротивъ, онъ показался очень обдуманнымъ и выгоднымъ для васъ! — подхватила, съ тою-же злостью разсмѣявшись, Екатерина Петровна: — Я заплатила вамъ за него двадцатью душами, въ числѣ которыхъ находится любимецъ вашъ Савелій Власьевъ.

Она знала черезъ людей, что Савелій Власьевъ постоянно разспрашивалъ у всѣхъ объ образѣ ея жизни и обо всемъ, конечно, докладывалъ барину.

— Если вамъ угодно, я вамъ заплачу за эти двадцать душъ, — продолжалъ Тулузовъ, видимо, желавшій на этотъ разъ поумилостивить Екатерину Петровну.

— О, нѣтъ, зачѣмъ-же? — воскликнула она: — Если-бы я стала получать съ васъ всѣ ваши долги мнѣ, вамъ пришлось-бы много заплатить, и я те-

перь требую отъ васъ одного, чтобы вы мнѣ выдали бумагу на свободное прожитіе въ продолженіе всей моей жизни, потому что я желаю навсегда развѣхаться съ вами и жить въ разныхъ домахъ.

Тулузовъ, кажется, вовсе не ожидалъ услышать такое рѣшеніе со стороны жены.

— Но, Катерина Петровна, — произнесъ онъ почти жалобнымъ голосомъ: — это будетъ новый скандалъ, за который меня и васъ опять обвинять.

— Скандаловъ я не боюсь, — возразила она по прежнему злобно-насмѣшливымъ тономъ: — я столько ихъ имѣла въ жизни, какъ и вы, я думаю, тоже!...

— У меня не было въ жизни скандаловъ, — имѣлъ наглость сказать Тулузовъ, такъ что Екатерина Петровна не удержалась и презрительно засмѣялась при этомъ. — И главное, — продолжалъ онъ: — какой мы предлогъ изберемъ для нашего развѣзда? Если-бы произошло это тотчасъ за послѣднимъ несчастнымъ случаемъ, такъ это показалось-бы понятнымъ; но теперь, по прошествіи мѣсяца...

— Время тутъ ничего не значитъ! — перебила его Екатерина Петровна: — Сначала я была ошеломлена, не поняла хорошо; но теперь я вижу, какую вы ловушку устроили для меня вашимъ *неосторожнымъ поступкомъ*.

— Я въ этомъ поступкѣ моемъ прошу у васъ прощенія, — попробовалъ было еще разъ умиливать жену Тулузовъ.

— А я васъ не прощаю и не извиняю, — отвѣтила та ему: — и скажу прямо: если вамъ не угодно будетъ дать сегодня-же бумагу, которую я требую отъ васъ, то я ѣду къ генераль-губернатору и раз-

скажу ему всю мою жизнь съ вами: какъ вы раз-
вращали перваго моего мужа и подставляли ему лю-
бовницъ, какъ потомъ женились на мнѣ и прибрали
къ себѣ въ руки весь капиталъ покойнаго отца, и
наконецъ, передамъ ему тѣ подозрѣнія, которыя
имѣеть на васъ Марейнъ и по которымъ поданъ на
васъ доносъ.

Тулузовъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія надъ собой,
чтобы скрыть свой почти ужасъ и проговорить:

— Ничего вамъ не придется этого дѣлать. Я
дамъ желаемую вамъ бумагу и хотѣлъ бы только,
чтобы мы разстались подружески, а не врагами.

— Это я могу вамъ обѣщать, — отвѣчала насмѣ-
шливо Екатерина Петровна: — и, съ своей стороны,
тоже прошу васъ, чтобы вы меня послѣ того ни-
чѣмъ не тревожили, не посѣщали никогда и денегъ
отъ меня больше не требовали.

— Извольте-съ! — сказалъ Тулузовъ, слегка по-
жавъ плечами. — За этимъ вамъ собственно и угодно
было позвать меня?

— За этимъ, — подтвердила Екатерина Петровна.

Тулузовъ поклонился ей и ушелъ, а вечеромъ
прислалъ ей видъ на отдѣльное отъ него житье.

Пока все это происходило, Егоръ Егорычъ воз-
вратился съ Сверстовымъ въ Москву. Первое, о
чемъ спросила его Сусанна Николаевна, это о здо-
ровьи Пьера Углакова.

— Совершенно поправляется и скоро пріѣдетъ
въ Москву, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

Сусанна Николаевна, услышавъ это, одновре-
менно обрадовалась и обмерла отъ страха, и когда
потомъ возникъ вопросъ о времени отправленія Ля-

бъевыхъ въ назначенное имъ мѣсто жительства, то она, съ своей стороны, подала голосъ за скорѣйшій отъѣздъ ихъ, потому что тамъ они будутъ жить все-таки на свѣжемъ воздухѣ, а не въ тюрьмѣ. Подъ вліяніемъ ея мнѣнія, Егоръ Егорычъ сталъ хлопотать объ этомъ черезъ старика Углакова и тутъ-же его обезпечилъ вопросомъ, чѣмъ Лябьевы будутъ жить на поселеніи? Онъ сказалъ объ этомъ первоначально Сусаннѣ Николаевнѣ, та спросила о томъ сестру и послѣ разговора съ ней объявила Егору Егорычу:

— Вообрази, у нихъ есть средства! Помнишь ту подмосковную, которую мамаша такъ настоятельно хотѣла отдать Музѣ? Она у нихъ сохранилась. Лябьевъ, проигравъ все свое состояніе, никакъ не хотѣлъ продать этого имѣнія и даже выкупилъ его, а, кромѣ того, если мы отдадимъ ту часть, которая досталась мнѣ послѣ мамашы, они будутъ совершенно обезпечены.

— Превосходно, превосходно! — восклицалъ на все это Егоръ Егорычъ: — я буду управлять этимъ имѣніемъ и буду высылать имъ деньги, а тамъ они и сами возвратятся скоро въ Москву.

Отправка Лябьева назначена была весьма скоро послѣ того, и имъ даже дозволено было ѣхать въ своемъ экипажѣ вслѣдъ за конвоемъ. Объ ихъ прощаніи съ родственниками и друзьями говорить, конечно, нечего. Ради характеристики этого прощанія, можно сказать только, что оно было короткое и совершенно молчаливое; одна только Аграфена Васильевна разревилась и все кричала своему обожаемому Аркашѣ:

— Ты смотри-же, тамъ въ Сибири сочини еще соловья!

Въ самый день отъезда Лябьевыхъ Сусанна Николаевна сказала мужу, что она непременно желаетъ послѣ-завтра-же уѣхать въ деревню, да и докторъ Сверстовъ, сильно соскучившись по своей gnädige Frau, подговаривалъ къ тому Егора Егорыча, такъ что тотъ, не имѣя ничего противъ скорого отъезда согласился на то.

Екатерина Петровна, между тѣмъ, развѣхалась съ мужемъ и наняла себѣ квартиру на сколь возможно отдаленной отъ дома Тулузова улицѣ.

Тулузовъ, съ которымъ она даже не простилась, послѣ объясненія съ нею, видимо, былъ въ какомъ-то афрapiрованномъ состояніи и все совѣщался съ Савеліемъ Власьевымъ, передъ сметкой и умомъ котораго онъ замѣтно началъ пасовать, и когда Савелій (это было на второй день переѣзда Екатерины Петровны на новую квартиру) пришелъ къ нему съ обычнымъ докладомъ по дѣламъ откупа, Тулузовъ сказалъ ему:

— Катерина Петровна не будетъ больше жить со мною, и потому въ ея отдѣленіе я перевожу главную контору мою; кромѣ того, и ты можешь помѣститься тамъ съ своей семьей.

Савелій передъ тѣмъ только женился на весьма хорошенькой особѣ, которая была изъ мѣщанскаго званія и съ весьма порядочнымъ приданымъ. За предложенную ему квартиру онъ небольшимъ поклонномъ поблагодарилъ своего господина.

— А что, скажи, Лябьева сослала? — спросилъ тотъ.

— Отправили-съ, но только не въ каторгу, а на поселенье, — объяснилъ Савелій.

— Почему-жь такъ? — воскликнулъ Тулузовъ съ неудовольствіемъ.

— Миѣ нашъ частный приставъ передавалъ, что самъ Государь повелѣлъ господина Лябева только выслать на жительство въ Тобольскую губернію.

Такое извѣстіе взбѣсило Тулузова, и онъ почувалъ въ немъ дурное предзнаменованіе для себя.

— Кто-жь ему это выхлопоталъ? — отнесся онъ какъ-то ужь строго къ Савелію.

— Частный приставъ сказывалъ, что господинъ Марейнъ хлопоталъ по этому дѣлу очень много.

— А эта гадина еще здѣсь?

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхалъ въ имѣніе свое; я нарочно заходилъ къ нимъ на квартиру справляться, но никого тамъ не нашелъ, и дверь заколочена.

— Для насъ очень хорошо и полезно, что чортъ его унесъ... Ну, а дѣла моего еще не прислали сюда?

— Никакъ нѣтъ-съ, не шлютъ!

— Но какъ-же они смѣютъ это дѣлать?... Значить, тебѣ опять надобно ѣхать туда.

Савелій при этомъ приказаніи вспыхнулъ въ лицѣ.

— Ѣхать-съ, Василій Ивановичъ, я готовъ, но пользы отъ того не будетъ никакой! — возразилъ онъ: — тамошній господинъ исправникъ недаромъ Звѣревымъ прозывается, какъ есть звѣрь лютой... Изобьетъ меня еще разъ, тѣмъ и кончится... Нельзя-ли вамъ какъ-нибудь у генералъ-губернатора, что-ли, или у тамошняго губернатора похлопотать?

— Нигдѣ я не могу хлопотать, понимаешь-ли? Меня судьба лупитъ со всѣхъ сторонъ!—воскликнулъ Тулузовъ.

— Это точно, что съ кажиннымъ человѣкомъ бываетъ... Вотъ тоже одинъ изъ свидѣтелей нашихъ ужасно какъ начинается безобразничать.

— Кто такой? —спросилъ Тулузовъ съ болѣе и болѣе возрастающимъ гнѣвомъ.

— Все тотъ же безобразный поручикъ... требуетъ себѣ денегъ, да и баста...

— Ему давали ужь денегъ, и сколько разъ послѣ того!—кричалъ Тулузовъ.

— А онъ еще хочетъ, и если, говоритъ, не дадите, такъ я пойду и скажу, что далъ фальшивое показаніе.

Тулузовъ при этомъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Такъ зачѣмъ-же ты, каналья этакая, меня съ такими негодьями свелъ?... Я не съ нихъ, а съ тебя спрошу: ты мой крѣпостной, и изволь съ ними улаживать!

Тутъ, въ свою очередь, Савелій обозлился.

— Улаживать съ нимъ можно только однимъ: дать ему денегъ.

— Ну, такъ ты и давай изъ своего кармана. Довольно ты ихъ у меня наворовалъ.

— Да вѣдь это что-же-съ?... И другіе, можетъ, еще больше меня воровали...

Тулузовъ, понявъ на чей счетъ это было сказано, бросился было бить Савелія, но тотъ движеніемъ руки остановилъ его.

— Не смѣйте меня пальцемъ тронуть! Не вы мнѣ, а я вамъ нуженъ!—говоритъ онъ.

— Никто мнѣ не нуженъ!—ревѣлъ на весь домъ Тулузовъ: — я убью тебя здѣсь-же на мѣстѣ, какъ собаку!

— Нѣтъ, не убьете! Вы людей убивали, когда въ бѣдности были, а теперь побережете себя, — возразилъ, какимъ-то дьявольскимъ смѣхомъ усмѣхнувшись, Савелій и затѣмъ пошелъ.

— Я тебя завтра-же на ваторгу сошлю!—кричалъ ему вслѣдъ Тулузовъ.

— Не сошлете!—отозвался опять съ тѣмъ-же демонскимъ смѣхомъ Савелій.

XIV.

Савелій Власьевъ не ошибся, говоря, что баринъ не сошлетъ его; напротивъ, Василій Ивановичъ на другой-же день, раннимъ утромъ, позвалъ его къ себѣ и сказалъ ему довольно ласковымъ голосомъ:

— Тебѣ глупо было вчера такъ грубить мнѣ!

— Да это простите, виновать! Обидно тоже немного показалось, — слегка извинился Савелій Власьевъ.

— Ну, и этому негодяю-поручику дай немного денегъ!—продолжалъ Тулузовъ.

— Непремѣнно-съ надобно дать! Онъ увѣряетъ, что никакихъ средствъ не имѣетъ, на что существовать.

— Я готовъ ему помочь; но все-таки надобно,

чтобы предѣлъ былъ этой помощи,—замѣтилъ Тулузовъ.

— Предѣлъ будетъ-съ; рѣшися только дѣло въ вашу пользу, мы ему сейчасъ въ шею дадимъ, да еще и самаго къ суду притянемъ, — умно сообразилъ Савелій Власьевъ.

— И нужно будетъ это сдѣлать непременно,—подхватилъ Тулузовъ:—но ты сегодня-же и дай ему.

— Сегодня, если только найду; а то его, дьявола, иной разъ и не сыщешь,—объяснилъ Савелій.

— Гдѣ-жь онъ, собственно, живетъ?—спросилъ Тулузовъ.

— Это трудно сказать, гдѣ онъ живетъ; день пребываетъ около Иверскихъ воротъ, а ночи по кабакамъ шляется или посѣщаетъ разныхъ метрессъ своихъ, которыя его не прогоняютъ.

— Ну, а другіе свидѣтели ничего не говорятъ?

— Изъ другихъ старичокъ-чиновникъ померъ; замерзъ-ли онъ, окаянный, или ударъ съ нимъ былъ, неизвѣстно.

— А другой, молодой?

— Тотъ вѣдь-съ человекъ умный и понимаетъ, что я ему въ тѣ поры заплатилъ дороже супротивъ другихъ!... Но тоже разъ сказалъ было мнѣ, что прибавочку, хоть небольшую, желалъ бы получить. Я говорю, что вы получите и большую прибавочку, когда дѣло моего господина кончится. Онъ на томъ теперь и успокоился, ждетъ.

Объяснивъ все это барину, Савелій Власьевъ поспѣшилъ на розыскъ пьянаго поручика, и онъ это дѣлалъ не столько для Тулузова, сколько для себя, такъ какъ самъ могъ быть уличенъ въ под-

говоръ свидѣтелей. Произведенный, однако, имъ розыскъ поручика по всѣмъ притонамъ того оказался на этотъ разъ безуспѣшнымъ. Тщетно Савелій Власьевъ спрашивалъ достойныхъ друзей поручика, гдѣ тотъ обрѣтается, никто изъ нихъ не могъ ему объяснить этого; а, между тѣмъ, поручикъ, нивагъ неожиданшій, что его ищутъ для выдачи ему денегъ, и пьяный, какъ всегда, стоялъ въ настоящія минуты въ пріемной генераль-губернатора съ цѣлю расквитаться передъ тѣмъ и сдѣлать доносъ на Тулузова. Обирай заявленія у просителей и опрашивай ихъ какой-нибудь другой чиновникъ, а не знакомый намъ камеръ-юнкеръ, то поручикъ за свой безобразно-пьяный видъ, вѣроятно, былъ-бы прогнанъ; но мизерный камеръ-юнкеръ, влекомый какимъ-то тайнымъ предчувствіемъ, подошелъ къ нему первому.

— Вы имѣете надобность до князя? — спросилъ онъ.

— Имѣю!... — отвѣчалъ нетвердымъ голосомъ поручикъ:—Я пришелъ съ жалобой на... фу ты какого важнаго барина... Тулузова и на подлеца его Савку—управляющаго.

При имени Тулузова, шамбеланъ впился въ поручика и готовъ былъ почти обнять его, сколь тотъ ни гадокъ былъ.

— Чѣмъ именно обидѣлъ васъ господинъ Тулузовъ? — сказалъ онъ, внимательнѣйшимъ образомъ наклонивъ ухо къ поручику, чтобы слушать его.

— Чѣмъ онъ можетъ меня обидѣть?... Я самъ его обижу!...—воскликнулъ тотъ съ гоноромъ, а за тѣмъ, врядъ-ли съ пьяну не принявъ камеръ-юнкера,

совершавшаго служебныя отправленія въ своемъ галунномъ мундирѣ, за самого генераль-губернатора, продолжалъ болѣе униженнымъ тономъ: — Я, ваше сіятельство, офицеръ русской службы, но пришелъ въ бѣдность... Что-жь дѣлать?... И сколько времени теперь безъ одежды и пищи... *et comprenez vous, je mange ce que les chiens ne mangeraient pas...* а это тяжело, генераль, тяжело...

И при этомъ у бѣднаго поручика по его опухшей щекѣ скатилась ужь слеза. Камеръ-юнкеръ выразилъ нѣкоторое участіе къ нему.

— Вы успокойтесь и объясните, что-же собственно сдѣлалъ вамъ непріятнаго господинъ Тулузовъ?

— Онъ... — началъ нескладно объяснять поручикъ:— У меня, ваше сіятельство, передъ тѣмъ, можетъ, дня два куска хлѣба во рту не бывало, а онъ говоритъ черезъ своего Савву... «Я, говоритъ, дамъ тебѣ сто рублей, покажи только, что меня знаешь и былъ мнѣ другъ!...» А какой я ему другъ?... Что онъ говоритъ?... Но тоже голодъ, ваше сіятельство... Иные отъ того людей рѣжугъ, а я что-жь?... Признаюсь въ томъ... «Хорошо, говорю, покажу, давай только деньги!»...

— Господа, прошу прислушаться къ словамъ господина поручика!— обратился камеръ-юнкеръ къ другимъ просителямъ, изъ коихъ одни смутились, что попали въ свидѣтели, а другіе ничего и даже какъ-бы обрадовались, такъ что одна довольно старая салонница, должно быть изъ просвиренъ, звонкимъ голосомъ произнесла:

— Какъ, сударь, не слыхатъ?... Слышимъ, не глухіе...

— И что-же вы показали?... — отнесся потомъ камеръ-юнкеръ къ поручику.

У того отъ переживаемыхъ волненій окончательно прилила кровь къ головѣ.

— Не помню, пьянъ очень былъ... Кажется, оказалъ, что служилъ съ нимъ...

— Но въ самомъ дѣлѣ вы не служили съ нимъ? — разспрашивалъ камеръ-юнкеръ.

— Какъ-же я служилъ съ нимъ, — возразилъ съ гнѣвомъ поручикъ: — когда у насъ въ бригадѣ офицеры были все благороднѣйшіе люди!... А тутъ что-жь?... Купать хотѣлось... Ничего съ тѣмъ не подѣлаешь...

— Конечно, — согласился камеръ-юнкеръ; потомъ, вѣжливо попросивъ поручика подождать его тутъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мигнувъ стоявшему въ приемной жандарму, чтобы тотъ не выпускалъ сего просителя, проворно пошелъ по лѣстницѣ наверхъ, видя своимъ раззолоченнымъ задомъ.

... Шелъ камеръ-юнкеръ собственно въ канцелярію для совѣщаній съ управляющимъ оной и засталъ также у него одного молодаго адъютанта, весьма любимаго княземъ. Когда онъ имъ разсказалъ свой разговоръ съ поручикомъ, то управляющій на это промолчалъ, но адъютантъ засмѣялся и, воскликнувъ: «Что за вздоръ такой!», побѣжалъ посмотреть на поручика, послѣ чего, возвратясь, еще болѣе засмѣялся и договорилъ:

— Это какой-то несовсѣмъ пьяный... Онъ и со мной полѣвъ было дѣловаться и кричить: «вы военный инспекторъ».

— Но какъ-же, однако, съ нимъ быть?.. Докладывать мнѣ объ этомъ князю или нѣтъ?

— Конечно, нѣтъ!—воскликнулъ адъютантъ, думавшій, что князь попрежнему расположенъ къ Тулузову, но управляющій, все время глядѣвшій въ развернутую передъ нимъ какую-то министерскую бумагу, сказалъ камеръ-юнкеру:

— Я полагаю, вамъ слѣдуетъ взять отъ поручика письменное заявленіе о томъ, что онъ вамъ говорилъ.

— Я и то уже сказалъ прочимъ просителямъ: «прошу прислушать, господа!» — объяснилъ камеръ-юнкеръ.

— Тогда потрудитесь все это оформить и составьте на законномъ основаніи постановленіе! — посоветовалъ ему управляющій.

Камеръ-юнкеръ поспѣшилъ сойти внизъ и въ какую-нибудь четверть часа сдѣлалъ все нужное. Возвратясь къ управляющему съ бумагою, онъ спросилъ его:

— Вы доложите князю или я?

— Я-съ,—отвѣчалъ управляющій, нѣсколько ревнивый въ этихъ случаяхъ и старавшійся обо всемъ всегда докладывать князю самъ. Просмотрѣвъ составленную камеръ-юнкеромъ бумагу, онъ всталъ съ своего кресла, и здѣсь слѣдовало-бы описать его наружность, но, ей-богу, во всей фигурѣ управляющаго не было ничего особеннаго и онъ отчасти походилъ на сенаторскаго правителя Звѣздкина, такъ какъ подобно тому происходилъ изъ духовнаго званія, съ такимъ лишь различіемъ, что тотъ былъ петербуржецъ, а сей правитель дѣлъ москвичъ и, въ

силу московскихъ обычаевъ, хотя и былъ выбритъ, но не совсѣмъ чисто; бакенбарды имѣлъ далеко не такъ тщательно расчесанныя, какими онѣ были у Звѣздкина; о лентѣ, сей правитель дѣлъ, кажется, еще и не помышлялъ и имѣлъ только Владиміра на шеѣ, который онъ носилъ не на бѣльѣ, а на атласномъ жилетѣ, до верху застегнутомъ. Захвативъ съ собою постановленіе камеръ-юнкера, также и министерскую бумагу, управляющій пошелъ, причемъ началъ ступать ногами какъ-то вкривъ и вкось. Словомъ, обнаружилъ въ себѣ мужичну нескладнаго и неотесаннаго, но при всемъ томъ имѣлъ видъ умный. Направился первоначально управляющій въ залу, гдѣ, увидя пріѣхавшаго съ обычнымъ докладомъ оберъ-полиціймейстера, началъ ему что-то такое шептать, въ отвѣтъ на что оберъ-полиціймейстеръ, пожимая плечами, украшенными густыми генеральскими эполетами, произнесъ не безъ смущенія:

— Это Богъ знаетъ что такое?..

— Да, — подтвердилъ и управляющій: — ни одинъ еще министръ, какъ нынѣшній, не позволялъ себѣ писать такія бумаги князю!.. Смотрите, — присовокупилъ онъ, показывая на нѣсколько строчекъ министерской бумаги, въ которыхъ значилось: «Находя требованіе московской полиціи о высылкѣ къ ея производству дѣла о господинѣ Тулузовѣ совершенно незаконнымъ, я вмѣстѣ съ симъ предложидь мѣстному губернатору не передавать сказаннаго дѣла въ Москву и производить оное во ввѣренной ему губерніи».

— По этой бумагѣ вы и идете докладывать? —

спросилъ невеселымъ голосомъ оберъ-полиціймейстеръ.

— Но этой и вотъ еще по какой, — объяснилъ управляющій и далъ оберъ-полиціймейстеру прочесть составленный камеръ-юнкеромъ актъ, прочитавъ который, оберъ-полиціймейстеръ грустно улыбнулся и проговорилъ:

— Это новое еще будетъ обвиненіе на полицію?

— Новое, — подтвердилъ управляющій и ушелъ въ кабинетъ князя, гдѣ оставался весьма продолжительное время.

Для уясненія хода событій надобно сказать, что добрый и старый генераль-губернаторъ отчасти по болѣзни своей, а еще болѣе того по крайней распущенности, которую онъ допустилъ въ отношеніи служебнаго персонала своего, предполагался въ Петербургѣ, какъ говорится, къ сломкѣ, что очень хорошо знали ближайшіе его подчиненные и поэтому постоянно имѣли печальный и грустный видъ.

Выйдя изъ кабинета, управляющій снова отнесся къ оберъ-полиціймейстеру:

— Князь поручилъ вамъ поручика, сдѣлавшаго извѣтъ, арестовать при одномъ изъ частныхъ домовъ, а требованіе московской полиціи объ отправкѣ къ ней дѣла Тулузова, какъ незаконное, предлагаетъ вамъ прекратить.

— Да чортъ съ нимъ, съ этимъ дѣломъ! Я и не зналъ даже о существованіи такого требованія, — проговорилъ оберъ-полиціймейстеръ и уѣхалъ исполнять полученныя имъ приказанія.

Такимъ образомъ пьяный поручикъ, рывшій для другаго яму, самъ прежде попалъ въ оную и прямо

изъ дома генераль-губернатора былъ отведенъ въ одну изъ частей, гдѣ его помѣстили довольно удобно въ особой комнатѣ и съ матрасомъ на кровати.

— Благодарю, благодарю! — говорилъ при этомъ поручикъ: — Я зналъ это прежде и радъ тому... По крайней мѣрѣ, мнѣ здѣсь тепло и кормить меня будутъ...

Накормить его, конечно, накормили, но поручику хотѣлось-бы водочки или, по крайней мѣрѣ, пивца выпить, но ни того, ни другаго достать было ему неоткуда, не смотря на видимое сочувствіе будочниковъ, которые совершенно понимали такое его желаніе, и бѣдный поручикъ приготовлялся было снять съ себя сапоги и послать ихъ заложить въ кабакъ, чтобы выручить на нихъ хоть косушку; но въ часть заѣхалъ, прямо отъ генераль-губернатора и не успѣвъ еще съ себя снять своего блестящаго мундира, невзрачный камеръ-юнкеръ. Узнавъ о страданіяхъ поручика, онъ далъ отъ себя старшему бутарю пять рублей съ приказаніемъ, чтобы тотъ покупалъ для арестанта каждый день понемногу водки и вообще не давалъ-бы ему очень скучать своимъ положеніемъ. Сколько обрадовались поручикъ и бутаря сей маннѣ, спавшей на нихъ съ небесъ, описать невозможно, и къ вечеру-же какъ самъ узникъ, такъ и два стража его были мертвецки пьяны.

Изъ частнаго дома, камеръ-юнкеръ, все въ томъ-же своемъ красивомъ мундирѣ, поѣхалъ къ Екаторинѣ Петровнѣ. Онъ съ умысломъ хотѣлъ ей показаться въ придворной формѣ, дабы еще болѣе привязать ея сердце къ себѣ, и придуманный имъ способъ, кажется, ему до нѣкоторой степени удался, по-

тому что Екатерина Петровна, только что съѣвшая въ это время за обѣдъ, увидавъ его, воскликнула:

— Боже мой, что это такое?.. Какой вы сегодня интересный и откуда это вы?

— Прямо со службы и привезъ вамъ новость, — отвѣчалъ, цѣлуя ея руку, камеръ-юнкеръ.

— Но прежде чѣмъ рассказывать вашу новость, извольте садиться обѣдать, хотя обѣдъ у меня скромный, вдовій; но любимое, впрочемъ, вами шато д'икемъ есть. Я сама его, по вашему совѣту, стала пить вмѣсто краснаго вина. Приборъ сюда и свѣжую бутылку д'икему! — добавила она лакею.

Камеръ-юнкеръ, сѣвъ за столъ, разстегнулъ свой блестящій коконъ, при чемъ оказалось, что подъ мундиромъ на немъ былъ надѣтъ безукоризненной чистоты, изъ толстаго англійскаго пике, бѣлый жилетъ.

Обѣдъ свой Екатерина Петровна напрасно назвала скромнымъ. Онъ, во-первыхъ, начался раковымъ супомъ съ осетровыми хрящиками изъ молодыхъ живыхъ осетровъ, къ которому поданы были пирожки съ вязигой и налимьими печонками, а затѣмъ пошло въ томъ-же изысканномъ тонѣ, и только надобно замѣтить, что всѣ блюда были, по случаю первой недѣли великаго поста, рыбныя. Дамы того времени, сколько-бы ни позволяли себѣ рѣзвостей въ извѣстномъ отношеніи, посты, однако, соблюдали и вообще были богомольны, такъ что про Екатерину Петровну театральнй жень-премьеръ рассказывалъ, что когда она съ нимъ проѣзжала мимо Иверской, то, пользуясь закрытымъ экипажемъ, одной рукой обнимала его, а другой крестилась.

— Ну-съ, теперь вы можете рассказывать вашу

новость, — объявила она, замѣтивъ, что камеръ-юнкеръ удовлетворилъ первому чувству голода.

— Новость эта... — началъ онъ: — но я боюсь, чтобы она не разстроила вашего аппетита...

— Почему она разстроитъ? — спросила Екатерина Петровна, не зная, какъ принять слова своего гостя, за шутку или за серьезное.

— Потому что она касается вашего мужа, — отвѣчалъ камеръ-юнкеръ.

— Развѣ онъ еще что-нибудь противъ меня затѣваетъ? — проговорила торопливо Екатерина Петровна.

— Нисколько! — успѣшилъ ее успокоить камеръ-юнкеръ: — совершенно наоборотъ: ему нѣчто угрожаетъ.

— Что такое? — повинтересовалась Екатерина Петровна ужь только изъ любопытства.

— А такое, что онъ, — принялся рассказывать камеръ-юнкеръ: — по своему дѣлу подобралъ было какихъ-то ложныхъ свидѣтелей, изъ числа которыхъ одинъ пьяный отставной поручикъ сегодня заявилъ генераль-губернатору, что онъ былъ уговоренъ и подкупленъ вашимъ мужемъ показать, что онъ когда-то зналъ господина Тулузова и зналъ подъ этой самой фамиліей.

Екатерина Петровна, если только помнить читатель, понимала въ служебныхъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ другія дамы ея времени.

— Скажите, пожалуйста, — произнесла она протяжно: — это, однако, очень важное обвиненіе на Тулузова.

— Весьма, и если только его будутъ судить на-

стоящимъ образомъ, такъ онъ, пожалуй, по владиміркѣ уватитъ.

— То-есть туда, въ Сибирь?—спросила Екатерина Петровна, махнувъ рукой на востокъ.

— Туда, и тогда вы дѣйствительно останетесь вдовой.

— Почему-же я тогда вдовой останусь?—воскликнула Екатерина Петровна.

— Вслѣдствіе того, что Тулузовъ, вѣроятно, будетъ лишенъ вѣсхъ правъ состоянія; значитъ, и бракъ вашъ нарушится.

— Да, вотъ что!... Но, впрочемъ, для меня это все равно; у меня никакихъ браковъ ни съ мужемъ, и ни съ кѣмъ-бы ни было не будетъ больше въ жизни.

— Это ради чего?—спросилъ камеръ-юнкеръ.

— Ради того, — сказала Екатерина Петровна:— что теперь, я уже хорошо знаю мужчинъ, и шейку свою подъ ихъ ярмо больше подставлять не хочу.

Камеръ-юнкера, повидимому, при этомъ немного передернуло, что, впрочемъ, онъ постарался скрыть, и продолжалъ:

— Для Тулузова хуже всего то, что онъ (я не знаю, извѣстно-ли вамъ это) держался на высотѣ своего страннаго величія исключительно благосклонностію къ нему нашего добрѣйшаго и благороднѣйшаго князя, который, наконецъ, понялъ его и, какъ мнѣ рассказывалъ управляющій канцеляріей, приказалъ дѣла господина Тулузова, которое хотѣли было выдарапать изъ вашихъ мѣстъ, не требовать, потому что князю даже отъ министра по этому дѣлу послѣдовало весьма колкаго свойства предложеніе.

— Да, дѣйствительно, это новость весьма неожи-

данная,—произнесла Екатерина Петровна: — но она нисколько не разстроила моего аппетита и не могла его разстроить.

— Вы это правду говорите?—спросилъ ее камеръ-юнкеръ, устремляя нѣжно-масляный взглядъ на Екатерину Петровну.

— Совершенную правду!—воскликнула она, кидая, въ свою очередь, на него свой жгучій взоръ.

Это они говорили, уже переходя изъ столовой въ гостиную, въ которой стоялъ самый покойный и манищій къ себѣ турецкій диванъ, на каковой хозяйка и гость опустились или, точнѣе сказать, полуприлегли, и камеръ-юнкеръ обнялъ было тучный станъ Екатерины Петровны, чтобы приблизить къ себѣ ея набѣленное лицо и напечатлѣть на немъ поцѣлуй, но Екатерина Петровна, услыжавъ въ это мгновеніе какой-то шумъ въ залѣ, поспѣшила отстраниться отъ своего собесѣдника и даже пересѣсть на другой диванъ, а камеръ-юнкеръ, думая, что это самъ Тулузовъ идетъ, поблѣднѣлъ и въ струнку вытянулся на диванѣ; но вошелъ пока еще только лакей и доложилъ Екатерину Петровну, что какой-то молодой господинъ, но фамиліи Углаковъ, желаетъ ее видѣть.

— Но кто онъ такой?... Я его не знаю... *Connaissez vous ce monsieur?*—отнеслась она къ камеръ-юнкеру.

— *Mais oui?*... Развѣ вы не знакомы еще съ *monsieur Углаковымъ?*... *C'est l'enfant terrible de Moscou.*

— Въ такомъ случаѣ я не приму его; я боюсь нынче всякихъ *enfants terribles.*

— Нѣтъ, примите! — возразилъ ей камеръ-юнкеръ.—Это добрейшій и прелестный мальчикъ.

Екатерина Петровна разрѣшила лакею принять нежданнаго гостя.

Пьеръ почти вбѣжалъ въ гостиную Екатерины Петровны. Онъ былъ еще въ военномъ вицъ-мундирѣ и худъ до-нелзя.

— Pardon, madame, что я васъ беспокою...—заговорилъ онъ и, тутъ-же увидавъ камеръ-юнкера и наскоро проговоривъ ему:—здравствуй!—снова обратился къ Екатеринѣ Петровнѣ: — У меня есть къ вамъ, madame Тулузова, большая просьба: я вчера только возвратился въ Москву и ищу однихъ моихъ знакомыхъ, vous les connaissez, Марейны.

— Да знаю,—отвѣчала Екатерина Петровна.

— Ахъ, какъ я счастливъ! Гдѣ они, скажите?... Я сегодня заѣзжалъ къ нимъ на квартиру, но тамъ ихъ я не нашелъ и никого, чтобы добиться, куда они уѣхали, потомъ заѣхалъ къ одной моей знакомой сенаторшѣ, Аграфенѣ Васильевнѣ, и та мнѣ сказала, что она не знаетъ даже объ отъѣздѣ Марейныхъ.

— Они, можетъ быть, уѣхали въ Петербургъ,—проговорила Екатерина Петровна.

— Нѣтъ, не въ Петербургъ!—воскликнулъ, топнувъ даже ногой Углаковъ:—Я самъ только-что изъ Петербурга и тамъ-бы разыскалъ ихъ на днѣ морскомъ.

— Въ такомъ случаѣ, они, вѣроятно, уѣхали въ имѣнье свое,—объяснила Екатерина Петровна.

— А въ какое имѣнье, какъ это угадать! У нихъ, по словамъ моего отца, много имѣній! — говорилъ почти съ отчаяніемъ Углаковъ.

— Если они уѣхали, такъ, конечно, въ главное

свое имѣніе, въ Кузьмищеве?—объяснила Екатерина Петровна.

— А вы знаете, гдѣ это Кузьмищеве?—спросилъ Углаковъ.

— Какъ-же мнѣ не знать, когда я нѣсколько разъ бывала въ немъ!

— Адресъ дайте мнѣ, *chère madame!*... Умоляю васъ, адресъ!—вопіялъ Углаковъ.

— Сію минуту,—отвѣчала Екатерина Петровна съ участіемъ и, пойдя къ себѣ въ будуаръ, написала Углакову подробный и точный адресъ Кузьмищева.

— *Merci, madame, merci!*—воскликнулъ Углаковъ и, поцѣловавъ съ чувствомъ у Екатерины Петровны руку, а также мотнувъ привѣтливо головой камеръ-юнкеру, уѣхалъ.

— Дѣйствительно, *enfant terrible*,—сказала Екатерина Петровна, оставшись опять вдвоемъ съ камеръ-юнкеромъ:—но мнѣ удивительно, почему онъ такъ беспокоится о Марейныхъ?...

— А вы и того не знаете?—произнесъ какъ-бы съ укоромъ камеръ-юнкеръ, шлявшійся, обыкновенно, всюду и все знавшій:—Онъ въ связи съ *madame* Марейной.

— Вотъ какъ!—проговорила Екатерина Петровна, почему-то обрадовавшись сообщенной ей новости:—Мужъ, вѣроятно, оттого такъ поспѣшно и увезъ ее въ деревню?

— Разумѣется!—подтвердилъ камеръ-юнкеръ.

Бѣдная и неповинная Сусанна Николаевна, чувствовала-ли она, что говорили про нее нечистыя уста молвы!

XV.

Егоръ Егорычъ, какъ малый ребенокъ, восхищался всѣмъ по возвращеніи въ свое Кузьмищево, тѣмъ болѣе, что въ природѣ сильно начинала чувствоваться весна. Онъ, не смотря на распутицу, по нѣскольбу разъ въ день выѣзжалъ кататься по полямъ; велѣлъ разгрести и усыпать пескомъ въ саду главную дорожку, причемъ даже самъ работалъ: очень ужъ Егоръ Егорычъ сильно надышался въ Москвѣ всякаго рода ядовитыми мѣзмами, нравственными и физическими. Gnädige Frau тоже была весьма рада и счастлива тѣмъ, что къ ней возвратился мужъ, а потомъ, радуясь также и прїѣзду Марѣиныхъ, она, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, говорила всей прислугѣ: «Наконецъ Кузьмищево начинаетъ походить на прежнее Кузьмищево!» При этомъ gnädige Frau однимъ только была смущаема, что ея прелестная Сусанна Николаевна совершенно не походила на прежнюю Сусанну Николаевну: не то чтобы она на видъ была больна или скучна, но казалась какою-то апатичною, точно будто-бы ни до чего ей дѣла не было и ничто ея не занимало. Gnädige Frau пробовала нѣсколько разъ начинать съ нею бесѣду о масонствѣ, о которомъ онѣ прежде обыкновенно проговаривали цѣлые вечера; Сусанна Николаевна, однако, обнаруживала полное равнодушіе и отвѣчала только: «да, нѣтъ, конечно». Gnädige Frau наконецъ такъ все это обезпокоило, что она принялась мужа разспрашивать, замѣчаетъ онъ или нѣтъ такую перемѣну въ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Замѣчаю, — отвѣчалъ тотъ.

— Какая-же, ты думаешь, причина тому?

— Очень понятная причина! — воскликнулъ Сверстовъ. — Всѣ эти Рыжовы, сколько я теперь слышу о нихъ и узнаю, какія-то до глупости нѣжныя существа. Сусанна Николаевна теперь горюетъ объ умершей матери и, кромѣ того, болѣетъ за свою несчастную сестру, Музу Николаевну.

— Нѣтъ! — не согласилась gnädige Frau.

— Но потомъ и тѣлесно она, вѣроятно, поразстроилась... — объяснялъ докторъ: — людямъ непривычнымъ прожить около двухъ лѣтъ въ столицѣ безвыѣздно нельзя безъ дурныхъ послѣдствій. Я мѣсяцъ какой-нибудь пробылъ тамъ, такъ началъ чувствовать каждый вечеръ лихорадку.

— Нѣтъ, и это не то! — снова отвергнула gnädige Frau.

— А по твоему, какая-же причина? — спросилъ уже докторъ.

— Я не знаю и думаю, что это скорѣе нравственное нездоровье... У Сусанны Николаевны душа и сердце болятъ.

Докторъ при этомъ, какъ-бы кое-что сообразивъ, нѣсколько лукаво улыбнулся.

— Можетъ быть, ты подозрѣваешь, что не уязвлена-ли наша барынька стрѣлами Амура? — проговорилъ онъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула gnädige Frau, какъ-бы испугавшаяся даже такого предположенія мужа: — И я желаю знать одно, не видалъ-ли ты у Мареевыхъ какого-нибудь ученаго или сектанта?

— Рѣшительно не видалъ, — отвѣчалъ Свер-

стовъ: — хотя, можетъ быть, есть у нихъ такіе и очень вѣроятно, что въ одинаго изъ сихъ втюрилась Сусанна Николаевна, ибо, что тамъ ни говорите, а Егоръ Егорычъ старше своей супруги на тридцать лѣтъ!

— Ты меня совершенно не понимаешь! — перебила мужа съ явнымъ неудовольствіемъ gnädige Frau:—я подозреваю только, не повліяль-ли на Сусанну Николаевну кто-нибудь изъ ученыхъ и не отворотилъ-ли ее отъ масонства; вотъ что мучить ее теперь.

Сверстовъ при этомъ развелъ только въ недоумѣніи руками.

Пока происходилъ у нихъ этотъ споръ, Егоръ Егорычъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и съ палкою въ рукѣ шелъ по замерзшей дорожкѣ къ отцу Василю для передачи ему весьма радостнаго извѣстія. Дѣло въ томъ состояло, что Сверстовъ, когда пріѣхалъ въ Москву, то по строгому наказу отъ супруги рассказалъ Егору Егорычу подъ величайшимъ секретомъ, что отецъ Василій, огорченный неудачею, которая постигла его исторію масонства, началъ опять пить. Егора Егорыча до глубины души это опечалило и, онъ, желая хоть чѣмъ-нибудь угѣшить отца Василя, еще изъ Москвы при краснорѣчивомъ и длинномъ письмѣ послалъ преосвященному Евгенію сказанную исторію, прося преосвященнаго пастыря прочесть оную sine ira et studio, и свое мнѣніе сообщить при личномъ свиданіи, когда Егоръ Егорычъ явится къ нему самъ по возвращеніи изъ Москвы. Подготовивъ такимъ образомъ почву, Егоръ Егорычъ, пріѣхавъ въ

своей родной губернской городъ, въ тотъ-же день полетѣлъ въ Крестовоздвиженскій монастырь. Преосвященный, благословляя и пожимая руку Егора Егорыча, съ первыхъ-же словъ сказалъ ему:

— Какъ я вамъ благодаренъ, что вы познакомили меня съ прекраснымъ произведеніемъ отца Василія, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ узнаю я по его фамилии, товарищъ мнѣ по академіи.

— Такъ вы и поймите, владыко! — подхватилъ Егоръ Егорычъ: — вы теперь въ почестяхъ великихъ, а онъ бѣдный протопопъ, живущій у меня на ругѣ... — И затѣмъ Егоръ Егорычъ со свойственной ему энергіей принялся въ яркихъ краскахъ описывать многострадательную, по его выраженію, жизнь отца Василія.

— Но какъ-же ему давно было не обратиться ко мнѣ? — сказалъ съ нѣкоторымъ укоромъ преосвященный.

— Не смѣлъ, потому что масонъ.

— Все-таки странно! — произнесъ владыко, и при этомъ у него на губахъ пробѣжала такая усмѣшка, которою онъ какъ-бы дополнял: «Что такое нынѣ значить масонство?.. Пустая фраза безъ всякаго содержанія!» Но вслухъ онъ проговорилъ: — Хоть отецъ Василій и не хотѣлъ обратиться ко мнѣ, но прошу васъ завѣрить его, что я изъ уваженія къ его учености, а также въ память нашего товарищества считаю непремѣннымъ долгомъ для себя повисить его.

По приѣздѣ въ Кузьмищево, Егоръ Егорычъ ничего не сказалъ объ этомъ свиданіи съ архіереемъ ни у себя въ семьѣ, ни отцу Василю изъ опасенія,

что изъ всѣхъ этихъ обѣщаній владыки, пожалуй, ничего и не выйдетъ; но Евгеній, однако, исполнилъ, что сказалъ, и Егоръ Егорычъ получилъ отъ него письмо, которымъ преосвященный просилъ отъ его имени предложить отцу Василию мѣсто ключаря при кафедральномъ губернскомъ соборѣ, а также и должность профессора церковной исторіи въ семинаріи.

Такого-то рода письмецо Егоръ Егорычъ несъ въ настоящую минуту къ отцу Василию, котораго, къ великому горю своему и досадѣ, засталъ замѣтно выпившимъ; кромѣ того, онъ увидѣлъ на столѣ графинъ съ водкой, какіе-то зеленоватые грузди и безобразнѣйшій, до половины уже съѣденный пирогъ, на каковыя предметы отецъ Василій, испуганный появленіемъ Егора Егорыча, указывалъ женѣ глазами; но та, не находя, повидимому, въ сихъ предметахъ ничего предосудительнаго, сначала не понимала его. Вообще мать-протопоица была женщина глупая и неряшливая, что еще болѣе усиливало тяготу жизни отца Василія; какъ-бы то ни было, впрочемъ, она уразумѣла наконецъ, чего отъ нея требуетъ мужъ, и убрала со стола водку и другіе съдомые предметы. Егоръ Егорычъ въ первую минуту подумывалъ дать нотацію отцу Василию за малодушіе и распущенность, что онъ и сдѣлалъ-бы если-бы не было тутъ на-лицо матери-протопоицы, которой Егоръ Егорычъ всегда не любилъ, а потому онъ ограничился тѣмъ, что придалъ лицу своему мрачный видъ и сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ, отецъ Василій, дабы признаться, что я, по поводу вашей исторіи русскаго

масонства, обѣщая для васъ журавля въ небѣ, не далъ даже синицы въ руки; но теперь, кажется, изловилъ ее отчасти, и случилось это слѣдующимъ образомъ: ѣхавъ изъ Москвы сюда, я былъ у преосвященнаго Евгенія и, рассказавъ ему о вашемъ положеніи, въ коемъ вы очутились послѣ варварскаго поступка съ вами цензуры, узналъ отъ него, что преосвященный — товарищъ вашъ по академіи, и, какъ результатъ всего этого, сегодня получилъ отъ владыки письмо, которое не угодно-ли будетъ вамъ прочесть.

Отецъ Василій, все еще не могшій оправиться отъ смущенія, принялъ письмо отъ Егора Егорыча дрожащей рукой, но когда онъ сталъ пробѣгать его, то хотя рука еще сильнѣй задрожала, но въ то-же время красноватое лицо его просіяло радостью и изъ воспаленныхъ нѣскольکو глазъ видимо потекли слезы умиленія.

— Это не то, что синица, но самъ журавль, — проговорилъ онъ трепетнымъ отъ волненія голосомъ.

— Поэтому вы довольны и примете предложеніе преосвященнаго? — спросилъ Егоръ Еорычъ.

— Господи, какъ-же не принять! — сказалъ отецъ Василій, разводя руками: — Я послѣднее время никогда даже не мечталъ о такомъ счастіи для себя и завтра-же поѣду къ владыкѣ представиться ему и поблагодарить его. Мы точно, что съ нимъ товарищи по академіи, но всегда какъ-то чуждались другъ друга и расходились въ нашихъ взглядахъ...

— Позвольте! — остановилъ его на этихъ словахъ Егоръ Егорычъ: — и я вамъ скажу, на чемъ

вы расходились: вы были идеалистъ, а онъ эмпирикъ.

— Такъ!—подтвердилъ отецъ Василій, какъ-бы сразу отрезвленный счастливымъ оборотомъ въ своей судьбѣ.

— Только одно условіе! — началъ затѣмъ Егоръ Егорычъ. — Вы повѣжайте и переселяйтесь въ губернской городъ; но, не смотря на то, вы остаетесь моимъ священникомъ, на ругъ у меня, и я буду высылать вамъ всѣ деревенскіе запасы изъ хлѣба и живности.

— Ничего мнѣ, Егоръ Егорычъ, не надобно. Я безъ того много пользовался ваши благодѣяніями; не лишите меня только дружбы вашей, а больше того мнѣ ничего не нужно.

— Дружба дружбой, а служба службой! Я вамъ запасы буду высылать, а вы оставайтесь до конца дней моихъ моимъ духовнымъ отцомъ и исповѣдникомъ.

— А это вотъ дороже для меня всего! — проговорилъ съ чувствомъ отецъ Василій, и такъ какъ Егоръ Егорычъ поднимался съ своего мѣста, то и онъ не преминулъ встать.

— Но я тоже останусь вашимъ, какъ это называть, надзирателемъ,—забормоталъ Егоръ Егорычъ и, принимая отъ отца Василія благословленіе, шепнулъ ему:—водочки прошу васъ больше не кушать!

— Не буду, не буду!—шепнулъ и ему, съ своей стороны, отецъ Василій.

Вслѣдъ затѣмъ Егоръ Егорычъ ушелъ отъ него, а отецъ Василій направился въ свою небольшую бібліотеку и заперся тамъ изъ опасенія, чтобы къ нему

не пришла мать-протопопица съ своими глупыми разспросами. На другой день онъ уѣхалъ въ губернский городъ для представленія къ владыкѣ, который его весьма любезно принялъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о масонствѣ, причемъ отецъ Василій подробно развилъ передъ нимъ мнѣніе, на которое онъ намекалъ въ своей рѣчи, сказанной при вѣнчаніи Егора Егорыча, о томъ, что грѣхопаденіе Адама началось съ момента усыпленія его, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ подчинился желаніямъ своего тѣла. Выслушавъ это, владыка слегка улыбнулся и проговорилъ:

— Это очень остроумно, но не знаю, вѣрно-ли.

Въ отвѣтъ на это отецъ Василій придалъ такое выраженіе своему лицу, которое какъ-бы говорило: «Да и я не увѣренъ, что такъ». Особы духовныя, какъ это извѣстно, втайнѣ, гораздо большіе скептики, чѣмъ міряне.

Черезъ мѣсяць послѣ своего представленія архіерею, отецъ Василій совершалъ уже литургію въ губернскомъ соборѣ и всѣмъ молящимся чрезвычайно понравился своей осанистой фигурой и величавымъ служеніемъ. Лекціи въ семинаріи онъ равнымъ образомъ началъ читать съ большимъ успѣхомъ и, пока все это происходило, наступилъ май мѣсяць, не только что теплый, но даже жаркій, такъ что деревья ужь распустились въ полный листъ. Въ комнатахъ оставаться было душно и скучно, и всѣ обитатели вузмищевского дома цѣлый день проводили на балконъ, причемъ были облечены въ елико возможно легкія одежды. Докторъ, напримѣръ, имѣлъ на себѣ какую-то матросскую блузу, но и ту-бы онъ,

по его словамъ, съ великою радостью сбросилъ съ себя, если-бы только не было дамъ; Егоръ Егорычъ также носилъ совершенно лѣтніе сюртучокъ и брюки, и вообще въ послѣднее время онъ какъ-то сталъ болѣе обывновеннаго франтить и надѣлалъ себѣ въ Москвѣ великое множество всякаго платья, лѣтняго и зимняго. Сусанна Николаевна хоть и была въ простомъ домашнемъ пенюарѣ, но, Боже мой, какъ она, говоря безъ преувеличенія, блистала красотой и молодостью среди своихъ собесѣдниковъ! Это была молодая, въ полномъ цвѣтѣ лилія, среди сморщенныхъ тюльпановъ. Что касается до ея душевнаго настроенія, то она казалась какъ бы нѣсколько поспокойнѣе и повеселѣе.

Въ одинъ изъ такихъ жаркихъ дней кузьмищевское общество сидѣло на садовой террасѣ за обѣдомъ, при которомъ, какъ водится, пр и служивалъ и Антипъ Ильичъ, ничего, впрочемъ, не подававшій, а только внимательно наблюдавшій, не нужно-ли чего-нибудь собственно Егору Егорычу. Въ настоящее время онъ увидалъ, что одна молодая горничная изъ гостиной звала его рукой къ себѣ. Антипъ Ильичъ вышелъ къ ней и спросилъ, что ей надобно.

— Письмо съ почты привезли къ барину,—сказала та, подавая и самое письмо, которое Антипъ Ильичъ, положивъ на имѣющійся для того особый серебряный подносикъ, почтительно подалъ Егору Егорычу. Тотъ, какъ всегда онъ это дѣлалъ, нервно и торопливо распечаталъ письмо и, пробѣжавъ первыя строки, обратился къ Сверстову:

— Поздравляю васъ и себя! Это письмо отъ старика Углакова. Онъ пишетъ, что московскій ге-

нераль-губернаторъ, по требованію исправника Звърева, препроводилъ къ нему съ жандармомъ Тулузова для дачи показанія по дѣлу и для бытія на очныхъ ставкахъ.

— Ура, вивать! — воскликнулъ докторъ и протянулъ руку къ неубранному еще со стола графину съ водкой, налилъ изъ него порядочную рюмку и выпилъ ее. — Но вѣдь, Егоръ Егорычъ, мнѣ надобно сейчасъ-же ѣхать къ Аггею Никитичу для нравственной поддержки, — присовокупилъ онъ.

— Непремѣнно! Послѣ обѣда-же берите лошадей и поѣзжайте! — разрѣшилъ ему Егоръ Егорычъ и началъ читать письмо далѣе, окончивъ которое, онъ отнесся къ Сусаннѣ Николаевнѣ: — А это до насъ съ тобою касается.

— Что такое? — спросила та встревоженнымъ голосомъ.

— Пустяки, конечно! — сказалъ Егоръ Егорычъ: — Александръ Яковличъ пишетъ, что нѣжно-любимый имъ Пьеръ возвратился въ Москву и страдаетъ грудью, а еще болѣе того меланхоліей, и что врачи ему предписываютъ провести нынѣшнее лѣто непременно въ деревнѣ, но ихъ усадьба съ весьма дурнымъ климатомъ; да и живя въ сообществѣ одной только матери, Пьеръ, конечно, будетъ скучать, а потому Александръ Яковлевичъ проситъ, не позволимъ-ли мы его милому повѣсѣ пріѣхать къ намъ погостить мѣсяца на два, что, конечно, мы позволимъ ему съ великою готовностью.

Сусанна Николаевна ничего на это не возразила и только въ продолженіе всего остальнаго обѣда не прикоснулась уже ни къ одному блюду.

Gnädige Frau, а также и Сверстовъ это замѣтили и, предчувствуя, что тутъ что-то такое скрывается, по окончаніи обѣда, переглянувшись другъ съ другомъ, ушли къ себѣ навѣрхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Сверстову надобно было собираться въ дорогу, а gnädige Frau, конечно, въ этомъ случаѣ должна была помогать ему. Егоръ Егорычъ пошелъ, по обыкновенію, въ свой кабинетъ, а Сусанна Николаевна пошла тоже за нимъ.

— Я полагаю, — начала она, облизывая безпрестанно свои хорошенькія пересыхающія губки: — что будетъ неловко и невозможно даже пригласить Углакова къ намъ въ деревню.

— Почему? — спросилъ Егоръ Егорычъ, видимо встревоженный этими словами жены.

— Потому что я еще женщина молодая, а Углаковъ такой повѣса, что Богъ знаетъ, что про меня могутъ сказать...

— Кто-жъ можетъ сказать? Здѣсь и сказать даже некому! — возразилъ Егоръ Егорычъ прежнимъ встревоженнымъ тономъ: — Но ты, можетъ быть, имѣешь какой-нибудь другой болѣе серьезный поводъ не желать его пріѣзда сюда?

Для Сусанны Николаевны настала страшная и рѣшительная минута. Сказать правду Егору Егорычу она боялась, и не за себя, нѣтъ, а за него; но промолчать было невозможно.

— Имѣю! — проговорила она глухимъ голосомъ.

— Какой? — спросилъ Егоръ Егорычъ тоже глухимъ голосомъ.

— Углаковъ мнѣ объяснялся въ любви! — про-

изнесла Сусанна Николаевна, потупляя въ землю глаза.

— И тебя то пугаетъ, что онъ, вѣроятно, пздѣсь.... здѣсь повторитъ это.... свое это объясненіе?—бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Непремѣнно повторитъ!—подтвердила Сусанна Николаевна.

Егоръ Егорычъ при этомъ безпокойно пошевелился въ своемъ креслѣ.

— Что мужчина объясняется въ любви замужней женщинѣ, это еще небольшая бѣда, если только въ ней самой есть противодѣйствіе къ тому, но...—и, произнеся это *но*, Егоръ Егорычъ на мгновение пріостановился, какъ-бы желая собраться съ духомъ:—но когда и она тоже носитъ въ душѣ элементъ симпатіи къ нему, то...—тутъ ужъ Егоръ Егорычъ остановился на *то*, — то ей остается одно: или побѣдить себя и вырвать изъ души свою склонность, или, что гораздо естественнѣе, идти безъ оглядки, куда влечется она своимъ чувствомъ.

— Я хочу побѣдить себя! — почти воскликнула Сусанна Николаевна, обрадовавшись, что Егоръ Егорычъ какъ-бы подсказалъ ей фразу, опредѣляющую то, что она твердо рѣшилась дѣлать.

— Позволь!—остановилъ ее Егоръ Егорычъ, видимо хотѣвшій не уступать въ благородномъ подвижничествѣ:—принимая какое-нибудь бремя на себя, надобно сообразить, достанетъ-ли въ насъ силы нести его, а тутъ безошибочно можно сказать, что нѣтъ, не достанетъ, и что скорѣе оно придавитъ и уморитъ насъ, какъ это и случилось съ Людмилой Николаевной, съ которой я не допущу тебя нести общую

участь, и съ настоящей минуты прошу тебя идти туда, куда влекутъ твои пожеланья... Нашъ бракъ есть бракъ духа и потому ничего отъ того не утрачивается.

— О нѣтъ,—произнесла со стономъ Сусанна Николаевна:—я ничего не желаю кромѣ того, что-бы быть вамъ женой вѣрной, и, видитъ Богъ, ни въ чемъ еще передъ вами не виновна.

— Вѣрю!—сказалъ съ торжественностью Егоръ Егорычъ: — но, все-таки, повторяю тебѣ: испытай себя, соразмѣрный-ли своимъ силамъ берешь ты подвигъ!

— Соразмѣрный, успокойтесь! Я сама очень хорошо понимаю, что Углановъ мальчикъ еще, что я не должна и не могу его полюбить; но тутъ, я увѣрена въ томъ, дьяволъ меня смущаетъ, отъ котораго, умоляю васъ, Егоръ Егорычъ, спасите меня!

Проговоривъ это, Сусанна Николаевна упала передъ мужемъ на колѣни и склонила къ нему свою голову. Егоръ Егорычъ поцѣловалъ ее съ нѣжностью въ темя и проговорилъ опять-таки величавымъ тономъ:

— Молись и вмѣстѣ съ тѣмъ призови въ помощь къ молитвѣ разумъ твой! Сейчасъ ты очень разумную вещь сказала, что Углаковъ тебѣ не пара и не стоитъ твоей любви; ты женщина серьезно-мыслящая, а онъ вѣтрый и увлекающійся мальчишка.

— Все это я знаю очень хорошо, — произнесла Сусанна Николаевна, поднявшись съ колѣнъ и опускаясь на прежнее свое мѣсто.

Супруги нѣкоторое время молчали и каждый изъ

нихъ находился подъ гнетомъ своихъ собственныхъ тяжелыхъ мыслей.

— Однако, какъ-же мнѣ отвѣчать Углакову?—заговорилъ первый Егоръ Егорычъ, слегка какъ-бы при этомъ усмѣхнувшись.

— Ахъ, я вамъ надиктую! Позвольте, пожалуйста, мнѣ это! — проговорила нервнымъ и торопливымъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— Диктуй! — не возбранилъ ей съ той же горькой усмѣшкой Егоръ Егорычъ.

Сусанна Николаевна торопливо и нескладно начала диктовать:

«Милостивый государь, Александръ Яковлевичъ! Сколько-бы намъ ни пріятно было видѣть у насъ вашего добраго Пьера, но, къ нашему горю, мы не можемъ этого сдѣлать, потому что нынѣшнимъ лѣтомъ уѣзжаемъ за-границу...»

На этихъ словахъ Егоръ Егорычъ остановился писать.

— Но я тогда солгу Углакову! — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Егоръ Егорычъ, вы не солжете, потому что я прошу, умоляю васъ уѣхать куда-нибудь изъ Кузьмищева... ну, хоть на Кавказъ что-ли... Въѣзъ, вонъ, туда ѣздить... или за-границу...

— Ужъ лучше за-границу, — рѣшилъ Егоръ Егорычъ и дописалъ письмо, какъ продиктовала ему Сусанна Николаевна, которая, впрочемъ, потомъ сама прочла письмо, какъ-бы желая удостовѣриться, не измѣнилъ-ли чего-нибудь Егоръ Егорычъ въ главномъ значеніи письма; однако, тамъ было написано только то, что она желала. Егоръ Егорычъ, запе-

чатавъ письмо, вручилъ его Сусаннѣ Николаевнѣ, сказавъ съ прежней грустной усмѣшкой:

— Сама можешь и отправить!

— Хорошо, merci! — поблагодарила она его.

Сколь ни мирно и ни дружески кончилось, какъ мы видѣли, такое роковое объясненіе супруговъ, тѣмъ не менѣе, оно кинуло ихъ въ неизмѣримый омутъ страданій. Егоръ Егорычъ понялъ, что Сусанна Николаевна при всей своей духовной высотѣ все-таки женщина молодая, а, между тѣмъ, до этого онъ считалъ ее почти безтѣлесной. Сусанна Николаевна мучилась, въ свою очередь, отъ мысли, что какой пустой и ничтожной женщиной она должна теперь казаться Егору Егорычу. По наружности, впрочемъ, въ Кузьмищевѣ на другой-же день пошло все по старому, кромѣ того развѣ, что Сверстовъ еще въ шесть часовъ утра ускакалъ въ городъ къ Аггею Нивитичу. Обыкновенно хозяева и gnädige Frau все почти время проводили въ спальнѣ у Егора Егорыча, и разговоръ у нихъ, повидимому, шелъ довольно оживленный, но въ то-же время всѣ бесѣдующіе, не выключая и gnädige Frau, очень скучавшей на этотъ разъ по мужѣ, чувствовали, что все это были одни только слова, слова и слова, говоримыя изъ приличія и совершенно не выражавшія того, что внутри думалось и чувствовалось.

И, такимъ образомъ, въ одну изъ сихъ бесѣдъ Сусанна Николаевна, въ присутствіи Егора Егорыча, но только врядъ-ли съ вѣдома его сказала:

— А я, gnädige Frau, поздравьте меня, скоро уѣзжаю съ Егоромъ Егорычемъ за-границу.

— Я поздравить васъ готова, но я никакъ того

не ожидала, — проговорила та, удивленная такимъ извѣстіемъ.

— Это намъ обоимъ необходимо! — подхватила настойчивымъ голосомъ Сусанна Николаевна, взглядывая мелькомъ на Егора Егорыча, сидѣвшаго съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Ея и мое здоровье требуютъ того, — пробор-мotalъ онъ.

— Буду скучать отъ разлуки съ вами и завидовать вамъ, — сказала gnädige Frau.

— Но вы ужь бывали за-границей, а я еще нѣтъ! — воскликнула опять какимъ-то неестественно-веселымъ голосомъ Сусанна Николаевна: — и мнѣ ужасно хочется сдѣлать это путешествіе.

Егоръ Егорычъ при этомъ не проговорилъ уже ни слова.

Докторъ черезъ недѣлю какую-нибудь прискакалъ обратно изъ своей повѣздки, и такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Кузьмищево поздно ночью, когда всѣ спали то и побесѣдовалъ только съ gnädige Frau.

— Ну, что вы тамъ надѣлали? — спросила она, отыскавъ предварительно въ буфетѣ для супруга ужинъ съ присоединеніемъ графинчика водки.

— О, мы съ Аггемъ Никитичемъ натворили чудесъ много! — отвѣчалъ Сверстовъ, ероша свою курчавую голову: — во-первыхъ, Тулузова посадили въ тюрьму...

Gnädige Frau выразила въ лицѣ своемъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Значитъ, онъ въ самомъ дѣлѣ виновнымъ оказывается? — замѣтила она, опасаясь, не черезъ край-ли хватилъ тутъ Аггей Никитичъ.

— Какъ есть припертъ вилами со всѣхъ сторонъ: прежде всего, самъ сбивается въ повазаніяхъ; потомъ его уличаетъ на всѣхъ пунктахъ какой-то пьяный поручикъ, котораго нарочно привезли изъ Москвы; затѣмъ, Тулузовъ вналъ въ противорѣчіе съ главнымъ пособникомъ въ дѣлѣ, управляющимъ своимъ, котораго Аггей Никитичъ тоже упряталъ въ тюрьму.

Въ лицѣ у gnädige Frau все-таки выразилось нѣсколько оробѣлое недоумѣніе.

— Но я надѣюсь, что высшее начальство всѣ ваши дѣйствія одобритъ,—сказала она.

— Еще-бы!—подхватилъ Сверстовъ: — Губернаторъ подъ рукою велѣлъ передать Аггею Никитичу, что министръ конфиденціально предложилъ ему дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ съ неуклонною строгостью.

— Да тогда другое дѣло!—произнесла успокоеннымъ голосомъ gnädige Frau:—а у насъ здѣсь то-же есть неожиданность: Егоръ Егорычъ и Сусанна Николаевна уѣзжаютъ за-границу.

— Вотъ тебѣ на!—воскликнулъ докторъ съ нѣкоторымъ испугомъ.—Что это значитъ и зачѣмъ?

— Говорятъ, что оба больны и ждали только тебя, чтобы съ тобою посовѣтоваться, куда имъ именно ѣхать.

— А я почему знаю куда?... Для меня эта господа Европа совершенно невѣдома!... И для какого чорта въ нее ѣздить! — проговорилъ докторъ съ досадой.

— Ну, этого ты не говори! Въ Европу ѣздить пріятно и полезно. Я сама это на себѣ испытала!

но тутъ другое... и я пожалуй согласна съ твоимъ предположеніемъ.

— Касательно амура?—спросилъ Сверстовъ.

— Да, — подтвердила gnädige Frau, всегда обыкновенно медленнѣе мужа и не сразу понимавшая вещи.

— Но къ кому-же?—поинтересовался тотъ.

— Вѣроятно, — начала gnädige Frau, произнося слова секретнѣйшимъ шепотомъ:—ты помнишь, что Егоръ Егорычъ, читая письмо Углакова, упоминалъ о какомъ-то Пьерѣ...

— Такъ, такъ, такъ!... — затараторилъ Сверстовъ: — вотъ гдѣ раки-то зимуютъ;

— Но, конечно, если тутъ и любовь, то въ самомъ благородномъ смыслѣ, — поспѣшила добавить gnädige Frau.

— Разумѣется!—не отвергнулъ Сверстовъ и, затѣмъ, вздохнувъ проговорилъ:—Что дѣлать? Законъ природы, его-же не преjdeши!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Городъ, гдѣ Аггей Никитичъ пребывалъ исправникомъ, былъ самый большой и зажиточный изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ описываемой мною губерніи. Стоялъ онъ на берегу весьма значительнаго озера и былъ раскиданъ частію по узкой долинь, прилегающей къ самому озеру, а частію по горамъ, тутъ-же сразу круто начинающимся. По долинь этой тянулась главная улица города, на которой красовалось десятка полтора каменныхъ домовъ, а въ концѣ ея грозно выглядывалъ острогъ съ толстыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ и съ стоявшими въ нѣсколькихъ мѣстахъ часовыми. Въ острогѣ этомъ въ настоящее время были заключены Аггемъ Никитичемъ Тулузовъ, а также и управляющій его, Савелій Власевъ. Вообще Аггей Никитичъ держалъ себя въ службѣ довольно непонятно для всѣхъ

другихъ чиновниковъ; мѣсто его, по своей доходности съ разныхъ статей (съ раскольниковъ, съ лѣсопромышленниковъ, съ рыбаковъ на черную снасть), могло считаться золотымъ дномъ и, пожалуй-бы, не уступало даже мѣсту губернскаго почтмейстера; но вся эта благодать была не для Аггея Никитича: онъ съ своей службы получалъ только жалованье, да нѣсколько сотъ рублей за земскихъ лошадей, которыхъ ему не доставляли натурой, платя взами́тъ того деньги. Въ смыслѣ безкорыстія и прирожденной честности, Аггей Никитичъ совершенно походилъ на Сверстова, съ тою лишь разницею, что докторъ былъ неряхою въ одеждѣ, а Аггей Никитичъ очень любилъ пофрантить; но зато Сверстовъ расходовался на водку и на съѣдомое, Аггей-же Никитичъ могъ ѣсть что-угодно и сколько-угодно: много и мало! До какой степени пагубно и разрушительно дѣйствовало на Миропу Дмитріевну безкорыстіе ея мужа сказать невозможно: она подурнѣла, посѣдѣла, лишилась еще двухъ-трехъ зубовъ, вмѣсто которыхъ купить вставные ей было будто-бы не на что, да и вездѣ, такъ что всякій разъ, выѣзжая куда-нибудь, она залѣпляла пустыя мѣста между зубами бѣлымъ воскомъ, очень искусно придавая ему форму зуба; освѣжающія притиранья у мѣстныхъ продавцовъ тоже были таковы, что даже молодыя мѣщанки, которыя были поумнѣе, ихъ не употребляли. Переноса всѣ эти лишенія, Миропа Дмитріевна весьма справедливо въ мысляхъ своихъ уподобляла себя человѣку, который стоитъ по-горло въ водѣ, жаждетъ пить и не капли не можетъ проглотить этой воды,

потому что Аггей Никитичъ, не смотря на свое ротозѣйство, съумѣлъ, однако, прекратить всякіе пути для достиженія Миропюю Дмитріевною главной цѣли ея жизни; только въ послѣднее время она успѣла открыть маленькую лазейку для себя и то произошло отчасти случайно. За какіе-нибудь полгода передъ тѣмъ къ нимъ въ городъ прибылъ новый откупщикъ, Рамзаевъ, которому, собственно, Тулузовъ передалъ этотъ уѣздъ на откупъ отъ себя. Откупщикъ сей былъ полупромотавшійся помѣщикъ и состоялъ въ бракъ, если не съ дочерью, то, по крайней мѣрѣ, съ сестрою какого-то генерала. Оба супруга были одинаково чехвальны, пожалуй, недалеко умомъ, но при этомъ довольно лукавы и предусмотрительны. Мирона Дмитріевна, по своимъ отдаленнымъ соображеніямъ, сочла нужнымъ познакомиться съ Рамзаевыми и посредствомъ лести и угодливости въ два-три визита просто очаровала откупщицу и, сдѣлавшись потомъ вѣждодневной гостьей ея, однажды принялась разсуждать о томъ, какъ трудно жить людямъ бѣднымъ.

— Вы посмотрите, — перешла она уже прямо къ дѣлу:— вотъ какія у меня перчатки!

И Мирона Дмитріевна показала штопанныя и расперештопанныя перчатки.

— А вотъ мои башмаки!—продолжала она и высунула изъ-подъ платья продырявленный носокъ своего ботинка.

Откупщица, дама лѣтъ пятидесяти, если не съ безобразнымъ, то съ сильно перекошеннымъ отъ постоянного флюса лицомъ, но не смотря на то, сидѣвшая у себя дома въ брилліантовыхъ серьгахъ, въ шелковомъ платьѣ и даже, о чемъ обыкновенно

со смѣхомъ разсказывала ея горничная, въ шелковыхъ кальсонахъ подъ юбкой, была поражена ужаснымъ положеніемъ Миropy Дмитріевны.

— Но развѣ вашъ мужъ не даетъ намъ ничего на туалетъ?—спросила она голосомъ, исполненнымъ искренняго участія.

— Ему давать не изъ чего: мы живемъ только жалованьемъ,—произнесла съ грустью Миropy Дмитріевна.

— Какъ-же это? — проговорила съ удивленіемъ и потупляя нѣсколько глаза откупщица: — вы еще съ откупа получаете!

— Ни копейки! — объяснила съ оттѣнкомъ благородства Миropy Дмитріевна.

— Неужели откупъ вамъ не платитъ?—спросила откупщица съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

— Откупъ, конечно, готовъ-бы былъ платить,—отвѣчала съ печальной усмѣшкой Миropy Дмитріевна: — но мужъ мой (я не знаю, какъ это назвать) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человекъ сумасшедшій; онъ говоритъ: «царь назначилъ мнѣ жалованье, то я и долженъ только получать».

Говоря это, Миropy Дмитріевна старалась передразнить грубый и, по ея мнѣнію, дурацкій голосъ Аггея Никитича.

— А о томъ, какъ и на что мы должны жить, Аггей Никитичъ и не помышляетъ,—заклчила она.

— Однако, какъ-же вы въ этомъ случаѣ поступаете и справляетесь съ вашимъ хозяйствомъ? — сказала съ прежнимъ участіемъ откупщица.

— Поступаю такъ, что ѣмъ одинъ только черныи хлѣбъ и хожу въ худыхъ башмакахъ.

Миропа Дмитриевна въ этомъ случаѣ дѣлала безсовѣстнымъ образомъ: она ѣла каждодневно очень лакомые кусочки, такъ что, ни говоря о чемъ другомъ, одного варенья наваривала пуда три въ годъ и все это единственной своей особой съѣдала; но Аггея Никитича она дѣйствительно держала въ проголодь, и когда онъ, возвращаясь изъ суда съ достаточно возбужденнымъ аппетитомъ, спрашивалъ ее:

— А что, Мира, мы будемъ обѣдать сегодня?

— Да я не знаю,—отвѣчала Миропа Дмитриевна сентиментальнымъ голосомъ:—что-нибудь тамъ сдѣлано, если только лавочникъ отпустилъ въ долгъ.

— Почему-же въ долгъ?—осмѣливался иногда замѣтить Аггей Никитичъ:—Я, кажется, недавно отдалъ тебѣ мое жалованье.

— Что-же ты, — возражала ему Миропа Дмитриевна тихимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ядовитымъ голосомъ:—думаешь, что я куда-нибудь растранижирую твое великое жалованье? Такъ, пожалуйста, не давай мнѣ ничего и распорядься хозяйствомъ самъ.

На слова «*твое великое жалованье*» она дѣлала замѣтное удареніе и очень хорошо, конечно, знала, что самъ хозяйничать Аггей Никитичъ не сумѣетъ, да и не захочетъ. Онъ-же, въ свою очередь, совершенно понималъ, что все это ему мстятъ за его безкорыстіе по службѣ, тогда какъ если-бы только Миропа Дмитриевна была хорошая женщина, то должна была-бы похвалить его за то, а не язвить постоянно какою-то нуждой, которой и быть не могло, потому что у Миропы Дмитриевны былъ собственный капиталъ, простиравшійся вмѣстѣ съ недвижимыми имѣніями тысячь до пятидесяти, о чемъ она

имѣла неосторожность признаться Аггею Никитичу, заманивая его жениться на ней.

Возвращаюсь, однако, къ описанію тѣхъ отношеній, которыя установились между Миропой Дмитриевной и откупщицею послѣ ихъ откровенной бесѣды. Откупщица въ то-же утро передала мужу своему о стѣсненномъ положеніи Звѣревыхъ и, переговоривъ съ нимъ, сказала Миропѣ Дмитриевнѣ:

— Если Аггей Никитичъ не желаетъ получать съ откупа, то мы готовы вамъ платить.

Миропа Дмитриевна при этомъ сильно смутилась и вспыхнула.

— Но я не смѣю, боюсь, потому что если Аггей Никитичъ узнаетъ это, такъ я не знаю... онъ прибьетъ, убьетъ меня!... Онъ, я вамъ говорю, сумасшедшій человѣкъ въ этомъ отношеніи.

— Да онъ и не узнаетъ о томъ!—возразила откупщица:—Это только будетъ извѣстно Теофилу Терентичу—(имя откупщика),—мнѣ и вамъ, и мы васъ просимъ объ одномъ: растолковать Аггею Никитичу, что нельзя-же поступать, какъ онъ поступаетъ съ Василиемъ Ивановичемъ Тулузовымъ; согласитесь: генераль, откупщикъ столькихъ губерній посаженъ имъ въ острогъ и это, по словамъ мужа моего, можетъ кончиться очень дурно для Аггея Никитича.

— Развѣ я того не понимаю, почтеннѣйшая Анна Прохоровна—(имя откупщицы),—и не предсказывала Аггею Никитичу, что съ нимъ можетъ быть; но онъ (тайтъ я не хочу предъ вами) такой упрямый олухъ, что когда упрется во что, такъ надобно очень много времени, чтобы повернуть его въ другую сторону. <http://rcin.org.pl>

— Все-таки, значить, вы имѣете на него вліяніе?—проговорила откупщица, хорошо понимавшая силу женской хитрости.

— Конечно, безъ сомнѣнія! — воскликнула Миропа Дмитріевна: — И какъ онъ ни капризенъ, но, въ сущности, малый ребенокъ, который тѣмъ только существуетъ, что я вожу его на помочахъ.

Говоря о своемъ вліяніи на мужа, Миропа Дмитріевна имѣла цѣлью закрѣпить свое право получать за это вліяніе деньги и получать ихъ сколько возможно подольше и побольше.

Вслѣдъ затѣмъ откупщица, при первой-же уплатѣ мѣсячныхъ денегъ, напомнила Миропѣ Дмитріевнѣ:

— Надѣюсь, что вашими внушеніями облегчится хоть немного участь бѣднаго Василія Ивановича.

— Все, что зависитъ отъ меня, я сдѣлаю и имѣю нѣкоторую надежду на успѣхъ, — отвѣтила на это Миропа Дмитріевна и повела съ перваго-же дня незамѣтную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни на минуту непрерываемую атаку на мужа, начавъ ее съ того, что велѣла приготовить къ обѣду гораздо болѣе вкусныя блюда, чѣмъ прежде: борщъ малороссійскій, вареники, сосиски подъ капустой; мало того, подала даже будто-бы гдѣ-то и случайно отысканную бутылку наливки, хотя, говоря правду, такой наливки у Миропы Дмитріевны стояло въ подвалѣ бутылокъ до пятидесяти. Аггею Никитичу, конечно, все это кинулось въ глаза.

— Что у насъ за праздникъ сегодня? — сказалъ онъ не безъ ироніи.

— Никакого праздника нѣтъ, — возразила ему не-

виннѣйшимъ голосомъ Миропа Дмитріевна, — но на-скучило ѣсть одно и то-же; живемъ, никакими удо-вольствіями не пользуясь; надобно-же, по крайней мѣрѣ, ѣсть, что намъ нравится.

— Разумѣется! — подхватилъ Аггей Никитичъ, очень довольный, съ своей стороны, такимъ взгля-домъ жены.

Не ограничиваясь вкуснымъ обѣдомъ и угоще-ніемъ Аггея Никитича наливкой, Миропа Дмитріевна по окончаніи трапезы хотѣла было даже адресоваться къ нему съ супружескими ласками, на которыя она съ давняго уже времени была очень скупа, и Аггей Никитичъ, понимая, что это тоже была месть ему, чувствовалъ за то къ Миропѣ Дмитріевнѣ не гнѣвъ, нѣтъ, а скорѣе презрѣніе. «Вотъ видите-ли, чѣмъ желаетъ наказать меня», думалъ онъ и не позволялъ себѣ, конечно, ни однимъ намекомъ потребовать отъ Миропы Дмитріевны должныхъ мужу нѣжностей. Но когда она въ настоящія минуты сама обратилась въ нему съ заявленіемъ оныхъ, то онъ довольно рѣзко уклонился отъ того. Миропу Дмитріевну это удивило, тѣмъ болѣе, что она считала Аггея Никитича до сихъ поръ влюбленнымъ въ нее, и внушило ей даже подозрѣніе, нѣтъ-ли у нея соперницы. «Но кто-же могъ быть таковою? Неужели служанки замѣнили ему меня?» спрашивала она себя мысленно, хотя это казалось ей совершенно невозможнымъ, потому что въ услуженіи у нея были тѣ-же двѣ крѣпостныя рабыни: горничная Агаша и кухарка Семеновна, до того старыя и безобразныя, что на нихъ взглянуть даже было гадко. «Но Аггей Никитичъ весьма часто ѣздилъ въ уѣздъ и можетъ быть, тамъ развлекался?»

подумала она и рѣшилась въ эту сторону направить свое ревнивое око, тогда какъ ей слѣдовало сосредоточить свое вниманіе на иномъ пунктѣ, тѣмъ болѣе, что пунктъ этотъ былъ весьма недалекъ отъ ихъ квартиры, словомъ, тутъ-же на горѣ, въ довольно красивомъ домикѣ, на которомъ виднѣлась съ орломъ на верху вывѣска, глясящая: *Аптека Вибеля*, и въ аптекъ-то сей Аггей Никитичъ послѣдніе дни жилъ всей своей молодой душой.

Здѣсь, впрочемъ, будетъ нелишнимъ замѣтить, что когда кто-либо и о чемъ-либо постоянно мечтаетъ и постоянно одного желаетъ, то врядъ-ли каждому не удастся осуществить этого желанія своего. Главною мечтою Аггея Никитича, какъ это знаетъ читатель, съ самыхъ юныхъ лѣтъ было стремленіе стяжать любовь хорошенькой женщины и даже, если хотите, любовь незаконную. Такой любви Миропа Дмитріевна, безъ сомнѣнія, не осуществила нисколько для него, такъ какъ чувство ея къ нему было больше практическое, основанное на расчетѣ, что ясно доказало дальнѣйшее поведеніе Миropy Дмитріевны, окончательно уничтожившее въ Аггеѣ Никитичѣ всякую склонность къ ней, а между тѣмъ онъ былъ человѣкъ съ душой поэтической, и нравственная пустота томила его; исканія въ масонствѣ какъ-то невполнѣ удавались ему, ибо съ Егоромъ Егорычемъ онъ переписывался рѣдко, да и то все по однимъ только дѣламъ; ограничиваться-же исключительно интересами службы Аггей Никитичъ никогда не могъ и въ силу того послѣдніе года онъ предался чтенію романовъ, которые доставалъ, какъ и другіе чиновники, за маленькую плату отъ смотрителя уѣзднаго

училища; тутъ онъ между прочимъ наскочилъ на повѣсть Марлинскаго «*Фрегатъ Надежда*». Безъ преувеличенія можно сказать, что дрожь принимала Аггея Никитича, когда онъ читалъ хоть и вычурныя, но своего рода энергическія страницы сего романа: княгиня, капитанъ, гибнувшій фрегатъ, значить, съ одной стороны долгъ службы, а съ другой любовь, — отъ всего этого у Аггея Никитича захватывало дыханіе. Равнымъ образомъ не безслѣдно прошелъ для него появившійся тогда романъ Лермонтова: «*Герой нашего времени*». Самъ герой романа, впрочемъ, не понравился Аггею Никитичу; онъ сейчасъ въ немъ подмѣтилъ гвардейскаго ломану, но за то княжна Мэри и дама съ родинкой на щекѣ очаровали его. Но вотъ однажды Аггей Никитичъ, страдая отъ мозоли, зашелъ въ аптеку Вибеля и засталъ тамъ самаго аптекаря, который былъ уже старикъ, изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, и котораго Аггей Никитичъ еще прежде немного зналъ, но не вѣдалъ лишь одного, что Вибель лѣтъ за десять передъ тѣмъ женился на какой-то молоденькой особѣ, которая куда-то на довольно продолжительное время уѣзжала отъ него, а нынѣ снова возвратилась. Аггей Никитичъ подошелъ къ аптекарю и едва только выговорилъ: «А позвольте васъ спросить»..., какъ изъ дверей въ промежуткѣ между шкапами, изъ коихъ на одномъ было написано: narcotica, а на другомъ heroica, появилась молодая женщина, нельзя сказать, чтобы очень красивая лицомъ, но за то необыкновенно стройная, съ чрезвычайно ловкими и граціозными манерами, и одѣтая совершенно по домашнему.

— Генрику, я пояденъ на spacerъ *), — сказала она обращаясь къ старому аптекарю.

— Добрже, — отвѣчалъ онъ ей не совсѣмъ чистымъ польскимъ акцентомъ.

.Аггей Никитичъ, углыхавъ звуки столь любимаго, хотя и не вполне ему знакомаго языка, исполнился восторга и не удержавшись воскликнулъ, обращаясь къ молодой дамѣ:

— Съ пржіемносіонъ видзенъ, же пани полька**)?

— Да, по происхожденію полька, но по душѣ русская, — отвѣчала ему та.

— Это еще пріятнѣе слышать — произнесъ Аггей Никитичъ, принявъ слова молодой польки болѣе за любезность, такъ какъ въ зрачкахъ ея непрерывно вскидываемыхъ и потупляемыхъ глазъ и въ гордой посадкѣ всего ея тѣла онъ ощущалъ въ ней завзятую польку.

— А панъ, кто таки? — спросила она.

— Я прежде былъ офицеръ, долго стоялъ въ Царствѣ Польскомъ и считаю это время счастливейшимъ въ своей жизни, — объяснилъ Аггей Никитичъ, очень бы желавшій сказать все это по-польски, но побоявшійся, что, пожалуй, какъ-нибудь ошибется и скажетъ неблагопристойность, что съ нимъ разъ и случилось въ Царствѣ Польскомъ.

— А теперь вы что? — спросила ужъ по-русски панна.

— Теперь я исправникъ здѣшній, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, нѣсколько потупляясь, ибо онъ зналъ,

*) Генрихъ, я поѣду прогуляться.

***) Съ удовольствіемъ вижу, что вы, сударыня, полька!

что поляки не любятъ русскихъ чиновниковъ; но на этотъ разъ, повидимому, ошибся.

— О то, Боже мой, я же васъ знаю!—воскликнула аптекарша:—Но, скажите, неужели вашъ городъ всегда такой скучный?

— Всегда,—отвѣчалъ съ грустной ироніей Аггей Никитичъ.

— Это ужасно! — произнесла аптекарша, пожавъ плечами. — У меня тутъ одно развлеченіе, что я часа по два катаюсь по городу, — присовокупила она будто-бы случайно и въ то-же время кинувъ мимолетный взглядъ на молодцоватаго исправника.

— Гдѣ-жь вы именно катаетесь?—не преминулъ тотъ спросить ее.

— Ахъ, да по этой вашей глупой, длинной улицѣ,—отвѣчала панна: — ѣзжу по ней взадъ и впередъ; по крайней мѣрѣ, дышу свѣжимъ воздухомъ, а не противными этими травами.

Всѣ эти переговоры старикъ аптекарь слушалъ молча и сурово и, наконецъ, повидимому, не вытерпѣвъ дольше, отнесся къ Аггею Никитичу:

— О чемъ вамъ угодно было спросить меня?

Тотъ очутился въ затруднительномъ положеніи: сказать при такой прелестной дамѣ, что пришелъ за пластыремъ для мозоли казалось ему совершенно невѣжливымъ.

— У меня въ плечѣ ревматизмъ и мнѣ совѣтуютъ залѣпить чѣмъ-нибудь это мѣсто, — придумалъ онъ.

— Да, это хорошо, — одобрилъ нѣмецъ и крикнулъ старшему помощнику своему:—Папье-фаляр!

Тотъ отмахнулъ копеекъ на пятьдесятъ фаяру и, свернувъ его въ трубочку, подалъ Аггею Никитичу.

Молодая пани, между тѣмъ, не уходила изъ аптекарской залы. Сначала она внимательно смотрѣла на довольно красиваго помощника, приготовлявшаго Аггею Никитичу папье-фаяръ, а потомъ и на Аггея Никитича, который, въ свою очередь, раскланявшись съ старымъ аптекаремъ и его молодой супругой, вышелъ изъ аптеки съ совершенно отуманенной головой. Не нужно, я думаю, говорить, что онъ на другой-же день съ одиннадцати еще часовъ принялся ѣздить по длинной улицѣ, на которой часовъ въ двѣнадцать встрѣтилъ пани-аптекааршу на скромныхъ саночкахъ, но одѣтою съ тою прелестью, съ какой умѣютъ одѣваться польки. Аггей Никитичъ почтительно снялъ передъ пани шапку, и она ему низко-низко поклонилась. Подобныя встрѣчи Аггея Никитича съ молодою аптекаршей стали потомъ повторяться каждодневно, и нельзя при этомъ не удивиться, какимъ образомъ Милопа Дмитріевна, дама столь проникательная, не подмѣтила рѣзкой переменъ, которая произошла въ наружности Аггея Никитича съ перваго-же дня его знакомства съ очаровательной аптекаршей. Не говоря уже о томъ, что каждое утро онъ надѣвалъ лучшій сюртукъ, лучшую шинель свою, что бакенбарды его стали опять плотно прилегать къ щекамъ, такъ какъ Аггей Никитичъ держалъ ихъ цѣлыя ночи крѣпко привязанными бѣлой косынкой, но самое выраженіе глазъ и лица его было совершенно иное: онъ какъ-бы раздвѣлъ, ожилъ и ясно

давалъ тѣмъ знать, что любить и быть любимымъ было главнымъ его призваніемъ въ жизни.

Въ тотъ день, въ который Миропа Дмитриевна задумала предпринять противъ Аггея Никитича атаку, его постигнуло нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ мимо-летныя встрѣчи съ пани, потому что она не то что встрѣтилась съ нимъ, а нагнавъ велѣла кучеру ѣхать рядомъ и отнеслась къ Аггею Никитичу:

— Панъ Звѣревъ, узнайте, пожалуйста, когда начнутся собранія: ихъ затѣваетъ здѣшній откупщикъ, но мужъ отъ меня это тайтъ, а я непременно хочу бывать на этихъ собраніяхъ! Узнаете?

— Съ великою готовностью, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, обрадованный надеждою, что онъ будетъ встрѣчаться съ аптекаршей не только-что на улицѣ, но и въ собраніяхъ, станетъ танцовать съ нею, разговаривать. — Я послѣ завтра-же увѣдомлю васъ объ этомъ! — присовокупилъ онъ.

— Дзенкуенъ! *) произнесла панна-аптекаарша и крикнула кучеру: — Пошелъ!

Тотъ пустилъ лошадь полной рысью; но и Аггей Никитичъ, не преминувъ сказать своему кучеру: «Пошелъ и ты скоро!» нагналъ аптекаршу.

— О-то, мы гоняемся съ вами; посмотримъ, кто кого обгонитъ! — весело воскликнула пани и велѣла кучеру ѣхать еще скорѣе.

Аггей Никитичъ на своемъ иноходцѣ тоже не отставалъ отъ нея; такимъ образомъ они ѣхали, только что не касаясь другъ друга плечами, и хоть не го-

*) Благодарю.

ворили между собою, но за то ласково и весело переглядывались.

Дома Аггея Никитича ожидалъ опять-таки пріятный обѣдъ съ вишневою и съ замѣтною нѣжностью со стороны супруги. Онъ-же, сѣвъ за столъ, немедля сказалъ Миропѣ Дмитріевнѣ:

— Ты сегодня поѣдешь къ своей откупщицѣ?

— Непремѣнно!—отвѣчала Миропа Дмитріевна.

— Спроси ее, правда-ли, что она съ мужемъ своимъ затѣваетъ устроить здѣсь на всю зиму собраніе?... Если это справедливо, то скажи, чтобы они меня также записали.

— Да тутъ нечего спрашивать, я знаю, что они это устраиваютъ, и полагаю, что ты будешь записанъ у нихъ раньше всѣхъ, потому что всякій разъ, какъ я бываю у нихъ, мужъ и жена тебя до небесъ расхваливаютъ,—проговорила Миропа Дмитріевна, очень довольная подобнымъ желаніемъ Аггея Никитича, такъ какъ это могло его нѣсколько сблизить съ откупщикомъ и съ милой откупщицей; кромѣ того, такое благородное развлеченіе, какъ дворянскія собранія, отвлечетъ Аггея Никитича отъ другихъ гадкихъ удовольствій, которыя, можетъ быть, онъ устраиваетъ себѣ гдѣ-нибудь по деревнямъ.

Аггей Никитичъ, въ свою очередь, тоже кое-что какъ-бы соображалъ при этомъ.

— А ты запишешься и будешь выѣзжать?—спросилъ онъ Миропу Дмитріевну.

Голосъ его при этомъ какъ-то странно звучалъ.

— Нѣтъ, — произнесла она покорнымъ и приниженнымъ тономъ. — Чтобы выѣзжать, надобно имѣть туалетъ, а это при нашихъ средствахъ совершенно

невозможно,—дополнила она, не утерпѣвъ, чтобы не кольнуть мужа бѣдностью.

Аггей Никитичъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этой фразы Миропа Дмитриевны, и довольно откровенно объяснилъ ей:

— Точно что, какіе ужъ тебѣ выѣзды; выѣзжать хорошо молоденькимъ, а то, какъ на пятый-десятокъ перевалить, такъ даже нейдетъ это къ женщинамъ, по пословицѣ: «сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ!»

Услыхавъ это, Миропа Дмитриевна вспыхнула даже въ лицѣ отъ тайной досады, и скажи Аггей Никитичъ такую глупость при прежнихъ обстоятельствахъ, то ему попало-бы за то на орѣхи; но тутъ Миропа Дмитриевна смиренно проглотила горькую пилюльку.

— Это не то, что бабій вѣкъ, а, разумѣется, въ такіе года женщины должны нравиться не постороннимъ, но желать, чтобы ихъ мужъ любилъ!—проговорила она и хотѣла, повидимому, снова вызвать мужа на нѣжности, но онъ и на этотъ разъ не пошелъ на то, такъ что упорство его показалось наконецъ Миропѣ Дмитриевнѣ оскорбительнымъ.

II.

Предполагаемыя собранія начались въ уѣздномъ городѣ, и осуществились они дѣйствительно, благодаря нравственному и матеріальному содѣйствію Рамзаевыхъ, такъ какъ они дали бесплатно для этихъ собраній свой крѣпостной оркестръ, человекъ въ двадцать, и оркестръ весьма недурной по той при-

чинѣ, что Рамзаевъ былъ страстный любитель музыки и по большей части самъ являлся дирижеромъ своихъ музыкантовъ, при чемъ съ неустаннымъ вниманіемъ глядѣлъ въ развернутыя передъ нимъ ноты, строго въ извѣстныхъ мѣстахъ взмахивалъ капельмейстерской палочкой, а въ пассажахъ тихихъ и мелодическихъ широко разводилъ руки и понижалъ ихъ, поспѣшно утирая иногда потъ съ своего лица, весьма напоминавшаго обликъ барана. Нельзя, однако, не замѣтить, что Рамзаевъ рѣдко замѣчалъ настоящія ошибки, дѣлаемые его музыкантами, а потому почти навѣрное можно предположить, что онъ любилъ не столько сущность музыки, сколько ея шумъ, а еще болѣе того, повелительныя капельмейстерскія движенія. Въ первомъ собраніи, какъ и ожидали всѣ того, Рамзаевъ лично управлялъ своимъ оркестромъ. Танцы начались съ вальса и на этотъ вальсъ Аггей Никитичъ, въ новомъ съ иголки фракѣ, пригласилъ очаровательную аптекаршу, которая по-истинѣ была очаровательна если не лицомъ, то туалетомъ, отличавшимся не роскошью, нѣтъ, а вкусомъ. Въ началѣ вальса у Аггея Никитича и его дамы произошла нѣкоторая путаница, вслѣдствіе того, что онъ умѣлъ вальсировать въ три приема, а молодая аптекарша, по болѣе новой модѣ, стала было танцовать въ два темпа. Впрочемъ, она была такъ ловка, что, подмѣтивъ это, принялась тоже выдѣлывать своими ножками болѣе мелкіе па и такимъ образомъ оба они при громѣ музыки облетали залу вихремъ и рѣшительно затмили собою другія пары, которыхъ, впрочемъ, немного и было: студентъ демидовскаго лица: пріѣхавшій на праздникъ въ родителѣмъ и вертѣв-

шійся съ родной сестрой своей, исполняя это съ полнымъ родственнымъ равнодушіемъ, а за нимъ вслѣдъ вертѣлся весьма малорослый инвалидный поручикъ, бывшій на цѣлую голову ниже своей дамы.

Откупщицы не было еще въ собраніи. Благодаря постоянно терзавшему ее флюсу, она съ утра втирала въ щеку разныя успокаивающія мази и только часовъ въ десять вечера имѣла силы облечься въ шелковое шумящее платье, украситья брилліантами и прибыть въ собраніе. Вальсъ въ это время уже кончился.

— Танцы не начинались?—спросила она, проходя мимо мужа, стоявшаго передъ своимъ пюпитромъ.

— Начались! — отвѣчалъ ей тотъ торопливо и махнулъ палочкой.

Музыка грянула, но желающихъ танцевать вальсъ больше не оказалось. Откупщица, оглядѣвъ все общество и узрѣвъ Аггея Никитича, направилась къ нему и сказала:

— А я на Миропу Дмитріевну сердита; отчего-жь она, я вижу, не пріѣхала?

— Куда ей! — произнесъ онъ явно неуважительнымъ тономъ.

— По крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что вы будете постоянно посѣщать наши собранія? — проговорила откупщица.

— Непремѣнно-съ! — отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Но вы, кажется, незнакомы съ моимъ мужемъ? — спохватилась откупщица.

— Да-съ, незнакомъ! — объяснилъ Аггей Никитичъ.

— Позвольте мнѣ представить вамъ его! — про-

говорила откупщица и, взявъ Аггея Никитича за руку, подвела его къ Рамзаеву, что-то такое запальчиво толковавшему своимъ музыкантамъ.

— Теофиль Терентьичъ, господинъ исправникъ желаетъ съ тобою познакомиться, — принуждена была почти прокричать ему откупщица.

— Весьма радъ! — уразумѣль, наконецъ, тотъ: — Вы видите, я не столько почетный членъ собранія, сколько музыкантъ.

Такое заявленіе откупщика Аггею Никитичу понравилось.

— Это дѣлаетъ вамъ честь! — отозвался онъ и поспѣшно повернулъ свою голову назадъ съ цѣлью поймать своимъ взоромъ прелестную аптекаршу, которая, какъ говорилось тогда, сидѣла *nonchalament* въ не очень покойномъ креслѣ.

— О, я вижу, пани откупщица ухаживаетъ за вами! — сказала она, когда Аггей Никитичъ съ тайнымъ трепетомъ въ сердцѣ приблизился къ ней.

— Я не знаю, что ей нужно отъ меня, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, смѣясь и въ то же время опускаясь на близъ стоявшее кресло.

Разговоръ, впрочемъ, на этомъ и прекратился; но за-то между паномъ исправникомъ и пани-аптекаршей началась перестрѣлка взглядами.

Откупщикъ, между тѣмъ, повелѣлъ оркестру играть французскую кадрили. Слѣдуя законамъ приличія, которые Аггей Никитичъ любилъ всегда исполнять, онъ пригласилъ *madame* откупщицу на кадрили, но та, вспыхнувъ, вѣроятно, отъ удовольствія, объявила ему, что она лѣтъ пять уже какъ не танцуетъ. Послѣ отказа ея Аггей Никитичъ на

первыхъ порахъ подумалъ-было адресовать свое приглашеніе къ какой-либо изъ другихъ дамъ, но оказалось, что все это были или очень молодыя дѣвицы, нескладно одѣтыя въ розовыя платья, или толстыя съ красными лицами барыни, тяжело дышавшія отъ туго стянутыхъ корсетовъ. Натурально, что всѣ онѣ показались Аггею Никитичу противными, и онъ съ нѣкоторымъ конфузомъ снова пригласилъ аптекаршу, которая, кинувъ на него немного насмѣшливый взглядъ, изъявила согласіе. Танцующихъ набралось довольно, паръ до десяти, и двѣ тому были причины: одна изъ нихъ была та, что французская кадрили, какъ извѣстно, нашимъ тяжеловатымъ сѣвернымъ натурамъ пришлась болѣе подходящею, чѣмъ другіе рѣзвые танцы: въ ней всѣ могли выхаживать—старые и молодые, дрессированные въ танцевальномъ искусствѣ и не дрессированные; второй причиной оказалось то обстоятельство, что мужчины среднихъ лѣтъ успѣли уже сходить въ буфетъ и, нѣсколько воодушевившись тамъ штритеровской водкой, подняли своихъ тяжеловѣсныхъ дамъ съ ихъ сѣдалищъ. Раздавшееся шарканье ногами было столь громко, что его очень явственно слышали молодые мѣщане и мѣщанки, стоявшіе на улицѣ и глазѣвшіе въ окна собранія. Собственно-же разговоры дамъ съ ихъ кавалерами не отличались особеннымъ одушевленіемъ, а это ясно свидѣтельствовало, что недостаточно еще было поглощено штритеровки. Даже Аггей Никитичъ и пани аптекарша мало говорили и только ужъ къ концу кадрили она спросила его:

— А вы, панъ Звѣревъ, женаты?

— Женать, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, невольно вздохнувъ при этомъ.—Точно такъ-же, какъ и вы вѣдь замужемъ, — присовокупилъ онъ не безъ грустной ироніи.

— Точно такъ-же, какъ и я,—отвѣчала не безъ грусти аптекарша.

Послѣ танцевъ Аггеемъ Никитичемъ завладѣлъ его предмѣстникъ по исправничеству, одѣтый въ тотъ-же ополченскій мундиръ, въ которомъ присутствовалъ на балѣ у сенатора, и бывшій на этотъ разъ сильно выпившимъ.

— Богъ только меня спасалъ отъ этого злодѣя, нашего бывшаго губернскаго предводителя Крапчика, — толковалъ онъ, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ:—совѣмъ было подъ уголовщину подвелъ, и я по смерть мою буду богомольцемъ за сенатора; онъ, въ тѣ поры, заступился за меня, а потомъ и дворяне почтили мою службу и на слѣдующую баллотировку повысили меня изъ засѣдателей въ исправники. Теперь-бы вотъ покойный Петръ Григорьичъ полюбовался, какъ его зятекъ-то въ тюрьму угодилъ, и вамъ очень всѣ благодарны, что вы этого архибестію не пожалѣли. Не лъстя вамъ говорю, что вы достойный мнѣ преемникъ.

Всѣ эти возгласы полуныянаго ополченца Аггей Никитичъ слушалъ совершенно внимательно и, нисколько не помышляя о своихъ служебныхъ подвигахъ, старался не потерять изъ глазъ аптекарши, стоявшей около мужа, который игралъ въ карты съ почтмейстеромъ, мрачнымъ на видъ старикомъ, украшеннымъ нѣсколькими орденами. Поболтавъ нѣсколько времени, ополченецъ, наконецъ, оставилъ

Аггея Никитича въ повоѣ, но его немедля-же подцѣпила откупищица.

— Аггей Никитичъ, подойдите и посидите со мной! — сказала она ему ласковымъ голосомъ.

Аггей Никичъ подошелъ къ ней, но не сѣлъ.

— Вы, я думаю, не подозрѣваете, какъ я люблю вашу супругу; это такая умная женщина, что ей Богу, я рѣдко такихъ встрѣчала, и вы должны быть очень счастливы въ вашей семейной жизни.

Въ отвѣтъ на то Аггей Никитичъ больше какъ-то промычалъ:

— Да, ничего, — и вмѣстѣ съ тѣмъ направилъ свое ухо къ столу, гдѣ играли аптекарь и почтмейстеръ, около которыхъ продолжала стоять аптекарша.

— Ты, татко *), не скоро еще кончишь играть? — спросила она, имѣя, повидимому, привычку называть мужа «таткой».

— Не скоро, — отвѣчалъ ей тотъ и началъ тасовать карты.

Видя это, аптекарша, которой наскучило наконецъ стоять пѣшкой за стуломъ мужа, ушла въ заднія комнаты, а между играющими потомъ завязался довольно странный разговоръ.

— Какъ вы говорите, что ничего не было? — началъ его украшенный орденами почтмейстеръ: — У меня есть подлинный актъ двадцать седьмого года, гдѣ сказано, что путь нашъ еще не прерванъ, если мы будемъ исполнять правила, предписанныя намъ нашимъ статутомъ.

— Да надобно знать, сколько стататовъ этихъ было! — произнесъ аптекаръ и иронически захохоталъ.

— А сколько?—огрызнулся на него почтмейстеръ.

— Много, очень много! Я съ восемьсотъ десятаго года веду списокъ тому и выходитъ, что отъ Соединенныхъ Друзей отдѣлилась Палестина; Директорія — Владѣмѣръ распалась на Елисавету, Александра и Петра! Въ пятнадцатомъ-же году въ главной Директоріи существовали: Елисавета, Александръ, Соединенные Друзья, а въ Астрѣй—Петръ, Изида и Нептунъ. Развѣ было что-нибудь подобное въ Европѣ?

— Было, еще почище нашего было,—возразилъ ему почтмейстеръ.

— Нѣтъ, не было! — отпарировалъ-было ему рѣшительнымъ тономъ нѣмецъ.

— Какъ нѣтъ? — прикрикнулъ почтмейстеръ и затѣмъ нѣсколько уже ядовитымъ голосомъ спросилъ: — Тамиліеры были?

— Да были! — отвѣчалъ ему, нисколько не сробѣвъ аптекаръ.

— Розенкрейцеры тоже?

— Тоже!

— Иллюминаты существовали?

— Существовали!

— Мартинистовъ, полагаю вы, не отвергаете?

— Не отвергаю; но развѣ это то-же, что у васъ?

— Да! — проговорилъ почтмейстеръ, поднимая свои густыя и сѣдыя брови вверхъ.

— Такъ по вашему, пожалуй, лютеране, ква-

керы, индепенденты, реформаты, баптисты то-же, что ваши раскольники?

— А нешто не то-же? — произнесъ самохвально почтмейстеръ.

— Ну, послѣ этого говорить съ вами объ этомъ больше нельзя, — воскликнулъ аптекаръ.

— И не говорите! Какъ наказали, скажите, пожалуйста! Мнѣ всегда о чемъ-бы то ни было противно говорить съ вами! — началъ ужь ругаться почтмейстеръ.

— Это можетъ быть, но только вы умѣрьте ваши выраженія! — остановилъ его довольно кротко аптекаръ и началъ, дрожащими отъ волненія руками, сдавать карты, а почтмейстеръ съ окончательно нахмуреннымъ лицомъ сталъ принимать ихъ.

Въ пылу спора оба собесѣдника совершенно забыли, что въ одной съ ними комнатѣ находились Аггей Никитичъ и откупщица, которая, услышавъ перебранку между аптекаремъ и почтмейстеромъ, спросила:

— Что это, въ картахъ что-ли они разсорились?

— Вѣроятно, — слукавилъ Аггей Никитичъ, такъ какъ, будучи нѣсколько наметанъ въ масонскихъ терминахъ, онъ сейчасъ догадался, что почтмейстеръ и аптекаръ были масоны, и весьма обрадовавшись такому открытію, возымѣлъ по этому поводу намѣреніе нѣчто предпринять; но чтобы доскональнѣе убѣдиться въ своемъ предположеніи, онъ оставилъ откупщицу и подошелъ къ ходившему по залѣ съ заложенными назадъ руками ополченцу.

— Скажите, — спросилъ онъ его прямо: — аптекаръ здѣшній и почтмейстеръ масоны?

— Заклятые! Не знаю, какъ нынче, но прежде мнѣ городничій сказывалъ, что оба они подъ при-
смотромъ полиціи находились.

— Но все-таки они люди хорошіе,—протянулъ
Аггей Никитичъ.

— Ну, про почтмейстера никто что-то этого не
говаривалъ; онъ, одно слово, изъ кугейниковъ; на
деньгу такой жадный, какъ я не знаю что: мало, что
съ крестьянъ беретъ за каждое письмо по десяти ко-
пеекъ, но еще принеси ему всякаго деревенскаго
добра и яичекъ, маслица, и ягодокъ! — объяснилъ
ополченецъ.

— Ахъ, онъ негодяй этакій! — воскликнулъ Аггей
Никитичъ: — жаль, что я не губернской почтмейстеръ
теперь, я-бы его сейчасъ же изъ службы вытурилъ; а
аптекарь тоже такой?

— Нѣтъ, тотъ не такой! — возразилъ поспѣшно
ополченецъ: — и хотъ нѣмецъ, но добрѣйшей души че-
ловѣкъ; съ больнаго, про котораго только знаетъ,
что очень бѣденъ, никогда за лѣкарство ничего не
беретъ... Иля теперь этотъ поступокъ его съ же-
ною?... Поди-ка, кто нынче такъ поступить?

— Какой-же поступокъ? — спросилъ Аггей Ни-
китичъ.

— Да, вѣдь, она года три тому назадъ, — на-
чалъ ужъ шепотомъ рассказывать ополченецъ: — убѣ-
гала отъ него съ офицеромъ однимъ, такъ онъ,
знаете, никому ни единымъ словомъ не промолвился
о томъ и всѣмъ говорилъ, что уѣхала къ родите-
лямъ своимъ.

— Можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ къ роди-

телямъ уѣзжала?—спросилъ Аггей Никитичъ, вспыхнувъ немного въ лицѣ.

— Какое къ родителямъ! — отвергнувъ разсмѣявшись ополченецъ:— Вѣдь видѣли здѣсь, какъ она въ одномъ экипажѣ съ офицеромъ-то уѣхала... Нако-нецъ, ихъ въ Вильнѣ кое-кто изъ здѣшнихъ видѣлъ; они на одной квартирѣ жили.

Аггей Никитичъ замѣтно былъ пораженъ такой новостью, хотя это нисколько въ его мнѣнii не уменьшило прелести аптекарши. Мы по прежнимъ еще да нвымъ знаемъ, до какой степени Аггей Никитичъ въ этомъ отношенii былъ свободно-мыслящій человекъ, тѣмъ болѣе, что это обстоятельство ему самому подавало больше надежды достигнуть благосклонности пани Вибель.

— А теперь она разлюбила офицера?—спросилъ онъ.

— Это ужъ Богъ знаетъ, кто изъ нихъ кого разлюбилъ, но когда она опять вернулась къ мужу, то этотъ самолюбивый нѣмецъ, говорятъ, не сказалъ даже ей, что знаетъ, гдѣ она была и что дѣлала.

Когда вскорѣ затѣмъ пани Вибель вышла, нако-нецъ, изъ заднихъ комнатъ и начала танцовать французскую кадрили съ инвалиднымъ поручикомъ, Аггей Никитичъ долго и пристально на нее смотрѣлъ, причемъ открылъ въ ея лицѣ замѣтные слѣды пережитыхъ страданiй, а въ то-же время у него все болѣе и болѣе созрѣвалъ задуманный имъ планъ, каковой онъ намѣревался начать съ письма къ Егору Егорычу, написать которое Аггею Никитичу было нелегко, ибо онъ заранѣе зналъ, что въ письмѣ этомъ ему придется много лгать и скрывать; но мо-

гущественная властительница людей, любовь, заставила его все это забыть, и Аггей Никитичъ впродолженіе двухъ дней, слѣдовавшихъ за собраніемъ, сочинилъ и отправилъ Марейну посланіе, въ коемъ, съ разнаго рода экивоками, изъяснилъ, что, находясь по отдаленности мѣста жительства Егора Егорыча безъ руководителя на пути къ масонству, онъ къ великому счастью своему узналъ, что въ ихъ городѣ есть честный и добрый масонъ: аптекаръ Вибель... Но явиться къ сему почтенному человѣку, — излагалъ далѣе Аггей Никитичъ, — прямо отъ себя съ просьбою о посвященіи въ таинства масонства онъ не смѣлъ, и потому умолялъ Егора Егорыча снабдить его рекомендательнымъ письмомъ, съ которымъ будто-бы можно, какъ съ золотыми ключами Петра, пройти даже въ рай. Что собственно разумѣлъ Аггей Никитичъ въ глубинѣ своихъ чувствъ подъ именемъ рая, читатель, можетъ быть, догадывается!

На повѣрку, впрочемъ, оказалось, что Егоръ Егорычъ не зналъ аптекаря, за то очень хорошо знала и была даже дружна съ Негг Вибелемъ gnädige Frau, которая, подтвердивъ, что это дѣйствительно былъ въ самыхъ молодыхъ годахъ серьезнѣйшій масонъ, съ большимъ удовольствіемъ изъявила готовность написать въ Негг Вибелю рекомендацію о Негг Звѣревѣ и при этомъ такъ одушевилась воспоминаніями, что весь разговоръ вела съ Егоромъ Егорычемъ по-нѣмецки, а потомъ тоже по-нѣмецки написала и самое письмо, которое Егоръ Егорычъ при коротенькой записочкѣ отъ себя препроводилъ къ Аггею Никитичу; сей-же послѣдній, получивъ оное, исполнился весьма естественнымъ желаніемъ

узнать, что о немъ пишутъ, но сдѣлать это, по незнанію нѣмецкаго языка, было для него невозможно, и онъ возложилъ нѣкоторую надежду на помощь Миропы Дмитріевны, которая ему неоднократно хвасталась, что она знаетъ по французски и по нѣмецки.

— А что, ты одно письмо нѣмецкое можешь перевести?—спросилъ онъ ее.

— Какое письмо и отъ кого?—пожелала прежде всего узнать Миропа Дмитріевна.

— Письмо отъ докторши Сверстовой, которая живетъ у Егора Егорыча.

— Но о чемъ она можетъ писать тебѣ?—сказала съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ Миропа Дмитріевна.

— Она не ко мнѣ это пишетъ,—говорилъ Аггей Никитичъ, видимо опасаясь проговориться въ каждомъ словѣ:—но къ нѣкому Вибелю, здѣшнему аптекарю.

— Ну да, я знаю его! — подхватила Миропа Дмитріевна:—краснорожій изъ себя и отъ него, говорятъ, жена убѣгала... И что ты за почтальонъ такой, чтобы передавать письма?

— Я не почтальонъ, — произнесъ обмиравшій втайнѣ Аггей Никитичъ:—но Сверстова не знаетъ адреса господина Вибела.

— Да для чего въ уѣздномъ городѣ знать адресъ? Здѣсь всѣ знаютъ аптеку, — произнесла насмѣшливо Миропа Дмитріевна, видимо начавшая что-то такое тутъ подозрѣвать, и потомъ прибавила: — Какъ-же ты можешь распечатывать чужія письма?

— Я не распечатываю, — воскликнулъ при этомъ Аггей Никитичъ:—но письмо это прислано мнѣ не-

запечатаннымъ, чтобы я прочелъ его, потому что оно обо мнѣ.

— О тебѣ?... Вибелю? Но о чемъ?

— О томъ, что Вибель масонъ, а чрезъ масоновъ, какъ ты знаешь, мы только и имѣемъ средства, чѣмъ существовать.

Такого рода доводъ показался Миропѣ Дмитріевнѣ довольно основательнымъ, такъ что она тоже пожелала узнать содержаніе письма, но когда Аггей Никитичъ подалъ ей его, то Миропѣ Дмитріевнѣ, пробѣжавъ глазами довольно мелкій почеркъ gnädige Frau, ничего не уразумѣла.

— Вотъ видишь, — принялась она вывертываться:—я прежде знала по-нѣмецки, но теперь позабыла, а потому надобно гдѣ-нибудь достать лексиконъ.

— Это я могу,—сказалъ Аггей Никитичъ и принесъ Миропѣ Дмитріевнѣ еще съ гимназій сохраненный имъ довольно скудный нѣмецкій словарь, но оказалось, что она и съ лексикономъ плохо обращалась, такъ что Аггей Никитичъ въ этомъ случаѣ явился гораздо опытнѣе ея, чѣмъ Миропѣ Дмитріевнѣ не преминула воспользоваться.

— У меня очень плохи глаза,—сказала она:—а ты приноси мнѣ прежде всѣ слова по-нѣмецки, и завтра мы переведемъ съ тобой вмѣстѣ.

— Добрже,—одобрилъ Аггей Никитичъ и, уйдя къ себѣ, приискалъ всѣ слова, какія только сумѣлъ найти въ лексиконѣ. Поутру онъ преподнесъ Миропѣ Дмитріевнѣ письмо и тетрадь съ словами, а затѣмъ они вкупѣ стали переводить и, все-таки, весьма смутно поняли содержаніе письма, что было и не-

удивительно, такъ какъ gnädige Frau написала свое посланіе довольно изыскано и краснорѣчиво.

Въ переводѣ письмо ея должно было быть таково:

«Достопочтенный господинъ Вибель!»

«Широкий потокъ времени, раздѣлившій наше прежнее знакомство, не лишаетъ меня, однако, надежды, что Вы еще не забыли Эммы, жены покойнаго пастора Клейнберга, а по псевдониму жижи—Alba Rosa. Письмо это я пишу, чтобы рекомендовать Вамъ служащаго въ Вашемъ городѣ господина Звѣрева, за котораго объявляетъ себя поручителемъ господинъ Марейнъ, знаменитѣйшій сподвижникъ русскаго масонства. Раскройте Ваши дружескія объятія господину Звѣреву. Онъ по отзываютъ господинна Марейна и моего теперешняго мужа, доктора Сверстова, рыцарь по смѣлости и честности и неопитъ, готовый принять въ свою душу все прекрасное. Я увѣрена, что Вы не отвергнете его, тѣмъ болѣе, что наше стадо съ каждымъ днемъ уменьшается и привлечъ хотя еще одну новую овцу будетъ заслугою передъ нашимъ орденомъ. Сверстова».

Сколь ни мало, какъ я уже сказалъ, Звѣревы могли перевести, но все-таки они болѣе уже чувствомъ поняли, что gnädige Frau чрезвычайно расхваливала Аггея Никитича.

— Когда-же ты поведешь съ этимъ письмомъ къ Вибелю?—спросила его Миропа Дмитріевна.

— Да какъ-нибудь тутъ найду къ нему,—отвѣчалъ съ нѣкоторой небрежностью Аггей Никитичъ и, конечно, въ этомъ случаѣ хитрилъ.

Онъ прежде, чѣмъ сдѣлать визитъ аптекарю, вознамѣрился позондировать пани Вибель и счелъ

за лучшее сдѣлать это не въ собраніи, гдѣ было, все-таки, довольно многолюдно, а на своихъ утреннихъ встрѣчахъ съ ней, которыя происходили такимъ образомъ, что Аггей Никитичъ просто нагоялъ экипажъ пани Вибель и ѣхалъ съ ней рядомъ, что повторилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ.

— Я имѣю надобность быть у вашего мужа, — свазалъ онъ.

— А развѣ у васъ весь вышелъ папье-фаяръ? — спросила насмѣшливо аптекарша.

— Неужели же, — возразилъ Аггей Никитичъ: — къ вашему супругу только можно имѣть надобность, что за папье-фаяръ?

— О нѣтъ! — воскликнула пани Вибель: — вы можете получить отъ него магнезію, ревень, солодковый корень...

— А кромѣ этого, ничего у него нѣтъ? — спросилъ Аггей Никитичъ.

— Ничего нѣтъ! — отвѣчала пани и засмѣялась. Аггей Никитичъ тоже улыбнулся.

— Я не то что желаю что-нибудь получить отъ господина Вибеля, — началъ онъ: — но у меня есть къ нему письмо отъ одной дамы.

— Отъ дамы? Ахъ, это интересно! — снова воскликнула пани: — Отъ молоденькой и хорошенькой?

— Напротивъ, не отъ молоденькой и не отъ хорошенькой; въ этомъ случаѣ вы совершенно можете успокоить вашу ревность.

— Ревность? — произнесла какъ-бы въ невольномъ удивленіи пани: — О, панъ Звѣревъ, я вамъ очень благодарна, что вы успокоили меня въ *этомъ отноше-
нии*. Я дѣйствительно, <http://rujo.org.ru> она съ ракет-

ливой граціей:—ужасно ревную моего «татву», но не къ женщинамъ, а къ его коту, котораго онъ, вообразите, лелѣетъ, цѣлуетъ, моетъ расчесываетъ гребнемъ.

Честный аптекаръ, дѣйствительно, когда супруга отъ него уѣхала, взялъ къ себѣ на воспитаніе маленькаго котенка ангорской породы, выростилъ, выхолилъ его и привязался къ нему всею душою, такъ что даже, по возвращеніи вѣтренной супруги своей продолжалъ питать нѣжность къ своему любимцу, который, между тѣмъ, постарѣлъ, глаза имѣлъ какіе-то гноящіеся, шерсть на немъ была, по случаю множества любовныхъ дуэлей, во многихъ мѣстахъ выдрана, а пушистый ангорскій хвостъ на половину откушенъ сосѣдними собаками. Все это аптекарша не преминула довольно подробно описать Аггею Никитичу, который покатывался со смѣху, воображая фигуру кота, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упивался восторгомъ, слыша такіе насмѣшливые отзывы пани Вибель о своемъ супругѣ.

— Но когда жь, однако, я могу застать господина Вибеля?—спросилъ онъ.

— Когда хотите, онъ цѣлые дни торчитъ въ своей аптекѣ,—объяснила пани.

— Но я желалъ-бы застать и васъ дома,—проговорилъ Аггей Никитичъ.

— О, пане добродзѣю, какъ я вамъ благодарна за то!—воскликнула пани и низко поклонилась Аггею Никитичу.

— Въ такомъ случѣ, назначьте мнѣ часъ!

— Часъ?—протянула она:—всего лучше... один-

надцать часовъ вечера; тогда мужъ навѣрное спитъ, а я еще сижу!

Аггей Никитичъ снова веселѣйшимъ образомъ захохоталъ.

— Но что-жь вы дѣлаете, сидя одинъ? — спросилъ онъ.

— Мечтаю.

— О чемъ?

— Угадайте!

— Угадать не трудно!—сказалъ, пожимая плечами, Аггей Никитичъ.

— Ну угадывайте!—разрѣшила ему пани.

— Вы мечтаете о прошедшемъ, — проговорилъ Аггей Никитичъ.

Пани при этомъ замѣтно вспыхнула.

— Можетъ быть, немножко о прошедшемъ, а, можетъ быть, и о настоящемъ! — произнесла она кокетливо и крикнула кучеру:—Пошелъ!

Тотъ поѣхалъ быстрѣе.

Аггей Никитичъ, начинавшій нѣсколько поотставать отъ своей спутницы, погрузился было въ сладкія грезы, но аптекарша снова велѣла кучеру ѣхать тише, такъ что Аггей Никитичъ опять поравнялся съ нею.

— Не желаете-ли, чтобы я предувѣдомила мужа, что вы хотите быть у него?—спросила она.

— Пожалуйста!—сказалъ ей Аггей Никитичъ.

— Но въ какое-же время?—поинтересовалась сама пани Вибель узнать поточнѣе время.

— Вечеромъ, часовъ въ шесть,—объяснилъ Аггей Никитичъ, рассчитавъ, что сначала онъ переговоритъ съ аптекаремъ, а потомъ тотъ, вѣроятно, пригласитъ

сигь его остаться чай пить, и такимъ образомъ Аггей Никитичъ цѣлый вечеръ проведетъ съ очаровательной пани.

— Можно это?

— О, да, можно! Но мужъ, вѣроятно, спросить, отъ какой дамы письмо.

— Письмо отъ его бывшей ревельской знакомой, госпожи Сверстовой,—сказалъ Аггей Никитичъ, припомнивъ все, что только онъ вкупѣ съ Миropой Дмитріевной понялъ съ письма.

— Ревельской знакомой! — повторила себѣ аптекарша и велѣла кучеру ѣхать по направленію къ дому, гдѣ тотчасъ-же передала мужу порученіе Аггея Никитича.

Вибель на первыхъ порахъ исполнился недоумѣнія; но затѣмъ, со свойственною нѣмцамъ послѣдовательностью, началъ перебирать мысленно своихъ знакомыхъ дамъ въ Ревелѣ и тутъ съ удивительной ясностью вспомнилъ вдову пастора, на которой самъ, было, подумывалъ жениться и которую перебилъ у него, однако, русскій докторъ Сверстовъ. Воспоминанія эти такъ оживили старика, что онъ сталъ потирать себѣ руки и полусшептать:

— Посмотримъ, посмотримъ, что мнѣ пишетъ Alba Rosa?

— Какая это Alba Rosa? — спросила-было его молодая супруга.

— Это не твое дѣло,—отвѣтилъ онъ ей и рѣшительнымъ жестомъ далъ понять, чтобы она уходила.

Пани аптекарша, сдѣлавъ презрительную мину, ушла.

III.

Аггею Никитичу хоть и предстояло вечеромъ свиданіе съ пани Вибель, однако онъ не утерѣлъ и выѣхалъ поутру прокатиться, при чемъ, какъ водится, встрѣтилъ ее. Разговаривали они между собою, впрочемъ, на этотъ разъ немного, и пани Вибель только крикнула ему:

— Вы будете у насъ сегодня?

— Буду!—крикнулъ ей тоже Аггей Никитичъ.

Отобѣдавъ онъ еще часовъ съ пяти занялся своимъ туалетомъ и издержалъ нѣсколько умывальниковъ воды для обмыванія рукъ, шеи и лица, при чемъ фыркалъ и откашливался на весь домъ; затѣмъ вычистилъ себѣ угольнымъ порошкомъ зубы и слегка тронулъ чернымъ фиксагуромъ свой алякокъ, усы и бакенбарды. Идя въ аптеку, Аггей Никитичъ соображалъ, какъ его встрѣтитъ пани Вибель: въ такомъ-ли дезабилье, въ какомъ она явилась, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, или принарядится? Если она будетъ *растрепашкой*, то это скверно, а если наоборотъ, то хорошо: значитъ, она прямо для него прифрантится. Старога аптекаря онъ засталъ, по прежнему, стоявшимъ у конторки, и, расшаркавшись передъ нимъ, передалъ ему письмо gnädige Frau. Принявъ оное и замѣтивъ наверху конверта маленькій крестикъ, весьма отчетливо изображавшій два масонскіе молоточка, Вибель улыбнулся; но, прочитавъ свое посланіе, онъ окинулъ Аггея Никитича испытующимъ взглядомъ и медленно, выходя изъ-за конторки, проговорилъ ему:

— Покорнѣйше прошу пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ!

Аггей Никитичъ пошелъ за нимъ и въ дверяхъ кабинета, между тѣми-же двумя шкафами съ парсо-тиа и негоица, встрѣтилъ пани Вибель, которая была одѣта далеко не по домашнему и торопливо сказала ему:

— Панъ Звѣревъ, когда вы переговорите съ таткой, приходите ко мнѣ чай пить!

— Да, прошу васъ,—поддержалъ ее Вибель.

Аггей Никитичъ молчаливымъ поклономъ изъясилъ благодарность обоимъ супругамъ за такое приглашеніе: расчетъ его, какъ видитъ читатель, удался вполнѣ.

Кабинетъ стараго аптекаря оказался типомъ кабинетовъ акуратныхъ, дѣльныхъ и расчетливыхъ нѣмцевъ. Все убранство въ немъ хотъ было довольно небогатое, но прочное, чисто-содержимое и явно носящее на себѣ аптекарскій характеръ: въ нѣсколькихъ витринахъ пестрѣли искусно высушенныя растенія разныхъ странъ и по преимуществу тѣ, которыя употреблялись для лекарствъ; на окнахъ лежали стекляныя трубочки и стояла лампа Берцелліуса, а также виднѣлись паяльная трубка и четвероугольный кусокъ угля, предназначенные, вѣроятно, для сухаго анализа; наконецъ, тутъ-же валялась фарфоровая воронка съ воткнутою въ нее пропускною бумагой; сверхъ того, на одномъ покойномъ креслѣ лежалъ котъ съ полузакрытыми, гноящимися глазами.

Усѣвшись самъ и усадивъ своего гостя, старый аптекарь видимо хотѣлъ прежде всего разспросить о gnädige Frau.

— Госпожа Сверстова гдѣ-же теперь живетъ?—
сказалъ онъ.

— У Егора Егорыча Марейна, у котораго мужъ
ея служить врачомъ, — объяснилъ Аггей Никитичъ.

— Понимаю!—произнесъ не безъ глубокомыслія
Вибель: — Я слыхалъ о господинѣ Марейнѣ!... Это
богатый русскій помѣщикъ?

— Очень богатый и при этомъ масонъ.

— Такъ! — подтвердилъ Вибель. — Эмма Кар-
ловна,—продолжалъ онъ затѣмъ медленно:—рекомен-
дуетъ мнѣ васъ, какъ человѣка, ищущаго и еще не
обрѣтшаго истиннаго пути.

— Совершенно необрѣтшаго!—подхватилъ Аггей
Никитичъ, закидывая голову немного назадъ отъ на-
пора разнообразныхъ чувствованій и отъ сознанія,
что если онъ искалъ въ настоящія минуты, то не
того, чего искалъ прежде.

— И вы находите меня способнымъ подвести
васъ къ этому пути?—спросилъ Вибель.

— Вполнѣ! — отрѣзалъ ему Аггей Никитичъ.

— Но изъ чего-же вы заключили то? — допыты-
вался Вибель.

— Изъ того, что вы были подъ присмотромъ по-
лиціи!—снова отрѣзалъ Аггей Никитичъ.

— И теперь даже нахожусь!—воскликнулъ Вибель
съ явною гордостью:—а поэтому вы понимаете, какъ
тутъ нужно поступать?

— Понимаю,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Прежде всего надобно быть молчаливымъ, какъ
рыба; такъ?

— Такъ!—произнесъ Аггей Никитичъ.

Вибель послѣ того погружился въ соображенія.

— Значить, нашу работу мы должны раздѣлить на значительное число уроковъ.

— Непремѣнно-съ! — воскликнулъ Аггей Никитичъ, обрадованный такимъ намѣреніемъ Вибеля.

— А въ настоящій вечеръ вамъ угодно будетъ выслушать мое первое вступленіе?

— Съ величайшей радостью!—произнесъ Аггей Никитичъ, уже струхнувшій, чтобы не черезчуръ долго его наставникъ затянулъ свое вступленіе.

— Если такъ, то...—сказалъ Вибель и, вставъ съ кресла, поспѣшилъ поплотнѣе притворить дверь, что онъ, наученный, вѣроятно, прежнимъ опытомъ, сдѣлалъ весьма предусмотрительно, ибо въ эту дверь подсматривала и подслушивала его молодая супруга, которой онъ сдѣлалъ свой обычный повелительный жестъ, послѣ чего она, кокетливо высунувъ ему немного языкъ, удалилась, а Вибель заперъ дверь на замокъ.

— Вамъ, можетъ быть, извѣстно,—началъ онъ, снова усѣвшись въ кресло: — что франк-масонство есть союзъ?

— Извѣстно,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Но почему-же это союзъ? — спросилъ его Вибель.

Аггей Никитичъ не сумѣлъ объяснить, почему.

— Потому,—продолжалъ Вибель:—что проявленіемъ стремленія людей къ религіи, къ добру, божественной жизни не можетъ быть единичное существо, но только сонмъ существъ, кои сливаются въ желаніи не личнаго, но общаго блага.

Проговоривъ это, Вибель взглянулъ на Аггея Никитича, какъ-бы желая извѣдать, понимаетъ-ли не-

офить, что ему говорится, и убѣдившись, что тотъ понимаетъ, продолжалъ съ еще большимъ одушевленіемъ:

— Это стремленіе любить, соединяться, создаетъ цѣлый рядъ союзовъ, изъ коихъ одни тѣсны, каковы союзы: дружественные, любовные, брачные, семейные, корпоративные; другіе, какъ, на примѣръ, союзы сословные, государственные и церковные болѣе всеобъемлющи. Но самымъ широкимъ союзомъ является тотъ, который ставитъ для себя лишь предѣлъ человѣческаго чувствованія и мышленія. Изъ этого союза не изгоняются тѣ, которые вѣрують иначе, но только тѣ, которые хотятъ не того и поступаютъ не такъ; этотъ-то союзъ союзовъ и есть франкмасонство. Кромѣ сего союза, нѣтъ ни одного, въ основѣ котораго лежало-бы понятное лишь добрымъ людямъ. Въ масонствѣ связываются всѣ контрасты человѣчества и человѣческой исторіи. Оно собираетъ въ свой храмъ изъ разсѣянія всѣхъ добрыхъ, имѣя своей цѣлюю обмѣнъ мыслей, дабы сравнять всѣ враждебныя шероховатости. Совершается это и будетъ совершаться дотолъ, пока человѣчество не проникнется чувствомъ любви и не сольется въ общей гармоніи.

Аггей Никитичъ слушалъ Вибеля все съ болѣе и болѣе возрастающимъ утомленіемъ, потому что когда поучали его Егоръ Егорычъ и Мартынъ Степанычъ, то они старались снисходить къ уровню понятій Аггея Никитича, тогда какъ добродушный нѣмецъ сразу втащилъ его на высоту отвлеченностей и не спускалъ оттуда ни на минуту.

— Мы, люди...—началь было онъ снова, но въ это время послышался стукъ въ дверь.

— Wer ist da?—сердито отозвался на это Вибель.

— Позвольте мнѣ ключъ, достать *medicamenta heroica!*—отвѣчалъ ему тоже по-нѣмецки голосъ помощника.

— Какого именно? — спросилъ его на томъ-же языкѣ Вибель.

— *Mercurius sublimaticus corrosivus,* — пояснилъ помощникъ.

— Ah, ja, gleichviel!—проговорилъ Herr Вибель и, знаменательно качнувъ головой Аггею Никитичу, замѣтилъ: — Это вотъ свидѣтельствуешь о нравахъ здѣшнихъ!

Аггей Никитичъ также отвѣтилъ ему знаменательнымъ кивкомъ, понявъ, что хотѣлъ сказать аптекаръ.

А затѣмъ Herr Вибель, отперевъ дверь, сунулъ помощнику ключъ и, снова заперевъ ее, принялся, не теряя минуты, за поученіе:

— Намъ, людямъ, не дано *ангельства* и наши чувственныя побужденія приравниваютъ насъ къ животнымъ; но мы не должны симъ побужденіямъ совершенно подчиняться, ибо иначе можемъ унизиться до *звѣрства*, чувства совершенно противоположнаго *чужданности*, каковую намъ слѣдуетъ развивать въ себѣ, отдавая нашей чувственности не болѣе того, сколько нужно для нашего благоденствія.

На этихъ словахъ Вибеля раздался уже не легкій ударъ въ дверь, а громкій стукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послышался повелительный голосъ пани Вибель:

— Генрику, пора чай пить; панъ Звѣревъ, идите чай пить!

Вибель при этомъ развелъ руками.

— Мѣшаютъ!.. Какъ тутъ быть?—произнесъ онъ.

— Мѣшаютъ-съ!—подтвердилъ Аггей Никитичъ, какъ-бы тономъ сожалѣнія и въ тоже время поднимаясь со стула.

— Подождите! — остановилъ его аптекарь: — Когда-жъ вы еще ждете прослушать меня?

Аггей Никитичъ затруднился нѣсколько отвѣтомъ.

— Завтра вечеромъ?—рѣшилъ за него Вибель.

— Будьте такъ добры, завтра! — подхватилъ вспыхнувшій въ лицѣ отъ удовольствія Аггей Никитичъ.

Послѣ этого Вибель повелъ своего гостя въ маленькую столовую, гдѣ за чисто-вычищеннымъ самоваромъ сидѣла пани Вибель, нажется, еще кое-что прибавившая къ украшенію своего туалета; глазами она указала Аггею Никитичу на мѣсто рядомъ съ ней, а старый аптекарь помѣстился нѣсколько вдали и закурилъ свою трубку съ гнущимся волосянымъ чубукомъ, изображавшую турка въ чалмѣ. Табакъ, имъ куримый, оказался довольно благоухающимъ и, вѣроятно, недешевымъ.

— Генрику, отчего-жъ ты не предложишь курить Аггею Никитичу?—сказала пани Вибель.

— А, извините!—произнесъ Генрику и, обтеревъ костяной мундштукъ кружки, хотѣлъ было предложить ее Аггею Никитичу.

— Нѣтъ, пожалуйста! — отказался тотъ вляняясь:—Я курю жуковъ табакъ.

— Да, это другой табакъ, это кнастеръ; а сигары вы?...—спросилъ Вибель.

— Сигары я курю,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

Услышавъ это, Вибель торопливо сходилъ въ свой кабинетъ и принесъ оттуда ящикъ сигаръ.

— Рекомендую: суха и прекрасно свернута, — сказалъ онъ, подавая одну изъ нихъ Аггею Никитичу, который довольно неумѣло закурилъ сигару, причеъ пани Вибель подавала ему свѣчку, и руки ихъ прикоснулись одна къ другой.

Нерг Вибель вмѣстѣ съ сигарами захватилъ также и кота своего, котораго, уложивъ на-колѣни, сталъ незамѣтно для супруги гладить.

Пани Вибель пододвинула къ Аггею Никитичу налитый стаканъ, а вмѣстѣ съ онымъ сливки, варенье, лимонъ обсахаренный и проговорила:

— Цо панъ собѣ еще жичи? *)

— Дзенкуенъ, опручь гербаты ниць вѣнцей, **)—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, и всѣ потомъ занялись чаемъ, который, какъ извѣстно, вызываетъ нѣсколько къ разговорчивости, что немедля-же и обнаружила пани Вибель.

— Скажите, вамъ нравится, какъ его?... панъ, панъ... ну, не знаю! панъ откупщикъ?—сказала она.

Аггей Никитичъ пожалъ плечами.

— По моему,—отвѣтилъ онъ: — господинъ Рамзаевъ... человекъ очень странный.

— Не странный, а просто дуракъ,—болѣе рѣшительно опредѣлила аптекарша.

*) Чего еще хочетъ панъ?

**) Благодарю, кромѣ чаю, ничего не хочу.

— Почему-же онъ дуракъ?—пожелалъ знать Вибель, ударивъ тихонько рукой кота, который началъ было ужъ довольно громко мурлыкать.

— Ахъ, татко, какъ-же ты не понимаешь этого!—воскликнула необыкновенно мило пани Вибель:—Рамзаевъ, магнатъ здѣшній, богатый человекъ и вдругъ стоитъ вмѣстѣ съ оркестромъ въ лакейской, точно ему не на что нанять капельмейстера!...

— Что-жь, стоитъ съ оркестромъ,—возразилъ ей мужъ:—если онъ самъ музыкантъ и любитъ дирижировать!

— Это, конечно!—согласился Аггей Никитичъ, которому понравился такой взглядъ Негг Вибеля:—Все-таки по нашимъ русскимъ понятіямъ, знаете, странно.

— Мало, что странно, а глупо и смѣшно!—подхватила аптекарша, видимо, любившая позлословить своихъ ближнихъ. — А какъ вы находите его Анну Прохоровну, которая къ вамъ равнодушна? — отнеслась она къ Аггею Никитичу.

— Я нахожу, что она не женщина даже, а какая-то толстая, полинялая кукла.

Негг Вибель при этомъ покачалъ головой.

Дальнѣйшій разговоръ продолжался въ томъ-же тонѣ, и только Аггей Никитичъ, замѣтивъ, что старому аптекарю не совсѣмъ нравится злословіе, нѣсколько сдерживался, но зато пани Вибель шла crescendo и даже стала говорить сальности.

— Вы обратили, панъ Звѣревъ, вниманіе на этого несчастнаго инвалиднаго поручика? У него животъ ривой, какъ-будто-бы онъ его вывихнулъ.

Аггей Никитичъ, припомнивъ фигуру инвалиднаго

поручика и, мысленно согласившись, что у того животъ былъ нѣсколько кривой, улыбнулся. Досталось равнымъ образомъ отъ пани Вибель и высокой дѣвицы, танцовавшей съ поручикомъ вальсъ, которая была собственно дочь ополченца и не отличалась ни умомъ, ни красотой.

— Эту длинную *mademoiselle* здѣсь прозвали чертовой зубочисткой!—объяснила она о ней.

Аггей Никитичъ снова улыбнулся, но мужъ ей замѣтилъ съ легкимъ укоромъ:

— А кто-же прозвалъ ее, какъ не ты?

— Конечно, я!—призналась пани Вибель и, замѣтивъ, что Генрику ея широко и всласть зѣвнулъ, сказала ему:—Что-жь ты, татко, сидишь тутъ и мучишься? Ступай къ себѣ спать.

Аггей Никитичъ, разумѣется, при этомъ поспѣшилъ взяться за фуражку.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вы извольте оставаться и посидите со мной!—воскликнула ему торопливо аптекарша, отнимая отъ него фуражку.

— Посидите съ ней!—попросилъ его и Вибель, а затѣмъ сказавъ:—До завтра!—ушелъ, вмѣстѣ съ котомъ своимъ.

Оставшись такимъ образомъ съ глазу на глазъ, панъ-исправникъ и пани-аптекарша почувствовали нѣкоторый конфузъ.

— Ну-съ!—начала она, уложивъ красивый подбородочекъ на кулаки своихъ опершихся на столъ рукъ, которыя при этомъ обнажились до локтя.

— Ну-съ!—повторилъ тоже и Аггей Никитичъ, невольно устремляя глаза на обнаженные руки аптекарши.

— Завтра вы, по приказанію мужа, я слышу опять къ намъ явитесь?—продолжала пани Вибель.

— Я явлюсь, если вы тоже меня пригласите,— замѣтилъ ей Аггей Никитичъ.

— О, я не смѣю того! Это слишкомъ большая честь для меня!—проговорила плутоватымъ голосомъ пани Вибель и засмѣялась: своей прелестной кокетливостью она окончательно поражала Аггея Никитича.—Но я желала-бы знать, панъ Звѣревъ, о чемъ вы запершись говорили съ мужемъ.

Вопросъ этотъ весьма затруднилъ Аггея Никитича.

— Онъ меня спрашивалъ о госпожѣ Сверстовой, отъ которой я доставилъ ему письмо,—объяснилъ-было онъ.

— Но что-же онъ васъ спрашивалъ? — любопытствовала пани Вибель.

— Спрашивалъ, гдѣ и какъ она живетъ,—отвертывался, какъ умѣлъ, Аггей Никитичъ.

— Нѣтъ, не то,—отвергнула пани Вибель.

— А васъ все по этому случаю мучить ревность?—спросилъ Аггей Никитичъ.

— Отвяжитесь, пожалуйста, съ вашей ревностью! Что вы на меня выдумываете? — возразила ужъ съ досадою пани Вибель: — Я только хочу догадаться, почему съ вами такъ любезенъ мужъ.

— Я не знаю,—заперся Аггей Никитичъ.

— О, вы знаете; но не хотите, вижу, сказать мнѣ правду, тогда и я вамъ во всю жизнь мою не скажу никакой моей тайны!

Аггей Никитичъ приведенъ былъ въ отчаяніе такимъ рѣшеніемъ пани Вибель.

— Теперь я пока никакъ не могу сказать правду, — проговорилъ онъ.

— Но когда-же вамъ можно будетъ сказать мнѣ ее?

— Да можетъ быть завтра, а если не завтра, такъ потомъ, впоследствии времени, — говорилъ Аггей Никитичъ.

— И всю правду мнѣ скажете? — переспросила съ удареніемъ пани Вибель.

— Всю, — отвѣчалъ ей глухимъ голосомъ Аггей Никитичъ и затѣмъ началъ молча созерцать пани Вибель, да и она въ свою очередь тоже молча созерцала его.

Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ Аггей Никитичъ счелъ за нужное раскланяться, и пани Вибель больше не удерживала его.

Всю ночь Аггей Никитичъ придумывалъ, какъ ему вывернуться изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставленъ былъ любопытствомъ пани Вибель и въ итогъ рѣшился переговорить о томъ, не прямо, конечно, но издалека съ старымъ аптекаремъ, придя къ которому на этотъ разъ засталъ его сидящимъ въ кабинетъ и видимо предвкушавшимъ пріятную для себя бесѣду. Увидавъ вошедшаго гостя, Вибель немедля-же предложилъ ему сигару, но Аггей Никитичъ прежде чѣмъ закурить ее, спросилъ:

— Объясните мнѣ, Herr Вибель, вы вчера изволили сказать, что о масонствѣ надо быть молчаливымъ, какъ рыба; но неужели-же семейнымъ своимъ, напримѣръ, я женѣ моей не долженъ рассказывать, что желаю быть масономъ.

— Отъ чего-жь не рассказывать?... Не пойдетъ-же она съ доносомъ на васъ къ правительству, — объяснилъ ему тотъ.

— А супруга ваша извините за нескромный вопросъ знаетъ, что вы масонъ? — допытывался Аггей Никитичъ.

— Да, я ей говорилъ и предлагалъ вступить въ нашъ орденъ; но она преданная католичка и говорить, что это грѣхъ.

Услышавъ такого рода объясненіе, Аггей Никитичъ вздохнулъ свободнѣе, потому что онъ, по его соображеніямъ, могъ касательно масонства быть до нѣкоторой степени откровененъ съ лани Вибель.

— Но тогда зачѣмъ-же, все-таки, въ масонствѣ есть скрытность? — повторилъ онъ еще разъ.

Вибель развелъ при этомъ руками.

— Я не знаю, что вы разумѣете подъ скрытностью масоновъ, — сказалъ онъ: — если то, что они не рассказываютъ о знакахъ, посредствомъ коихъ могутъ узнавать другъ друга и не разглашаютъ о своихъ символахъ въ сбрѣдахъ, то это единственно потому, чтобы не дать возможности людямъ непосвященнымъ выдавать себя за франк-масоновъ и безъ всякаго права пользоваться благотворительностью братьевъ.

— Это весьма благоразумно, — замѣтилъ Аггей Никитичъ.

— Да, весьма, — повторилъ за нимъ Вибель: — но скажите, васъ знакомилъ кто-нибудь со средствами къ распознаванію собратьевъ своихъ и съ символами нашими?

— Никто; я пока только еще читалъ нѣкоторыя масонскія сочиненія, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Тогда, возьмите эти лежащія на столѣ бѣлый листъ бумаги и карандашъ! — повелѣлъ ему Вибель, и когда Аггей Никитичъ исполнилъ это приказаніе, старикъ принялся диктовать ему:

— Масоны могутъ узнавать другъ друга троякимъ способомъ, изъ коихъ каждый дѣйствуетъ на особое чувство: на зрѣніе—знакъ, на слухъ—слово, на осязаніе — прикосновеніе. Знакъ состоитъ въ слѣдующемъ: братъ, желающій его сдѣлать другому брату, складываетъ большой палецъ и указательные такъ, чтобы образовать треугольникъ.

И Вибель показалъ на практикѣ, какъ слѣдуетъ складывать пальцы.

— Отвѣтствующій братъ, — продолжалъ онъ: — дѣлаетъ тоже самое; послѣ чего оба брата соединяютъ концы своихъ указательныхъ пальцевъ.

Здѣсь Вибель, заставивъ Аггея Никитича сдѣлать изъ пальцевъ треугольникъ, приблизилъ къ нимъ свои пальцы, тоже сложенные въ треугольникъ и тогда образовалась фигура, похожая на два треугольника, прикасающіеся одинъ къ другому вершинами.

— Я теперь, — добавилъ онъ: — изображаю знакъ огня, а вы знакъ воды; поняли?

— Понялъ, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, хотя въ сущности весьма мало понялъ.

— Въ прикосновеніи, — воскликнулъ вслѣдъ за тѣмъ Вибель: — каждый вопрошающій и отвѣтствующій протягиваетъ правую руку такъ, чтобы большой палецъ былъ приподнятъ верхъ и, взявъ потомъ другъ друга за руки, крѣпкожимаютъ ихъ для

выраженія братскаго соединенія, сродства и вѣрности.

Такое прикосновеніе Негг Вибель тоже не преминулъ показать Аггею Никитичу на практикѣ.

— Слово,—толковалъ онъ далѣе: — произносится такимъ образомъ, что вопрошающій, шепчетъ отвѣтствующему: А и Е.

— Но что-же это за слова такія?—невольнo полюбопытствовалъ Аггей Никитичъ.

Вибель вполне объяснить это нѣсколько затруднился.

— Полагаю, что первая буква обозначаетъ Адонирама, а вторая Іегову.

Аггей Никитичъ выразилъ кивкомъ головы, что это имъ понято. Онъ дѣйствительно объ Іеговѣ и объ Адонирамѣ слышалъ и читалъ.

— Отвѣтствующій, — снова приступилъ Вибель къ поученію: — немедленно при этомъ поднимаетъ ладонь къ лицу своему и потихоньку шикаетъ, напоминая тѣмъ вопрошающему о молчаніи; потомъ оба брата лобызаются, три раза прикладывая щеку къ щекѣ. Записали всѣ мои слова?

— Записалъ-съ,—отвѣчалъ Аггей Никитичъ покорнымъ голосомъ.

— Поэтому перейдемъ теперь къ символамъ! — возгласилъ Вибель (важность въ немъ и самодовольство увеличивались съ каждымъ словомъ его): — Символы наши суть: молотокъ, изображающій власть, каковую имѣетъ убѣжденіе надъ человѣческимъ духомъ; угломѣръ, символъ справедливости, поэтому онъ-же и символъ нравственности, влекущей чловѣка къ дѣланію добра; наконецъ, циркуль, сим-

воль круга, образуемаго человѣческимъ обществомъ вообще и союзомъ франк-масоновъ въ частности. Эти-то три возвышенныя идеи истиннаго, добраго и прекраснаго составляютъ три основные столба, на которыхъ покоится зданіе франк-масонскаго союза и которые, нося три масонскіе имени: имя мудрости, имя крѣпости и имя красоты, служатъ, говоря изыкомъ ремесла, причаломъ образа дѣйствій вольнаго каменщика. «Мудрость, говорятъ масоны, руководить нашими поступками, крѣпость ихъ основываетъ, а красота украшаетъ». Иныхъ тайнъ масоны не имѣютъ никакихъ; но за то масонство само есть тайна, потому что его истинное и внутреннее значеніе можетъ открыться только тому, кто живетъ въ союзѣ масонскомъ и совершенствуется постояннымъ участіемъ въ работахъ.

Аггею Никитичу, старательно писавшему подъ диктантъ Вибеля, становилось, наконецъ, невыносимо скучно и утомительно; но разговорившійся риторъ не замѣчалъ того и потянулъ со стола довольно толстую писанную тетрадку, предполагая, повидимому, изъ нея диктовать.

— Это ритуаль одной ложи, — сказалъ онъ, но въ это время, къ неописанной радости Аггея Никитича, послышался стукъ и миленькій голосокъ пани Вибель.

— Прошень исыць пиць гербатенъ, миѣ безъ васъ тескно? *)

— О, съ этимъ чаемъ! — произнесъ съ досадой

*) Прошу идти пить чай! Миѣ безъ васъ скучно!

Вибель; но, подумавъ, присовокупилъ: — А повиноваться надо!

Аггей Никитичъ ничего на это не сказалъ и въ душѣ готовъ былъ обнять Вибеля за такую покорность того женѣ.

Старикъ, между тѣмъ, поднялся и, подумавъ немного, сказалъ:

— Этотъ ритуаль вы возьмате домой! Переписанъ онъ, какъ вы видите, прекрасно; изучите его, и я васъ проэкзаменую потомъ.

— Очень вамъ благодаренъ; непременно выучу! — подхватилъ Аггей Никитичъ.

За чаемъ, собственно, повторилось почти тоже, что происходило и въ предыдущій вечеръ. Пани Вибель кокетливо взглядывала на Аггея Никитича, который, въ свою очередь, то потуплялся, то взмахивалъ на нее свои добрые черные глаза; а Вибель, первоначально медленно глотавшій свой чай, вдругъ потомъ, какъ-бы вспомнивъ что-то такое, торопливо всталъ со стула и огнеся къ Аггею Никитичу:

— Извините, мнѣ еще нужно нѣчто обдумать для нашей завтрашней бесѣды; вы придете, да?

— Непременно! — отвѣтилъ радостно Аггей Никитичъ.

— Gute Nacht! — произнесъ въ заключеніе Вибель и ушелъ.

— Можете вы мнѣ сказать, о чемъ я васъ спрашивала вчера? — проговорила тотчасъ-же послѣ его ухода пани Вибель.

— Могу, — протянулъ Аггей Никитичъ.

— Говорите! — приказала она ему, и лицо ея приняло такое плутоватое выраженіе, по которому

смѣло можно было заключить, что она, кажется, сама догадалась, о чемъ бесѣдовали Вибель и Аггей Никитичъ; но только послѣдняго она хотѣла испытать, насколько онъ будетъ съ ней откровененъ.

Аггей Никитичъ нѣсколько мгновеній соображалъ.

— Мужъ вашъ — произнесъ онъ, какъ-бы нѣсколько затрудненнымъ голосомъ: — масонъ.

— Да, — отвѣтила ему пани, уставивъ взглядъ свой на Аггея Никитича.

— И я тоже посвящаюсь въ масонство, — объяснилъ онъ ей.

Пани Вибель замѣтно при этомъ вспыхнула.

— Для масонства собственно? — спросила она.

Тутъ ужъ Аггей Никитичъ пограснѣлъ.

— Отвѣчу вашимъ выраженіемъ: *отчасти!* — придумалъ онъ отвѣтить.

— Моимъ выраженіемъ?! — повторила пани: — Ахъ, я ужасно рада, что вы сдѣлаетесь масономъ; вы тогда будете самымъ близкимъ другомъ моего мужа и станете часто бывать у насъ.

— Буду часто бывать, какъ только вы позволите.

Пани на это ничего не отвѣчала и только какъ-бы еще болѣе смутилась; затѣмъ послѣдовалъ разговоръ о томъ, будетъ-ли Аггей Никитичъ въ слѣдующее воскресенье въ собраніи, на что онъ отвѣчалъ, что если пани Вибель будетъ, такъ и онъ будетъ; а она ему повторила, что если онъ будетъ, то и она будетъ. Словомъ, Аггей Никитичъ ушелъ домой, не находя предѣловъ своему счастью: онъ почти не сомнѣвался, что пани Вибель влюбилась въ него.

IV.

Могучая волна времени гнала дни за днями, а вмѣстѣ измѣняла и отношенія между лицами, которыхъ я представилъ вниманію читателя въ предъидущихъ трехъ главахъ. Прежде всего надобно пояснить, что Аггей Никитичъ закончилъ слѣдствіе о Тулузовѣ и представилъ его въ уѣздный судъ, о чемъ передавая Миропѣ Дмитріевнѣ, онъ сказалъ:

— Я очень радъ, что развязался съ этимъ проклятымъ дѣломъ!

Но Миропѣ Дмитріевна, кажется, была не рада этому: какъ женщина практически-сообразительная, она очень хорошо поняла, что Аггей Никитичъ потерялъ теперь всякое вліяніе на судьбу Тулузова, стало-быть, она будетъ не столь нужна Рамзаеву, съ котораго Миропѣ Дмитріевна весьма аккуратно получала каждый мѣсяцъ свой гонораръ. Эта мысль до такой степени разсердила и обезпокоила ее, что она съ гнѣвомъ и насмѣшкой сказала своему вислоухому супругу:

— Какъ-же ты такъ дорожилъ прежде этимъ дѣломъ, а теперь радуешься, что развязался съ нимъ?

— Не вѣкъ-же имъ дорожить; я все, что мнѣ слѣдовало, исполнилъ.

— Ну, ты еще погоди, что тебѣ будетъ за это исполненіе твое!—продолжала съ той-же досадой Миропѣ Дмитріевна.

Въ отвѣтъ на это, Аггей Никитичъ только презрительно усмѣхнулся, что, конечно, еще болѣе разсердило Миропѣ Дмитріевну, и она, не желая болѣе

разсуждать съ подобнымъ олухомъ, поспѣшила побѣжать къ Рамзаевымъ, чтобы поразвѣдать, какъ и что у нихъ происходитъ.

Анна Прохорова, принявъ Миропу Дмитриевну съ тѣмъ-же уваженіемъ, и съ той-же дружбой, какъ и прежде, сама даже первая заговорила о Тулузовскомъ дѣлѣ.

— Отъ Аггея Никитича поступило, наконецъ, это дѣло въ уѣздный судъ!

— Да, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ! — подхватила Миропу Дмитриевна.

— Вчера къ мужу самъ судья привозилъ все дѣло; они разсматривали его и находятъ, что Аггей Никитичъ почти оправдалъ Василя Иваныча, — продолжала уже съ съ таинственностью откущица, и слова ея отчасти были справедливы, ибо Аггей Никитичъ, весь поглощенный совершенно инымъ интересомъ, предоставилъ конецъ слѣдствія вести секретарю, который, заранѣе, конечно, подмазанный, собиралъ только то, что требовалось не къ обвиненію, а для оправданія подсудимаго.

Миропу Дмитриевна, между тѣмъ, знаменательно качнула головой.

— Иначе быть не могло; я постоянно ему это внушала, — произнесла она.

— Мы съ Теофиломъ Терентычемъ такъ и поняли, — продолжала съ прежнею таинственностью откущица: — и говоримъ вамъ за то тысячу разъ мерсі.

— Это ужъ слишкомъ! — возразила Миропу Дмитриевна: — я главнымъ образомъ пришла къ вамъ не затѣмъ, чтобы отъ васъ слышать благодарность, а

васъ поблагодарить за ваши благодѣянiя нашему семейству и сказать, что мы теперь, конечно, не имѣемъ болѣе права на то...

— Что вы, что вы! — воскликнула откупщица съ испугомъ: — Теофиль Терентьичъ, напротивъ, желаетъ увеличить вамъ плату. Помилуйте, исправникъ всегда нуженъ для откупа!

— Нѣтъ-съ, этого увеличиванья я никакъ не допущу! — воскликнула въ свою очередь Мирона Дмитриевна.

— Мы тамъ увидимъ! — заключила откупщица.

Успокоившись въ этомъ отношенiи, Мирона Дмитриевна начала соображать, зачѣмъ Аггей Никитичъ почти каждый вечеръ ходитъ къ аптекарю, и спросила какъ-то его объ этомъ.

— Какъ зачѣмъ? — произнесъ тотъ, не пошевеливъ ни однимъ мускуломъ въ лицѣ:—Я хожу, потому что посвящаюсь въ масонство, которое, ты знаешь, всегда было цѣлюю моей жизни.

— Мало ли что было, — замѣтила злобно-насмѣшливымъ тономъ Мирона Дмитриевна: — а теперь тебѣ зачѣмъ оно нужно?

Аггей Никитичъ пожалъ плечами.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать,—отозвался онъ сурово.

— Чего-жь тутъ не понимать?—продолжала тѣмъ-же злымъ тономъ Мирона Дмитриевна: — Ты прежде желалъ масономъ быть, чтобы получить мѣсто, которое было получилъ, но на зло мнѣ бросилъ его.

— Да я точно также по милости масоновъ исправникъ теперь, — сказалъ, тоже не совсѣмъ добрымъ смѣхомъ засмѣявшись, Аггей Никитичъ.

— Пожалуйста, прошу тебя, не ссылайся на это! Ты безъ всякихъ масоновъ можешь быть всю жизнь исправникомъ, потому что тебя всё очень любятъ и считаютъ за примѣрнаго чиновника.

— Но я вовсе не для служебной выгоды желаю масонства, а этого требуетъ мой духъ, душа моя!— объяснилъ, наконецъ, Аггей Никитичъ.

— Не говори ты мнѣ этихъ глупостей! Душа его, духъ требуетъ!..—почти крикнула Мироша Дмитріевна.

— Нѣтъ, душа моя и духъ мой не глупость!— возразилъ ей рѣзко и видимо обидѣвшись Аггей Никитичъ.

— Какъ-же! Очень ужъ они, какъ я вижу, умны у тебя!... Что-же вы съ этимъ старымъ хрычомъ, аптекаремъ, читаете, что-ли, или онъ учитъ тебя чему-нибудь?

— Разговариваемъ и читаемъ,—проговорилъ Аггей Никитичъ.

— А кто другіе еще у него бываютъ?

— Никого!

— А жена его тутъ-же съ нимъ сидитъ?

— Нѣтъ!

— Ты, значитъ, никогда не видалъ ея?

— Видалъ, когда она тутъ проходила.

— Куда проходила?

— Къ себѣ тамъ.

— Откуда?

— Да я не знаю откуда.

Сколь ни тяготилъ Аггея Никитича подобный допросъ, однако онъ съумѣлъ произнести свои отвѣты съ такою апатіей, что совершенно уничтожилъ въ

Мирошъ Дмитріевнѣ всякое подозрѣніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ, предпринялъ и другую предосторожность въ томъ смыслѣ, что сталъ не такъ часто бывать у Вибелей, отзываясь тѣмъ, что будто-бы очень занятъ службой, а все обдумывалъ, какъ ему объясняться съ паной. Открыться ей въ любви на словахъ, у Аггея Никитича рѣшительно не хватало ни умѣнья, ни смѣлости. Будь она дѣвушка, онъ скорѣй-бы рѣшился бухнуть ей о своей страсти; но она была замужня женщина, а потому Аггею Никитичу казалось не совсѣмъ благороднымъ сбивать ее съ истиннаго пути. Положимъ, что пани Вибель прежде еще до него соскакивала съ сего пути; но она все-таки опять вернулась на этотъ путь, а онъ опять, такъ сказать, вызывалъ ее сдѣлать козла въ сторону. Любовь, разумѣется, пересилила всѣ эти соображенія, и Аггей Никитичъ ждалъ только удобной минуты, чтобы совершить задуманное. Однажды онъ въ кабинетѣ у своего наставника засталъ также его супругу. Аггей Никитичъ полагалъ, что она сейчасъ уйдетъ, однако вышло не то: пани продолжала сидѣть; самъ-же Вибель видимо находился въ конфузливомъ положеніи.

— Она — сказалъ онъ, указавъ на жену пальцемъ: — также желаетъ быть посвященною въ ученіе масоновъ.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ нѣсколько съ удивленіемъ Аггей Никитичъ.

— Что-жь, вы развѣ не рады моему товариществу? — спросила пани Вибель.

— Какъ это возможно, чтобы я не радъ былъ? Я въ восторгѣ! — проговорилъ Аггей Никитичъ.

— И я тоже въ восторгѣ! — подхватила панн Вибель.

— А если вы оба рады, такъ и превратите ваше пустословіе! — остановилъ ихъ аптекаръ, сжигаемый нетерпѣніемъ приступить къ поученію. — Нынѣшнюю бесѣду нашу, — продолжалъ онъ: — мы начнемъ съ вопроса, какъ франк-масонство относится къ государству и церкви. Обойти эти основные элементы человѣческаго общества масоны не могли, ибо иначе имъ пришлось-бы избѣгать всего, что составляетъ самое глубокое содержаніе жизни людей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они не образуютъ изъ себя ни политическихъ, ни религіозныхъ партій. Цѣль ихъ единая: внушить людямъ гуманность, чтобы они за католикомъ, за лютераниномъ, за православнымъ не забывали человѣка. Масоны требуютъ, чтобы каждый, не будучи индифферентенъ, признавалъ-бы въ тоже время истинную терпимость.

Слово терпимость, повидимому, не ускользнуло отъ вниманія слушателей, такъ они даже переглянулись между собой, причемъ Аггей Никитичъ, какъ-бы спросилъ своимъ взглядомъ: «а что г. Вибель самъ-то терпѣливъ-ли и добръ?» — Да; — отвѣтила ему, кажется, тоже взоромъ пани.

— Хотя франк-масоны не предписываютъ догматовъ, — развивалъ далѣе свою мысль наставникъ: — тѣмъ не менѣе, они признаютъ три истины, лежащія въ самой натурѣ человѣка и которыя утверждаетъ разумъ нашъ; эти истины: бытіе Бога, бессмертіе души и стремленіе къ добродѣтели. Масоны поклоняются всемогущему строителю и содержателю вселенной и утверждаютъ, что изъ него исходитъ

всякая тѣлесная, умственная и нравственная жизнь, не дѣлая при этомъ никакого опредѣленнаго представленія о сверхчувственномъ. Убѣжденіе въ томъ, что душа наша бессмертна, мы должны питать въ себѣ для успокоенія духа нашего и для возможности утѣшенія въ страданіяхъ. Истинный масонъ не можетъ представить себѣ полнаго уничтоженія самознательнаго и мыслящаго существа, и потому объ умершихъ братьяхъ мы говоримъ: «они отошли въ вѣчный востокъ,» то есть, чтобы снова ожить; но опять-таки, какъ и о конечной причинѣ всякаго бытія, мы не даемъ будущей жизни никакого опредѣленія.

Проговоривъ это, почтенный риторъ развелъ съ явною торжественностью руками, желая тѣмъ указать своимъ слушателямъ, что онъ прорекъ нѣчто весьма важное, и когда къ нему въ этотъ моментъ подошелъ-было приласкаться котъ, то вмѣсто того, чтобы взять любимца на колѣни, крикнулъ ему: «брысь!» и сверхъ того отщелкнулъ его своимъ табачнымъ носовымъ платкомъ, а самъ снова обратился къ напутствованію.

— Необходимость добродѣтели, — возглашалъ онъ: — глубоко вѣдрена въ существѣ франк-масонства; отъ всего, что оскорбляетъ добродѣтель, масонство отвращается, потому что въ одной только добродѣтели оно видитъ путь къ спасенію и счастію человѣчества.

— Татко, да что ты называешь добродѣтелью?— воскликнула пани Вибель.

— Я называю добродѣтелью все, что дѣлается согласно съ совѣстью нашей, которая есть ничто

нное, какъ голосъ нашего неиспорченнаго сердца, и по которой мы, какъ по компасу, чувствуемъ: идемъ-ли прямо къ путеводной точкѣ нашего бытія, или уклоняемся отъ нея.

При этомъ Аггея Никитича замѣтно покоробило, а пани Вибель ничего, и она только, соскучившись почти до истерики отъ разглагольствованія своего супруга, вышла въ сосѣднюю комнату и громко привазала своей горничной тутъ-же въ кабинетъ накрыть столъ для чая. Вибель былъ удивленъ такимъ распоряженіемъ и спросилъ ее:

— Но отчего-же мы сегодня не въ столовой будемъ пить чай?

— Оттого, что ты Аггея Никитича не выпустишь отсюда, а онъ и я утомились тебя слушать.

— Помилуйте, нисколько!—возразилъ Аггей Никитичъ, весьма смущенный такой откровенностью пани Вибель.

Но тутъ вмѣшался самъ Вибель.

— Если вы чувствуете утомленіе, — отозвался онъ:—то лучше прекратить занятія, ибо гораздо полезнѣе меньше выслушать, но за то съ полнымъ вниманіемъ, чѣмъ много, но невнимательно. По крайней мѣрѣ, вы, господинъ Звѣревъ, то, что я теперь говорилъ, уяснили себѣ вполне?

— Уснилъ-съ! — отвѣчалъ, вспыхнувъ въ лицѣ, Аггей Никитичъ, предчувствуя, что Вибель начнетъ экзаменовать его и тотъ дѣйствительно спросилъ:

— Что-же именно я сказалъ?

Аггей Никитичъ прищипорилъ свою память насколько могъ.

— Вы изволили говорить, что масоны признаютъ

три истины: Бога, бессмертную душу и будущую жизнь!—отвѣтилъ онъ.

— Не то, не то! — остановилъ его Вибель: — Бессмертная душа и будущая жизнь одно и тоже; а я о третьей истинѣ говорилъ совершенно отдѣльной.

У Аггея Никитича, какъ на зло, совершенно захлестнуло въ головѣ, какая еще была упомянута Вибидемъ третья истина; но его выручила пани Вибель.

— Ты говорилъ о добродѣтели, — сказала она строго мужу: — и говорилъ, по моему, совершенно справедливо, что добродѣтель есть голосъ нашего сердца, что когда мы его слушаемся, тогда мы добродѣтельны, а когда не слушаемся, то притворщики.

— Такъ, такъ! — подтвердилъ на свою голову старый аптекаръ.

— И что сердце наше есть наша совѣсть, — заключила пани Вибель.

— И это такъ, но я сказалъ, что неиспорченное сердце, — возразилъ ей мужъ: — ибо многими за голосъ сердца принимается не нравственная потребность справедливости и любви, а скорѣй пожеланія тѣлесныя, тщеславныя, гнѣвныя, эгоистическія, говоря о которыхъ, мы, пожалуй, можемъ убѣдить другихъ; но ими никогда нельзя убѣдить самого себя, потому что въ глубинѣ нашей совѣсти мы непременно будемъ чувствовать, что это не то, не хорошо, не нравственно.

— Э, очень это туманно! — произнесла пани Вибель: — Пей, татко, лучше чай, а вы, панъ Звѣревъ, не слушайте его больше!

Вибель добродушно улыбнулся.

— Какова деспотка! — воскликнулъ онъ, показывая Аггею Никитичу на жену.

Тотъ при этомъ невольно потупился, втайнѣ думая, что съ какой-бы радостью онъ подчинился на всю жизнь такой очаровательной деспоткѣ.

Дѣло Тулузова, какъ надобно было ожидать, уѣздный судъ рѣшилъ весьма скоро и представилъ на ревизію въ уголовную палату. Тулузовъ оставленъ былъ въ подозрѣніи и вмѣстѣ съ дѣломъ перевезенъ изъ уѣзднаго острога въ губернской, откуда его, впрочемъ, немедля выпустили и оставили содержаться подъ присмотромъ полиціи у себя на квартирѣ.

Услыхавъ объ этомъ, Аггей Никитичъ только пожималъ плечами, но ни строчки не написалъ о томъ ни Егору Егорычу, ни Сверстову, ибо ему было не до того: онъ ждалъ все благопріятной минуты для объясненія съ пани Вибель или съ Марьей Станиславовной, какъ пора мнѣ, наконецъ, назвать ее по имени, и удобная минута эта встрѣтилась. Откупщикъ, обрадованный улучшеніемъ положенія своего патрона, вознамѣрился всему обществу уѣзднаго города задать пиръ велій и придумалъ для этого пира форму пикника съ катаньемъ по озеру на лодкахъ. Въ помощь себѣ для составленія программы этого увеселенія Рамзаевъ пригласилъ Аггея Никитича, который съ величайшимъ удовольствіемъ изъявилъ готовность на то. Между ними положено было впереди всѣхъ ѣхать на лодкѣ самому откупщику съ музыкантами и хоромъ пѣвцовъ. Слѣдовавшая за

нимъ большая и разукрашенная лодка предназначалась для почтенныхъ лицъ общества, а именно для госпожи откупщицы, для Миropy Дмитриевны и еще для двухъ-трехъ дамъ изъ толстыхъ; старый ополченецъ, почтмейстеръ и аптекаръ тоже отнесены были къ этому разряду. Замыкать это шествіе долженъ былъ Аггей Никитичъ на небольшомъ катерѣ, рулемъ котораго онъ взялся лично управлять; сопутниками-же его были все молодые особы, то-есть пани Вибель, долговязая дочь ополченца вмѣстѣ съ женихомъ своимъ, инвалиднымъ поручикомъ, и еще нѣсколько неуклюжихъ дѣвицъ. Далѣе возникъ вопросъ: куда наши плователи пристанутъ, гдѣ-бы они могли потанцовать и поужинать? Вопросъ этотъ сверхъ ожиданія разрѣшилъ Вибель, сказавъ, что у одного его пріятеля, Дмитрія Васильевича Кавинина (о которомъ, если помнить читатель, упоминалъ Сергій Степанычъ въ своемъ разговорѣ съ Егоромъ Егорычемъ), можно попросить позволенія отпраздновать сей пикникъ въ усадьбѣ того, въ саду, который, по словамъ Вибеля, могъ назваться королевскимъ садомъ. Все, разумѣется, изъявили на это согласіе, и черезъ недѣлю-же Вибель прислалъ откупщику мало что разрѣшеніе отъ Кавинина, но благодарность, что для своего милого удовольствія они избрали садикъ, въ который Рамзаевъ не замедлилъ отправить всякаго рода явства и питія съ приказаніемъ устроить на самомъ красивомъ мѣстѣ сада двѣ платформы: одну для танцующихъ, а другую для музыкантовъ и хора пѣвцовъ, а также развѣсить по главнымъ аллеямъ бумажные фонарики и шкалики изъ разноцвѣтнаго стекла для иллюминаціи. Когда все это было

приготовлено, то въ одинъ совершенно безоблачный и нѣсколько прохладный день наша маленькая флотилія тронулась на прогулку. Аггей Никитичъ, стоявшій у руля въ своемъ отставномъ военномъ вицъ-мундирѣ, являлъ собою весьма красивую фигуру. О пани Вибель говорить нечего: она была, по своей причeskъ и вообще по своему лѣтнему туалету, какая-то фея воздушная. Конечно, нельзя умолчать и о томъ, что откупщица почти царственно блистала своими брилліантами и что украсила себя тоже разными цѣнными вещами Мирона Дмитріевна, но въ ихъ тѣлесахъ не было ни молодости, ни воздушности, потому что madame Размаева съ молодыхъ еще лѣтъ походила на раздувшійся и неудачно-испеченный папосникъ, а Мирона Дмитріевна, послѣднее время, значительно поразбухнула. Откупщикъ съ перваго движенія своей флотиліи велѣлъ музыкантамъ грянуть такой воинственный маршъ, что какъ-будто-бы это шелъ грозный флотъ громить неприступную крѣпость; на половинѣ пути перестали играть маршъ и, вмѣсто того, хоръ цѣвцовъ подъ тихій аккомпаниментъ оркестра запѣлъ:

«Шуми, шуми, послушное вѣтрило;
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!»

Эта выдумка Размаева очень понравилась всѣмъ дамамъ: онѣ дружно захопали въ ладоши, и одна только Мирона Дмитріевна пальцемъ не пошевелила и все время глядѣла на сидѣвшую въ катерѣ молодую аптекаршу, которая вовсе не показалась ей такой *выдрой*, какъ о ней говорили въ обществѣ, а, напротивъ, Мирона Дмитріевна нашла ее очень интересною, такъ что подозрѣніе насчетъ Аггея Ни-

китича снова въ ней воскресло, и она рѣшилась наблюдать за ними; но Аггей Никитичъ самъ тоже былъ не промахъ въ этомъ случаѣ, и когда подъѣхали къ саду, то онъ... Впрочемъ, прежде всего и долженъ описать садъ, который былъ, дѣйствительно, между сосѣдними помѣщичьими садами замѣчательнъ по той причинѣ, что владѣлецъ его, Дмитрій Васильевичъ Кавининъ, теперь безногій и почти безрукій подагрикъ, всю молодость прожилъ въ Англiи, гдѣ, насмотрѣвшись на прихотливые сады, задумалъ, переселясь на житье въ деревню, устроить у себя садъ чисто въ англійскомъ вкусѣ и, будучи человекомъ одинокимъ и богатымъ, выписалъ садовника-англичанина, который оказался хоть пьяницею великимъ, но мастеромъ своего дѣла. Англичанинъ прежній запущенный барскій садъ разбилъ по новому и математически-правильному плану, устроилъ твердыя дорожки и газоны, которые своею гладкостью напомнили ковры, тѣмъ болѣе, что мѣстами они были украшены цвѣтными клумбами, обложенными затѣйливыми глиняными рамками. На одномъ изъ такихъ газоновъ въ нѣсколько глухомъ мѣстѣ сада, по рисунку самаго Кавинина, было сдѣлано изъ цвѣтныхъ клумбъ какъ-бы нѣчто похожее на масонскій коверъ, въ срединѣ котораго высилась мраморная тумба, тоже какъ-бы напоминающая жертвенникъ масонскій; на верхней доскѣ этой тумбы были сдѣланы солнечные часы. Густо разросшіяся аллеи стараго сада англичанинъ сравнялъ и подстригъ. Такое обновленіе сада производилось, конечно, лѣтъ двадцать тому назадъ; но Дмитрій Васильевичъ далъ англичанину на выучку трехъ-четырехъ молодыхъ

мальчиковъ, а потому когда англичанинъ умеръ или, точнѣе сказать, опился, то выросшіе мальчики, давно превратившіеся изъ Петрушекъ и Ванекъ въ Петровъ и Ивановъ, до сихъ поръ обрабатывали садъ приблизительно въ томъ видѣ, какъ преподалъ имъ англичанинъ: русскіе люди, какъ извѣстно, сами измышлять не умѣютъ, но за то очень скоро выучиваютъ другими народами придуманное и твердо это запоминаютъ. Когда наше маленькое общество вошло въ садъ, то, за исключеніемъ аптекаря и почтмейстера, весьма часто посѣщавшихъ своего собрата по масонству, остальные всѣ почти ахнули, такъ какъ никто изъ нихъ никогда во всю жизнь свою и не видывалъ такого прекраснаго сада. Самъ Дмитрій Васильевичъ сидѣлъ въ это время на балконѣ въ покойныхъ катающихся креслахъ: ходить онъ, по милости подагры, не могъ. Вибель представилъ ему кавалеровъ и дамъ. Дмитрій Васильевичъ всѣхъ ихъ привѣтствовалъ весьма любезно и поощрялъ только откупщику, зачѣмъ тотъ трудился присылать запасы и что онъ долженъ былъ-бы только извѣстить Дмитрія Васильича, что такіе пріятные гости желаютъ посѣтить его садъ, тогда, конечно, все бы было приготовлено. На это Рамзаевъ, извинившись въ своемъ поступкѣ, объяснилъ, что этотъ пикникъ онъ даетъ въ благодарность своимъ добрымъ знакомымъ и потому проситъ у Дмитрія Васильевича позволенія быть немножко хозяиномъ въ его саду. «Будьте тутъ какъ-бы дома!» отвѣчалъ ему тотъ. Представляя Кавинину вмѣстѣ съ прочими господина Звѣрева, Вибель чуть-ли не сдѣлалъ при этомъ нѣкотораго масонскаго знака, потому что Дмитрій

Васильевичъ своей распухшей подагрической рукой долго и крѣпко пожималъ могучую длань Аггея Никитича, а затѣмъ послѣдовало все, что обыкновенно слѣдуетъ на всевозможныхъ пикникахъ. Хворый Кавининъ, впрочемъ, такъ какъ ему запрещено было по вечерамъ спускаться въ садъ, пожелалъ играть въ преферансъ, который составлялъ единственное его развлеченіе и въ который онъ до сихъ поръ мастерски игралъ. Партнерами его вызвались быть откупщица и Миропа Дмитріевна; на другомъ столѣ на томъ-же балконѣ затѣяли вистъ съ болваномъ аптекаръ, почтмейстеръ и ополченецъ; молодежь-же вся хлынула въ садъ, лакеи стали разносить чай, послѣ котораго все танцующее общество собралось на платформу и подъ режимомъ откупщика начались танцы. Миропа Дмитріевна сколь ни занята была игрою, взглядывала повременамъ на танцующихъ, желая видѣть, съ кѣмъ именно танцуетъ супругъ ея; но Аггей Никитичъ и тутъ оказалъ необыкновенную предусмотрительность: первую кадрили онъ танцевалъ съ одной изъ толстыхъ дамъ, не смотря на все отвращеніе къ сей дамѣ, которая, кромѣ своей безобразной фигуры, носила съ собою какую-то атмосферу погребной сыроватости; на вторую кадрили Аггей Никитичъ пригласилъ долговязую невѣсту инвалиднаго поручика. Пани Вибель, все это подмѣчавшая, начала, какъ кажется, немножко дуться на своего поклонника; но Аггей Никитичъ и это перенесъ, рассчитывая на вальсъ, на который пригласилъ ужъ пани Вибель. Танецъ этотъ они давно танцевали весьма согласно въ три темпа, а въ настоящемъ случаѣ оба даже превзошли самихъ себя:

съ перваго-же тура они смотрѣли своими блистающими зрачками другъ другу *въ очи*: Аггей Никитичъ совсѣмъ пламенно, а пани Вибель хотя нѣсколько томнѣе, можетъ быть потому, что глаза ея были сѣрые, но тоже пламенно. Все это ускользнуло отъ вниманія Миропы Дмитриевны отчасти потому, что танцы происходили довольно далеко отъ нея, а сверхъ того она передъ тѣмъ поставила огромный ремизъ, благодаря которому ей предстоялъ значительный проигрышъ, ибо игра, изъ угожденія Кавинину, была по десяти копѣекъ за фишку. Танцы наконецъ прекратились, и началъ пѣть хоръ пѣвцовъ извѣстную въ то время пѣсню:

«Грибъ-боровикъ,
 Всѣмъ грибамъ полковикъ,
 Подъ дубомъ стоячи,
 На всѣ грибы глядючи,
 Повелѣлъ, приказалъ:
 Всѣмъ грибамъ на войну идти».

Молодежь, совершенно не понимавшая скрытаго значенія сей, повидимому, простой пѣсни, разбрелась по аллеямъ сада, но Аггей Никитичъ опять-таки выдержалъ принятую имъ систему осторожности. Онъ къ пани Вибель не подходилъ даже близко и шелъ въ толпѣ съ кѣмъ ни попало, но за то, когда балкона стало не видать, онъ, какъ-бы случайно, предложивъ пани Вибель свою руку, тотчасъ-же свернулъ съ нею на боковую дорожку, что, конечно, никому не могло показаться страннымъ, ибо еще ранѣе его своротилъ въ сторону съ своей невѣстой инвалидный поручикъ; ушли также въ сторону нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, желавшихъ, какъ надо думать, погово-

рить между собою о томъ, что онѣ считали говорить при своихъ маменькахъ неудобнымъ. Аггей Никитичъ между тѣмъ велъ свою даму все далѣе и далѣе; мразъ началъ ихъ окружать полный, и Аггей Никитичъ вдругъ обнялъ пани Вибель, приподнялъ ее, какъ перышко, вверху и поцѣловалъ. Она прильнула своими устами къ его устамъ и стремительно повторила свой прежній вопросъ:

— Вы ходите къ мужу учиться только масонству?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ ей на этотъ разъ совершенно откровенно Аггей Никитичъ:—А вы тоже для масонства слушаете поученія вашего мужа?

— О, нисколько, — отвѣчала, нервно разсмѣявшись, пани:—я слушаю, чтобы видѣть васъ!

— Вы не женщина, а божество! — могъ только воскликнуть Аггей Никитичъ и снова обнялъ пани Вибель съ такимъ сильнымъ увлеченіемъ, что та успѣшила отстраниться отъ него и произнесла:

— Вы безумствуете! Опомнитесь, гдѣ мы...

— Для меня это все равно!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ: его многообильная кровь прилила ему окончательно въ голову.

— Но для меня не все равно; поверните назадъ!—приказала ему пани Вибель.

Аггей Никитичъ хоть и дышалъ тяжело, но повернулъ. Руки у обоихъ ходенемъ ходили.

— Неужели,—проговорила пани Вибель, когда они стали подходить къ освѣщеннымъ аллеямъ, на которыхъ виднѣлись нѣкоторые изъ гуляющихъ:—вы еще сомнѣваетесь, что я уже ваша?

— Нѣтъ, не сомнѣваюсь,—отозвался Аггей Никитичъ глухимъ голосомъ.

Затѣмъ, пивникъ кончился, какъ всѣ пивники.

Старики, кончивъ свою игру, а молодежь, протанцовавъ еще кадрили, отправились въ обратный путь на освѣщенныхъ фонарями лодкахъ, и хоръ пѣвцовъ снова запѣлъ пѣсню о боровикѣ, повелѣвающимъ другимъ грибамъ на войну идти, но...

«Не послушались бѣлявки,
Мы-де чистыя дворянки,
Неповинны мы тебѣ
На войну идти;
Отказались опенки:
У насъ ноги сухи, тонки;
Не пошли и мухоморы,
Мы-де сами сенаторы».

Посреди такого всеобщаго ликованія одна только Миропя Дмитриевна сидѣла въ лодкѣ злая-презлая, но не на мужа, за которымъ она ничего не замѣтила, а на этого стараго чорта и богача Кавинина, которому она проиграла тридцать рублей, и когда ему платила, такъ онъ принялъ ассигнаціи смѣясь, какъ будто-бы это были щепки!

V.

Въ тотъ самый день, какъ откупщикъ праздновалъ пивникъ, въ Гёттингенѣ къ отелю «zur Krone», который и тогда былъ лучшимъ въ городѣ, подъѣхала дорожная извозничья карета. Стоявшій около гостиницы гаускнехтъ ея успѣшилъ отворить дверцы кареты, и изъ нея вышли Сусанна Николаевна и Егоръ Егорычъ, постарѣвшій, скорбившійся и совѣмъ, какъ видно, больной, а вслѣдъ за ними, чего, вѣроятно, не ожидаетъ читатель, появился Антипъ

Ильичъ. Сей вѣрный камердинеръ не въ первый уже разъ былъ за-границей, и нѣкогда проживъ съ своимъ тогда еще молодымъ бариномъ болѣе трехъ лѣтъ въ Германіи, онъ выучился даже говорить по-нѣмецки. Въ настоящую-же поѣздку Егора Егорыча Антипъ Ильичъ, видя, до какой степени господинъ его слабъ и недуженъ, настоялъ, чтобы его тоже взяли, убѣждая тѣмъ, что онъ все-таки будетъ усерднѣе служить, чѣмъ какіе-нибудь иностранные, наемные лакеи. Выйдя изъ кареты и видимо прибодряясь, Антипъ Ильичъ поспѣшно сказалъ гаускнехту, что нужны два большіе номера.

Гаускнехтъ сначала исполнился удивленія, услышавъ отъ Антипа Ильича не то нѣмецкія, не то какія-то неизвѣстныя слова; но эти-же слова повторилъ ему Егоръ Егорычъ.

— А, понимаю!—воскликнулъ тогда гаускнехтъ и повелъ моихъ путниковъ черезъ ворота на дворъ, на которомъ развѣшаны были окорока ветчины, колбасы, туловище дикой козы, а также сидѣли двѣ краснощекія нѣмки и чистили картофель. По несовѣстмъ новой, но чисто вымытой лѣстницѣ Марейны взобрались во второй этажъ, гдѣ выбрали себѣ три номера, одинъ (самый большой) для Сусанны Николаевны, другой (поменьше) Егору Егорычу и третій (еще поменьше) Антипу Ильичу. Гаускнехтъ, громадный и сильный мужикъ, едва смогъ въ нѣсколько приемовъ перетаскать изъ кареты въ номера многообильный багажъ Марейныхъ и, заключивъ изъ этого, что пріѣхавшіе иностранцы были очень богатые господа, возвѣстидь о томъ хозяину своему, обыкновенно сидѣвшему въ нижнемъ отдѣленіи отеля

и съ утра до ночи ѣвшему тамъ или пившему съ вѣмъ-либо изъ друзей своихъ. Хозяинъ, въ свою очередь, не преминулъ самъ войти къ новоприбывшимъ и почтительно просилъ ихъ записать своя фамиліи въ номерной книгѣ, въ каковой Егоръ Егорычъ и начерталъ: «Les Russes: colonel Marfin, sa femme et son ami». Удовлетворившись этимъ, хозяинъ отеля спросилъ: какъ господамъ русскимъ угодно обѣдать, у себя-ли въ номерахъ, или въ общей залѣ за табль д'отомъ.

— За табль д'отъ придемъ! — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

Послѣ хозяина въ номеръ учинили набѣгъ тѣ краснощекія медхенъ, которыхъ мы видѣли за чистою картофеля. Онѣ притащили съ собою огромные умывальники и графины съ водой, взбили своими здоровыми и красноватыми руками валоподобныя подушки, постлали на всѣ матрасы чистое бѣлье и сверхъ того на каждую постель положили по тонкой перинѣ вмѣсто одѣялъ. Пробовалъ было Антипъ Ильичъ и симъ дѣвицамъ что-то такое по-нѣмецки растолковать и посовѣтовать; но тѣ его еще меньше гаускнехта поняли и, восклицая: «Was? Wie gefällt?» переглядывались между собою и усмѣхались. Видимо, что старикъ совсѣмъ ужъ забылъ нѣмецкій языкъ. Обстановка въ номерахъ была наконецъ приведена въ должный порядокъ; Марейны и Антипъ Ильичъ умылись и пріодѣлись. Собственно дорогой путники не были особенно утомлены, такъ какъ проѣхали всего только нѣсколько миль отъ Гарца, по которому Егоръ Егорычъ, въ воспоминаніе своихъ прежнихъ юношескихъ поѣздокъ въ эти горы, провезъ Сусанну Николаевну,

а потомъ прибылъ съ нею въ Гёттингенъ, желая показать Сусаннѣ Николаевнѣ университетскій городъ; кромѣ того, она и сама, такъ много слышавшая отъ gnädige Frau о Гёттингенѣ, хотѣла побывать въ немъ.

Вскорѣ на церковной башнѣ пробило часъ, а виѣстѣ съ тѣмъ раздался обѣденный звонокъ въ отелѣ.

— Пойдемте!—сказалъ Егоръ Егорычъ Сусаннѣ Николаевнѣ и Антипу Ильичу, которому онъ еще въ Россіи объявилъ, что если старый камердинеръ непремѣнно хочетъ ѣхать съ нимъ за-границу, то долженъ быть не слугою, а другомъ ихъ семьи, на что Антипъ Ильичъ хоть и конфузливо, но согласился.

— Ты за обѣдомъ увидишь студентовъ здѣшнихъ!—предупредилъ Егоръ Егорычъ Сусанну Николаевну, сходя съ лѣтницы.

Она на это улыбнулась и проговорила:

— Я очень рада посмотрѣть на нѣмецкихъ студентовъ.

Вообще, Сусанну Николаевну, какъ натуру молодую и впечатлительную, чрезвычайно заняло и развлекло путешествіе. Она еще въ Петербургѣ съ трепетною радостью сѣла на парходъ и съ первымъ-же поворотомъ колесъ начала жадно вдыхать, здоровой грудью, свѣжій и сыроватый морской воздухъ. Сидя весь день на палубѣ, она смотрѣла то на безконечную даль моря, то внимательно вглядывалась въ странный для нея цвѣтъ морской воды. На сушѣ Сусанна Николаевна не мало любовалась обработанными нѣмецкими пажитями, которыя скорѣе походили на сады, чѣмъ на наши сѣверныя русскія поля.

Небольшіе города Германіи, которые попадались имъ на дорогѣ и въ которыхъ они иногда для отдыха Егора Егорыча останавливались, тоже нравились Сусаннѣ Николаевнѣ, и одно въ этомъ случаѣ удивляло ее, что она очень мало слышала въ этихъ городкахъ, сравнительно съ нашими, колокольнаго звона, тогда какъ, прослушавъ изъ устъ Егора Егорыча еще въ самые первые дни ихъ брака его собственный переводъ Шиллеровскаго «Колокола», ожидала, что въ Германіи только и дѣлаютъ, что звонять.

Понятно, что при такомъ разнообразіи дорожныхъ впечатлѣній мысль объ Углаковѣ въ воспоминаніи Сусанны Николаевны начинала все болѣе блѣднѣть и ее гораздо сильнѣе грызло то, что Егоръ Егорычъ на ея глазахъ съ каждымъ днемъ вянулъ и таялъ, чему главной причиной Сусанна Николаевна считала свою сумашедшую откровенность, которую она обнаружила, признавшись ему въ любви къ Углакову. Егоръ Егорычъ тоже считалъ себя виновнымъ противъ Сусанны Николаевны; впрочемъ, на сколько онъ въ этомъ отношеніи полагалъ себя виноватымъ, опредѣлить даже трудно, и можно сказать лишь одно, что только его нѣкогда геройское сердце могло еще выдерживать столь тяжелыя и вмѣстѣ съ тѣмъ таинныя муки.

За табль д'отъ на этотъ разъ собрались не одни студенты, а и болѣе пожилые люди, усѣвшіеся на другомъ столѣ, за которымъ помѣстился также Егоръ Егорычъ съ своей женой и другомъ. Сусанна Николаевна съ жаднымъ вниманіемъ начала оглядывать все общество, и нѣтъ сомнѣнія, что прежде всего какую-то однообразною молодцоватостью; кромѣ того,

на всѣхъ почти лицахъ молодыхъ и пожилыхъ виднѣлись замѣтные рубцы, изъ коихъ иные были совсѣмъ зажившіе, другіе красноватые, а нѣкоторые даже залѣпленные еще пластырями. До крайности заинтересованная этимъ, Сусанна Николаевна спросила Егора Егорыча, отчего эти рубцы у всѣхъ студентовъ?

— Оттого, что они безпрестанно дерутся на дуэляхъ, — объяснилъ Егоръ Егорычъ.

— И ты дрался, когда студировалъ здѣсь? — поинтересовалась Сусанна Николаевна.

— И я; знакъ даже того имѣю на рукѣ, — проговорилъ Егоръ Егорычъ и, отвернувъ обшлагъ рукава, показалъ довольно значительный рубецъ на рукѣ.

Блаженствуя отъ мысли, что сопровождаетъ барина, Антипъ Ильичъ въ тоже время страдалъ въ смыслѣ пищи, ибо онъ уже около трехъ лѣтъ совершенно не ѣлъ мяса; но въ Европѣ чѣмъ-же ему оставалось питаться? Чаю не было, кофе онъ самъ не пилъ, горячія всѣ были мясныя, — значить, только рыбкой, когда ее подавали къ столу, картофелемъ и пирожными съ чѣмъ-нибудь сладенькимъ, да и тѣ были ему не по-вкусу, такъ какъ Антипъ Ильичъ была сластена великій, а варенья, подаваемые за табль д'отомъ, были все какія-то кислыя.

Послѣ обѣда Сусанна Николаевна прилегла на постель и даже задремала было; но на улицѣ невдолгѣ раздалась музыка до такой степени стройная и согласная, что Сусаннѣ Николаевнѣ сквозь сонъ показалась какими-то райскими звуками; она встала

и пошла къ Егору Егорычу, чтобы узнать, гдѣ играютъ.

— А вотъ посмотри! — отвѣчалъ ей тотъ, показывая на открытое окно.

Сусанна Николаевна выглянула изъ окна и увидѣла еще вдали тянущуюся процессію, впереди которой ѣхалъ верхомъ на небойкой и худощавой лошади какъ-бы герольдъ и держалъ въ рукахъ знамя; за нимъ ѣхали музыканты и тянулось нѣсколько колясокъ, наполненныхъ студентами, а также и пожилыми людьми; на всѣхъ нихъ были надѣты ленты, перевязи и странной формы фуражки.

— Что такое это значить? — воскликнула Сусанна Николаевна.

— Это такъ называемый коммершъ, на которыхъ обыкновенно празднуютъ и ликуютъ настоящіе и бывшіе студенты.

— Но отчего они въ такихъ театральныхъ костюмахъ? — спрашивала съ любопытствомъ Сусанна Николаевна.

— Это еще остатки среднихъ вѣковъ, и ты вотъ замѣть: на нѣкоторыхъ одиѣ фуражки, а на другихъ другія, а также неодинакія и перевязи. Это означаетъ, что сегодня происходитъ торжество, сколько вижу, двухъ или даже трехъ корпорацій; на этихъ торжествахъ они пьютъ пиво, поютъ и, наконецъ, ссорятся между собой.

— Изъ-за чего?

— Чаще всего не изъ-за чего; обыкновенно, какой-нибудь молодой корпорантъ подходитъ тоже къ молодому члену другой корпораціи и говоритъ ему: «dummer Junge» и на другой день дуэль.

— И при этомъ они убиваютъ другъ друга?

— Нѣтъ, потому что лобъ, глаза, а также грудь и желудокъ защищены и по большой части они нецарапаютъ другъ другу лица, хотя бываютъ и смертные случаи.

— Какъ же профессора ихъ не запрещаютъ имъ этихъ дуэлей?

— Напротивъ, профессора поддерживаютъ это, что, по моему до нѣкоторой степени основательно; во-первыхъ, это открываетъ клапанъ молодечеству, столь свойственному юношамъ, развиваетъ въ нихъ потомъ храбрость, а главнѣе всего: этотъ обычай (по крайней мѣрѣ такъ это было въ мое время) до того сильно коренится въ нравахъ всего нѣмецкаго общества, что иногда молодыя дѣвицы отказываютъ въ рукъ тѣмъ студентамъ, у которыхъ нѣтъ на лицѣ шрама.

— А на чемъ-же основывается разница этихъ корпорацій?

— Болѣе всего на началѣ разныхъ мѣстностей и народностей, а частію исповѣданій, а также и по наклонностямъ молодыхъ людей къ той или другой философской системѣ; это я знаю по собственному опыту: насъ русскихъ въ то время студировало только двое: Пилецкій и я, и онъ меня ввелъ въ корпорацію мистиковъ.

— Но твой противникъ, съ которымъ ты дрался, изъ какой былъ корпораціи?

— Даже не знаю изъ какой, и это былъ, какъ мнѣ потомъ рассказывали, какой-то венгерскій авантюристъ, который, узнавъ, что я русскій, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы дерзко взглянули на даму,

съ которой я вчера шелъ, а потому вы...» и хотѣлъ, конечно, сказать: «dummer Junge!», но я не далъ ему этого договорить и мгновенно-же воскликнулъ: «Вы dummer Junge, а не я!»

На другой день Марейны пошли осматривать достопримѣчательности Геттингена, которыхъ, впрочемъ, оказалось немного: валъ, идущій кругомъ города, съ устроеннымъ на немъ прекраснымъ бульваромъ и университетъ, подходя къ которому, Егоръ Егорычъ указалъ на маленькій погребокъ и сказалъ Сусаннѣ Николаевнѣ:

— Чуть-ли вотъ не тутъ существовала ложа, въ которой посвящалась въ масонство gnädige Frau.

— Въ такомъ случаѣ нельзя-ли туда зайти и поглядѣть? — воскликнула Сусанна Николаевна.

— Теперь тамъ, я думаю, ничего нѣтъ, — возразилъ ей Егоръ Егорычъ.

— А можетъ быть, что-нибудь осталось, — подхватила Сусанна Николаевна.

Они зашли въ погребокъ; но въ немъ, дѣйствительно, кромѣ магбиттеру и другихъ водокъ ничего не было. Чтобы замаскировать свое посѣщеніе Сусанна Николаевна купила маленькую бутылку кирш-вассера.

Въ слѣдующіе затѣмъ два-три дня они почувствовали такую скуку въ Геттингенѣ, что послѣшили отправиться въ Кассель, гдѣ, отдохнувъ отъ переезда, стали осматривать кассельскій садъ, церковь св. Мартына, синагогу, Museum friedericianum и скульптурную галерею.

— Кассель, по моему, лучше и интереснѣе Бер-

лина!—воскликнула почти на каждомъ шагу Сусанна Николаевна.

— Еще-бы, Берлинъ казармы и больше ничего! — согласился съ ней Егоръ Егорычъ.

Но еще болѣе Касселя очаровала Сусанну Николаевну обсаженная густо-разросшимися каштанами дорога къ замку Вильгельмстее, куда повезъ ее, а также и Антипа Ильича, Егоръ Егорычъ. Съ приближеніемъ къ Вильгельмстее, Сусанна Николаевна еще издали замѣтила какую-то фигуру, высоко-виднѣющуюся на горѣ среди замка.

— Что это такое? — сказала она.

— Это громадная статуя Геркулеса!—объяснилъ ей Егоръ Егорычъ.

— Что-жь, мы туда сходимъ?—спросила съ живымъ любопытствомъ Сусанна Николаевна.

— Пожалуй, — отвѣтилъ ей протяжно Егоръ Егорычъ.

— Нѣтъ, сударь, вамъ туда всходить высоко; вы и безъ того, смотрите, какой блѣдный, — вмѣшался въ разговоръ Антипъ Ильичъ.

— Да, это правда! — подтвердила спохватившись Сусанна Николаевна и тоже замѣтивши, что Егоръ Егорычъ былъ сильно утомленъ.

Такимъ образомъ мои путешественники, пріѣхавъ въ Вильгельмстее, усѣлись на дворцовой площадкѣ передъ главнымъ дворомъ.

— Чѣмъ-же мнѣ васъ угощать тутъ? — проговорилъ Егоръ Егорычъ; потомъ, какъ-бы припомнивъ нѣчто, онъ сказалъ лакею, давно уже почтительно стоявшему вблизи столика:

— Дайте намъ болю, который я самъ здѣсь приготавлию.

Тотъ немедля-же принесъ и поставилъ на столъ бутылку рейнвейна, клубнику, апельсинъ и мелкій сахаръ.

— Это любимый нѣмецкій напитокъ, особенно въ жаркіе дни, какъ сегодня,—пояснилъ Егоръ Егорычъ.

Довольно умѣло приготовивъ боль, онъ предложилъ своимъ компаньонамъ выпить по стаканчику сего напитка, а также и себѣ налилъ стаканъ; но Сусаннѣ Николаевнѣ рѣшительно не понравился боль, и она только выловила изъ стакана землянику и скушала ее. Антипъ Ильичъ тоже затруднялся допить свою порцію, и послѣ нѣсколькихъ глотковъ онъ конфузливо доложилъ Егору Егорычу:

— Крѣпко мнѣ, сударь, это очень!

— Разбавь водой и положи побольше сахару! — посоветовалъ ему Егоръ Егорычъ.

Антипъ Ильичъ, разсыропивъ рейнвейнъ водой и всыпавъ въ стаканъ огромное количество сахару, покончилъ съ бодемъ и послѣ того тотчасъ раскраснѣлся въ лицѣ, какъ маковъ цвѣтъ.

Въ противоположность своимъ сотоварищамъ Егоръ Егорычъ, выпивъ съ удовольствіемъ свой стаканъ, выпилъ затѣмъ и еще стаканъ, дѣлая это, кажется, для того, чтобы прибодриться немного; но онъ нисколько не достигнулъ того, а только еще болѣе осовѣлъ, такъ что, возвращаясь назадъ въ Кассель, Егоръ Егорычъ всю дорогу дремалъ и даже слегка похрапывалъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ Кассель, Маренны

направили свой путь въ Кельнъ. Егоръ Егорычъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду показать Сусаннѣ Николаевнѣ Кельнскій соборъ, заранѣе предчувствуя, въ какой восторгъ она придетъ отъ этого храма, и ожиданіе его вполнѣ оправдалось; случилось такъ, что въ Кельнѣ они пріѣхали къ обѣду и въ четыре часа отправились въ соборъ, гдѣ совершалось подготовленіе къ первому причащенію молодыхъ дѣвушекъ. Когда Марейны въ сопровожденіи Антипа Ильича вошли въ храмъ, то юныя причастницы и все словно-бы прехорошенькія, въ своихъ бѣлыхъ платьицахъ, въ тюлевыхъ вуаляхъ и цвѣтахъ, чопорно сидѣли на церковныхъ лавгахъ и между ними нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ какой-нибудь молодой и тоже красивый изъ себя каноникъ. Патеры-же, стояли съ наклоненными головами передъ алтарями, на которыхъ горѣли свѣчи, слабо споря съ дневнымъ еще свѣтомъ, пробивавшимся въ расписныя стекла собора.

Охваченная всѣмъ этимъ Сусанна Николаевна просто начала молиться по-русски, шепча молитвы и даже крестясь; тоже самое дѣлалъ и Антипъ Ильичъ, только креститься не въ русскомъ храмѣ онъ считалъ грѣхомъ. Но Егоръ Егорычъ погруженъ былъ въ какія-то случайныя размышленія по поводу незабытаго имъ изрѣченія Сперанскаго, который въ своемъ письмѣ о мистическомъ богословіи говорилъ, что одни только ангелы и мудрые востока, то-есть, три царя, пришедшіе ко Христу на поклоненіе, знали Его небесное достоинство, а въ Кельнскомъ соборѣ отведено такое огромное значеніе симъ царямъ, но

отъ чего-же и простые пастыри не символированы тутъ?—спросилъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ себя.

Изъ Кельна Егоръ Егорычъ вознамѣрился проѣхать съ Сусанной Николаевной по Рейну до Майнца, ожидая на этомъ пути видѣть, какъ Сусанна Николаевна станетъ любоваться видами поэтической рѣви Германіи; но недуги Егора Егорыча лишили его этого удовольствія, потому что какъ только мои путники вошли на пароходъ, то на нихъ подулъ такой холодный вѣтеръ, что Антипъ Ильичъ поспѣшилъ немедленно-же увести своего господина въ каюту; Сусанна-же Николаевна осталась на палубѣ, гдѣ въ ней обратился съ разговоромъ болтливѣйшій изъ болтливѣйшихъ эльзасцевъ и началъ ей по-французски объяснять, что виднѣющіеся мѣстами замки на горахъ называются разбойничьими гнѣздами, потому что въ нихъ прежде жили бароны и грабили проѣзжавшія по Рейну суда, и что въ ихъ даже пароходъ скоро выстрѣлятъ, и, дѣйствительно, на одномъ поворотѣ Рейна раздался выстрѣлъ. Указалъ потомъ эльзасецъ Сусаннѣ Николаевнѣ на гору, покрытую виноградниками, гдѣ будто-бы исключительно выдѣлывается знаменитое вино іоганисбергеръ. Когда эльзасецъ, наконецъ, оставилъ въ покоѣ Сусанну Николаевну, къ ней подошелъ выходившій по временамъ на палубу Антипъ Ильичъ.

— А вѣдь наша Волга, сударыня, лучше Рейна,—сказалъ онъ.

— Чѣмъ-же?—спросила его Сусанна Николаевна.

— У насъ все церкви и монастыри проѣзжаешь, а тутъ ни одного креста не видать.

— Но въ Кельиѣ развѣ тебѣ не понравился соборъ? — возразила ему Сусанна Николаевна.

— Это что говорить: храмъ благолѣпный! Священниковъ только не разберешь и не увидишь, гдѣ они, — замѣтилъ Антипъ Ильичъ.

Переночевавъ въ Майнцѣ, мои путешественники опять-таки по плану Егора Егорыча отправились въ Гейдельбергъ. Южная Германія тутъ уже сильно начинала давать себя чувствовать. Воздухъ былъ напоенъ ароматами растеній; деревья были все хоть и небольшія, но сочныя.

Поля, конечно, не были съ такою тщательностью обработаны какъ въ Сѣверной Германіи, но неопытный-бы даже глазъ замѣтилъ, что они были плодovitѣе.

По приѣздѣ въ Гейдельбергъ, Егоръ Егорычъ серьезно расхворался и слегъ почти въ постель. Сусанна Николаевна ужасно перепугалась и стала совѣщаться съ Антипомъ Ильичемъ, не послать-ли за докторомъ.

— Ничего, сударыня! Егоръ Егорычъ немножко соснуть; съ ними это бываетъ; они и прежде всегда были какъ малый ребенокъ! — успокаивалъ ее тотъ, и дня черезъ два Егоръ Егорычъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы воспрянулъ, если не тѣломъ, то духомъ, и, мучимый мыслью, что всѣ эти дни Сусанна Николаевна сидѣла около его постели и скучала, велѣлъ взять коляску, чтобы ѣхать въ высившіяся надъ Гейдельбергомъ развалины когда-то очень красиваго замка. Сусанна Николаевна сначала было настаивала, чтобы Егоръ Егорычъ этого не дѣлалъ, говоря, что будто-бы <http://scin.org.pl> ей вовсе не интересуетъ замокъ.

Егоръ Егорычъ, однако, не повѣрилъ ей, и они от-
правились. Многимъ, конечно, извѣстно, что видъ
изъ замка на рѣку Неккаръ и прирейнскую долину
весьма живописенъ; Сусанна Николаевна по крайней
мѣрѣ съ полчаса любовалась на эту картину. Антипа
Ильича болѣе всего заинтересовала оставшаяся отъ
дворца неразрушенная стѣна съ множествомъ лѣп-
ныхъ статуй. Долго и внимательно разсматривалъ
ихъ старикъ, а потомъ, подойдя къ Егору Егорычу,
проговорилъ:

— Смѣю васъ спросить, замокъ этотъ не былъ-
ли прежде масонскимъ замкомъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ, нѣсколько
удивленный такимъ вопросомъ Антипа Ильича: — но
почему-же ты это думаешь?

— Потому что хорошо ужъ очень все изобра-
жено, — объяснилъ Антипъ Ильичъ, простодушно по-
лагавшій, что все хорошее должно было принадле-
жать масонамъ.

Егоръ Егорычъ вскорѣ началъ чувствовать лег-
кій ознобъ отъ наступившихъ сумерокъ. Онъ ска-
залъ о томъ Сусаннѣ Николаевнѣ, и они немедля-
же отправились въ гостиницу свою, но на главной
улицѣ Гейдельберга ихъ остановило шествіе студен-
товъ съ факелами въ рукахъ и съ музыкой впереди.
Извозчикъ ихъ поспѣшно повернулъ экипажъ нѣ-
сколько въ сторону и не безъ гордости проговорилъ:

— Это факель-цугъ!

Сусанна Николаевна только было хотѣла спро-
сить его что-то такое въ дополненіе, какъ изъ толпы
раздался русскій возгласъ:

— Почтеннѣйшій Егоръ Егорычъ, madame Мариана, какъ вы здѣсь?

Тѣ оглянулись на этотъ зовъ и увидѣли бѣжавшаго къ ихъ экипажу гегелианца.

— А, здравствуйте! — сказалъ Егоръ Егорычъ, протягивая ему руку.

— Здравствуйте! — проговорила и Сусанна Николаевна привѣтливо гегелианцу. — Куда это идутъ студенты? — прибавила она.

— Они идутъ чествовать одного изъ своихъ профессоровъ, — объяснилъ тотъ.

— Въ чемъ же это чествованіе будетъ состоять? — спрашивала Сусанна Николаевна.

— Пока еще неизвѣстно, шествіе это устроилось совершенно экспромптомъ, по случаю свадьбы профессора, и мы всѣ идемъ, не имѣя никакой определенной программы.

— Ахъ, какъ-бы я желала посмотрѣть на всю эту церемонію! — произнесла Сусанна Николаевна.

— Тогда вотъ что мы сдѣлаемъ! — началъ Егоръ Егорычъ. — Monsieur Терховъ, — обратился онъ потомъ къ гегелианцу: — вы сводите мою жену на эту церемонію, а я усталъ и поѣду домой.

— Но какъ же ты одинъ поѣдешь, когда такъ дурно себя чувствуешь? — произнесла нервнѣйшимъ голосомъ Сусанна Николаевна.

— Что за вздоръ! Со мной Антипъ Ильичъ поѣдетъ. А вы берегите мою супругу! — отнесся онъ въ заключеніе къ Терхову.

— Съ великою готовностью, — отвѣчалъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ Терховъ. — Но только я по-

прошу васъ пойти пѣшкомъ, — пояснилъ онъ Сусаннѣ Николаевнѣ.

— О, я этого не боюсь; но мнѣ совѣстно, что я стѣсняю васъ собою! — говорила Сусанна Николаевна, выходя изъ экипажа.

— Нисколько! — отвѣтилъ ей Терховъ.

Егоръ Егорычъ, мотнувъ потомъ имъ обоимъ головой, велѣлъ кучеру ѣхать въ гостиницу.

Сусанна Николаевна, между тѣмъ оставшаяся въ толпѣ съ полудознакомымъ ей молодымъ человѣкомъ, сначала, конечно, конфузилась; но Терховъ велъ ее подъ руку съ такой осторожностью, что она совершенно потомъ успокоилась.

Факель-цугъ остановился передъ домомъ профессора и въ то время, какъ музыканты играли хвалебную серенаду новобрачнымъ, весь цугъ махалъ факелами. Въ отвѣтъ на это, на небольшомъ балкончикѣ дома показался профессоръ, а равно и супруга его, сколько можно было разсмотрѣть при темнотѣ, весьма уже не молодая. Профессоръ произнесъ своимъ почитателямъ довольно длинную и нѣжную рѣчь. Факель-цугъ, весь гуртомъ, захопалъ ему, послѣ чего всѣ стали расходиться. Студенты шумно отправились въ разныя таверны, а молодые рабочіе, участвовавшіе тоже въ церемоніи, — въ свои кабаки. Сусанну Николаевну Терховъ повелъ подъ руку къ ея отелю, и ей вдругъ пришла въ голову мысль спросить своего кавалера объ Углаковыхъ, у которыхъ она его встрѣчала.

— Развѣ вы не знаете, что Пьеръ Углаковъ умеръ? — воскликнулъ Терховъ.

Сусанна Николаевна вздрогнула.

— Давно-ли? — спросила она взволнованнымъ голосомъ.

— Недавно, — отвѣчалъ Терховъ.

— Что-же онъ заболѣлъ вдругъ? — спрашивала Сусанна Николаевна.

— Не думаю, чтобы вдругъ; но, какъ мнѣ писали, онъ самъ былъ причиной своей смерти: кутилъ и пилъ какъ я не знаю кто!

Волненіе Сусанны Николаевны все болѣе и болѣе усиливалось.

— Главное, влюбился въ какую-то француженку изъ кондитерской Люкэ, — продолжалъ Терховъ: — та окончательно истощила его кошелькъ и здоровье; хорошаго исхода подобной жизни ожидать было нечего.

Сусанна Николаевна вздохнула нѣсколько свободнѣе: значить, Углаковъ не отъ тоски-же по ней умеръ!

— Ну, а вы что здѣсь дѣлаете? — спросила она.

— Я-то, понятно, что, — отвѣчалъ Терховъ:—но какъ вы съ вашимъ супругомъ сюда попали?

— Попали мы потому, что мнѣ захотѣлось путешествовать (Сусанна Николаевна при этомъ слегка покраснѣла), ну, а потомъ Егору Егорычу необходимо было посоветоваться съ докторами, чтобы они ему прописали какія нужно воды.

— Чего-же лучше сдѣлать это какъ здѣсь: въ Гейдельбергъ есть весьма знаменитые доктора,—проговорилъ Терховъ.

— Да, это было-бы очень хорошо; но Егоръ Егорычъ прежде всего хочетъ мнѣ показать любимые

имъ университетскіе города, потомъ Римъ, Италію и Швейцарію.

— Во всякомъ случаѣ, вы позволите мнѣ завтра явиться къ вамъ?—спросилъ Терховъ.

— Даже прошу васъ! Егоръ Егорычъ очень будетъ радъ вамъ,—отвѣтила Сусанна Николаевна.

Возвратясь въ свой отель, она нашла Егора Егорыча хоть въ постелѣ, но еще не спящимъ, и не удержалась, что-бы не рассказать ему о смерти Углакова. Егоръ Егорычъ первое что устремилъ на нее внимательный и безпокойный взглядъ; Сусанна Николаевна, однако, употребила всѣ силы, что-бы скрыть взволновавшія ее печальныя чувствованія.

— Но правда-ли еще это?—спросилъ онъ.

— Какъ-же не правда? Терховъ его пріятель, — замѣтила Сусанна Николаевна.

— Я знаю это; но мнѣ думается, что старики Углаковы увѣдомили-бы меня о такомъ страшномъ горѣ своемъ.

— Развѣ до того имъ теперь, чтобы увѣдомлять кого-бы то ни было. Кромѣ того, они, вѣроятно, не знаютъ, гдѣ мы.

— Это можетъ быть! — согласился Егоръ Егорычъ:—и вообще я очень неаккуратно получаю письма. Сверстовъ, конечно, писалъ мнѣ недавно; но меня удивляетъ Звѣревъ, котораго я просилъ, особымъ письмомъ, увѣдомить меня о дѣлѣ Тулузова и адресовать въ Гейдельбергъ *poste restante*, однако письма нѣтъ. Я нахожу, что это невѣжливо съ его стороны.

— Разумѣется, невѣжливо!—согласилась Сусанна Николаевна.

VI.

Аггей Никитичъ и самъ понималъ, что онъ былъ виновать передъ Егоромъ Егорычемъ, но въ началѣ онъ почти трусилъ отвѣтить Марѣину на вопросъ того о дѣлѣ Тулузова, въ которомъ Аггей Никитичъ хоть и смутно, но сознавалъ себя если не неправымъ, то бездѣйствовавшимъ, а потомъ и забылъ даже, что ему нужно было что-нибудь отвѣтить Егору Егорычу, такъ какъ пани Вибель, говоря Аггею Никитичу, что *она уже его*, сказала не фразу и потому можете себѣ представить, что произошло съ моимъ пятидесятилѣтнимъ мечтателемъ; онъ ходилъ, не чувствуя земли подъ собою, а между тѣмъ ему надобно было каждый вечеръ выслушивать масонскія поученія аптекаря, на которыхъ, вмѣстѣ съ нимъ присутствовала пани Вибель, что окончательно уже развлекало и волновало Аггея Никитича. Вибель-же, все болѣе и болѣе прилѣплявшійся къ ораторству, часто не выпускалъ отъ себя своихъ слушателей часовъ по пяти.

— Многіе—говорилъ онъ почти съ запальчивымъ одушевленіемъ:—думаютъ, что масонство владѣетъ таинственными науками и что мы можемъ превращать куски камней въ слитки золота, того не подозревая, что если-бы люди достигнули этого, то золото сравнялось-бы съ камнемъ и потеряло-бы всякую цѣнность. Другіе мнятъ отыскать въ нашихъ лабораторіяхъ универсальное лѣкарство, способное удержать наше тѣло отъ тлѣнія; но масоны нисколько того не желаютъ, ибо съ увѣренностью ждуть жизни

духа безъ тѣлесной оболочки. Третьи безумцы, принимая скорлупу за яйцо, смѣются надъ нашими обрядами, называя ихъ нелѣпыми и дѣтскими забавами; но гдѣ-же тутъ, спрашиваю васъ, нелѣпости, когда мы въ нашихъ собраніяхъ совѣщаемся подобно всякимъ другимъ обществамъ о дѣлахъ и нуждахъ масонства; потомъ дѣйствительно совершаемъ нѣкоторыя символическія церемоніи при приѣмахъ въ первую и при повышеніяхъ во вторую и третью степени. Вы, господинъ Звѣревъ, вѣроятно, знакомы до нѣкоторой степени съ этими обрядами; ибо я давно вручилъ вамъ ритуаль. Потрудитесь мнѣ рассказать его вкратцѣ!

При этомъ Аггей Никитичъ долженъ былъ-бы про себя воскликнуть: «*Non me miserum!*» Ритуаль онъ прочелъ всего одинъ разъ, а потому въ отвѣтахъ своихъ сталъ Богъ знаетъ что такое путать.

— Поютъ сначала пѣснь,—сказалъ онъ.

— Какую?—спросилъ Вибель.

— Словъ я не помню, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ, краснѣя въ лицѣ.

— Да что ты, татко, все спрашиваешь? Ты самъ рассказывай! — вмѣшалась въ разговоръ пани Вибель.

— Я спрашиваю затѣмъ, что хочу узнать степень внимательности и трудолюбія господина Звѣрева,—возразилъ ей мужъ.

— У меня на стихи совершенно нѣтъ памяти,—произнесъ тотъ смущеннымъ тономъ.

— Но кромѣ пѣнія что далѣе бываетъ?

— Далѣе...—тянулъ, какъ школьникъ, свой отвѣтъ Аггей Никитичъ.—вводятъ ищущаго.

— Куда вводятъ?—уже вспыхнулъ Вибель.

— Въ ложу, — не смѣло отвѣчалъ Аггей Никитичъ.

— Кто вводитъ?—пыталъ его наставникъ.

На это Аггей Никитичъ рѣшительно не могъ отвѣтить и счелъ за лучшее признаться:

— Я, Генрихъ Ѳедорычъ, не успѣлъ еще внимательно вчитаться въ ритуаль. Я все послѣднее время былъ занятъ дѣломъ Тулузова, о которомъ вы, я думаю, слышали; однѣхъ бумагъ надобно было написать чортову пропасть!

— А если вы заняты были, то другое дѣло, такъ-бы вы мнѣ и сказали о томъ!—воскликнулъ Вибель.— Бесѣду объ обрядахъ мы можемъ отложить на будущее время, а теперь перейдемъ къ исторіи масонства.

Тутъ Вибель взялъ со стола тетрадку, также тщательно и красиво переписанную, какъ и ритуаль, и началъ ее читать:—«Изъ числа учрежденій и союзовъ, съ коими масоны приводятся въ связь, суть слѣдующіе: а) *мистеріи египтянъ*, б) древнія греческія *элевзинскія таинства*, в) *пиthagорейскій союзъ*, d) *іудейскія секты терапевтовъ и ессеевъ*, е) *строительныя корпораціи римлянъ*; но не думаю, чтобы это было справедливо; разгромъ, произведенный великимъ переселеніемъ народовъ, былъ столь силенъ и такъ долго тянулся, что невозможно даже вообразить, чтобы впродолженіе этого страшнаго времени могла произойти передача какихъ-либо тайныхъ ученій и обрядовъ. Наконецъ, есть средневѣковыя корпораціи, къ которымъ въ зависимость ставятъ франк-масонскій союзъ, это *орденъ рыцарей храма*; но и то,

по моему, сомнительно, и съ достовѣрностью можно утверждать одно, что Франк-масонскій союзъ дѣйствительно находится въ тѣсной связи съ *корпорациями каменщиковъ и каменотесовъ*, особенно процвѣтавшихъ въ Германіи и Англии. Эти общества, безъ сомнѣнія, суть плоды монастырей, кои всё стремились къ украшенію храмовъ, а равно и жилищъ своихъ. Каменщики и другіе рабочіе, производившіе эти постройки, обыкновенно устраивали около церквей, такъ называемыя, *строительныя ложи*. Съ теченіемъ времени, однако, въ тринадцатомъ, напри-мѣръ, столѣтіи таковыя ложи стали появляться отдѣльно отъ церквей, и когда ихъ накопилось значительное количество, то онѣ, войдя въ сношенія между собою, образовали одинъ большой союзъ нѣмецкихъ каменотесовъ. Члены его обязывались вести благочестивую и высоко-нравственную жизнь. Приемъ въ братство сопровождался особыми обрядами, которые, разумѣется, заимствованы были изъ монастырскихъ строительныхъ ложъ и представляютъ собою подражаніе постриженію бенедиктинцевъ. Что касается до Англии, то образованіе каменщиками въ ней общества относятъ къ началу тысячелѣтія, когда Эдвинъ, сынъ короля Адельстана, собралъ первое собраніе въ городѣ Йоркѣ; но въ этомъ можно сомнѣваться, ибо документы, на коихъ основалось такое мнѣніе, оказались неподлинными, и потому гораздо вѣроятнѣе заключить, что въ Англию, собственно, перенесли нѣмецкіе каменотесы свой институтъ вмѣстѣ съ готическимъ стилемъ».

Прочитавъ все это, Вибель утомился нѣсколько и, остановившись вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразилъ нѣчто.

— Далѣе мнѣ слѣдовало-бы, — продолжалъ онъ: — начать излагать вамъ строго историческіе факты, окончательно утвержденные и всѣми признанные; но это, полагаю, вы съ большимъ успѣхомъ и пользой для себя сами можете сдѣлать, а потому вотъ вамъ сія тетрадь, которую сначала вы, господинъ Звѣревъ, прочтите, а потомъ и ты, Мари, прочтешь.

— Но зачѣмъ намъ врозь читать съ Аггеемъ Никитичемъ? Мы съ нимъ прочтемъ вмѣстѣ, — отозвалась та.

— Это ваше дѣло, лишь-бы вы къ исторіи масонства не отнеслись также небрежно, какъ отнесся Аггей Никитичъ къ ритуалу, — проговорилъ аптекаръ не безъ ядовитости, которую, впрочемъ, постарался смягчить доброю улыбкой.

— Да, въ отношеніи ритуала я ужасно виновать, — сознался тотъ.

— Исторію мы внимательно прочтемъ и долго будемъ читать ее, — подхватила пани Вибель.

Сарказмъ замѣтно чувствовался въ тонѣ ея голоса.

— И вы вотъ что сдѣлайте, панъ Звѣревъ! Татко послѣ обѣда всегда спитъ, а вы приходите ко мнѣ въ садъ, гдѣ я бываю, и тамъ въ бесѣдѣ мы будемъ съ вами читать! — прибавила она Аггею Никитичу.

— Къ вашимъ услугамъ, если только Генрихъ Федорычъ позволитъ! — проговорилъ тотъ.

— Генрихъ Федорычъ вамъ все позволитъ и только предувѣдомляетъ, что будетъ экзаменовать васъ, — сказалъ Вибель опять-таки съ нѣкоторой ядовитостью: въ тайнѣ онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ невниманіемъ, которое обнаружилъ Аггей Никитичъ

въ отношеніи къ ритуалу, хотъ тотъ и сворачивалъ на множество занятій.

— Но не послѣ-завтра-же ты начнешь насъ экзаменовывать, потому что завтра мы, я думаю, очень немного еще прочтемъ? — возразила пани Вибель.

— Я начну, — отвѣтилъ на это Вибель: — когда вы сами скажете, что готовы къ испытанію.

— Вотъ это отлично будетъ! — похвалила пани Вибель.

— Да, это будетъ...

Но что будетъ, Аггей Никитичъ замылся докончить. Онъ не привыкъ еще совѣмъ спокойно лгать, какъ видимо привыкла это дѣлать пани Вибель.

Вслѣдъ затѣмъ, каждое послѣ-обѣда почтенный аптекарь укладывался спать, пани-же Вибель выходила въ садъ, къ ней являлся Аггей Никитичъ, и они отправлялись въ бесѣдку изучать историческіе факты масонства; къ чаю неопиты возвращались въ домъ, гдѣ ихъ уже ожидалъ Вибель, сиди за самоваромъ съ трубкой въ зубахъ и держа на болѣняхъ kota.

Но прочнаго счастья, какъ извѣстно, въ мірѣ нѣтъ. Тотъ-же самый красивый помощникъ, на котораго пани Вибель пристально глядѣла, когда онъ приготовлялъ для Аггея Никитича папье-фаяръ въ первое посѣщеніе того аптеки, вдругъ вздумалъ каждое послѣ обѣда тоже выходить въ садъ и собирать съ помощью аптекарскаго ученика разныя лѣкарственные растенія, обильно насаженныя предусмотрительнымъ Вибелемъ въ своемъ собственномъ саду, и, собирая эти растенія, помощникъ по преимуществу старался быть около бесѣдки, такъ что моимъ влюбленнымъ почти слова откровеннаго нельзя было про-

изнестъ другъ съ другомъ. Прошли такимъ образомъ день-два; пани Вибель не вытерпѣла, наконецъ, и передала Аггею Никитичу записку, въ которой объявляла ему, что въ слѣдующіе дни имъ гораздо удобнѣе будетъ видаться не послѣ обѣда, а часовъ въ двѣнадцать ночи, въ каковое время она тихонько будетъ выходить въ садъ, и чтобы Аггей Никитичъ прокрадывался въ него черезъ калитку, которая имѣлась въ задней стѣнѣ сада и никогда не запиралась. Новый способъ свиданія еще болѣе плѣнилъ Аггея Никитича; ночь, луна, садъ, таинственное прохожденіе сквозь маленькую калитку заманчиво нарисовался въ его воображеніи, и онъ началъ поступать такъ: часовъ въ одиннадцать уходилъ спать, причемъ спальню свою запиралъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго снова одѣвался и, выскочивъ въ окно прямо на улицу, направлялся къ саду аптекаря. Калитку Аггей Никитичъ заставлялъ незапертою и съ первыхъ-же шаговъ его по саду кидалась ему въ объятія пани Вибель. О, какъ блаженны были эти ночи для Аггея Никитича! Не говоря уже объ утѣхахъ любви, какъ будто-бы и все другое соединялось, чтобы доставить ему наслажденіе: погода стояла сухая, теплая, и когда онъ, при первомъ еще брезгѣ зари, возвращался по совершенно безлюднымъ улицамъ, то попадавшіяся ему на встрѣчу собаки, конечно, всѣ знавшія Аггея Никитича, ласково впляли передъ нимъ хвостами и казались ему добрыми друзьями, вышедшими поздравить его съ великимъ счастьемъ, которое онъ переживалъ. Подойдя къ окну своей спальни, онъ тихо отпиралъ его и однимъ прыжкомъ прыгалъ въ

спальню, гдѣ, раздѣвшись и улегшись, засыпала върѣчайшимъ сномъ часовъ до десяти, не внушая никакого подозрѣнія Миропѣ Дмитриевнѣ, такъ какъ она знала, что Аггей Никитичъ всегда любилъ спать долго по утрамъ, и вообще Миропы Дмитриевны послѣднее время весьма мало думала о своемъ супругѣ, ибо ее занимала собственная довольно серьезная мысль: видя, какъ Рамзаевъ—человѣкъ не особенно практической и расчетливый—богатѣлъ съ каждымъ днемъ, Миропы Дмитриевны вздумала попросить его съ принятіемъ, конечно, залоговъ отъ нея взять ее въ долю, когда онъ на слѣдующій годъ будетъ брать новый откупъ; но Рамзаевъ на отрѣзъ отказалъ ей въ томъ, говоря, что откупное дѣло рискованное и что онъ никогда не позволитъ себѣ вовлекать въ него своихъ добрыхъ знакомыхъ. Опѣшенная симъ отказомъ Миропы Дмитриевны придумала другое; но впрочемъ помолчу пока о прозаическихъ планахъ Миропы Дмитриевны и обращусь опять къ поэзіи.

Въ два часа темнѣйшей и теплѣйшей августовской ночи Аггей Никитичъ, усталый отъ ласкъ и поцѣлуевъ пани Вибель, распрощался съ нею и пошелъ къ калиткѣ; но, къ удивленію своему, нашелъ ее запертою. Онъ пробовалъ-было растворить ее натискомъ плеча: однако калитка упорствовала; такимъ образомъ, мой сѣдовласый любовникъ очутился къ совершенной облавѣ, потому что калитка эта была единственною для выхода изъ сада, да еще домовый балконъ, чрезъ который, конечно, нечего и думать было пройти. Сообразивъ все это, Аггей Никитичъ взобраяся на акацію, а съ нея шагнулъ на верхній брусъ забора и, ухватившись за вѣтку той-же акаціи,

попробовалъ спрыгнуть на землю, до которой было аршина четыре; вѣтка при этомъ обломилась, и Аггей Никитичъ упалъ, но сейчасъ-же и поднялся съ земли, причемъ онъ, какъ это послѣ уже припомнилъ, почувствовалъ, что что-то такое обронилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался два громкіе голоса:

«Кто это? Воръ, воръ!» и два человѣка, не узнавшие имъ въ темнотѣ, бросились было схватить Аггея Никитича; однако вмѣсто того онъ ихъ схватилъ за шивороты и, отбросивъ отъ себя въ растущую у забора крапиву, отправился усиленнымъ шагомъ домой. Ночь эту Аггей Никитичъ не спалъ спокойно, какъ прежнія ночи: его главнымъ образомъ беспокоило, кто такіе могли быть эти люди, видимо запершіе калитку и подстерегавшіе его. Скрыть это происшествіе отъ пани Вибель Аггей Никитичъ нашелъ невозможнымъ, и на другой день, придя послѣ обѣда въ аптеку, онъ разсказалъ ей все и задалъ тотъ-же вопросъ, который дѣлалъ самому себѣ, о томъ, кто же могли быть эти два человѣка? Пани Вибель при этомъ чрезвычайно сконфузилась.

— О, это я знаю! Это помощникъ мужа, который его обкрадываетъ и терпѣть не можетъ меня, потому что я предостерегаю Генриха противъ него.

— Стало-быть, онъ непременно разскажетъ о томъ Генриху Федоровичу? — сказала смущеннымъ голосомъ Аггей Никитичъ.

— Не думаю, — произнесла пани Вибель тоже не безъ смущенія: — впрочемъ, это мы увидимъ. Мужъ сегодня желаетъ продолжать свои поученія; пойдемте къ нему.

Аггей Никитичъ пошелъ за нею. При входѣ ихъ въ кабинетъ, старый аптекарь по спокойно-добро-

душному выраженію лица коего можно было догадаться, что онъ ничего еще не вѣдаетъ, крикнулъ имъ:

— Я, наконецъ, соскучился и хочу продолжать васъ учить.

— Я говорила, татко, объ этомъ Аггею Никитичу; ты отлично это сдѣлаешь: намъ самимъ читать въ такой жаръ ужасно трудно. Кромѣ того, мы многого не понимаемъ; но когда ты говоришь, изъ твоего голоса многое узнаешь. Не правда-ли?—отнеслась она къ Аггею Никитичу.

— Еще-бы!—смогъ только отвѣтить тотъ.

— Франк-масоновъ,—началь, не откладывая времени, поучать своихъ неопитовъ аптекаръ: — упрекаютъ, что они много заботятся о матеріальныхъ выгодахъ своихъ сочленовъ, совершенно забывая другихъ людей, которые-бы болѣе достойны по своимъ человѣческимъ правамъ ихъ покровительства. Это утвержденіе, въ частности, можетъ быть, иногда справедливое, совершенно ложно, на сколько оно относится къ масонству, какъ союзу. Выгоды, стяжаемыя франк-масонами отъ ихъ союза, не матеріальныя, ибо франк-масонство есть умственное понятіе, и потому даваемая имъ блага—чисто духовной природы. Выгоды эти суть: спокойная совѣсть, узы дружбы, которыя связываютъ благородныхъ масоновъ между собою, и, наконецъ, благодарность сирыхъ и бѣдныхъ, которымъ они оказываютъ свою помощь. Далѣе масоновъ упрекаютъ, что они устраиваютъ празднества и мотають деньги; но я васъ спрашиваю; столько-ли стоятъ наши умѣренныя трапезы, сколько издерживается на пиршества королевскія, политическія и иногда даже на глупо-увеселительныя. Въ концѣ концовъ нынѣшніе многие утверждаютъ,

что существованіе франк-масонскаго союза бесполезно; ибо идея гуманности, хранимая симъ союзомъ, разрабатывается множествомъ другихъ специальныхъ обществъ. Положимъ, что это такъ; но тутъ не надо забывать, что цѣли другихъ обществъ слишкомъ ограничены, замкнуты, слишкомъ внѣшни и не касаются внутренняго міра работающихъ вкупѣ членовъ, и вотъ почему нашъ союзъ не только не падаетъ, а еще разрастается, и доказательствомъ тому служитъ, что къ намъ постоянно идутъ новые ищущіе неопиты, какъ и вы оба пришли съ открытыми сердцами и съ духовной жаждой слышать масонскія поученія... Впрочемъ, на сей разъ достаточно. Я вижу, что утомилъ ваше вниманіе. Идемте пить чай!

Проговоривъ это, Вибель всталъ и пошелъ въ столовую, забывъ даже взять къ себѣ на руки кота, который, впрочемъ, самъ побѣжалъ за нимъ, держа свой обгрызанный хвостъ перпендикулярно. Пани Вибель и вмѣстѣ съ ней Аггей Никитичъ умышленно поотстали немного отъ аптекаря.

— Завтра вы не приходите къ намъ, — проговорила она тихой скороговоркой: — а гуляйте утромъ по Длинной улицѣ; я тоже выйду туда.

Аггей Никитичъ въ отвѣтъ на эту кивнулъ головой и, напившись чаю, не замедлилъ уйти домой. Пани же Вибель, остановившись съ мужемъ вдвоемъ, вдругъ подошла къ нему и, прогнавъ кота, вскочившаго было на колѣни къ своему патрону, сама заняла его мѣсто и начала цѣловать своего стараго Генриха.

— Ахъ, татко, какой ты умный! — говорила она.

— Умный? — переспросилъ съ самодовольствомъ аптекаръ.

— Очень, татко, ты у меня умный, и какіе мы съ паномъ Звѣревымъ дураки противъ тебя!

— Учитесь, читайте, слушайте меня и вы поумнѣете! — утѣшалъ ее аптекаръ.

— Нѣтъ, кажется, мы никогда не поумнѣемъ, — связала совершенно какъ-бы искреннимъ голосомъ пани и затѣмъ нѣжно прильнула головой къ плечу мужа, что вызвало его тоже на нѣжнѣйшій поцѣлуй, который старикъ напечатлѣлъ на ея лбу, а она послѣ того поспѣшила слегка обтереть рукой это мѣсто на лбу.

Пока все это происходило, злобствующій молодой аптекарскій помощникъ, съ которымъ пани Вибель (грѣха этого нечего теперь таить) кокетничала и даже поощряла его большими надеждами до встрѣчи съ Аггеемъ Никитичемъ, помощникъ этотъ шелъ къ почтмейстеру, аки-бы къ другу аптекаря, и, заставъ того мрачно раскладывавшимъ одинъ изъ сложнѣйшихъ пасьянсовъ, прямо объяснилъ, что явился къ нему за совѣтомъ касательно Негг Вибеля, а затѣмъ, рассказавъ все происшествіе прошедшей ночи, присовокупилъ, что соскочившій со стѣны человѣкъ былъ исправникъ Звѣревъ, такъ какъ на мѣстѣ побѣга того былъ найденъ выроненный Аггеемъ Никитичемъ бумажникъ, въ которомъ находилась записка пани Вибель, ясно опредѣлявшая ея отношенія къ господину Звѣреву. Почтмейстеръ, разсмотрѣвъ этотъ бумажникъ и прочитавъ записку молодой пани, исполнился замѣтною радостью;

онъ давно уже былъ ужаснымъ ненавистникомъ женщинъ и особенно молодыхъ.

— Я не знаю, какъ мнѣ тутъ поступить?—спросилъ его аптекарскій помощникъ.

— Нивакъ! — отрѣзалъ ему почтмейстеръ. — Бумажникъ этотъ я возьму у васъ и все сдѣлаю за васъ.

— Но Негг Вибель, пожалуй, разсердится, что я сказалъ не ему, а вамъ, — возразилъ было помощникъ.

— А пускай его сердится; мнѣ развѣ въ первый разъ съ нимъ ссориться? — отвѣчалъ совершенно равнодушно почтмейстеръ, вовсе, кажется не думавшій, что можетъ произойти изъ всего этого для Вибеля, а равно и для аптекарскаго помощника, помышляя единственно о томъ, какъ онъ преподнесетъ пакостную вѣсть своему другу Вибелю. Вообще преподносить подобныя вѣсти было страстью этого густоброваго масона, такъ что онъ имѣлъ даже въ обществѣ названіе коршуна, и многіе знакомые его, при встрѣчѣ съ нимъ, безъ церемоніи говорили ему: «Ну, прокаркайте что-нибудь!» и почтмейстеръ почти каждый разъ находилъ что-нибудь прокаркать. Въ настоящемъ случаѣ онъ, отираившись на другой же день къ своему другу, прокаркалъ пакостную вѣсть въ короткихъ словахъ и передалъ при этомъ какъ бумажникъ Аггея Никитича, такъ и письмо пани Вибель. Старый аптекарь, не смотря на свой спокойный и твердый характеръ, поблѣднѣлъ и, мрачно взглянувъ на почтмейстера, тоже мрачно смотрѣвшаго на своего друга, сказалъ:

— Это не ваше дѣло, и вы напрасно въ него вмѣшались.

— А коли не мое, такъ прощайте!... Расхлебывайте сами, какъ знаете! — сказалъ почтмейстеръ и, проходя мимо помощника, не преминулъ и тому прокаркать:

— Васъ, вѣроятно, выгонять!

Тотъ на это пожалъ лишь плечами и нисколько не раскаявался въ своемъ поступкѣ: до того сильно было въ немъ чувство злобы и ревности.

Цѣлые два дня послѣ того старый аптекаръ ничего не предпринималъ и ничего не говорилъ женѣ. Наконецъ, на третій день, когда она къ нему пришла въ кабинетъ, заискивающая и ласкающаяся, онъ проговорилъ ей:

— Отчего къ намъ такъ давно не является господинъ Звѣревъ?

— Вѣроятно, онъ уѣхалъ въ уѣздъ, — отвѣчала пани на первыхъ порахъ бойко.

— Можетъ быть, я мѣшаю ему бывать у васъ? — спросилъ вдругъ аптекаръ.

Тутъ ужъ пани вспыхнула и растерялась.

— Для чего мяновицъ, панъ? *) — сказала она.

— Ну, Марья Станиславовна, — отвѣчалъ ей старый аптекаръ: — не будемте больше играть въ жмурки. Когда вамъ угодно было въ первый разъ убѣжать отъ меня, я объяснилъ себѣ вашъ поступокъ, что вы его сдѣлали по молодости, по увлеченію, и когда вы написали мнѣ потомъ, что желаете ко мнѣ возвратиться, я вамъ позволилъ это съ такимъ лишь условіемъ, что если вы другой разъ мнѣ измѣните, то я вамъ не прошу

*) Отчего-же именно вы?

того и не захочу болѣе своимъ честнымъ именемъ прикрывать ваши постыдные поступки, ибо это ужъ не безразсудное увлеченіе, а простой развратъ. Запираться въ этомъ случаѣ вы не трудитесь: у меня въ рукахъ ваше письмо господину Звѣреву, найденное въ его бумажникѣ, который онъ уронилъ, прыгая черезъ заборъ послѣ тайнаго свиданія съ вами. Письмо это я уничтожаю, а бумажникъ передаю вамъ для врученія его господину Звѣреву.

Сказавъ это, Вибель письмо разорвалъ, а бумажникъ подалъ пани Вибель.

Та взяла бумажникъ и глядѣла на мужа вопрошающимъ взглядомъ.

— Кромѣ того-съ,—продолжалъ аптекарь:—я требую, чтобы вы наняли совершенно отдѣльное помѣщеніе и жили-бы тамъ.

— Но на что-же я буду жить тамъ? — воскликнула пани:—Если вы со мной такъ поступаете, такъ я подамъ на васъ жалобу, чтобы вы обезпечили меня.

Старый аптекарь грустно усмѣхнулся.

— Жаловаться вамъ будемъ не за что на меня,—сказалъ онъ:— я не на словахъ только гуманный масонъ и по возможности обезпечу ваше существованіе, но не хочу лишъ оставаться слѣпцомъ и глупцомъ, ничего будто-бы невидящимъ и непонимающимъ.

Пани Вибель, бывшей подъ вліяніемъ ея сильнаго увлеченія Звѣревымъ, даже понравилось такое предложеніе со стороны мужа, потому что это давало ей возможность видаться съ своимъ обожаемымъ па-

номъ каждодневно безъ всякой осторожности и опасности.

— Если такъ, то я готова и завтра-же найду себѣ особую квартиру, — проговорила она, гордо взмахнувъ головой, и сейчасъ-же потомъ ушла гулять, такъ какъ былъ двѣнадцатый часъ и она надѣялась на Длинной улицѣ встрѣтить Аггея Никитича, который дѣйствительно давно уже бродилъ по этой улицѣ и былъ замѣтно разстроены и печалены.

Пани Вибель передала ему весь разговоръ свой съ мужемъ.

Аггей Никитичъ, выслушавъ ее, просіялъ.

— Да это превосходно!—воскликнулъ онъ.

— Конечно, превосходно,—подхватила пани Вибель, впрочемъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сомнѣнія:—только, панъ добродзею, я попрошу васъ, пріищете вы мнѣ квартиру, а то я не умѣю этого сдѣлать.

— Непремѣнно, сегодня-же пріищу!—подхватилъ Аггей Никитичъ и, разставшись съ пани Вибель, пошелъ исполнять ее порученіе. Квартира была имъ пріискана у одной просвирни недорогоая, очень чистенькая и въ совершенно уединенной части города. Платить за эту квартиру Аггей Никитичъ предложилъ изъ своего кармана и вообще большую часть жалованья издерживать на пани Вибель, а не на домашній обиходъ, что ему въ настоящее время удобно было сдѣлать, ибо Мпропа Дмитріевна наканунѣ передъ тѣмъ уѣхала въ Малороссію, чтобы продать тамошнее имѣнье свое, а потомъ намѣревалась проѣхать въ Москву, чтобы и тутъ развязаться съ своимъ домишкомъ, который годъ отъ году все

больше разваливался и не приносилъ ей почти никакого дохода.

VI.

Почтенный аптекаръ рассчиталъ такъ, что если-бы онъ удалилъ отъ себя жену безъ всякой вины съ ея стороны, а только по несогласію въ характерахъ, то долженъ былъ-бы удѣлять ей половину своего годоваго дохода, простиравшагося до двухъ тысячъ на ассигнаціи; но она имъ удалена за дурное поведеніе, то пусть ужъ довольствуется четвертью всего дохода,—сумма, на которую весьма возможно было-бы существовать одиноко женщинѣ въ уѣздномъ городкѣ, но только не пани Вибель. Аптекаръ, зная хорошо свойства своей супруги, поступилъ осторожно въ этомъ случаѣ. Онъ ей выдалъ всего только за мѣсяць впередъ; Аггей-же Никитичъ, получившій свои квартирныя деньги за треть, всѣ ихъ принесъ пани Вибель на новоселье, умоляя принять отъ него эту маленькую сумму. Пани ужасно конфузилась, говорила, что деньги она получила отъ мужа; Аггей Никитичъ слышать, однако, ничего не хотѣлъ, и пани уступила его просьбѣ, а затѣмъ въ продолженіе слѣдующей недѣли такъ распорядилась своимъ капиталомъ, что у нея не осталось копейки въ карманѣ; за то въ ближайшій праздникъ она встрѣтила пришедшаго къ ней Аггея Никитича въ такомъ восхитительномъ новомъ платьѣ, что онъ, ахнувъ отъ восторга и удивленія, воскликнулъ:

— Кто могъ сшить на васъ такую прелесть?

— Здѣшняя портниха; она очень хорошая мастерица. Потомъ, я сама матерію и прикладъ выбирала и показывала ей, какъ надобно сдѣлать.

— Непремѣнно все это дѣлалось по вашему вкусу! — продолжалъ восклицать Аггей Никитичъ.

Послѣ того, разумѣется, послѣдовала нѣжная пли, скажу даже болѣе того, страстная сцена любви: Аггей Никитичъ по крайней мѣрѣ съ полчаса стоялъ передъ божественной пани на колѣняхъ, цѣловалъ ея грудь, лицо, а она съ своей стороны отвѣчала ему такими-же ласками и съ неменьшею страстію, хоть внутри немножко и грызъ ее червякъ при невольной мысли о томъ, что на какія же деньги она будетъ кушать потомъ. На другой день, впрочемъ, пани Вибель эту сторону жизни успѣла на время обезпечить себѣ кредитомъ въ сѣвстныхъ и бакалейныхъ лавкахъ, придя въ которыя, она съ гоноромъ объявила сидѣльцамъ, что будетъ присылать свою дѣвушку Танюшу, составлявшую единственное крѣпостное достояніе ея шляхетскаго наслѣдства, и будетъ брать запасы на книжку, по которой сама пани какъ-нибудь зайдетъ и расплатится. Лавочники на первыхъ порахъ согласились. Кромѣ того, Марья Станиславовна попыталась было ту-же Танюшу послать съ письмомъ къ своему супругу, прося его дать ей еще денегъ за мѣсяцъ впередъ. На просьбу эту старый аптекаръ увѣдомилъ Марью Станиславовну тоже письмомъ, тщательнѣйшимъ образомъ запечатаннымъ, что денегъ онъ ей до конца мѣсяца не вышлетъ и не будетъ никогда высылать ранѣе срока. Пани Вибель очутилась въ весьма непріятномъ положеніи, потому что сверхъ запасовъ надобно было купить дровъ, за-

платить хозяевамъ за квартиру; кромѣ того, много другихъ мелочныхъ расходовъ предстояло, о которыхъ пани Вибель, ни бывши дѣвушкой, ни выйдя замужъ за Вибеля, ни даже убѣгая съ офицеромъ въ Вильно, понятія не имѣла. Конечно, ближе-всего ей было сказать Аггею Никитичу о своей нуждѣ; но это до того казалось совѣстно Марьѣ Станиславовнѣ, что она проплакала всю ночь и утро, разсуждая такъ, что не ради-же денегъ она полюбила этого человека, и когда къ ней вечеромъ пришелъ Аггей Никитичъ, она ему ни слова не сказала о себѣ и только была грустна, что замѣтивъ, Аггей Никитичъ сталъ было разспрашивать Марью Станиславовну; но она и тутъ не призналась, за то открыла Аггею Никитичу причину ея печали Танюша. Безъ преувеличенія можно сказать, что дѣвушка эта, сопровождавшая свою пани въ первый ея побѣгъ отъ мужа и нынѣ, какъ мы видимъ, при ней состоящая, была самымъ преданнымъ и вѣрнымъ другомъ Марьи Станиславовны въ силу того, можетъ быть, что своими нравственными качествами и отчасти даже наружностью представляла собой какъ-бы повтореніе той: также довольно стройная, также любящая кокетливо одѣться, она была столь-же, если еще не больше, склонна увлекаться коварными мужчинами, а равно и съ своей стороны поковарствовать противъ нихъ. Въ настоящемъ случаѣ, Танюша, провожая по лѣстницѣ Аггея Никитича, не преминула ему сказать:

— Вамъ ничего не говорила Марья Станиславовна?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ:—Я вижу, что она ба-

кая-то скучная и спрашивалъ даже ее; она говорить, что ничего.

— Какъ ничего!—произнесла усмѣхнувшись Танюша:—у нихъ ни копейки нѣтъ денегъ; пздержали все на платьѣ, а теперь и сидимъ на бобахъ.

— Но стоитъ-ли отъ этого быть скучною,—замѣтилъ Аггей Никитичъ.

— Конечно-съ; но лавочники эти проклятые пристають, когда имъ заплатятъ?—объяснила Танюша.

Въ первыя минуты Аггей Никитичъ мысленно попенялъ на Марью Станиславовну за ея скрытность, а обсудивъ потомъ, увидѣлъ въ этомъ величайшее благородство съ ея стороны и, конечно, счелъ себя обязаннымъ помочь пани Вибель, хоть это было ему не такъ легко, ибо у него самого имѣлось въ кошелькѣ только пять рублей. Взять у приходорасходчика впередъ жалованье можно было-бы, но Аггей Никитичъ по своей щепетильности въ службѣ никогда не дѣлалъ этого. «Ба!»—воскликнулъ онъ вдругъ, ударивъ себя по лбу и тѣмъ тономъ, какимъ нѣкогда Архимедъ произнесъ: *эврика!* и эврика Аггея Никитича состояла въ томъ, что онъ вспомнилъ о тяжелѣйшихъ карманныхъ золотыхъ часахъ покойнаго отца, а также о дюжнѣ столовыхъ ложекъ и предположилъ часы продать, а ложки заложить. Вырученная за это сумма, конечно, была не Богъ знаетъ, какъ велика; но все-таки Аггей Никитичъ, въ тайнѣ торжествуя, принесъ ее къ пани Вибель и первоначально сказалъ:

— Мери (Аггей Никитичъ именовалъ такъ пани Вибель, забывъ, что въ «Героѣ нашего времени» такъ называли княжну Лиговскую), вѣроятно, пер-

вое обзаведеніе вашего хозяйства вскочило въ копеечку, и вотъ возьмите, пожалуйста, эти деньги, которыя у меня совершенно лишнія.

Пани Вибель не разыгрывала на этотъ разъ комедіи, а взявъ торопливо подаваемыя ей Аггемъ Никитичемъ ассигнаціи, принялась его цѣловать, мысленно обѣщавшись самой себѣ не мотать больше, каковое намѣреніе она въ продолженіе мѣсяца строго исполняла, и мѣсяць этотъ можно назвать счастливейшимъ мѣсяцемъ любви Аггея Никитича и пани Вибель. Они никого не видѣли, ни о чемъ не слышали и только иногда по темнымъ вечерамъ прокатывались въ дрожжахъ Аггея Никитича по городу, причемъ однажды онъ уговорилъ Марью Станиславовну заѣхать къ нему на квартиру, гдѣ, провелъ ее прямо въ свей кабинетъ, въ которомъ были развѣшаны сохраняемыя имъ еще изображенія красивыхъ женщинъ.

— А, это все дамы, въ которыхъ вы были влюблены!—воскликнула пани.

— Я никогда ихъ и не видѣлъ, это картины, а не портреты!

— Э, не лгите, пожалуйста!—возразила ему пани.

— Увѣряю васъ!—утверждалъ Аггей Никитичъ, усаживаясь вмѣстѣ съ Марьей Станиславовной на диванъ и обнимая ее одной рукой за талию.—Я,—продолжалъ онъ, имѣя при этомъ весело-томные глаза:—настоящимъ образомъ былъ только влюбленъ въ тебя и прежде еще въ одну прелестную дѣвушку: Людмилу Рыжову.

— Гдѣ же теперь эта дѣвушка?—спросила Марья Станиславовна.

— О, она давно умерла!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, и взглядъ его принялъ уже грустный оттѣнокъ.

— Оттого, можетъ быть, что ты измѣнилъ ей?—спросила Марья Станиславовна.

— Я не могъ измѣнить ей, потому она что любила другаго и умерла отъ неблагополучныхъ родовъ.

— Бѣдненькая! — произнесла Марья Станиславовна:—Но причемъ-же вы, панъ, тутъ были?

— Не причемъ!... Я только идеально былъ влюбленъ въ нее.

— О, милый ты, милый! Какой ты хорошій!—воскликнула пани Вибель и уже сама обняла Аггея Никитича за шею.

— А ты,—произнесъ онъ, окончательно разнѣженный:—кромѣ меня, кого еще любила?

— Я любила... — начала пани Вибель, поднявъ свои бровки и почти съ дѣтской откровенностью:—любила одного студента въ Вильнѣ:

— Поляка?

— Поляка; но его потомъ куда-то усади.

— Гмь!—произнесъ многозначительно Аггей Никитичъ.

— Послѣ того мнѣ нравились еще два-три господина; но это такъ себѣ...

— А того офицера, съ которымъ ты уѣзжала отъ мужа?—спросилъ вдругъ Аггей Никитичъ.

Лицо пани Вибель приняло при этомъ болѣе серьезное выраженіе.

— Ты развѣ объ этомъ слышалъ? — проговорила она.

— Слышалъ.

— Офицера этого (онъ тоже былъ полякъ) я много любила.

— Отчего жъ вы разошлись?—любопытствовалъ Аггей Никитичъ.

— Онъ женился на другой, и съ тѣхъ поръ я стала поляковъ ненавидѣть, также какъ нѣмцевъ, и теперь хочу любить только русскихъ.

Въ слѣдующіе за симъ два мѣсяца Аггей Никитичъ все болѣе привязывался къ божественной Мери, а она не то чтобы хладѣла въ нему, но стала скучать нѣсколько своей совершенно уединенной жизнью, тѣмъ болѣе, что въ уѣздный городъ начало съѣзжаться для зимнихъ удовольствій сосѣднее дворянство. Рамзаевъ, успѣвшій на откупныхъ торгахъ оставить за собой сказанный уѣздный городъ, предполагалъ каждую недѣлю давать балы. Пани Вибель, хоть она скрывала это отъ Аггея Никитича, ужасно хотѣлось быть приглашенною на эти вечера; но она не знала еще, удостоятъ-ли ее этой чести, такъ какъ она была заявленною разводкой и весьма справедливо предполагала, что объ ея отношеніяхъ къ Аггею Никитичу трезвонить весь городъ; по волѣ судьбы, однако, послѣднее обстоятельство было причиною, что ее пригласили даже съ особымъ почетомъ. Передъ началомъ баловъ между Рамзаевымъ и Анною Прохоровной произошло такого рода совѣщаніе:

— А какъ намъ быть теперь съ Звѣревымъ?—сказалъ онъ женѣ.

Та сначала вопросительно взглянула на него.

— Миропа Дмитріевна, которая уренизовала этого дуботола въ отношеніи Тулузова и меня, говорятъ,

уѣхала куда-то, рассорившись съ нимъ, потому что онъ связался съ этой хорошенькѣй аптекаршей...

— Слышала это я, — произнесла невеселымъ голосомъ Анна Прохоровна.

— Значить, черезъ кого-же мы будемъ платить положенное исправникамъ? — спросилъ Рамзаевъ.

— Да ты съѣзди къ Звѣреву и предложи ему самому получать! — посоветовала Анна Прохоровна.

— А если онъ закричитъ на меня и начнетъ говорить мнѣ дерзости? Управляющаго Тулузова, Савелья Власьева, онъ прибилъ даже, — замѣтилъ Рамзаевъ.

— Тебя прибить онъ не посмѣетъ, — возразила Анна Прохоровна: — а если и скажетъ тебѣ что-нибудь неприятное, то ты можешь объяснить, что такъ дѣлается вездѣ, во всѣхъ откупахъ.

— Еще-бы не вездѣ! — подхватилъ Рамзаевъ: — А то чѣмъ-же бы жили всѣ эти чиновничихи.

— Значить, на что-же послѣ того можетъ обидѣться Звѣревъ?

— На то, что онъ тамъ какой-то особенный благородникъ, и масонъ, говорятъ.

— Почтмейстеръ тоже масонъ, однако ты посылаешь ему по ведру вина въ мѣсяцъ, — возразила Анна Прохоровна.

— Посылаю, и онъ еще просить, чтобы по два ведра ему давали, — объяснилъ Рамзаевъ.

— По моему, двухъ онъ не стоитъ! — замѣтила откупщица: — Кромѣ того, если ты хочешь, я съѣзжу къ этой молоденькой дамѣ, Вибель, которую я непременно хочу пригласить на наши балы.

— Вотъ это будетъ не дурно!—одобрилъ откупщикъ.

Въ результатъ такого совѣщанія Танюша, въ весьма непродолжительномъ времени, почти лобъ объ лобъ встрѣтилась съ лакеемъ откупщицы, хорошо ей знакомымъ, который первымъ дѣломъ, ни слова еще не проговоривъ, сдѣлалъ въ отношеніи Танюши весьма вольное движеніе, которое, конечно, она оттолкнула, и проговорила:

— Что вы, отъ барыни что-ли вашей?

— Какое отъ барыни? Съ ней самой! Принимаетъ ваша-то?

— Приметь, зовите!

Лакей пошелъ звать свою барыню, а Танюша поспѣшила доложить своей барынѣ, прикрикнувъ даже на ту:

— Поправьтесь немного и выходите: откупщица къ вамъ пріѣхала!

Марья Станиславовна вышла на встрѣчу гостя, которая, плывя по небольшимъ комнатамъ пани Вибель, производила какъ-бы какой-то электрической трескъ своимъ шелковымъ платьемъ; про блондовый чепецъ на ней и говорить нечего: это былъ какой-то эфиръ, совершенно воздушное безе, спустившееся на рѣдковатые волосы Анны Прохоровны, и одно только несчастіе: постоянно поражаемая флюсомъ щека ея, по необходимости, была завязана бѣлой косынкой.

— Я непременно хотѣла быть у васъ...—начала откупщица.

— Мерсі!—отвѣтила пани Вибель.

Затѣмъ гостя и хозяйка усѣлись.

— Будутъ нынче какія-нибудь удовольствія у насъ? — спросила Марья Станиславовна, какъ-будто бы ничего не знавшая.

— Собранія, вѣроятно, не устроятся; но у насъ будутъ балы каждую недѣлю, потому что, согласитесь, гораздо-же пріятнѣе видѣть тѣхъ, которыхъ желаемъ видѣть, а въ собраніи бываютъ всѣ, кто захочетъ.

— Это справедливо! — подхватила Марья Станиславовна, мучимая безповойнымъ вопросомъ: пригласятъ ли ее на эти вечера.

Къ успокоенію ея откупщица объявила:

— На васъ, какъ на самую блестящую даму, я непременно рассчитываю и прошу васъ быть украшеніемъ нашихъ баловъ.

— Oh, grand merci, madame! — воскликнула на это пани Вибель: — Но я теперь разводка и не знаю, какъ это можетъ показаться здѣшнему обществу.

— У насъ будетъ — возразила откупщица: — не здѣшнее общество, а наше общество, которое, конечно... Vous comprenez?

— Oh, oui, je comprends.... Merci еще разъ!... Буду являться къ вамъ. Когда-же начнутся ваши балы?

— Черезъ двѣ недѣли по вторникамъ! — отвѣчала Анна Прохоровна: — Надобно, чтобы общество пособралось.

— Конечно! — согласилась пани Вибель, и когда откупщица отъ нея уѣхала, она осталась-было въ неописанномъ восторгѣ отъ мысли, что снова будетъ появляться на балахъ, танцовать тамъ, всѣхъ поражать прекраснымъ туалетомъ... Но какимъ? воз-

сталъ вдругъ при этомъ роковой вопросъ. Всѣ ея балы-
ныя платья у нея были прошлогодняго фасона; значитъ,
неизбѣжно надобно было сдѣлать по крайней мѣрѣ
два-три совершенно новыя платья, и тутъ ужь
пани Вибель, забывъ всякое благородство и дели-
катность, побѣжала сама, въ сопровожденіи Танюши,
къ Аггею Никитичу и застала его собирающимся
идти къ ней.

Увидѣвъ такъ неожиданно явившуюся пани, онъ
даже испугался.

— Не случилось-ли чего-нибудь?—спросилъ онъ.

— Случилось, и случилось очень важное; садись
и слушай!—отвѣчала задыхающимся отъ быстрой
ходьбы голосомъ пани Вибель:—Сегодня у меня была
откупщица съ визитомъ.

— Откупщица?—переспросилъ Аггей Никитичъ,
вытаращивъ даже отъ удивленія глаза.

— Да, пріѣзжала звать на свои балы. Я не-
премѣнно хочу бывать на этихъ балахъ, и мнѣ не-
обходимо сдѣлать себѣ туалетъ, но у меня денегъ
нѣтъ. Душка, достань мнѣ ихъ, займи хоть гдѣ-
нибудь для меня! Я чувствую, что глупо, гадко по-
ступаю, беря у тебя деньги...

— Какъ тебѣ не совѣстно это говорить?—пере-
билъ ее Аггей Никитичъ: — Что-жь тутъ дурнаго,
что молодая женщина желаетъ выѣзжать въ свѣтъ
и быть тамъ прилично одѣтою? Я тебѣ достану де-
негъ и принесу ихъ завтра-же.

— Достань, татко!—воскликнула еще разъ пани
Вибель.

Развѣхавшись съ мужемъ, она стала Аггея Ни-
китича называть «таткой».

— Достану! — повторилъ онъ, рѣшившись на этотъ разъ взять у приходорасходчика жалованье впередъ, что сдѣлать ему было, по видимому, весьма не легко, потому что идя по утру въ судъ, Аггей Никитичъ всю дорогу какъ-то тяжело дышалъ и по крайней мѣрѣ до половины присутствія у него не доставало духу позвать къ себѣ приходорасходчика; наконецъ когда тотъ самъ случайно зашелъ въ присутственную камеру, то Аггей Никитичъ воспользовался симъ случаемъ и воззвалъ къ нему какимъ-то глухимъ тономъ:

— Спиридонъ Максимычъ!

— Что прикажете-съ?—отозвался тотъ.

— А что, вы не можете-ли дать мнѣ жалованье впередъ и квартирныя? — продолжалъ Аггей Никитичъ тѣмъ-же тономъ.

— Жалованье можно-съ, но квартирныя и столовыя вы ужь получили, — объяснилъ приходорасходчикъ.

— Это я знаю, однако, все-таки не можете-ли вы ссудить меня?

Аггей Никитичъ, кажется, немножко рассчитывалъ, не предложитъ-ли приходорасходчикъ ссудить ему изъ своего кармана.

— Изъ переходящихъ суммъ это очень легко, — пояснилъ тотъ.

— Изъ чужихъ-то денегъ? Нѣтъ-съ, я этого не желаю.

— Что-жь за важность? Прежніе исправники всегда и поскольку еще изъ переходящихъ суммъ брали впередъ.

— Ну, это ихъ дѣло, а я этого не хочу! Принесите пока только жалованье!

Приходорасходчикъ принесъ жалованье, но увы! его не хватило-бы на три волана къ платью пани Вибель, такъ что Аггей Никитичъ предпринялъ другое рѣшеніе: онъ вознамѣрился продать свою пару лошадей; тогда, конечно, ему не на чемъ будетъ ѣздить въ уѣздъ для производства дѣлъ. «Ну, и чортъ ихъ дери!» подумалъ почти съ ожесточеніемъ Аггей Никитичъ: «стану командировать на эти дѣла засѣдателя».

Изъ всего этого читатель видитъ, какъ мой мечтатель все ниже и ниже спускался въ смыслѣ служебнаго долга; но этимъ еще не ограничилось: Аггей Никитичъ въ этотъ-же день по этому пути такъ шагнулъ, что самъ потомъ не могъ дать себѣ въ томъ яснаго отчета. Случилось это... Впрочемъ, представимъ все лучше въ образахъ: въ три часа Аггей Никитичъ собирается идти продавать свою пару лошадей, и вдругъ передъ его домомъ остановилась тоже пара, но только внушительнѣйшая, въ сбруѣ съ серебряннымъ наборомъ, запряженная во внушительнѣйшія сани, въ которыхъ сидѣлъ откупщикъ во внушительнѣйшей бекешѣ и старавшійся придать своей физиономіи внушительнѣйшее выраженіе. Войдя къ Аггею Никитичу, Рамзаевъ началъ съ такого рода фразы:

— Позвольте мнѣ снова представиться вамъ! Теперь я уже не случайный откупщикъ, а, вѣроятно, останусь здѣсь на долго.

Аггей Никитичъ, полагая, что Рамзаевъ пріѣхалъ къ нему, чтобы пригласить его на балы, съ

своей стороны выразилъ, что Теофилъ Терентьичъ дѣлаетъ ему своимъ визитомъ большую честь, послѣ чего, откупщикъ началъ издалека подходить къ болѣе важной цѣли своего посѣщенія:

— Нынче откупа пошли выгодно для насъ; цѣны на торгахъ состоялись не высоки; кромѣ того, правительствомъ обѣщаны намъ разнаго рода льготы, и мнѣ въ Петербургѣ говорили, что есть даже секретный циркуляръ начальникамъ губерній не стѣснять откупщиковъ и допускать каждаго изъ нихъ торговать, какъ онъ умѣетъ!

— Циркуляра такого не могло быть!—выразился на первыхъ порахъ Аггей Никитичъ.

— Есть, есть! — воскликнулъ съ лукавой усмѣшкой откупщикъ:—Но, конечно, намъ это мало поможетъ, если ближайшіе наши начальники, то-есть городская и земская полиція, захотятъ притѣснить насъ.

Аггей Никитичъ началъ немножко сознавать, къ чему Рамзаевъ клонилъ свою рѣчь.

— Я не знаю, какъ другія полиціи; но я никогда не стѣснялъ откупа, какъ и впредь не буду стѣснять, — произнесъ онъ, желая, кажется, отклонить откупщика отъ того, что тотъ намѣренъ былъ сдѣлать.

— А это еще болѣе обязываетъ мой откупъ быть благодарнымъ и предложить вамъ получать отъ меня то, что все въ мірѣ исправники получаютъ, — подхватилъ откупщикъ.

На лицѣ Аггея Никитича начали выступать то красныя, то желтыя пятна.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же?—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Затѣмъ-съ, что это такъ слѣдуетъ!—сказалъ настойчиво откупщикъ и выложилъ передъ Аггеемъ Никитичемъ тысячу рублей:—Это за полгода: я нарочно привезъ деньги самъ, чтобы никто изъ служащихъ у меня не зналъ ничего объ этомъ.

— А совѣсть моя и ваша тоже не будутъ знать объ этомъ?—проговорилъ тѣмъ-же глухимъ голосомъ бѣдный Аггей Никитичъ.

— Какая тутъ совѣсть и въ чемъ тутъ совѣсть? Человѣкъ, что-ли, мы съ вами убили?—воскликнулъ смѣясь откупщикъ:—Я, какъ вы знаете, самъ тоже не торгошъ и не подъячій, а музыкантъ и артистъ въ душѣ, но я понимаю жизнь, вы-же, будучи благороднѣйшимъ человѣкомъ, мало (видно) ее знаете; а потому позвольте мнѣ въ этомъ случаѣ быть руководителемъ вашимъ.

— Благодарю васъ!—сказалъ Аггей Никитичъ съ скончательно искаженнымъ лицомъ.

Откупщикъ послѣ того недолго просидѣлъ и, попросивъ только Аггея Никитича непременно бывать на его балахъ, уѣхалъ, весьма довольный успѣхомъ своего посѣщенія; а Аггей Никитичъ поспѣшилъ отправиться къ пани Вибель, чтобы передать ей неправильно стяжанныя имъ съ откупа деньги, какъ-выя онъ выложилъ передъ пани полную сумму. Та, увидѣвъ столько денегъ, пришла въ удивленіе и восторгъ и, не помня, что дѣлаетъ, вскрикнула:

— Танюша, поди сюда и посмотри, что у насъ тутъ!

Аггей Никитичъ обмеръ при этомъ и проговорилъ попольски:

— Цо пани робить? Пани мнѣ компрометуетъ!

— Ахъ, такъ!... Пржепрашамъ, розумѣмъ! *)— произнесла пани и, торопливо спрятавъ деньги въ столъ, сказала вошедшей Танюшѣ:

— Дай мнѣ шляпку и сапопы! Я ѣду съ Аггеемъ Никитичемъ.

Танюша ушла приготовить то и другое.

— Ты на лошади и поѣдешь со мной въ ряды? Я сегодня хочу закупить все нужное для бальнаго платья.

— Поѣду!—отвѣчалъ Аггей Никитичъ, думавшій было возразить, что ловко-ли это будетъ; но не сказалъ, однако, того потому, что съ самаго утра какъ-бы утратилъ всякую собственную волю.

Въ рядахъ мои любовники, какъ нарочно, встрѣтили откущицу, что-то такое закунавшую себя. Она очень привѣтливо поклонилась Аггею Никитичу, а также и пани Вибель; но та, вся поглощенная соображеніями о своемъ платьѣ, торопливо мотнула ей головой и обратилась къ торговцамъ съ вопросами, есть-ли у нихъ то, и другое, и третье. Они ей отвѣчали, что все это есть и показывали ей разныя разности, но на повѣрку выходило, что все это не то, чего желала пани Вибель, такъ что она пришла почти въ отчаяніе и воскликнула:

— Это ужасно, какъ у васъ малъ выборъ! Ну, посмотрите, madame Рамзаева,—обратилась пани къ

*) — Что вы дѣлаете? Вы меня позорите!

— Ахъ да! Виновата, понимаю!

откупщицъ:—что за смѣшной рисунокъ этой матеріи, и посоветуйте, ради Бога, что мнѣ взять на платье!

Та съ удовольствіемъ поспѣшила на помощь къ Марьѣ Станиславовнѣ; видимо, что обѣ онѣ были знатоки и любительницы этого дѣла.

— Эта матерія не хороша!—сказала рѣшительнымъ тономъ откупщица. — Вы дайте лучше гладкую матерію, которую я у васъ брала!—прибавила она торговцу.

Подали гладкую матерію. Та дѣйствительно была хороша.

— Но не темна-ли она для меня?—спросила пани Вибель свою совѣтчицу.

— Почему-жь? Она довольно свѣтлая, отдѣляется цвѣтами, кружевами, — успокоила ее та:—и берта, конечно, къ платью должна быть.

— Берта у меня есть превосходная! — радостно воскликнула пани Вибель.

— Сколько-же вамъ прикажете отрѣзать матеріи?—спросилъ торговецъ.

— Мнѣ обыкновенно идетъ на платье восемнадцать аршинъ, но прибавьте еще аршина два-три, чтобы не было недостатка!—небрежно отвѣтила пани Вибель.

Торговецъ принялся отмахивать на желѣзномъ аршинѣ выбранную матерію, причемъ ее сильно натягивалъ.

— Почемъ-же за аршинъ вы уступите эту матерію? — сдѣлала торговцу довольно существенный вопросъ откупщица.

— По четыре съ полтиной, — отвѣчалъ онъ.

— Что за пустяки такіе вы говорите? — почти прикрикнула на него откупщица: — Я у васъ покупала ее по четыре рубля.

— Мы вамъ уступили, вы наша постоянная покупательница, — нѣсколько подобострастно объяснилъ ей торговецъ.

— Это вздоръ! Извольте уступить ее за ту-же цѣну Марьѣ Станиславовнѣ! Она моя пріятельница, — приказала она.

— Слушаю-сь! — сказалъ торговецъ и, обратившись къ пани Вибель, проговорилъ: — Восемдесятъ рублей съ васъ.

Пани вынула изъ кармана деньги и, отсчитавъ изъ нихъ нужное число ассигнацій, положила ихъ на прилавокъ.

Аггея Никитича при этомъ сильно покорибило: ему мстилось, что откупщица въ положенныхъ пани Вибель на прилавокъ ассигнаціяхъ узнала свои ассигнаціи, причемъ она, вѣроятно, съ презрѣніемъ думала о немъ; когда-же обѣ дамы, обмѣнявшись искренно-дружескими поцѣлуями, разстались, а пани, заѣхавъ еще въ двѣ лавки, — изъ которыхъ въ одной были ленты хорошія, а въ другой тюль, — велѣла кучеру ѣхать къ дому ея, Аггей Никитичъ, сидя въ саняхъ неподвижно, какъ монументъ, молчалъ. Пани Вибель подмѣтила это и по возвращеніи домой, какъ-бы забывъ объ матеріи и лентахъ, принялась ласкаться къ Аггею Никитичу. Онъ, конечно, отвѣчалъ ей тѣмъ-же, но въ глубинѣ его совѣсти было не хорошо, не спокойно, и ему, противъ воли, припомнились слова аптекаря, говорившаго, что во многихъ случаяхъ человекъ можетъ со-

вершено оправдать себя передъ другими, но только не передъ самимъ собою. Въ сущности, если не по строгой морали разсуждать, что такое сдѣлалъ Аггей Никитичъ? Онъ взялъ почти поощряемую правительствомъ взятку съ откупщика и взялъ для того, чтобы потѣшить этими деньгами страстно-любимую женщину; это съ одной стороны даже казалось ему благороднымъ, но съ другой въ немъ что-то такое говорило, что это скверно и нечестно!

VIII.

Первый балъ Рамзаевыхъ украсился посѣщеніемъ новой, столичной особы, Екатерины Петровны Тулузовой, которая болѣе уже мѣсяца сдѣлалась провинціальною женщиною, вслѣдствіе того, что супругъ ея Василій Ивановичъ Тулузовъ, былъ, какъ мы знаемъ, по рѣшенію суда, оставленъ въ подозрѣніи; но уголовная палата совершенно его оправдала, и когда дѣло поступило въ сенатъ, онъ, будучи освобожденъ изъ подъ домашняго ареста, былъ взятъ на поруки однимъ изъ своихъ друзей, а вслѣдъ затѣмъ отправился на житье въ Москву. Услыхавъ обо всемъ этомъ, Екатерина Петровна сочла болѣе удобнымъ для себя оставить шумную столицу и переѣхать хоть и въ уединенное, но богатое и привольное Синьково, захвативъ съ собою камеръ-юнкера, съ которымъ, впрочемъ, она была довольно холодна, и относилась къ нему даже съ замѣтнымъ неуваженіемъ, ибо очень хорошо видѣла, что онъ каждую минуту стремился чѣмъ-нибудь поживиться отъ

нея; а Екатерина Петровна, наученная опытомъ прежнихъ лѣтъ, приняла твердое намѣреніе продолжать своего адоратёра только хорошими обѣдами—и больше ничего.

Между тѣмъ Рамзаевъ, хоть Екатерина Петровна находилась въ открыто-враждебныхъ отношеніяхъ со своимъ супругомъ, а его благодѣтелемъ, тѣмъ не менѣе счелъ себя обязаннымъ ѣхать въ Спньково и пригласить ее на свои балы. Таковое приглашеніе онъ адресовалъ и камеръ-юнкеру, съ которымъ его познакомила Екатерина Петровна, немножко приравъ и довольно внушительно произнеся:

— Chambellan de la cour de Sa Majesté Impériale

Переносимся теперь прямо на балъ. Музыка уже играла; Рамзаевъ на этотъ разъ не дирижировалъ и только, стоя невдалекѣ отъ оркестра, взглядомъ подавалъ музыкантамъ на извѣстныхъ мѣстахъ пылу. Пани Вибель — я опять-таки долженъ повторить — была наряднѣе, милѣе и граціознѣе всѣхъ другихъ молодыхъ дамъ и танцевала кадрили съ Аггеемъ Никитичемъ, когда пріѣхала Тулузова въ сопровожденіи камеръ-юнкера, который за послѣднее время выучился носить въ глазу стеклышко. Туалетъ на Екатеринѣ Петровнѣ, по богатству своему, оказался далеко превосходящимъ туалетъ откупщицы, такъ что та, исполнившись почти благоговѣнія къ Екатеринѣ Петровнѣ, поспѣшила ей, какъ-бы царственной какой особѣ, представить все остальное общество, причемъ инвалидный поручикъ очень низко по-офицерски склонилъ свою голову передъ этой, какъ онъ понималъ, грандъ-дамъ; высокая-же супруга его, бывшая въ извѣстномъ положе-

нии и очень напоминаяшая своею фигурой версту, немного разбухшую въ верхней половинѣ, при знакомствѣ съ грандъ-дамъ почему-то покраснѣла. Аггей Никитичъ почти не расшаркался передъ Екатериной Петровной; но она, напротивъ, обинула его съ головы до ногъ внимательнѣйшимъ взоромъ, зато ужъ на пани Вибель взглянула черезъ-чуръ свысока; Марья Станиславовна, однако, не потерялась и отвѣтила этой черномазой госпожѣ тѣмъ гордымъ взглядомъ, къ какому способны соплеменницы Марины Мнишекъ, что, повидимому, очень понравилось камеръ-юнкеру, который, желая хорошенько разсмотрѣть молодую дамочку, выкинулъ ради этого—движеніемъ личнаго мускула—изъ глаза свое стеклышко, такъ какъ сквозь него онъ ничего не видѣлъ и носилъ его только для моды.

Сколь ни мимолетны были всѣ эти первоначальныя впечатлѣнія, произведенныя описываемыми мною лицами другъ на друга, они, однако, повторялись въ продолженіи всего бала, и положительно можно было сказать, что madame Тулузова стремилась къ Аггею Никитичу, а инвалидный поручикъ стремился къ ней, что Екатеринѣ Петровнѣ было несовсѣмъ лестно. Камеръ-юнкеръ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ о пани Вибель мрачнаго почтмейстера, который, конечно, прокаркнулъ о ней всякую гадость; но не смотря на то московскій франтъ всякій разъ, встрѣчаясь съ прелестною дамочкой, спѣшилъ выкинуть изъ глаза стеклышко и нѣжно посмотреть на нее; равнымъ образомъ Марья Станиславовна плѣнила, кажется, откупщика, который ей между прочими любезностями сказалъ, что

недавно выписанную имъ рѣзвѣйшую мазурку онъ намѣренъ назвать «à la rany Wibel». Аггей Никитичъ, конечно, всѣхъ этихъ мелочей не замѣчалъ; одно только показалось ему страннымъ, что когда онъ началъ танцовать вальсъ съ пани Вибель, то она не поддавалась подъ его манеру, а танцевала по своему въ два приѣма, такъ что имъ едва возможно было протанцовать одинъ туръ; но съ камеръ-юнкеромъ, пригласившимъ послѣ того пани Вибель и умѣвшимъ, конечно, танцовать вальсъ въ два приѣма, она носилась по залѣ какъ бабочка.

Болѣе сказать о балѣ нечего, кромѣ того лишь, что всѣ разѣхались очень поздно, что, однако, не помѣшало Аггею Никитичу, подвезшему пани Вибель въ своихъ саняхъ къ ея квартирѣ, хоть не надолго, но все-таки зайти къ ней.

Вскорѣ послѣ бала наступилъ Николинъ день, и по случаю именинъ Государя Императора все служащее общество съѣхалось къ торжественной обѣднѣ въ соборъ. Дамы приэтомъ красовались въ своихъ самыхъ нарядныхъ салопахъ, а между ними, конечно, была и пани Вибель, успѣвшая, къ великому счастью своему, почти передъ тѣмъ какъ разойтись съ мужемъ, заставить его сдѣлать ей отличнѣйшій салопъ съ собольимъ воротникомъ. Мужчины же служащiе были въ мундирахъ, какой у кого оказался, и Аггей Никитичъ, конечно, облекся въ свой отставной мундиръ карабинернаго полка, изъ котораго онъ, надобно сказать, какъ-бы еще повыросъ и замѣтно пораздобрѣлъ. Посреди мундирныхъ мужчинъ появился и камеръ-юнкеръ, который такой эффектъ произвелъ на всѣхъ молящихся своимъ золотымъ мундиромъ,

что описать трудно. Въ уѣздномъ городкѣ никто почти и невидывалъ придворныхъ мундиромъ. Пани Вибель тоже немало была поражена нарядомъ камеръ-юнкера, такъ что всю обѣдню не спускала съ него глазъ, хотя собственно лица его не видѣла и замѣчала только, что онъ то выкинетъ изъ глаза движеніемъ щеки стеклышко, то опять вставитъ его рукою въ глазъ. Послѣ обѣдни откупщикъ тутъ-же въ церкви пригласилъ все знакомое ему общество къ себѣ на полуоффиціальнѣй обѣдъ, видимо желая разъигрывать въ уѣздномъ городкѣ какъ-бы роль губернатора. На обѣдъ этотъ, разумѣется, всѣ съѣхались, а также прибыла и madame Тулузова, не бывшая въ соборѣ, но получившая отъ Рамзаева приглашеніе съ нарочнымъ, посланнымъ къ ней въ Синьково. За столомъ хозяева посадили Екатерину Петровну по правую руку самого амфитріона, а по лѣвую онъ, злодѣй, пригласилъ съестъ пани Вибель, которая на такую честь, кажется, не обратила никакого вниманія и весь обѣдъ занята была сравненіемъ фрака Аггея Никитича, еще прошлой зимой сильно поношеннаго, съ фраккомъ мизернаго камеръ-юнкера, который у того, по начавшей уже проникать въ Россію модѣ, былъ очень широкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣлъ на немъ складно. Не преминула пани Вибель сравнить и бѣлье на сихъ джентльменахъ, причемъ оказалось, что у Аггея Никитича изъ-подъ жилета чрезвычайно неуклюже торчала приготовленная ему неумѣлой Агашею густо накрахмаленная коленборовая манишка, а на камеръ-юнкерѣ бѣдѣлось тончайшее голландское полотно. Пока Марья Станиславовна дѣлала всѣ эти наблюденія,

хозяиномъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора; оркестръ сыгралъ народный гимнъ, и къ концу обѣда все подвыпили, не выключая даже дамъ, и особенно разруманилась Екатерина Петровна, которая послѣ горячаго выпила хересу, передъ рыбой портвейну, а послѣ мяса краснаго вина, — и не рюмку, а стаканъ; шампанскаго тоже не то что глотала понемногу изъ бокала, а разомъ его опустошала. Тотчасъ-же вслѣдъ за обѣдомъ затѣялись танцы, впродолженіе которыхъ Аггей Никитичъ, вѣроятно, вслѣдствіе выпитаго вина, былъ нѣсколько болѣе внимателенъ къ явностремящейся къ нему Екатеринѣ Петровнѣ, и она очень довольная тѣмъ, сразу-же затѣяла съ нимъ почти интимный разговоръ.

— Monsieur Звѣревъ, — сказала она: — вы дружны съ Марѣиными, съ которыми я тоже была прежде знакома и даже родня Егору Егорычу по первому моему мужу: — скажите, гдѣ они теперь и правда-ли, что уѣхали за-границу?

— Она за-границей съ, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ съ болѣзненнымъ чувствомъ въ сердцѣ.

— А скажите, дѣло объ моемъ мужѣ вы производили?

— Я-съ, — отвѣчалъ Аггей Никитичъ съ мрачнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— Но неужели-же онъ такъ правъ, что могъ вывернуться?

Въ отвѣтъ на это Аггей Никитичъ первоначально пожалъ только плечами.

— Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь говорить мнѣ все; я съ мужемъ моимъ давно во враждѣ, а

о васъ я слышу ото всѣхъ, какъ объ честнѣйшемъ человѣкѣ.

Все это Екатерина Петровна говорила, не столько, кажется, интересуясь дѣломъ своего супруга, сколько желая приласкаться къ Аггею Никитичу и продлить съ нимъ бесѣду.

— По моему, господинъ Тулузовъ совершенно неправъ, и что если его оправдали и оправдаютъ, такъ этому причина...

— Деньги!—подхватила Екатерина Петровна.

— Разумѣется!—подтвердилъ Аггей Никитичъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — произнесла съ легкимъ вздохомъ Екатерина Петровна: — Но вы, конечно, помните, monsieur Звѣревъ, что мы съ вами старые знакомые; вы были на моей второй свадьбѣ.

— Я хорошо это помню,—отвѣчалъ ей вѣжливо Аггей Никитичъ.

— Надѣюсь, что вы посѣтите меня въ моей усадьбѣ? — присовокупила она какъ-бы нѣсколько стыдливимъ голосомъ.

— Благодарю васъ покорно!... Непремѣнно-съ!—проговорилъ Аггей Никитичъ и началъ отыскивать глазами пани Вибель, которая въ это время сидѣла на довольно отдаленномъ диванѣ, и рядомъ съ ней помѣщался камеръ-юнкеръ въ неприличнѣйшей, по мнѣнiю Аггея Никитича, позѣ.

Надобно сказать, что сей московскій петиметръ, захавъ въ глухую провинцію, вознамѣрился держать себя какъ ему угодно: во-первыхъ, за обѣдомъ онъ напился почти до-пьяна, а потомъ, сидя въ настоящiя минуты около молодой женщины, онъ не только развалился на диванѣ, но даже, совершенно откинувъ

борты своего фрака, держалъ руки засунутыми за проймы жилета. Взбѣшенный всёмъ этимъ, Аггей Никитичъ, пользуясь тѣмъ, что началась мазурка, подошелъ къ Марьѣ Станиславовнѣ и напомнилъ ей, что она танцуетъ съ нимъ сей танецъ. Пани Вибель несовсѣмъ торопливо подала ему руку и по окончаніи тура замѣтно желала занять прежнее мѣсто, но когда Аггей Никитичъ подвелъ ее къ дивану, то камеръ-юнкеръ съ явнымъ умысломъ подставилъ ему ногу, что почувствовавъ, Аггей Никитичъ съ такою силою отшвырнулъ своей ногой сухопарую лутошку своего противника, что тотъ чуть не слетѣлъ съ дивана и грозно воскликнулъ:

— Monsieur!

— Pardon!—отвѣтилъ на это небрежно Аггей Никитичъ и присовокупилъ пани Вибель по-польски:— То быдло, недосыць, же ноги подставя, але и самъ сіенъ еще обража *).

Пани ужасно сконфузилась.

— Недоразумѣмъ, цо панъ муви **), — сказала она.

— А то мувень, же прошенъ паніонъ сіонсець не на канапенъ, а то кржесло ***)!—почти приказалъ ей Аггей Никитичъ.

Пани Вибель повиновалась, но видимо надулась.

Послѣ мазурки вплоть до ужина, безъ котораго хозяева никого изъ гостей своихъ не хотѣли пустить

*) Эта скотина ноги подставляетъ, да еще самъ потомъ кричить.

***) Я не понимаю, что вы говорите.

***) Я говорю, чтобы вы изволили сѣсть не на диванъ, а на это кресло.

домой, Марьей Станиславовной завладѣлъ откупщикъ и сталъ объяснять ей, что вотъ жена его столь счастлива, что была съ визитомъ у пани, но что онъ не смѣетъ себѣ позволить этого.

— Отчего-жь? — спросила она его.

— Потому что я уже старикъ и боюсь вамъ быть скучнымъ.

— О, нѣтъ, пожилыхъ мужчинъ я люблю больше, чѣмъ мальчиковъ молодыхъ!

— Мы это отчасти знаемъ, — произнесъ откупщикъ и, таинственно усмѣхнувшись, взглянулъ на стоявшаго въ дверяхъ Аггея Никитича, который если не прислушивался къ ихъ разговору, то все-таки смотрѣлъ на нихъ.

— Отчего вы сегодня не дирижировали своимъ оркестромъ? — спросила вдругъ пани Вибель.

— Ахъ, я занятъ сегодня другимъ! — произнесъ откупщикъ.

— Да, вы заняты другимъ!...—повторила протяжно его слова пани Вибель; но что такое это было другое, она не спросила откупщика, а, взглянувъ только не безъ значенія на него, встала съ своего мѣста и подошла къ Аггею Никитичу.

Здѣсь я не могу пройти молчаніемъ странную участь Марьи Станиславовны. Кажется, еще съ четырнадцатилѣтняго возраста ея всѣ почти мужчины, знавшіе молоденькую панну, считали какимъ-то правомъ для себя ухаживать за нею, и Марья Станиславовна отъ этого ухаживанья чувствовала великое удовольствіе. Аггей Никитичъ совершенно не подозрѣвалъ этой черты въ ней.

Торжество Николина дня заключилось, наконецъ,

тѣмъ, что Екатерина Петровна пригласила къ себѣ въ Синьково все общество пріѣхать въ будущую среду на обѣдъ.

Вслѣдствіе такого приглашенія, для пани Вибель возникъ вопросъ, какъ и съ кѣмъ ей доѣхать до Синькова. Ѣхать одной — не начесть. Отправиться съ Аггеемъ Никитичемъ, это значило прямо указать всеѣмъ на ея отношенія къ нему; такъ что на другой день, когда Аггей Никитичъ пришелъ къ ней, она стала съ нимъ совѣтоваться, какъ лучше поступить. Аггей Никитичъ съ своей стороны тоже находилъ совершенно неприличнымъ ѣхать ей въ его экипажѣ и придумалъ было нанять для Марьи Станиславовны особую тройку; но и то было какъ-то странно. Къ счастью, однако, все эти затрудненія устранилъ откупщикъ, пріѣхавшій къ пани Вибель съ визитомъ и первымъ-же дѣломъ спросившій ее, будетъ-ли она у *madame Тулузовой*.

— Непремѣнно была-бы, но вотъ тутъ какое препятствіе!...—объявила та и затѣмъ рассказала, въ чемъ собственно состояло препятствіе.

— Но какъ вамъ не грѣхъ говорить даже объ этомъ! — воскликнулъ откупщикъ: — Вы, конечно, должны ѣхать съ моей женой въ возкѣ, который у насъ очень покойный и теплый.

— Ахъ, я очень буду вамъ благодарна, но боюсь, что этого, можетъ быть, не пожелаетъ Анна Прохорова!—проговорила пани Вибель.

— Отчего-жъ ей не пожелать? Напротивъ,—возразилъ откупщикъ: — она вамъ будетъ обязана, потому что, вмѣсто того, чтобы скучать одной въ возкѣ, она поѣдетъ съ компаньонкой. А вамъ не-

угодно-ли будетъ со мной ѣхать въ крытыхъ саняхъ?—обратился онъ къ Аггею Никитичу.

— Зачѣмъ-же я буду обременять васъ, когда у меня своя кибитка есть? — отказался тотъ.

— Я знаю, что есть!—подхватилъ тотъ:—Но въ такомъ случаѣ я возьму съ собой поручика; онъ меня просилъ взять его съ собой.

Такимъ образомъ въ ближайшую среду всѣ гости почти одновременно выѣхали изъ города и направились къ Синькову, гдѣ они застали какъ самую хозяйку, такъ равно и пребывавшаго у нея камеръ-юнкера съ какими-то озлобленными физиономіями. Дѣло въ томъ, что Екатерина Петровна почти окончательно разсорилась съ своимъ адоратѣромъ, и ссора эта началась съ нижеслѣдующаго.

— А что у васъ этотъ долговязый исправникъ будетъ также на обѣдѣ? — спросилъ камеръ-юнкеръ.

— Будетъ! Отчего-жъ ему не быть? Онъ давнишній мой знакомый и совершенно безкорыстный человѣкъ, хоть и исправникъ.

— Сомнѣваюсь въ томъ! — произнесъ съ злобой усмѣшкой камеръ-юнкеръ: — Что онъ мужчина здоровый, это я вижу, но честности его неволью вѣрю.

— Аггею Никитичу, я думаю, ни тепло, ни холодно отъ того, вѣрите-ли вы въ его честность, или нѣтъ! — замѣтила съ полупрезрѣніемъ Екатерина Петровна.

— Безъ сомнѣнія!—подхватилъ камеръ-юнкеръ:—особенно, когда господинъ Звѣревъ, по своей молодцоватости и могучести, имѣетъ, вѣроятно, весьма лестное о немъ мнѣніе многихъ дамъ.

— Изъ чего-жь вы заключаете, что о немъ существуетъ такое мнѣніе? — спросила Екатерина Петровна, понявъ, что этотъ камешекъ въ ея огорождъ кинуть.

— Да изъ того, что эта прелестная madame Вибель, говорятъ, его любовница.

Екатерина Петровна широко раскрыла глаза: она никакъ не ожидала услышать то, что слышала.

— Кто-жь вамъ сообщилъ это? — спросила она.

— Сообщилъ мнѣ на обѣдѣ у откупщика этотъ старикъ съ густыми бровями, который и у васъ тутъ былъ раза два.

— Это почтмейстеръ нашъ; но какъ-же ему извѣстно это?

— Не знаю какъ; по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ довольно подробно разсказалъ, что эта дамочка жена его пріятели, здѣшняго аптекаря, что съ мужемъ она теперь не живетъ, а пребываетъ въ любви съ Звѣревымъ.

— Всего скорѣе, что почтмейстеръ вамъ навралъ! — возразила Екатерина Петровна: — Онъ очень злой и ехидный выдумщикъ; покойный отецъ мой всегда его такъ понималъ.

— Можетъ быть; но я сегодня-же испытаю справедливость словъ его, — произнесъ тономъ фата камеръ-юнкеръ.

— Какимъ-же образомъ вы испытаете это? — спросила его въ свою очередь тѣмъ-же насмѣшливо-неуважительнымъ тономъ Екатерина Петровна, и въ этомъ случаѣ ее подталкивала не ревность, а скорѣе уже озлобленіе противъ камеръ-юнкера.

— Испытаю это тѣмъ, что буду ухаживать за madame Вибель.

— Для какой-же это цѣли? любопытно знать.

— Ни для какой! Отъ скуки!

— Отъ скуки только?... Я сама тоже скучаю и отъ скуки тоже буду ухаживать за молодцоватымъ исправникомъ.

— Вамъ поэтому малорослые мужчины надоѣли?

— Надоѣли! — отвѣтила ему откровенно Екатерина Петровна.

— Точно такъ-же какъ и мнѣ всякаго рода belles femmes, и тутъ, знаете, можетъ случиться то, что описано въ одномъ прекрасномъ романѣ Гете подъ названіемъ: «Die Wahlverwandschaften».

— Пожалуйста, не говорите со мной разными учеными словами; я ихъ не знаю и не понимаю! — сказала Екатерина Петровна.

Въ отвѣтъ на это камеръ-юнкеръ захохоталъ обиднѣйшимъ для нея смѣхомъ.

— Тутъ ни единого слова ученаго нѣтъ, — продолжалъ онъ, какъ-бы желая еще болѣе оскорбить Екатерину Петровну: — кромѣ того, что по закону предрасположенія неродственные природы расходятся, а родственныя сливаются. Такъ и здѣсь — присо-вокупилъ камеръ-юнкеръ съ умышленнымъ цинизмомъ:— великорослые сольются между собою, а также и малорослые...

— Не самолюбивы-ли вы нѣсколько?—возразила ему Екатерина Петровна.

Всѣ эти взаимныя колкости пошли-бы, вѣроятно, и далѣе между ними, еслибы по дорогѣ къ Синькову не показались ѣдущіе экипажи съ гостями; но

всетаки программа, начертанная въ предыдущемъ спорѣ Екатериною Петровною, а равно и постылымъ ей другомъ, начала выполняться съ точностью. Камеръ-юнкеръ на этотъ разъ уже не просто стремился къ пани Вибель, а уцѣпился за нее; Екатерина-же Петровна совершенно забыла своихъ почтенныхъ гостей, каковы были откупщикъ и откупщица, и, вовсе не обращая вниманія на инвалиднаго поручика, явно желавшаго ей понравиться, стремилась къ Аггею Никитичу. Такого рода натиски и отпоры, разумѣется, кончились-бы не Богъ знаетъ чѣмъ, если-бы не случилось одно обстоятельство, сразу перевернувшее ходъ описываемыхъ мною событій. Аггей Никитичъ, одолеваемый любезностями хозяйки, чтобы хоть на время спастись отъ нихъ, сошелъ внизъ, въ билліардную, покурить, гдѣ, просидѣвъ около четверти часа, сталъ возвращаться назадъ въ залу; но, запутавшись въ переходахъ большаго дома, не попалъ въ нее и очутился около боскетной, передѣланной нынѣ Екатериною Петровною въ будуаръ. Онъ еще издали увидалъ въ этомъ будуарѣ пани Вибель и камеръ-юнкеръ, которые сидѣли вдвоемъ и о чемъ-то бесѣдовали. Одного этого обстоятельства достаточно было, чтобы у Аггея Никитича вся кровь прилила въ голову, и онъ рѣшился на поступокъ несовсѣмъ благородный: рѣшился подслушать то, что говорили пани Вибель и камеръ-юнкеръ, ради чего Аггей Никитичъ не вошелъ въ самый будуаръ, а, остановившись за шерстяной перегородкой, раздѣлявшей боскетную на двѣ комнаты, тихо овустился на кресло, стоявшее около умывальника, у котораго Екатерина Петровна обык-

новенно чистила по нѣскольку разъ въ день зубы крѣпчайшимъ нюхательнымъ табакомъ, научившись этому въ Москвѣ у одной своей пріятельницы, говорившей, что это — божественное наслажденіе, которое Екатерина Петровна тоже нашла божественнымъ. Съ занятой позиціи Аггей Никитичъ сталъ слышать весь разговоръ пани Вибель и камеръ-юнкера.

— Вы, значить, не знаете, — говорилъ послѣдній съ одушевленіемъ: — что такое эти господа карабинерные офицеры и какъ ихъ разумѣютъ въ Москвѣ: генераль-губернаторъ стѣсняется приглашать ихъ къ себѣ на балы, потому что они мало что съѣдаютъ все, что попадается, съ жадностью шакаловъ, но еще насуютъ себѣ за фалды, въ карманы мундира конфетъ, апельсиновъ, и все это, если который неосторожно сядетъ, раздавить и изъ-подъ него потечетъ.

Пани Вибель на такой подлый отзывъ о карабинерныхъ офицерахъ, хоть знала, что Аггей Никитичъ тоже былъ когда-то карабинеромъ, вмѣсто того что-бы обидѣться, разразилась смѣхомъ.

— Ха, ха, ха!... Ха, ха ха!... Не смѣшите меня, monsieur, такъ!—воскликнула она.

Но monsieur не унимался.

— Увѣрю васъ!—продолжалъ онъ съ еще большимъ одушевленіемъ: — Господинъ Звѣревъ, вѣроятно, тоже это дѣлалъ, и можете себѣ представить, когда онъ подавилъ своей особою несчастные груши и апельсины, то каково имъ было.

Пани Вибель и на это сначала: «ха, ха, ха!» и

ужь только потомъ, поопомнившись, она произнесла:

— Нѣтъ, онъ не дѣлалъ этого!

— И вы увѣрены, что изъ-подъ него никогда не текло?

Тутъ пани Вибель опять не могла удержаться и опять: «ха, ха, ха!... ха, ха, ха!»

— А замѣтили-ли вы, — острилъ расходившійся камеръ-юнкеръ:— какъ господинъ Звѣревъ танцевалъ съ вами вальсъ? Онъ все старался толочься на одномъ мѣстѣ и все васъ въ грудь животомъ толкалъ.

Пани Вибель снова захохотала и полувозразила:

— Ахъ, это оттого, что онъ танцуетъ вальсъ по-нѣмецки, медленно, а нынче танцуютъ быстро: — и затѣмъ снова тѣ-же: «ха, ха, ха!»

Долѣе Аггей Никитичъ не въ состояніи былъ подслушивать. Онъ, осторожно поднявшись съ кресла, вышелъ изъ боскетной и нашель, наконецъ, залу, гдѣ, поспѣшно подойдя къ инвалидному поручику и проговоривъ ему: «Мнѣ нужно сказать вамъ два слова!» взялъ его подъ руку и повелъ въ биллиардную, въ которой на этотъ разъ не было ни души.

— Сейчасъ этотъ... — началъ Аггей Никитичъ съ дрожащими губами и красный до багровости:— здѣшній камеръ-юнкеръ оскорбилъ честь полка, въ которомъ я служилъ... Онъ одной знакомой мнѣ дамѣ говорилъ, что насъ, карабинеровъ, никто въ Москвѣ не приглашаетъ на балы, потому что мы обыкновенно подбираемъ тамъ фрукты и разсовываемъ ихъ по карманамъ своимъ.

Инвалидный поручикъ пришелъ въ негодование.

— Возможно-ли это, — воскликнулъ онъ: — когда

карабинерные офицеры считаются лучшими въ арміи, почти тѣ-же гвардейцы?!

— Это совершенно справедливо, — подхватилъ Аггей Никитичъ (у него при этомъ на губахъ была уже бѣленькая пѣнка):—а потому я прошу васъ, какъ честнаго офицера, быть моимъ секундантомъ и передать отъ меня господину камеръ-юнкеру вызовъ на дуэль.

— Къ вашимъ услугамъ! — отвѣчалъ поручикъ, приподнявъ свои съ желтою суконною рогожкой эполеты и съ гордо-довольнымъ выраженіемъ въ лицѣ: онъ хоть былъ не изъ умныхъ, съ какой-то совершенно круглой головой и съ таковыми-же круглыми ушами, но не изъ трусливыхъ.

— Дуэль на смерть, понимаете?—продолжалъ Аггей Никитичъ: — такъ что если онъ промахнется и я промахнусь, опять стрѣляться до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ насъ не будетъ убитъ или смертельно раненъ!... Понимаете?... Или онъ, или я не должны существовать!

— Понимаю-съ!—подхватилъ поручикъ: — Если васъ онъ убьетъ, я его вызову! Не смѣй онъ оскорблять честь русскихъ офицеровъ!

— Отлично!—одобрилъ Аггей Никитичъ.—Я сейчасъ уѣду, и вотъ вамъ записка отъ меня къ господину камеръ-юнкеру!—заключилъ онъ и, отыскавъ въ карманѣ клочекъ бумаги, написалъ на немъ карандашомъ дрожащимъ отъ бѣшенства почеркомъ:

„Вамъ угодно было обозвать меня и всѣхъ другихъ офицеровъ карабинернаго полка, къ числу которыхъ я имѣлъ честь принадлежать, ворами фруктовъ на

балахъ, и за это оскорбленіе я прошу васъ назначить моему секунданту часъ, мѣсто и оружіе».

Передавъ эту записку поручику, Аггей Никитичъ уѣхалъ. Приглашенный имъ секундантъ не замедлилъ исполнить возложенное на него порученіе и, тотчасъ-же отыскавъ камеръ-юнкера, пригласилъ его сойти въ билліардную и вручилъ ему посланіе Аггея Никитича, пробѣжавъ которое, петиметръ нисколько не смутился.

— Все это очень прекрасно-съ,—сказалъ онъ:—но у меня нѣтъ секунданта, и я, не зная здѣсь никого, не знаю, къ кому обратиться; а потому не угодно-ли вамъ будетъ пріѣхать ко мнѣ съ этимъ вызовомъ въ Москву, куда я вскорѣ уѣзжаю.

— Но нельзя-же намъ ѣздить за вами, куда вы прикажете!—замѣтилъ поручикъ, крайне удивленный словами камеръ-юнкера.

— Нельзя-же и мнѣ къ вамъ выходить на барьеръ, когда васъ двое, а я одинъ! — возразилъ ему тотъ.

— Но все-таки вашъ отвѣтъ я нахожу неудовлетворительнымъ, и потому потрудитесь его написать вашею рукой!—потребовалъ поручикъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, сколько вамъ угодно!—отвѣчалъ съ обычнымъ ему цинизмомъ камеръ-юнкеръ и наоборотъ записки Аггея Никитича написалъ сказанное имъ поручику.

Надобно сказать, что сей петиметръ былъ довольно опытенъ въ отвертываньи отъ дуэлей, на которыя его нѣсколько разъ вызывали разные господа за то, что онъ то насплетничаетъ что-нибудь, то сострить, если не особенно умно, то всегда очень

оскорбительно, и ему всегда удавалось выходить сухимъ изъ воды: у однихъ онъ просилъ прощенія, другимъ говорилъ, что презираетъ дуэли и считаетъ ихъ варварскимъ обычаемъ, а на третьихъ, наконецъ, просто жаловался начальству и просилъ себѣ помощи отъ полиціи.

Въ настоящемъ случаѣ мы видѣли, какъ онъ уклонился отъ вызова Аггея Никитича, и не ограничиваясь тѣмъ, когда всѣ гости уѣхали изъ Синькова, онъ поспѣшилъ войти въ спальню Екатерины Петровны, куда она ушла было.

— Я пришелъ къ вамъ докончить тотъ разговоръ, который мы начали съ вами поутру и въ которомъ дошли до Рубикона,—сказалъ онъ.

— Опять прошу васъ, перестаньте блистать вашей ученостью,—перебила его Екатерина Петровна:— и говорите, что вамъ угодно отъ меня!?

— Миѣ угодно, чтобы вы дали миѣ лошадей, которые довели бы меня до почтоваго тракта.

— Хоть цѣлый шестерикъ!—проговорила Екатерина Петровна и, опасаясь, что камеръ-юнкеръ, пожалуй, попроситъ у нея денегъ на дорогу, присовокупила, мотнувъ ему поспѣшно головой:—Черезъ полчаса вамъ лошади будутъ готовы.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ на это камеръ-юнкеръ:—и на прощанье желаю вамъ какъ можно скорѣе стяжать себѣ любовь великорослаго исправника.

— А я вамъ желаю добиться любви какой-нибудь глупой замоскворѣцкой купчихи, которую вы могли бы обирать, — объяснила ему Екатерина Петровна.

— О, когда бы такое счастье снизошло на меня! —

воскликнулъ камеръ-юнкеръ и отправился въ свое отдѣленіе, чтобы собраться въ дорогу.

Черезъ какой-нибудь часъ онъ совсѣмъ уже уѣхалъ изъ Синькова, къ великому удовольствію Екатерины Петровны, которая, дѣйствительно, начинала не на шутку мечтать объ Аггеѣ Никитичѣ.

IX.

Аггей Никитичъ, возвратясь изъ Синькова, конечно, не спалъ и, прохаживаясь длинными шагами по своей зальцѣ, поджидалъ, какого рода отвѣтъ привезетъ поручикъ. Тотъ, не заѣзжая даже домой, явился къ нему часу во второмъ ночи. Узнавъ изъ записки, какъ взглянулъ господинъ камеръ-юнкеръ на вывозъ, Аггей Никитичъ пришелъ въ несказанную ярость.

— Я завтра-же поутру поѣду къ нему, мерзавцу, и дамъ ему при его любовницѣ пощечину!—кричалъ онъ на весь домъ.

— Стоитъ того, стоитъ-съ!—кричалъ и поручикъ вслѣдъ за нимъ:—Но только онъ спрячется отъ васъ, убѣжитъ.

— Нѣтъ, не убѣжитъ!... И что такое онъ говоритъ?... Секунданта у него нѣтъ?... Пусть возьметъ вашего тестя!... Тотъ не откажется....

— Никакъ не откажется! — поручился за ополченца поручикъ: — Старикъ еще храбрый, и очень даже. Но мнѣ поэтому опять надо ѣхать съ вами въ Синьково?

— Непремѣнно!—подхватилъ Аггей Никитичъ.

— Слушаю-сь! — проговорилъ поручикъ покорнымъ тономъ:—Съѣзжу только къ женѣ повидаться съ нею.

— Повидайтесь и ко мнѣ скорѣй, а тамъ и въ Синьково!

— Не замедлю-сь!—сказалъ поручикъ и дѣйстви-тельно не замедлилъ.

Разбудивъ жену, не ѣздившую по случаю своего положенія къ Екатеринѣ Петровнѣ, и рассказавъ ей, что произошло между камеръ-юнкеромъ и Аггеємъ Никитичемъ, онъ объявилъ, что сей послѣдній пригласилъ его быть секундантомъ на долженствующей послѣдовать дуэли, а потому онъ чѣмъ свѣтъ отправляется въ Синьково. Долговязая супруга его нисколько этого не испугалась, а, напротивъ, сама стала поощрять мужа хорошенько проучить этого штафирку за то, что онъ смѣлъ оскорбить всѣхъ офицеровъ: она видно была достойною дочерью храбраго ополченца, дравшагося въ двѣнадцатомъ году съ французами. Покончивъ, такимъ образомъ, переговоры свои съ супругою, поручикъ, почти не заснувъ нисколько, отправился, едва только забрезжилась зимняя заря, къ Аггею Никитичу, и вскорѣ они уже ѣхали въ Синьково, имѣя оба, кажется, одинаковое намѣреніе, въ случаѣ новаго отказа камеръ-юнкера, дать ему по здоровой пощечинѣ. Въ синьковскомъ домѣ ихъ встрѣтилъ полусонный лакей, которому они сказали:

— Проведи насъ къ вашему господину камеръ-юнкеру!

— Онъ уѣхалъ-сь!—отвѣтилъ лакей.

Оба путника мои отъ удивленія закинули головы свои назадъ и спросили:

— Куда?

— Надо полагать, что въ Москву, — объяснилъ лакей.

— Я говорилъ, что онъ спрячется или удереть куда-нибудь! — подхватилъ поручикъ, очень опечаленный тѣмъ, что лишился возможности явиться въ роли секунданта и тѣмъ показать обществу, что онъ не гарниза пузатая, какъ обыкновенно тогда называли инвалидовъ начальниковъ, но такой-же, какъ и прочіе офицеры арміи.

— Ну, это я еще посмотрю, какъ онъ спрячется отъ меня! — проговорилъ мрачнымъ голосомъ Аггей Никитичъ и послѣ того отнесся строго къ лакею: — Если ты врешь, что камеръ-юнкеръ уѣхалъ въ Москву, такъ это бесполезно: я перешарю всю усадьбу!

— Да помилуйте-съ, — урезонивалъ его тотъ: — что-же мнѣ врать? Коли мнѣ не вѣрите, извольте спросить Катерину Петровну!

— Непремѣнно спрошу! — проговорилъ столь-же строго Аггей Никитичъ: — Доложи Катеринѣ Петровнѣ, что мы пріѣхали!

— Онѣ еще почиваютъ-съ, — объяснилъ лакей, начинавшій уже немножко и трусить грознаго исправника.

— Это ничего, мы подождемъ; пойдемте въ залу! — распорядился Аггей Никитичъ и, проведя своего товарища въ залу, усѣлся тамъ съ нимъ.

Екатерина Петровна, впрочемъ, недолго заставила дожидаться себя. Сробѣвшій, какъ мы видѣли,

лакей пошелъ и разсказалъ о прїѣздѣ нежданныхъ гостей горничной Екатерины Петровны, а та, не утерпѣвъ, сказала о томъ барынѣ. Екатерина Петровна, не спала передъ тѣмъ почти всю ночь, подъ вліяніемъ двоякаго рода чувствованій: злобы противъ камеръ-юнкера и нѣкоторыхъ сладкихъ чаяній касательно Аггея Никитича. Услыхавъ, что сей послѣдній прїѣхалъ къ ней и прїѣхалъ не одинъ, а съ инвалиднымъ поручикомъ, она, обрадовавшись и немного встревожившись, поспѣшно встала и начала одѣваться; но когда горничная подала было ей обыкновенное домашнее платье, то Екатерина Петровна съ досадой отшвырнула это платье и велѣла подать себѣ щеголеватый капотъ, очень изящный утренній чепчикъ и бархатныя туфли, словомъ, костюмъ, въ который она наряжалась въ Москвѣ, принимая театральнаго женъ-премьера, заѣзжавшаго къ ней обыкновенно передъ репетиціей. Закончивъ свой туалетъ тѣмъ, что подбѣлила себѣ лицо пудрой, она вышла въ будуаръ, гдѣ усѣвшись, послала горничную пригласить къ ней Аггея Никитича, а также и поручика. Тѣ оба вошли въ будуаръ съ какимъ-то свирѣпымъ апломбомъ. Аггей Никитичъ, впрочемъ, извинившись въ столь раннемъ визитѣ, сказалъ, что онъ и его товарищъ прїѣхали не затѣмъ, чтобы беспокоить Катерину Петровну, но что они имѣютъ надобность видѣть господина камеръ-юнкера.

— Ни имени, ни фамиліи котораго, вы извините меня, я не знаю!—произнесъ Аггей Никитичъ явно презрительнымъ тономъ и затѣмъ продолжалъ:—Къ

сожлѣнію, намъ сказали, что онъ уѣхалъ, а потому мы просимъ васъ подтвердить, правда-ли это?

— Совершенная правда! — отвѣчала Екатерина Петровна.

— Значитъ, онъ бѣжалъ отъ насъ? — воскликнулъ Аггей Никитичъ.

— Отъ васъ? — спросила Екатерина Петровна, начинавшая уже терять нить всякихъ соображеній.

— Отъ насъ, — повторилъ Аггей Никитичъ: — потому что я ему черезъ господина поручика послалъ вызовъ на дуэль.

— На дуэль?... За что? — воскликнула Екатерина Петровна, какъ-бы даже не повѣрившая словамъ Аггея Никитича.

— Онъ-съ, — началъ Аггей Никитичъ: — опозорилъ тотъ полкъ, въ которомъ я служилъ, и, сверхъ того, оскорбилъ и меня.

— Скажите, какой негодяй! — проговорила не удержавшись Екатерина Петровна: — Но гдѣ же и когда это было? Я ничего не слыхала о томъ.

— Было это въ этой самой комнатѣ, — сказала Аггей Никитичъ неопредѣленно, не желая называть имени пани Вибель.

— И когда я, — вмѣшался въ разговоръ поручикъ, замѣтно пріосанившись: — передалъ господину камеръ-юнкеру вызовъ Аггея Никитича, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что уѣзжаетъ въ Москву и чтобы мы тамъ его вызывали.

— Вотъ это прелестно, милѣй всего! — продолжала восклицать Екатерина Петровна, имѣвшая то свойство, что когда она разрывала свои любовныя связи, то обыкновенно утрачивала о предметахъ

своей страсти всякое хоть сколько-нибудь доброе воспоминаніе и, кромѣ злобы, ничего не чувствовала въ отношеніи ихъ.

— Но мы, однако, его найдемъ и въ Москвѣ,—сказалъ Аггей Никитичъ: — если вы будете такъ добры, что сообщите намъ, гдѣ живетъ господинъ камеръ-юнкеръ.

— Съ большимъ-бы удовольствіемъ это сдѣлала, если-бы только знала его адресъ,—отвѣчала Екатерина Петровна: — котораго, вѣроятно, онъ самъ не знаетъ, потому что послѣдній годъ рѣшительно пребывалъ гдѣ день, гдѣ ночь.

— Гдѣ день, гдѣ ночь! Хорошъ-же мальчикъ! — произнесъ Аггей Никитичъ и мрачно склонилъ свою голову, а потомъ вдругъ всталъ и началъ раскланиваться съ Екатериной Петровной.

— Вы хотите уѣхать? — спросила его та.

— Да, мнѣ несовсѣмъ здоровится,—проговорилъ Аггей Никитичъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потнулъ головой своему товарищу, мечтательно созерцавшему дебелую фигуру Екатерины Петровны.

Надобно сказать, что поручикъ издавна любилъ дамъ полныхъ и черноволосыхъ, и если женился на сухопарой и совершенно бѣлобрысой дочкѣ ополченца, то это чисто былъ бракъ по расчету.

— По крайней мѣрѣ, вы напейтесь чаю у меня,—останавливала было Екатерина Петровна.

— Нѣтъ-съ, благодаримъ!—отказался Аггей Никитичъ и пошелъ, а за нимъ послѣдовалъ и поручикъ, кинувъ только еще разъ мечтательный взглядъ на Екатерину Петровну, которая, наконецъ, замѣтила это.

Всю дорогу поручикъ старался выпытать у Аггея Никитича, что́ онъ дальше намѣренъ предпринять; но тотъ отмалчивался, такъ какъ дѣйствительно чувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то очень неладное въ смыслѣ физическомъ и еще болѣе того въ нравственномъ; онъ уже ясно предчувствовалъ, что все это глупое и оскорбительное для него событіе прекратитъ его поэтическое существованіе, которымъ онъ такъ искренно наслаждался послѣднее время, и что затѣмъ для него настанетъ суровая и мрачная пора. Возвратившись домой и разставшись съ поручикомъ, Аггей Никитичъ легъ въ постель, а къ вечеру захворалъ той-же горячкой, которой былъ боленъ послѣ похоронъ Людмилы Николаевны. О своей болѣзни Аггей Никитичъ не увѣдомилъ пани Вибель, а также не послалъ и за докторомъ, желая, вѣжета, одного, чтобы какъ-нибудь поскорѣй умереть.

Пани Вибель, въ свою очередь, тоже мучилась. Узнавъ еще въ Синьковѣ, что Аггей Никитичъ вдругъ совершенно неожиданно уѣхалъ домой, она отчасти поняла, что причиной того было ея маленькое кокетство, которое она позволила себѣ съ камеръ-юнкеромъ. Не смотря на то, Марья Станиславовна все-таки весь слѣдующій день, разумѣется, ожидала, что Аггей Никитичъ придетъ къ ней. Прошло однако все утро, весь полдень; наступилъ, наконецъ, вечеръ, когда къ ней Аггей Никитичъ непременно ужъ являлся, но на этотъ разъ онъ не шелъ. Пани Вибель не вытерпѣла долѣе и послала Танюшу узнать, что́ такое съ Аггеемъ Никитичемъ и почему онъ къ ней не идетъ. Та прямо

пробралась въ кабинетъ Аггея Никитича, гдѣ онъ лежалъ почти въ забытїи. Разбудивъ его, она ему сказала, что Марья Станиславовна очень беспокоится, отчего Аггей Никитичъ не былъ у нея.

— Скажи, что я спалъ, потому что передъ этимъ очень много и долго не спалъ,—отвѣтилъ онъ что-то такое и снова погрузился какъ-бы въ забытїе.

Танюшѣ подумалось, что онъ пьянъ, о чемъ она, возвратясь къ госпожѣ, и доложила той.

— Какъ пьянъ?... Что за глупости ты говоришь?—проговорила пани и по темнымъ суметнымъ улицамъ уѣзднаго городка сама отправилась къ Аггею Никитичу, котораго застала въ томъ-же дремотномъ состояніи.

— Аггей Никитичъ, Аггей Никитичъ! — обликнула она его нетерпѣливо.

Онъ сначала полуоткрылъ глаза, но потомъ, кажется, догадавшись, кто его зоветъ, открылъ ужъ ихъ совсѣмъ, и когда узналъ окончательно Марью Станиславовну, то къ нему снова возвратилось полное сознаніе со всѣми подробностями его ощущеній и мыслей.

— Я не ожидалъ васъ видѣть,—проговорилъ онъ первоначально.

— Какъ и почему ты не ожидалъ меня видѣть?—воскликнула, уже горячась, пани Вибель.

— Такъ не ожидалъ!...—отвѣтилъ Аггей Никитичъ: — Мы къ людямъ, которыхъ презираемъ, не ходимъ.

— Кто презираетъ, кого презираетъ? — говорила пани Вибель, начавшая, какъ и Танюша, думать, что Аггей Никитичъ въ самомъ дѣлѣ пьянъ.

— Презираете вы меня! — отчеканилъ онъ съ удареніемъ.

— Я?... Тебя?... Да что ты, бредишь что-ли, или выпилъ много? — горячилась Марья Станиславовна

— Да, я выпилъ, — произнесъ, глубоко вздохнувъ, Аггей Никитичъ: — но только не вина, а отравы.

— Отравы онъ выпилъ!... Если ты это шутишь, такъ глупо такъ шутить: изволь сейчасъ-же вставать, одѣнься и не говори больше нелѣпостей!

— По вашему, я говорю глупости и нелѣпости! — сказалъ Аггей Никитичъ грустно-ироническимъ тономъ и не думая, повидимому, подняться съ постели: — Для меня это не новость; я знаю теперь, что вы давно считаете меня смѣшнымъ дуракомъ.

Пани Вибель при этомъ вспыхнула и, окончательно разсердившись, воскликнула:

— Да ты хоть кому покажешься дуракомъ; выдумалъ что-то такое въ своей фантазіи и расписываетъ!... Я его презираю; скажите, пожалуйста!

Марью Станиславовну больше всего обидѣли слова Аггея Никитича, что она его презираетъ. «Такъ для чего же я съ нимъ сошлась?» пробѣжало въ ея маленькой головкѣ: «Не изъ-за денегъ-же его!... Я для него развѣхалась съ мужемъ, надо мной вотъ тотъ-же камеръ-юнкеръ и даже Рамзаевъ подсмѣиваются за мою любовь къ нему, а онъ ничего этого не понимаетъ и за какой-то вздоръ еще капризничаетъ!»

— Я очень хорошо догадываюсь, за что ты

взбѣсился на меня: за то, что я немножко побольше поговорила съ камеръ-юнкеромъ.

Аггей Никитичъ при этомъ грустно и злобно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вы съ нимъ говорили немного, — сказалъ онъ: — но вы очень смѣялись, когда онъ васъ забавлялъ своими насмѣшками на мой счетъ.

Пани Вибель при этомъ ужъ нахмурилась и стремительно спросила:

— Но какъ-же ты это знаешь?

— Я слышалъ вашъ разговоръ въ этой угловой комнатѣ въ Синьковѣ.

— О, ты поэтому подслушивалъ! Какъ это благородно! Но въ этомъ разговорѣ ничего особеннаго и не было; онъ болталъ разный вздоръ, и я дѣйствительно разсмѣялась... Что-жъ тутъ такого важнаго?

— Какъ? — почти рывкнулъ на это Аггей Никитичъ, быстро поднимаясь съ дивана и сбрасывая съ него свои длинные ноги: — Это не важность, когда вамъ говорятъ, что я ворую апельсины на балахъ, раздавливаю ихъ и изъ-подъ меня течетъ?

— Онъ это не про тебя говорилъ, а про другихъ! — думала было немножко поувернуться пани Вибель.

— Нѣтъ-съ, про меня! — кричалъ Аггей Никитичъ, дрожа всѣмъ корпусомъ отъ начинавшаго его бить озноба.

— Но если и про тебя, опять это только глупо и смѣшно, не больше.

— Нѣтъ, это не смѣшно! — возразилъ ей грозно Аггей Никитичъ: — И что-бы вы думаете, сдѣлалъ

я, когда-бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что вы уродъ, что вы глупая и развратная женщина? Это вѣдь тоже была-бы нелѣпость! Что-же-бы, я сталъ надъ тѣмъ смѣяться?

— И ты-бы разсмѣялся, если считаешь это неправдой.

— Ну, я не знаю, что тутъ считать правдой или неправдой, но я-бы того человѣка вышвырнулъ въ окно, будь даже это женщина!

— Не могла-же я, какъ ты, вышвырнуть въ окно камеръ-юнкера; къ тому-же окно и закрыто было, — замѣтила насмѣшливо пани Вибель.

— Гдѣ вамъ вышвыривать его въ окно! Вы напротивъ упивались его пошлыми остротами на мой счетъ, — произнесъ Аггей Никитичъ и хлопнулся снова на диванъ, такъ какъ лихорадочный припадокъ окончательно имъ овладѣлъ. Будь пани Вибель нѣсколько поумнѣй и похитрѣй, ей стоило только прекратить этотъ разговоръ и признаться Аггею Никитичу, что она дѣйствительно дурно поступила, то, можетъ быть, все-бы кончилось благополучно; но, во-первыхъ, она нѣсколько не считала себя дурно поступившею, а напротивъ въ намекахъ и колкостяхъ Аггея Никитича видѣла совершенно несправедливое оскорбленіе ея; сверхъ того, по темпераменту своему она была очень вспыльчива, такъ что когда Аггей Никитичъ произнесъ фразу, что пани Вибель упивалась болтовней камеръ-юнкера, она встала съ кресла и съ тѣмъ гордымъ видомъ польки, каковой обнаружила при первомъ знакомствѣ своемъ съ откупщицей произнесла:

— Вы, я вижу, порядочныхъ женщинъ не умѣете

понимать, а потому я лучше уйду отъ васъ, и приходите ужъ вы ко мнѣ раскаяться, когда опомнитесь отъ вашего глупаго гнѣва!

— Мнѣ-же раскаяться? Нѣтъ!—воскликнулъ Аггей Никитичъ. — «Довольно мнѣ предъ гордою полячкой унижаться!» — продекламировалъ онъ, перевравъ немного, изъ «Сцены у фонтана».

— Но гордая полячка тоже передъ вами не унижится!—воскликнула съ своей стороны пани Вибель и ушла.

Аггея Никитича долго еще билъ потомъ лихорадочный ознобъ; затѣмъ съ нимъ начался жаръ, и онъ впалъ въ безпамятство. Забравшій къ нему поручикъ, чтобы узнать, что онъ предприметъ касательно дуэли, увидѣвъ Аггея Никитича въ совершенно безсознательномъ положеніи, поскакалъ позвать доктора; но тотъ былъ въ отъѣздѣ, почему поручикъ бросился къ аптекарю и, заставъ того еще не спавшимъ, объяснилъ ему, что доктора нѣтъ въ городѣ, а между тѣмъ исправникъ ихъ, господинъ Звѣревъ, находится въ отчаянномъ положеніи, и потому онъ проситъ господина аптекаря посѣтить больного. Поручикъ въ эти минуты совершенно забылъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Аггей Никитичъ съ аптекаремъ; но сей послѣдній, получивъ такое приглашеніе, первоначально впалъ въ нѣкоторое размышленіе и въ довольно сильную борьбу съ самимъ собою, но въ концѣ концовъ гуманный масонъ восторжествовалъ въ немъ надъ оскорбленнымъ мужемъ.

— Извольте, я съ вами поѣду, хоть я не докторъ!—проговорилъ онъ.

Въ сущности-же онъ былъ гораздо болѣе искусный докторъ чѣмъ городской врачъ, изъ семинаристовъ, умѣвшій только напиваться и брать взятки на рекрутскихъ наборахъ.

Входя въ домъ Аггея Никитича, почтенный аптекарь несовсѣмъ покойнымъ взоромъ осматривалъ комнаты; онъ, кажется, боялся встрѣтить тутъ жену свою; но, впрочемъ, увидѣвъ больнаго дѣйствительно въ опасномъ положеніи, онъ забылъ все и исключительно предался заботамъ врача; обложивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ громадную фигуру Аггея Никитича горчишниками, онъ съѣздилъ въ аптеку, привезъ оттуда нужныя лѣкарства и такимъ образомъ просидѣлъ вмѣстѣ съ поручикомъ у больнаго до самаго утра, когда тотъ началъ нѣсколько по свободнѣе дышать и, повидимому, заснулъ довольно спокойнымъ сномъ. Уѣхавъ затѣмъ съ поручикомъ, онъ сказалъ, что въ двѣнадцать часовъ снова будетъ у больнаго, вслѣдствіе чего поручикъ тоже еще съ ранняго утра явился къ Аггею Никитичу, который уже проснулся, и прямо, не подумавъ, бухнулъ ему, что онъ привозилъ къ нему не доктора, а аптекаря. Аггея Никитича при этомъ передернуло всего.

— И онъ поѣхалъ съ вами?

— Поѣхалъ, и потомъ еще самъ ѣздилъ въ аптеку свою за лѣкарствами для васъ.

Аггей Никитичъ понялъ суть дѣла, и поступокъ гуманнаго масона такъ поразилъ его, что у него слезы выступили на глазахъ, что повторилось еще въ большей степени, когда гуманный масонъ въ двѣнадцать часовъ пріѣхалъ къ нему. Аггею Никитичу было стыдно и совѣстно противъ старика, но вмѣ-

стѣ съ тѣмъ въ немъ возродилось сильное желаніе снова приступить къ масонскому образованію себя.

Въ маленькомъ городкѣ между тѣмъ всѣ стали толковать о случившемся въ Синьковѣ и о послѣдствіяхъ того. Поручикъ сталъ первый встрѣчному и поперечному рассказывать, что Аггей Никитичъ черезъ посредство его вызвалъ камеръ-юнкера на дуэль за то, что тотъ оскорбилъ честь карабинерныхъ офицеровъ; откупщикъ-же въ этомъ случаѣ не соглашался съ нимъ и утверждалъ, что Аггей Никитичъ сдѣлалъ это изъ ревности, такъ какъ пани Вибель позволила себѣ въ Синьковѣ обращаться съ камеръ-юнкеромъ до такой степени вольно, что можно было подумать все. Наконецъ, поручикъ разгласилъ о томъ, что Аггей Никитичъ лежитъ въ горячкѣ и что его лечитъ не докторъ, а аптекарь, его злѣйшій-бы, кажется, врагъ. Все это дошло, конечно, до Екатерины Петровны, которая, узнавъ о болѣзни Аггея Никитича, встревожилась до такой степени, что забывъ строгость уѣздныхъ приличій, вдругъ пріѣхала навѣстить его и хотя не была имъ принята, но черезъ три дня снова посѣтила Аггея Никитича, причемъ горничная Агаша, по приказанію барина, объявила ей, что Аггей Никитичъ никого изъ дамъ не принимаетъ и принимать не будетъ, какой отвѣтъ крайне обидѣлъ и огорчилъ Екатерину Петровну. Не мало также ставило въ тупикъ и откупщицу все, что она слышала объ Аггеевѣ Никитичѣ и пани Вибель, тѣмъ болѣе, что она невольнѣ вѣрила, чтобы у той было что-нибудь серьезное съ Аггеемъ Никитичемъ, и простодушно полагала, что Марья Станиславовна, какъ

объяснила та ей, ѣхавъ съ нею въ возкѣ въ Синьково, разошлась съ мужемъ по нестерпимости характера его. Выѣстъ съ тѣмъ откупщицу удивляла Миропа Дмитріевна, которая, сколько уже времени уѣхавъ изъ ихъ города, строчки не написала ей, что казалось Аннѣ Прохоровнѣ просто неблагодарностью со стороны Миропы Дмитріевны. Чтобы хоть сколько-нибудь разгадать всю эту путаницу, откупщица вознамѣрилась съѣздить къ бѣдной пани Вибель, которую рѣшительно считала жертвою всякаго рода глупыхъ сплетенъ. Она застала Марью Станиславовну на себя непохожею и, какъ-бы не зная ничего, спросила ее:

— Что такое съ вами? Васъ нигдѣ не видать! Вы или больны, или огорчены чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчала было сначала пани Вибель, но ее выдали наверхушіяся на глазахъ слезы.

— Однако я вижу, вы плачете, моя милая!—продолжала откупщица голосомъ, полнымъ участія.

Пани Вибель молчала.

— Можетъ быть, васъ беспокоятъ какія-нибудь новыя непріятности съ мужемъ?—присовокупила откупщица.

— Несколько, и развѣ онъ смѣетъ дѣлать мнѣ непріятности!—возразила уже съ высокоуміемъ пани Вибель.

— Ну, такъ что-же?—приставала къ ней откупщица:—Тутъ, я вамъ говорю, идутъ по городу такія розказни!...

— Какія? —спросила стремительно и съ безпокойствомъ пани Вибель.

— Говорятъ, что изъ-за васъ, что-ли, или за

что другое произошла дуэль у Аггея Никитича съ камеръ-юнкеромъ.

— Это вздоръ! Никакой дуэли у нихъ не было, — отвергнула пани Вибель.

— Не было, потому что этотъ камеръ-юнкеришка сгрусилъ и бѣжалъ въ Москву.

— Онъ бѣжалъ въ Москву?—переспросила пани Вибель.

— Да, — подтвердила откупщица. — Ну, а это вы, конечно, знаете, что Аггей Никитичъ теперь опасно боленъ?

— Знаю, что боленъ, но вовсе не опасно.

— Какъ же этотъ дурачокъ, инвалидный поручикъ, у насъ въ домѣ рассказывалъ, что Аггей Никитичъ, будто-бы, все время лежитъ въ безпамятствѣ, что его лѣчатъ вашъ мужъ и бываетъ у него по нѣскольку разъ въ день?

— Мой мужъ?... Ха, ха, ха...—засмѣялась пани Вибель; она рѣшительно не повѣрила тому, что слышала, и сказала откупщицѣ:—Этого ужъ никакъ не можетъ быть!

— Не знаю, но говорятъ, что лѣчатъ, — повторила та: ей, конечно, хотѣлось бы разузнать еще многое отъ пани Вибель, но она не рѣшалась, видя, что Марья Станиславовна была очень разстроена, особенно послѣ того, какъ откупщица сказала ей, что Аггея Никитича лѣчатъ аптекаръ, а потому она, нѣжнѣйшимъ образомъ распростившись съ пани Вибель, умоляла ее не скучать и прїѣзжать къ ней въ домъ для развлечения, въ какое только угодно время, а главное быть откровенной съ ней и не скрывать ничего. <http://rcin.org.pl>

— О, да, разумѣется! — говорила ей въ отвѣтъ Марья Станиславовна, и когда откупщица отъ нея убралась, она немедля-же позвала къ себѣ свою наперсницу, Танюшу, и почти крикнула ей:

— Ты знаешь: Аггея Никитича, который, говорятъ, будто-бы, тамъ чѣмъ-то боленъ, лѣчитъ мой мужъ?!

— Нѣтъ, какъ это возможно! — усомнилась та.

— Возможно, говорятъ; пойди сейчасъ-же къ прислугѣ Аггея Никитича! Мнѣ теперь, значить, и появиться къ нему нельзя, потому что я могу встрѣтиться съ мужемъ. Пойди, узнай, правда-ли это!

Танюша, обезпокоенная такой новостью, почти не менѣе госпожи своей, очень проворно сбѣгала и донесла, что Аггея Никитича въ самомъ дѣлѣ лѣчитъ Генрихъ Федорычъ и что даже теперь сидитъ у него и читаетъ ему какую-то книгу.

Аптекарь, дѣйствительно, услыхавъ отъ Аггея Никитича желаніе снова предаться изученію масонства, принялся, не обращаясь особенно къ медицинскимъ пособіямъ, врачевать своего больного масонскими поученіями.

Это событіе, подтвержденное Танюшей, не столько огорчило пани Вибель, сколько взбѣсило ее.

«О, вотъ что вы изволите продѣлывать, господинъ Звѣревъ! Значить, вамъ было дорого масонство, но не я, и меня вы только взяли на минутное развлеченіе, а что главнымъ образомъ вамъ хочется быть такимъ-же дуракомъ, какъ и супругъ мой... Ну, хорошо, наслаждайтесь этимъ!» рѣшила мысленно пани Вибель и, одѣвшись въ одно изъ самыхъ изящныхъ платьевъ своихъ, поѣхала къ от-

жупц ицѣ, и, конечно, не ради криворожей госпожи Рамзаевой, а для ея супруга, которому пани Вибель задумала свертѣть голову. Откупщицу она нашла до такой степени страдающей отъ своего флюса, что та почти ничего не понимала и не видѣла, что вокругъ нея происходить, чѣмъ воспользовавшись, пани Вибель все время разговаривала съ monsieur Рамзаевымъ, видая при этомъ на него довольно знаменательные и вызывающіе взгляды.

X.

Всѣ люди, какъ извѣстно, старѣясь дѣлаются болѣе и болѣе рабами своихъ главныхъ прирожденныхъ инстинктовъ. Прирожденный-же Миропъ Дмитріевнѣ инстинктъ состоялъ въ жаднѣ пріобрѣтенія имущественныхъ благъ (авторъ подозреваетъ, что Миропъ Дмитріевна, по своему отдаленному происхожденію, врядъ-ли была не изъ жидовокъ). Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, она думала, что жить и не наживаться, это—прозябаніе, а не жизнь. Въ силу такого мнѣнія Миропъ Дмитріевна, по выходѣ замужъ за Зудченко, а также бывши вдовою, каждый годъ что-нибудь пріобрѣтала, и только сдѣлавшись женою безалабернаго Звѣрева, Миропъ Дмитріевна, какъ-бы утратила эту способность и стала даже почти проживаться, такъ какъ въ чайнѣ большихъ выгодъ отъ почтамтской службы мужа, она много истратилась на переѣздъ изъ Москвы въ губернію, а въ результатъ этой службы, какъ мы знаемъ, получила шишъ. Затѣмъ новыи переѣздъ изъ Москвы

изъ губернскаго города въ уѣздный тоже повлекъ расходъ. Наконецъ, это скрытное вытягиванье денегъ отъ Рамзаева, отказъ того взять ее въ часть по откупу до того утомили и истерзали практическую душу Миропы Дмитріевны, что она, послѣ долгихъ бессонныхъ ночей и обдумываній, составила себѣ твердый планъ разстаться съ своимъ супругомъ, въ которомъ ничего не находила лестнаго и пріятнаго для себя. Ради этой цѣли она объявила Аггею Никитичу, что поѣдетъ въ Малороссію продать тамъ свое заглазное имѣнье, откуда переправится въ Москву, чтобы и тамъ тоже продать свой домишко на Гороховомъ полѣ, начинавшій приходить въ окончательную ветхость. Аггей Никитичъ втайнѣ исполнился восторгомъ отъ такого намѣренія Миропы Дмитріевны, но не показавъ ей того. Такимъ образомъ, супруги по наружности разстались довольно мирно, но тѣмъ не менѣе переписываться между собой они почти не переписывались, и тѣмъ временемъ какъ Аггей Никитичъ куралесиль съ пани Вибель и съ камеръ-юнкеромъ, Миропа Дмитріевна окончила съ успѣхомъ свои продажи и, поселившись окончательно въ Москвѣ, вознамѣрилась заняться ростовщичествомъ, въ коемъ она еще прежде практиковалась, ссужая карабинерныхъ офицеровъ небольшими суммами за большіе проценты. Въ настоящее время она предполагала развить это дѣло на болѣе серьезную и широкую руку, и сначала оно у нея пошло очень не дурно: во-первыхъ, Миропа Дмитріевна не дополучила съ лица, купившаго у нея домъ, двухъ тысячъ рублей

и оставила ему эту сумму за двадцать процентовъ въ годъ подъ закладную на самый домъ, и невдолгѣ послѣ того ей открылась весьма крупная и выгодная операція, которой предшествовала маленькая сцена въ кофейной Печкина, каковую мнѣ необходимо для ясности разсказа описать.

Въ одинъ изъ вечеровъ въ билліардной кофейной сидѣли актеръ Максинька и камеръ-юнкеръ; оба они, видимо, заняты были весьма серьезнымъ разговоромъ.

— Вы говорите, что это одна дама отдаетъ деньги подъ проценты?—спрашивалъ камеръ-юнкеръ.

— Дама; вотъ тутъ въ кофейной офицеръ сказывалъ объ этомъ магистратскому секретарю, котораго теперь выгнали изъ службы, и онъ все нюхаетъ, гдѣ-бы ему занять,—объяснилъ важнымъ тономъ Максинька.

— А фамилію и адресъ этой дамы вы знаете?—продолжалъ спрашивать камеръ-юнкеръ.

— Знаю и думаю тоже направить къ ней лыжи; говорятъ, она дама очень обходительная.

— Отправимтесь вмѣстѣ, можетъ быть, заведемъ съ ней очень пріятное знакомство.

— Еще-бы не пріятное!—подхватилъ Максинька и захохоталъ.

Условившись такимъ образомъ, они на другой же день поѣхали въ нанятой для большаго шика камеръ-юнкеромъ коляскѣ къ дамѣ, дающей деньги подъ проценты, причемъ оказалось, что Максинька зналъ только, что эта дама живетъ на Гороховомъ полѣ въ домѣ бывшемъ госпожи Зудченко; но для

смѣтливаго камеръ-юнкера этого было достаточно. Пріѣхавъ на Гороховое поле, онъ очень скоро отыскалъ бывшій домъ госпожи Зудченко и въ немъ обрѣлъ нужную ему даму въ особѣ Миропы Дмитріевны. Камеръ-юнкеръ сначала не взялъ съ собою Максиньки, а велѣлъ ему остаться въ экипажѣ. Максинька безпрекословно покорился такому приказанію и очень былъ доволенъ тѣмъ, что сидитъ въ коляскѣ и что всѣ проходящіе взглядывають на него съ нѣкоторой аттенціей.

Войдя въ квартиру Миропы Дмитріевны, камеръ-юнкеръ велѣлъ доложить о себѣ, съ подробнымъ изложеніемъ всего своего титула, который, однако, вовсе не удивилъ и не поразилъ Миропы Дмитріевны, такъ какъ она заранѣе ожидала, что ее будутъ посѣщать разные важные господа; камеръ-юнкеръ началъ разговоръ свой съ нею съ извиненія.

— Pardon, madame, что я, не будучи вамъ знакомъ, позволяю себѣ беспокоить васъ! — произнесъ онъ.

— Это ничего! — отвѣчала Миропа Дмитріевна съ замѣтной важностью и вмѣстѣ съ тѣмъ благо-склонно.

— Я слышалъ, — продолжалъ камеръ-юнкеръ: — что вы, по добротѣ вашей, ссужаете деньгами людей, которые желаютъ занять ихъ.

— Да, это правда, — не отвергнула Миропа Дмитріевна: — но прежде всего мнѣ желательно вамъ сказать, что я хоть и женщина, но привыкла дѣлать эти дѣла аккуратно и осмотрительно, а потому даю деньги подъ крѣпостныя заемныя письма, проценты обыкновенно беру впередъ и, въ случаѣ неуплаты

въ срокъ капитала, немедленно подаю во взысканію, и тутъ ужъ мой должникъ меня не упробитъ никакими отговорками и извиненіями!

— Вы отлично дѣлаете, — похвалилъ ее камеръ-юнкеръ:—и это показываетъ только, что вы умная женщина; но какъ великъ вашъ процентъ?

— Двадцать пять копѣекъ съ рубля въ годъ! — объявила Миропа Дмитріевна.

— Процентъ почти обыкновенный, — отозвался камеръ-юнкеръ, слегка впрочемъ пожавъ плечами:—и я согласенъ платить такой.

— Позвольте-съ, это еще не все, — остановила его Миропа Дмитріевна: — Я всегда требую, чтобы былъ поручитель.

Послѣднее условіе, повидимому, сильно смутило камеръ-юнкера.

— Вы поручителя желаете?—переспросилъ онъ.

— Да, — отвѣчала Миропа Дмитріевна.

Камеръ-юнкеръ нѣкоторое время какъ-бы придумывалъ.

— Конечно, — началъ онъ:—я могъ-бы найти поручителя, но тутъ вотъ какое обстоятельство замѣшалось: заемъ этотъ я дѣлаю собственно для женитьбы на очень богатой невѣстѣ и просить кого-нибудь въ поручители изъ нашего круга, значить, непременно огласить, что я дѣлаю свадьбу на заемныя деньги; но это можетъ обезпokoить невѣсту и родителей ея, а потому понимаете?...

— Понимаю, только у меня правило не давать безъ поручительства никому, — произнесла совершенно безстрастнымъ голосомъ Миропа Дмитріевна.

— Правило ужасное! — сказала окончательно рас-

терявшійся камеръ-юнкеръ. — Впрочемъ, что-жь, я и забылъ совсѣмъ; я сейчасъ-же могу вамъ представить поручителя!—воскликнулъ онъ, какъ-бы мгновенно оживившись, послѣ чего, побѣжавъ на улицу къ Максинькѣ, рассказалъ ему все, и сей благородный другъ ни минуты не колебался самъ предложить себя въ поручители. Пожавъ ему руку съ чувствомъ благодарности, камеръ-юнкеръ ввелъ его къ Миропѣ Дмитріевнѣ.

— Это одинъ изъ нашихъ даровитѣйшихъ артистовъ, и онъ готовъ быть моимъ поручителемъ,—объяснилъ онъ той.

— Но какую вамъ сумму угодно занять у меня?—спросила Миропы Дмитріевна камеръ-юнкера.

— Пятнадцать тысячъ!—хватилъ онъ.

Миропы Дмитріевна почти испугалась, услыхавъ такую громадную сумму.

— Это сумма очень большая!—проговорила она.

— Но чѣмъ больше она, тѣмъ выгоднѣе для васъ, потому что я буду платить вамъ двадцать пять процентовъ,—убѣждалъ ее камеръ-юнкеръ.

— Вѣдь это вы, madame Зудченко, въ одинъ годъ наживете три тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей; это жалованье Павла Степаныча Мочалова, —убѣждалъ ее съ своей стороны Максинька.

— Я не знаю, сколько вашъ тамъ Павелъ Степанычъ получаетъ,—отвѣтила ему только что не съ презрѣніемъ Миропы Дмитріевна:— но тутъ кто-же мнѣ поручится, что господинъ камеръ-юнкеръ не умретъ?

— Я ручаюсь; а если онъ умретъ, такъ я за-

плачу за него или отецъ его! — возразилъ ей Максинька.

— Отецъ за меня заплатитъ! — подхватилъ камеръ-юнкеръ, хоть у него никакого отца не было.

— Отцы рѣдко платятъ! — не согласилась съ нимъ Миропа Дмитріевна: — Но даже если-бы я и знала вашего отца, все-таки такую сумму не могу иначе довѣрить, какъ подъ закладъ чего-нибудь движимаго или недвижимаго.

Максинька и камеръ-юнкеръ переглянулись между собой.

— Но какую-же сумму—спросилъ послѣдній:—вы рѣшились-бы дать мнѣ подъ заемное письмо?

Миропа Дмитріевна впала въ нерѣшительность: назначить маленькую сумму было невыгодно, а большую опасно, и потому прежде чѣмъ объявить опредѣленный отвѣтъ, она хотѣла еще кое-что разузнать и безъ всякой церемоніи спросила камеръ-юнкера:

— Вы настоящій камеръ-юнкеръ или вымышленный?

— Настоящій! — отвѣтилъ ей тотъ, вовсе, кажется, не обидѣвшись такимъ вопросомъ.

— Но какъ-же я могу удостовѣриться въ томъ?—допытывалась Миропа Дмитріевна.

— Спросите въ мѣстѣ моего служенія! — объяснилъ камеръ-юнкеръ и подаль ей свою карточку, въ которой значилось мѣсто его служенія.

— Да, это мнѣ необходимо сдѣлать, а то, вы знаете, занимая деньги, часто называютъ себя генералами, сенаторами и камергерами.

— Знаю это и, — воскликнулъ камеръ-юнкеръ: —

и даже, самъ прошу васъ справиться и убѣдиться, что я не лжецаревичъ!

— Хотя называться лжецаревичемъ очень опасно!—замѣтила ему Миропа Дмитріевна.

— Вѣроятно!—согласился камеръ-юнкеръ.

— Очень опасно, — повторила Миропа Дмитріевна, — потому что тогда васъ по моему иску посадятъ не въ долговое отдѣленіе, а въ тюрьму!

— Ну, меня не посадятъ ни въ долговое, ни въ тюрьму! — отвѣчалъ на это камеръ-юнкеръ и засмѣялся.

Засмѣялся также и Максінъка и подтвердилъ:

— Въ тюрьму его не посадятъ.

— Я тоже не думаю того, — согласилась Миропа Дмитріевна.

— И такъ, — заключилъ камеръ-юнкеръ: — когда же мнѣ можно явиться къ вамъ за деньгами?

— Послѣзавтра; завтра я соображу, а послѣзавтра вы пріѣзжайте ко мнѣ, и мы отправимся въ гражданскую палату.

— Но все-таки я не знаю, велика ли будетъ сумма, которою вы одолжите меня? — хотѣлъ-было добиться отъ нея камеръ-юнкеръ.

— И это я могу вамъ сказать не раньше, какъ послѣзавтра!

— Ну-съ, буду ждать этого блаженного послѣзавтра! — проговорилъ камеръ-юнкеръ и, поцѣловавъ у Миропы Дмитріевны ручку, отправился съ своимъ другомъ въ кофейную, гдѣ въ изъясненіе своей благодарности угостилъ своего поручителя отличнымъ завтракомъ, каковой Максінъка съѣлъ съ аппетитомъ голоднаго волка. Миропа же Дмитріевна, какъ

сказала, такъ и сдѣлала: въ то-же утро она справилась въ мѣстѣ служенія камеръ-юнкера, гдѣ ей подтвердили, что онъ дѣйствительно тутъ служить и что даже представленъ въ камергеры.

— А состояніе у него есть или нѣтъ?—захотѣла узнать затѣмъ Миропа Дмитриевна.

— О состояніи вы можете справиться въ первомъ отдѣленіи, — объяснили ей, указавъ на слѣдующую комнату.

Миропа Дмитриевна перешла въ первое отдѣленіе и тамъ собственными глазами прочла въ формулярномъ спискѣ камеръ-юнкера, что за нимъ числится триста душъ, которыя у него дѣйствительно когда-то были, но онъ ихъ давнымъ-давно продалъ и только не находилъ нужнымъ дѣлать о томъ отмѣтки въ своемъ формулярѣ.

Успокоенная сими точными свѣдѣніями, Миропа Дмитриевна рѣшилась повѣрить камеръ-юнкеру десять тысячъ, о чемъ и объявила ему, когда онъ пріѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Максинькой, и таковымъ рѣшеніемъ обрадовала ихъ несказанно, такъ какъ они, кажется, никакъ не ожидали выцарапать у Миропы Дмитриевны столь крупную цифру. Въ гражданской палатѣ, когда стали писать заемное письмо, то Миропа Дмитриевна должна была назвать свою фамилію, услыхавъ которую, камеръ-юнкеръ точно какъ-бы встрепенулся.

— А не родственница-ли вы одному исправнику, Звѣреву, съ которымъ я познакомился въ уѣздномъ городѣ? — спросилъ онъ.

Миропа Дмитриевна по совершенно непонятному

предчувствію не захотѣла себя назвать женою этого исправника и сказала только:

— Нѣтъ, это однофамилецъ мой! Его, кажется, зовутъ Аггей Никитичъ?

— Кажется, такъ; помню только, что у него какое-то дурацкое имя, — говорилъ камеръ-юнкеръ: — и между тѣмъ онъ въ этомъ городишкѣ разыгрываетъ роль какого-то льва... Плѣнилъ жену аптекаря, увезъ ее отъ мужа и живетъ съ ней...

При этомъ извѣстіи Миропы Дмитріевны не совладѣла съ собой и вся вспыхнула.

— Вы говорите, онъ живетъ съ аптекаршей? — спросила она.

— Живетъ и почти явно это дѣлаетъ; сверхъ того, чудитъ еще, чортъ знаетъ что, ревнуетъ ее ко всѣмъ, вызываетъ на дуэль...—говорилъ камеръ-юнкеръ; но такъ какъ въ это время было окончательно изготовлено заемное письмо и его слѣдовало вручить Миропѣ Дмитріевнѣ, а она, съ своей стороны, должна была отсчитать десять тысячъ камеръ-юнкеру, то обрядъ этотъ прекратилъ разговоръ объ Аггеѣ Никитичѣ.

Для Миропы Дмитріевны, впрочемъ, было совершенно достаточно того, что она услышала. Возвратясь домой съ физиономіей фурии, Миропы Дмитріевны, не откладывая времени, написала своему супругу хорошенькое письмецо, въ коемъ изъяснила:

«Я всегда считала тебя олухомъ съ тѣхъ поръ, какъ съ глазъ моихъ спала повязка, по выходѣ моемъ за тебя замужъ...» (Тутъ-бы собственно Миропѣ Дмитріевнѣ слѣдовало сказать: съ тѣхъ поръ, какъ ты не захотѣлъ на службѣ брать взятки.) «Но те-

перь я вижу, что, кромѣ того, ты человекъ самой низкой души, ты обманщикъ, притворщикъ и развратникъ. Какъ ты смѣлъ позволить себѣ черезъ какіе-нибудь два-три дома отъ насъ завести себѣ любовницу, эту потаскушку-аптекааршу? Неужели ты думалъ, что я никогда этого не узнаю, или, когда узнаю, то позволю тебѣ это дѣлать? Изъ какихъ благополучій? — интересно знать! Что ты, прелестнымъ бракомъ твоимъ со мной, наградилъ меня титулами, чинами, почестями, богатствомъ? Кажется, этого нѣтъ, а только унижилъ меня: изъ полковницы я сдѣлалась маіоршей и проживала на тебя деньги мои. Всякая дура, баба деревенская, не станетъ этого терпѣть, и потому я не хочу съ тобой больше жить. Чортъ съ тобой; не смѣй писать мнѣ, ни являться ко мнѣ, чему ты, конечно, будешь очень радъ, находясь, вѣроятно, цѣлые дни въ объятіяхъ твоей мерзавки!»

Остаюсь ненавидящая тебя

Миропа Зудченко.

Аггей Никитичъ предъ тѣмъ, какъ получить ему такое грозное посланіе, продолжалъ снова все болѣе и болѣе входить въ интересъ масонства, которое съ прежнимъ увлеченіемъ преподавалъ ему каждый вечеръ почтенный аптекаръ, и вотъ въ одинъ изъ таковыхъ вечеровъ Вибель читалъ своему неопиту рукописную тетрадку, предувѣдомивъ его, что это — извлеченіе изъ сборника, принадлежавшаго нѣкому ученому послѣдователю Новикова.

«Мнѣнія о высшихъ цѣляхъ нашего ордена, — возглашалъ Вибель, закрывая глаза: — столь разнообразны, что описать онія во всѣхъ ихъ отъѣнкахъ такъ же трудно, какъ многообразную зе-

лень полей, луговъ и лѣсовъ, когда лѣтній вѣтеръ навѣваетъ на нихъ тѣни облаковъ. Нѣкоторые думаютъ, что цѣли сіи состоятъ въ томъ, что-бы дѣлать людей болѣе добродѣтельными посредствомъ ожиданій, напрягающихъ и возвышающихъ нашу душу, посредствомъ братской помощи и общественной радости, и такимъ образомъ мало по малу соединить людей достойныхъ въ всеобщій союзъ, который не только-бы укрѣплялъ каждаго особенно, но служилъ-бы и къ тому, чтобы соединенными силами увлекать даже тѣхъ, кои безъ энтузіастическихъ видовъ не взяли-бы въ томъ участія».

На этихъ словахъ Вибель пріостановился и, проговоривъ на-скоро отъ себя: — Съ этимъ мнѣніемъ я болѣе чѣмъ съ какимъ-нибудь согласенъ! — продолжалъ дальше читать:

«Другіе думаютъ, что сіе, конечно, составляетъ одну изъ цѣлей, при которой большая часть братьевъ остается, да сія-жь внутренняя работа есть и необходимое средство къ полученію *большаго*. Но что-же сіе *большее*? Оно есть испытаніе природы вещей и чрезъ то пріобрѣтеніе себѣ силы и власти къ моральному исправленію людей, власти къ познанію обновленія нашего тѣла, къ превращенію металловъ и къ проявленію невидимаго божественнаго царства. Нѣкоторые думаютъ, что сіе есть, конечно, то богатство, которое приходитъ къ намъ съ премудростью, но что цѣль есть собственно сама премудрость, соединенная съ Божествомъ. Иные почитаютъ такую цѣль за мечту и невозможность и думаютъ, что распространеніе челоуѣколюбія, нравственности и общности, радостное, мудрое наслажденіе жизнью

и спокойное ожиданіе смерти есть истинная и удобная для достиженія цѣль. Мораль и религія стараются сіе произвести средствами важными, а орденъ нашъ подъ завѣсомъ удовольственныхъ занятій. Вообще, мнѣніе братьевъ различествуетъ въ томъ, что одни почитаютъ сію цѣль *преданьемъ уже приобретенной мудрости*, сообщенной даромъ Провидѣнія высшимъ главамъ ордена, для принятія коего, конечно, надлежитъ имъ работать. Другіе-же принимаютъ цѣль ордена за *несовершившееся еще намъ преніе*, но къ совершенію коего ведетъ работа по предписанію ордена, и что она можетъ быть весьма рѣдко здѣсь на землѣ и познается; но когда настанетъ время зрѣлости, она явится, а до какой степени возсіяетъ — опредѣлить нельзя, да и не нужно: самое блистательнѣйшее не кажется невозможнымъ! Довольно, что всѣ вообще признаютъ цѣлью приближеніе человѣка къ нѣкоторому образу совершенства, не говоря, есть-ли то состояніе первозданной славы и невинности, или преобразование по Христу, или тысячелѣтнее царствіе, или глубоко-добродѣтельная, радостная мудрость, въ семъ-ли мірѣ то совершится, или по ту сторону гроба, но токмо каждый стремится къ совершенству, какъ умѣетъ по любезнѣйшему образу своего воображенія, и *мудрѣйшій не смѣется ни надъ однимъ изъ нихъ, хотъ иногда и всѣ заставляютъ его улыбаться*, ибо въ мозгу человѣческомъ ко всякому нѣчто примѣшивалось».

Изъ всего этого чтенія аптекаря Аггей Никитичъ уразумѣлъ, что цѣль cadaго человѣка—совершенствоваться и вслѣдствіе того дѣлаться счастливымъ. «Но совершенствуюсь-ли я хотъ сколько-ни-

будь?» задалъ онъ себѣ вопросъ. «Казалось-бы, что такъ: тѣло мое, за которое укорялъ меня Егоръ Егорычъ, изнурено болѣзнію и горестями; страстей я теперь не имѣю никакихъ; злобы тоже ни противъ кого не питаю, но чувствую-ли я хоть маленькое счастье въ чемъ-нибудь?—Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!» отвѣтилъ себѣ троекратно Аггей Никитичъ. «А между тѣмъ хоть масоны, можетъ быть, эту земную любовь считаютъ грѣхомъ, но должно сознаться, что я былъ только совершенно счастливъ, когда наслаждался полной любовью пани Вибель; вотъ бы тутъ надо спросить господъ масоновъ, какъ бы они объяснили мнѣ это?»

При такого рода размышленіяхъ Аггею Никитичу подали письмо Миropy Дмитриевны, прочитавъ которое, онъ прежде всего выразилъ въ лицѣ своемъ презрѣніе, а потомъ разорвалъ письмо на мелкіе клочки и бросилъ ихъ на полъ. Старикъ Вибель замѣтилъ это и, какъ человѣкъ деликатный, не спросилъ, разумѣется, Аггея Никитича, что такое его встревожило, а прервалъ лишь свое чтеніе и сказалъ:

— Если вамъ что-либо показалось неяснымъ, то послѣзавтра, будучи у васъ, я все вамъ разъясню.

Аггей Никитичъ вѣрнымъ пожатіемъ поблагодарилъ его за такое намѣреніе, и когда Вибель ушелъ отъ него, то въ головѣ моего безумнаго романтика появилась цѣлая вереница новыхъ мыслей, выводовъ и желаній. «И такъ, я сталъ свободенъ» думалъ онъ: «но зачѣмъ-же мнѣ эта свобода? При другихъ обстоятельствахъ я всю-бы жизнь, конечно, отдалъ пани Вибель, но теперь...» О, какъ прокли-

налъ себя Аггей Никитичъ за свою глупую исторію въ Синьковѣ съ камеръ-юнкеромъ, за свою непристойную выходку противъ пани Вибель; даже за свое возобновленіе знакомства съ добрѣйшимъ аптекаремъ, и въ головѣ его возникло намѣреніе опять сойтись съ пани Вибель, сказать ей, что онъ свободенъ, и умолять ее, чтобы она ему все простила, а затѣмъ, не разсуждая больше ни о чемъ, Аггей Никитичъ не далѣе какъ черезъ день отправился на квартиру пани Вибель, но, къ ужасу своему, еще подходя, онъ увидѣлъ, что ставни квартиры пани Вибель были затворены. Аггей Никитичъ порывисто отмахнулъ калитку у воротъ и вошелъ на дворъ домика, на которомъ увидѣлъ сидѣвшую на прилавкѣ просвирню и кормившую кашей сбѣгавшихся къ ней со всѣхъ сторонъ крошечныхъ куриныхъ цыплятъ.

— А Марья Станиславовна гдѣ?—спросилъ онъ ее.

— Она еще въ прошломъ мѣсяцѣ уѣхала съ нашимъ откупщикомъ въ ихъ имѣнье и будетъ гостить у нихъ все лѣто.

— Квартиру-же эту она за собой оставила?

— Ничего не сказала, и я вотъ не знаю, отдавать-ли ее или нѣтъ?

— Да вы-бы написали Марьѣ Станиславовнѣ, — посоветовалъ Аггей Никитичъ немного дрожащимъ голосомъ.

— Писала ужъ, но она не отвѣчаетъ, и я хотѣла было къ вамъ идти, попросить васъ: не напишите-ли вы ей; тогда тоже вы вмѣстѣ съ ней занимали квартиру.

— Я не могу ей писать: я больше не въ пере-

пискѣ съ Марьей Станиславовной, — объяснилъ Аггей Никитичъ покраснѣвъ.

— Слышали мы это! — произнесла просвирня печальнымъ тономъ: — Вѣтреная женщина, больше ничего! Уѣзжая, всѣмъ говорила, что ее приглашаетъ Анна Прохоровна, а прислуга откупщицкая смѣется и рассказываетъ, что ее увезъ съ собой самъ откупщикъ; ну, а онъ тоже, всѣмъ извѣстно, какой на счетъ этого скверный!

Аггей Никитичъ, еще болѣе покраснѣвъ, превратилъ разговоръ съ глупой просвирней и пошелъ домой, унося въ душѣ новыя подозрѣнія насчетъ пани Вибель. «Уѣхать гостить, и къ кому-же? Къ человѣку, котораго она сама называла дуракомъ!.. Впрочемъ, что-же! Она и меня, вѣроятно, считала дуракомъ; однако, это не помѣшало ей отвѣтить на мою любовь... Очень ужъ она охотница большая до любви!» заключилъ Аггей Никитичъ въ мысляхъ своихъ съ совершенно несвойственною ему ядовитостью и вмѣстѣ съ тѣмъ касательно самаго себя дошелъ до отчаяннаго убѣжденія, что для него все теперь въ жизни погибло, о чемъ рѣшился сказать аптекарю, который аккуратнѣйшимъ образомъ пришелъ къ нему въ назначенное время и, замѣтивъ, что Аггей Никитичъ былъ съ какимъ-то перекошеннымъ, печальнымъ и почти зеленымъ лицомъ, спросилъ его:

— Вы опять себя дурно чувствуете?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Аггей Никитичъ: — я много думалъ о самомъ себѣ и о своемъ положеніи и рѣшился идти въ монастырь.

Нѣмецъ при этомъ широко раскрылъ глаза свои.

— Въ какой? — сказалъ онъ.

— Я пойду тамъ въ какой-нибудь, — проговорилъ мрачно Аггей Никитичъ.

— Но зачѣмъ-же именно въ монастырь? — замѣтилъ Вибель.

— Для успокоенія души моей! — объяснилъ Аггей Никитичъ.

Что-то въ родѣ усмѣшки появилось на губахъ Вибеля.

— Монастырь, какъ я думаю, есть смущеніе души, а не успокоеніе, — опредѣлилъ онъ.

— Но куда-жь мнѣ, наконецъ, бѣжать отъ самого себя?—воскликнулъ Аггей Никитичъ съ ожесточеніемъ: — Служить я тутъ не могу и жить въ здѣшнемъ городѣ тоже; куда-жь уйду и гдѣ спрячусь?

— Спрячьтесь въ масонство и продолжайте идти по этому пути! — посовѣтовалъ ему Вибель.

— Этимъ путемъ я не способенъ идти!.. Если-бы для масонства нужно было выйти въ бранное поле, я-бы вышелъ первый и показалъ-бы себя, а что иное я могу дѣлать?

Вибель потеръ себѣ лобъ рукою.

— Вотъ что пришло мнѣ въ голову! — началъ онъ: — Если-бы вы дополнили нѣсколько ваше масонское воспитаніе.

— Для чего? — спросилъ сурово Аггей Никитичъ.

— Для того, — продолжалъ Вибель неторопливо: — что, какъ извѣстно мнѣ отъ достовѣрныхъ людей, въ Петербургѣ предполагается правительствомъ составить миссію для распространенія православія между иновѣрцами, и у меня есть связь съ лицомъ,

отъ котораго зависить назначеніе въ эту комиссію. Хотите, я готовъ васъ рекомендовать въ оную.

— Но какъ-же я стану распространять православіе, когда самъ его не знаю? — возразилъ Аггей Никитичъ.

Тутъ лицо Вибеля сдѣлалось строгимъ и повелительнымъ.

— Вы не православіе должны распространять, а масонство! — проговорилъ онъ.

Точно-бы свѣтлый лучъ какой освѣтилъ лицо Аггея Никитича.

— Нѣтъ сомнѣнія, что я готовъ; но не знаю, совладѣю-ли съ этимъ, — произнесъ онъ.

— Отчего-жь вамъ не совладѣть? — возразилъ Вибель: — Если даже вы совершенно неопытны въ дѣлѣ миссіонерства, то мы станемъ снабжать васъ въ нашихъ письмахъ совѣтами, сообразно тому, какъ вы будете описывать намъ вашу дѣятельность, а равно и то, что вамъ представится посреди ино-вѣрцевъ.

— Буду все описывать-съ и исполнять всѣ ваши приказанія! — проговорилъ Аггей Никитичъ, дѣйствительно готовый все исполнять, лишь-бы ему спастись отъ службы и главное отъ житья въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ нѣкогда онъ былъ столь блаженъ и гдѣ теперь столь несчастливъ.

— Не позволите-ли вы мнѣ написать о вашемъ предложеніи Егору Егорычу Марейну и доктору Сверстову, мужу gnädige Frau? — спросилъ онъ.

— Непремѣнно напишите! — разрѣшилъ ему аптекаръ.

Аггей Никитичъ, исполнившись надежды, что

для него не все еще погибло, немедля-же, по уходѣ аптекаря, написалъ письма къ Егору Егорычу и Сверстову, сущность которыхъ состояла въ томъ, что онъ передавалъ имъ о своемъ намѣреніи поступить въ миссіонеры аки-бы для распространенія православія, но въ самомъ дѣлѣ для внушенія ино-родцамъ масонства; послѣднія слова Аггей Никитичъ въ обоихъ письмахъ подчеркнул. Отвѣтъ отъ Сверстова онъ очень скоро получилъ, въ коемъ тотъ писалъ ему: «Гряди, и я бы самъ пошелъ за тобой, но начинаю ужъ хворать и на прощанье хочу побранить тебя за то, что ты, по слухамъ, сильно сбрендилъ въ дѣлѣ Тулузова, который, говорятъ, теперь совершенно оправданъ, и это останется грѣхомъ на твоей душѣ». Аггей Никитичъ очень хорошо понималъ, что это былъ грѣхъ его, и ожидалъ отъ Егора Егсрыча еще болѣе сильнаго выговора, но тотъ ему почему-то ничего не отвѣчалъ.

XI.

На Тверскомъ бульварѣ къ большому дому, заключавшему въ себѣ нѣсколько средней величины квартиръ, имѣвшихъ на петербургскій манеръ общую лѣстницу и даже швейцара при оной или, точнѣе сказать, отставнаго унтеръ-офицера, разъ подошелъ господинъ весьма неприглядной наружности, одѣтый дурно, съ лицомъ опухшимъ. Отворивъ входную дверь сказаннаго дома, онъ проговорилъ охриплымъ голосомъ унтеръ-офицеру:

— Здѣсь господа Лябьевы живутъ?

— Здѣсь, — отвѣчалъ тотъ не очень доброхотно.

— Ты можешь имъ доложить обо мнѣ? — спросилъ прибывшій.

— Кто-же вы такой? — спросилъ, въ свою очередь, унтеръ-офицеръ.

— Я Янгуржеевъ, пріятель господина Лябьева; пойди доложи! — какъ-бы уже приказалъ прибывшій.

Унтеръ-офицеръ, впрочемъ, прежде чѣмъ пойти докладывать, посмотрѣлъ на вѣшалку, стоявшую въ сѣняхъ, и, убѣдившись, что на ней ничего не висѣло, ушелъ и довольно долго не возвращался назадъ, а когда показался на лѣстницѣ, то еще съ верхней ступеньки ея крикнулъ Янгуржееву окончательно непривѣтливымъ голосомъ:

— Ихъ дома нѣтъ; Лябьевъ боленъ, не принимаетъ.

— Какъ боленъ и дома нѣтъ? — спросилъ было Янгуржеевъ.

— Такъ, не велѣно васъ принимать, вотъ и все! — объяснилъ солдатъ, сойдя съ лѣстницы, и потомъ, отворивъ входную дверь, указалъ движеніемъ руки господину Янгуржееву убираться, откуда пришелъ.

— Отдай, по крайней мѣрѣ, Лябьеву письмо отъ меня! — снова полуприказалъ тотъ, подавая письмо, каковое солдатъ медлилъ принять отъ него.

— Да о чемъ вы пишете мнѣ? — сказалъ онъ.

— Это не твое дѣло, дуракъ этакій! Ты долженъ отдать! — вспылилъ Янгуржеевъ и, бросивъ письмо на прилавокъ, ушелъ.

— Еще ругается, пропоець этакій!... Ну, приходи ты у меня въ другой разъ, я-те спроважу въ поли-

цію! — проговорилъ ему вслѣдъ солдатъ; письмо Янгуржеева, впрочемъ, онъ отдалъ Лябьевымъ, отъ которыхъ чрезъ горничную получилъ новое приказаніе, никогда не принимать Янгуржеева.

— Я его и не приму; видалъ я этакихъ оборванцевъ-то, не мало ихъ спровадилъ, — объявилъ солдатъ.

Здѣсь считаю не лишнимъ сказать, что жизнь Лябьевыхъ въ ссылкѣ, въ маленькомъ сибирскомъ городкѣ, не только ихъ не сломила, а, напротивъ, какъ-бы освѣжила и прибодрила. У Лябьева, прежде всего, окончательно пропала страсть къ картамъ, внушенная ему той развращенной средой, среди которой онъ, съ молодыхъ лѣтъ, пребывалъ, потому къ нему возвратились его художественныя наклонности. Онъ, безъ преувеличенія говоря, цѣлые дни проводилъ въ разнаго рода музыкальныхъ упражненій: переучилъ безъ всякой, разумѣется, платы всѣхъ молодыхъ увѣданныхъ барышень играть хоть сколько-нибудь сносно на фортепiano, самъ игралъ и творилъ. Муза Николаевна тоже снова пристрастилась къ музыкѣ и, къ вящему еще благополучію ея, у нея родился ребенокъ-сынъ, который не только что не умеръ, но былъ прездоровенькій и, какъ надо ожидать, должно быть будущій музыкантъ, потому что когда плакалъ, то стоило только заиграть на фортепiano, онъ сейчасъ-же притихалъ и начиналъ прислушиваться. Дозволеніе возвратиться въ Москву Лябьевы приняли не съ особенной радостью и, пожалуй-бы, даже не возвратились изъ Сибири, еслибы не желали жить поближе къ Марѣинымъ. Изъ всего этого можно понять, сколь неприятно было имъ по-

сѣщеніе Янгуржеева; особенно оно болѣзненно по-
дѣйствовало на Аркадія Михайлыча, такъ что онъ
почти растеряннымъ голосомъ спросилъ Музу Ни-
колаевну:

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ мерзавцемъ?

Тутъ ужъ Муза Николаевна возстала со всей
энергіей; на сколько та ей была свойственна.

— Дѣлать то, что я уже приказала швейцару:
прогнать его и больше ничего, — сказала она.

— Янгуржеева нельзя прогнать: ты не знаешь
его!.. Если только я ему нуженъ, такъ онъ всюду
будетъ меня встрѣчать: на этомъ вотъ бульварѣ,
на тротуарѣ, въ обществѣ! Я всегда его терпѣть
не могъ и никогда не имѣлъ силы спастись отъ
него.

— Въ такомъ случаѣ уѣдемъ въ нашу подмосков-
ную, — придумала Муза Николаевна.

— Но я хотѣлъ-бы теперь здѣсь пожить: меня
всѣ пріятели мои встрѣчаютъ съ такимъ радушіемъ,
что мнѣ желательно побыть между ними.

Къ счастью, всѣ эти недоумѣнія Лябевыхъ раз-
рѣшила пріѣхавшая къ нимъ Аграфена Васильевна,
продолжавшая по-прежнему жить въ Москвѣ съ ре-
бятишками въ своемъ оригинальномъ домѣ (стари-
чище, ея супругъ, полгода тому назадъ померъ).
Лябевы съ первыхъ-же словъ рассказали Аграфенѣ
Васильевнѣ о визитѣ и о письмѣ Янгуржеева.

— Ахъ, онъ, жуликъ этакій, и къ вамъ про-
брался! — воскликнула она.

— А у васъ онъ бываетъ? — спросилъ Лябевъ.

— Какъ-же!... Сколько разъ послѣ смерти мужа
насканивалъ посѣтить меня, но я велѣла ему ска-

зять, что если онъ будетъ жаловать ко мнѣ, то я велю лакеямъ въ шею его гонять.

— И я ему сказала чрезъ швейцара, чтобы ноги его не было у насъ въ домѣ, — подхватила Муза Николаевна: — потому что, согласитесь, Аграфена Васильевна, на все-же есть мѣра: онъ довелъ мужа до Сибири, а когда того ссылали, не пришелъ даже проститься къ намъ, и хотъ Аркадій всегда сердится за это на меня, но я прямо скажу, что въ этомъ ужасномъ нашемъ дѣлѣ онъ менѣ виноватъ, чѣмъ Янгуржеевъ.

— Ну, какъ-же менѣ?—возразилъ Лябевъ.

— Пожалуйста, хотъ теперь-то не скрывай этого! Всѣ знаютъ, что ты только принялъ все на себя!—сказала съ запальчивостью Муза Николаевна.

— Да этого черномазый-то и самъ не скрываетъ!—подхватила Аграфена Васильевна: — У насъ въ домѣ хвастался: «дураки, говоритъ, въ водѣ тонуть, а умные изъ нея сухоньки выходятъ!»

— Вотъ видите, какой онъ прелестный человекъ,—произнесла Муза Николаевна:—и послѣ всего этого еще осмѣливается писать Аркадію письма!

— Прочти, пожалуйста, Аграфенѣ Васильевнѣ письмо Янгуржеева!—прибавила она мужу.

— Что тутъ? Богъ съ нимъ! Все-таки, человекъ въ несчастіи!—возразилъ на это Лябевъ:—Письмо обыкновенное: пишетъ и проситъ денегъ взаймы.

— Нѣтъ, кромѣ того: онъ говоритъ, что помогалъ тебѣ и ссужалъ тебя; а когда и чѣмъ онъ тебѣ помогалъ?—горячилась Муза Николаевна.

— То-есть, какъ онъ мнѣ помогалъ!—отвѣчалъ, усмѣхнувшись и покраснѣвъ немного въ лицѣ,

Лябьевъ:—онъ мнѣ совѣтывалъ и даже училъ меня играть навѣрняка, говоря, что если меня по большей части обыгрывали такимъ способомъ, такъ почему и мнѣ не прибѣгнуть къ подобному-же средству.

— И какъ-же ты послѣ этого еще колеблешься, быть-ли съ нимъ знакомымъ, или нѣтъ? — допрашивала Муза Николаевна.

— Я не въ этомъ колеблюсь, — отвѣчалъ Лябьевъ: — но увѣренъ только въ томъ, что Янгуржеевъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ-же онъ отъ тебя не отстанетъ? — спросила уже Аграфена Васильевна.

— А такъ, что поймаетъ меня въ какомъ-нибудь обществѣ; наговоритъ мнѣ, можетъ быть, любезностей, отъ которыхъ трудно будетъ отвертѣться, или, наоборотъ, затѣетъ со мною ссору и наговоритъ мнѣ такихъ дерзостей, что я долженъ буду вызвать его на дуэль.

— Вотъ это умно будетъ съ твоей стороны, очень умно! Чтобы тебя опять въ солдаты разжаловали! — воскликнула Муза Николаевна и на ея глазахъ показались слезы.

— Я, конечно, этого не сдѣлаю теперь, — поспѣшилъ ее успокоить Лябьевъ: — но всетаки можетъ выйти скандалъ.

— Гдѣ-же это онъ поймаетъ тебя? — вмѣшалась снова въ разговоръ Аграфена Васильевна.

— Вездѣ я могу его встрѣтить; онъ, вѣроятно, попрежнему бываетъ всюду, — сказалъ Лябьевъ.

— Ну, нѣтъ, дядинька, это шалишь! — возразила Аграфена Васильевна: — Его теперь ни куда не пускаютъ, да ему не въ чемъ и показаться-то прежнимъ

знакомымъ своимъ: у него сапоговъ даже порядочныхъ нѣтъ; по кабакамъ онъ точно что шляется. Я вотъ, сюда ѣхадчи, видѣла, что онъ завернулъ въ полпивную, но ты по кабакамъ-то, чай, не ходишь?

— Слава Богу, пока еще не хожу, — отвѣчалъ усмѣхнувшись Лябьевъ.

— Ну, такъ что-же? Стоитъ-ли и разговаривать о черномазомъ дьяволѣ! — отозвалась Аграфена Васильевна, но это она говорила не вполнѣ искренно и втайнѣ думала, что *черномазый дьяволъ* непременно какъ-нибудь пролѣзетъ къ Лябьевымъ, и подъ вліяніемъ этого безпокойства дня чрезъ два она, снова пріѣхавъ къ нимъ, узнала, къ великому своему удовольствію, что Янгуржеевъ не являлся къ Лябьевымъ, хотя, въ сущности, тотъ являлся, но съ нимъ уже безъ всякаго доклада господамъ распорядился самолично унтеръ-офицеръ.

— Если вы, ваше благородіе, будете шляться къ намъ, такъ васъ велѣно свести вотъ тутъ недалеко къ господину оберъ-полицеймейстеру, — сказалъ онъ, внушительно показавъ пальцемъ Янгуржееву на оберъ-полиціймейстерское крыльцо.

Калмыкъ ни слова не возразилъ на это и ретировался назадъ, такъ какъ послѣднее время онъ сильно побаивался оберъ-полиціймейстера, который предъ тѣмъ только выдержалъ его при частномъ домѣ около трехъ мѣсяцевъ по подозрѣнію въ кражѣ шинели въ одномъ изъ клубовъ, въ который Янгуржееву удалось какъ-то проникнуть.

Аграфена Васильевна нашла впрочемъ Лябьевыхъ опечаленными другимъ горемъ. Они получили отъ Сусанны Николаевны письмо, коимъ она увѣдомляла,

что ея безцѣнный Егоръ Егорычъ скончался на кораблѣ во время плаванія около береговъ Франціи и что теперь она ума не приложитъ, какъ ей удастся довести до Россіи дорогіе останки супруга, который въ послѣднія минуты своей жизни просилъ непременно похоронить его въ Кузьмищевѣ, рядомъ съ могилами отца и матери.

Доказательствомъ тому, сколь тяжело было Сусаннѣ Николаевнѣ написать это письмо, служили оставшіеся на немъ явные и обильные слѣды слезъ ея.

Аграфена-же Васильевна это извѣстіе съ своей стороны встрѣтила почти до неприличія равнодушно.

— Ну, Богъ съ нимъ!.. Что тутъ старикамъ самимъ маяться и другихъ маять!—проговорила она.

— Мы, конечно, — сказала Муза Николаевна: — не столько о смерти Егора Егорыча сокрушаемся, сколько о Сусаннѣ, которая теперь должна вести гробъ изъ этакой дали.

— Что-жь за важность, довезетъ! — сказала и на это совершенно безучастно Аграфена Васильевна: — Я такъ тѣло-то моего благовѣрнаго на почтовыхъ отмахала въ Тулу, чтобы похоронить его тоже въ селѣ нашемъ.

— Что это, Аграфена Васильевна, вы говорите?.. Какъ это возможно: на почтовыхъ?.. — замѣтила, грустно усмѣхнувшись, Муза Николаевна.

— Право, на почтовыхъ! Ничего, всю дорогу лежалъ благополучнымъ манеромъ; живой-то, бывало, часто ругался, а тутъ нишкнетъ, смиренхонееъ.

— Вамъ это легче было сдѣлать, потому что вы долго прожили съ вашимъ мужемъ, поразлюбили его,

конечно, а Сусанна только что не боготворила Егора Егорыча, — разъяснила Муза Николаевна.

— О, подите-ка вы! — возразила ей съ досадою Аграфена Васильевна: — Боготворила его она!.. Этакаго стараго сморчка!.. Теперь это дѣло прошлое, значить, говорить можно, а я знаю навѣрное, что она любила Петрушу Углакова.

— Это правда, что у нея немножко кружилась отъ него голова, — согласилась Муза Николаевна: — но развѣ можно это назвать любовью.

— А что-жь это такое, по вашему? — стояла на своемъ Аграфена Васильевна: — Робѣла только очень, а какъ-бы посмѣлѣе была, такъ другое-бы случилось; теперь-бы, можетъ быть, бѣдняжка Петруша не лежалъ въ сырой землѣ!

— Не отъ Сусанны-же въ самомъ дѣлѣ онъ померъ; это будетъ безбожная клевета на сестру! — возразила въ досадою Муза Николаевна.

— Отъ нея-ли, или отъ чего другаго, только началъ пить да пить; а вѣдь, хмѣльной богатырь хоть кого сломить.

— Пить онъ началъ никакъ не по милости сестры, потому что пилъ еще прежде! — оспаривала Муза Николаевна: — Кромѣ того, у него другая привязанность была, которая, говорить, точно, что измучила его.

— Это что за привязанность! Онъ держалъ ее, чтобы только размыкать горе. Говорить тутъ нечего: всѣ вы, барыни, какъ-то на это не жалостливы; вамъ-бы самимъ было хорошо, да наряжаться было-бы во что, а тамъ хошь трава не расти; есть-ли около васъ, кого вы любите, али нѣтъ, вамъ все

равно. Мы, цыганки, горячѣе васъ сердцемъ: любить, такъ ужъ любить безъ оглядки. Не даромъ ваши мужчины насъ хвалятъ больше, чѣмъ васъ... Сколько мнѣ тоже говорили: «Что, говоритъ, наши барыни? Это квашенки крупичаты, а вы, говоритъ, желѣзо каленое». Такъ я сказываю, а? — заключила Аграфена Васильевна, обращаясь къ Лябьеву.

— Пожалуй, что и такъ! — отвѣчалъ тотъ.

При подобномъ разговорѣ, Муза Николаевна, разумѣется, могла только краснѣть.

Невдолгѣ послѣ того для упомянутаго мною швейцара выпало опять щекотливое объясненіе съ однимъ изъ незнакомыхъ ему посѣтителей, который, пожалуй-бы, и не простому солдату могъ внушить недоумѣніе. Во первыхъ, это былъ какъ-бы монахъ, въ скуфѣ и въ одномъ подрясникѣ, перетянутомъ широкимъ кожанымъ поясомъ; его значительно посѣдѣвшіе волосы были видимо недавно стрижены и не вполне еще отрасли, и вмѣстѣ съ тѣмъ на шеѣ у него висѣлъ орденъ Станислава, а на груди красовались Анна и двѣ медали, турецкой и польской кампаній. Подозрительный стражъ предположилъ, что это былъ какой-нибудь мошенникъ и нарочно такъ нарядился, а потому онъ спросилъ этого страннаго посѣтителя, по своей манерѣ, довольно грубо:

— Кто вы такой и что вамъ надо?

— Я миссіонеръ и желаю видѣть господина Лябьева, — отвѣчалъ (читатель, конечно, уже догадался) Аггей Никитичъ.

Солдатъ пришелъ въ скончательное недоумѣніе, пустить или прогнать этого барина?

— Да вы изъ полковыхъ дьячковъ, что-ли? — придумалъ онъ спросить.

— Въ родъ того; я имѣю письмо къ господину Лябьеву отъ его превосходительства Александра Яковлевича Углакова.

Какъ только услышалъ солдатъ о письмѣ, такъ, даже не обративъ вниманія на то, что оно было отъ какого-то его превосходительства, не пустиль-бы, вѣроятно, Аггея Никитича; но въ это время вышелъ изъ своей квартиры Аркадій Михайлычъ, собравшійся куда-то уходить, что увидавъ, солдатъ радостнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Да вонъ онъ, господинъ Лябьевъ!... Къ вамъ опять какой-то пришелъ, — присовокупилъ онъ сему послѣднему.

Аггей Никитичъ поспѣшилъ уже не посвѣтски, а по монашески поклониться Лябьеву, котораго поклонъ этотъ и вообще вся наружность Аггея Никитича тоже удивили.

— Я знакомый человекъ Егора Егорыча, благодѣтельствованный имъ, и меня прислалъ къ вамъ, какъ къ ближайшимъ родственникамъ Егора Егорыча, Александръ Яковличъ Углаковъ.

Съ этими словами Аггей Никитичъ вручилъ Лябьеву письмо отъ Углакова, пробѣжавъ которое, тотъ съ замѣтною аттенціей просилъ Аггея Никитича пожаловать на верхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ съ нимъ воротился назадъ. Видѣвшій все это унтеръ-офицеръ рѣшилъ въ мысляхъ своихъ, что это, должно быть, не дьячокъ, а священникъ полковой.

Введя Аггея Никитича въ свою квартиру, Лябьевъ прямо провелъ его къ Музѣ Николаевнѣ и объ-

яснилъ ей, что это господинъ Звѣревъ, другъ Егора Егорыча.

— Monsieur Звѣревъ?—переспросила Муза Николаевна, припомнившая множество рассказовъ Су-санны Николаевны о томъ, какъ нѣкто Звѣревъ хоть недалый, но добрый карабинерный офицеръ былъ влюбленъ въ Людмилу, и какъ потомъ все стремился сдѣлаться масономъ.

— Очень рада съ вами вознакомиться!— произнесла она.— Я такъ много слышала о васъ хорошаго!—заклчила она, съ любопытствомъ осматривая странную одежду Аггея Никитича, который ей поклонился тоже смиренно и по-монашески.

Лябевъ между тѣмъ, взглянувъ на часы, проговорилъ:

— Вы меня извините, я долженъ уѣхать: у насъ сегодня музыкальный вечеръ!

Тогда Аггей Никитичъ обратился къ Музѣ Николаевнѣ.

— Вы позволите мнѣ остаться у васъ на нѣсколько минутъ,—проговорилъ онъ.

— Ахъ, пожалуйста!—подхватила Муза Николаевна.

Лябевъ послѣ того скоро уѣхалъ.

— Отчего я васъ вижу въ монашеской одеждѣ? Вы, мнѣ говорили, прежде были военный?—спросила Муза Николаевна своего гостя.

Аггей Никитичъ при этомъ поникъ еще ниже и безъ того уже потупленной головой своей.

— Былъ-съ я и военный, — началъ онъ повѣствовать свою исторію:—былъ потомъ и штатскимъ чиновникомъ, а теперь сталъ по моимъ душевнымъ

горестямъ полумонахомъ и поступилъ въ миссіонеры.

— Скажите, вы хорошо были знакомы съ моей матерью и сестрами, когда онѣ жили въ Москвѣ?

— Имѣлъ это счастье, только, къ сожалѣнію, не долго имъ пользовался; когда этотъ ударъ разразился надъ вашимъ семействомъ, я чуть не умеръ съ отчаянія, и сожалѣю даже, что не умеръ!...

При этихъ словахъ у Аггея Никитича навернулись на глазахъ слезы.

Муза Николаевна догадывалась, на что намекалъ Аггей Никитичъ; но, не желая, чтобы упомянуто было имя Людмилы, перемѣнила разговоръ на другое.

— Вы женаты, однако?—спросила она.

Этотъ вопросъ чувствительно укололъ Аггея Никитича.

— Я женатъ единственно по своей глупости и по хитрости женской!—сказалъ онъ съ удареніемъ:— Я, какъ вамъ докладывалъ, едва не умеръ, и меня бы, вѣроятно, отправили въ госпиталь; но тутъ явилась на помощь мнѣ одна благодѣтельная особа, въ домѣ которой жила ваша матушка. Особа эта начала ходить за мной, я не говорю ужь, какъ сестра или мать, но какъ сидѣлка, какъ служанка самая усердная. Согласитесь, что я долженъ былъ оцѣнить это.

— Конечно!—согласилась Муза Николаевна.

— Ну, а тутъ вышелъ такой случай: послѣ болѣзни я сдѣлался религіозень, и Егоръ Егорычъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе своими наставленіями и своимъ вѣроученіемъ.

— Но вы знаете-ли, что Егоръ Егорычъ померъ?—перебила Аггея Никитича Муза Николаевна.

— Знаю-съ; нѣсколько еще дней тому назадъ я услыхалъ объ этомъ отъ Александра Яковлевича Углакова, который, собственно, и прислалъ меня спросить васъ, извѣстно-ли вамъ это?

— Но отъ кого Александръ Яковлевичъ могъ узнать о томъ?— недоумѣвала Муза Николаевна:— Можетъ быть, Сусанна писала ему?

— Нѣтъ, не Сусанна Николаевна, а какой-то русскій, который вмѣстѣ съ ними путешествовалъ.

— Какой-же это можетъ быть русскій?— продолжала недоумѣвать Муза Николаевна.

— Въ письмѣ Александра Яковлевича упомянуто о немъ,—сказалъ Аггей Никитичъ.

— Да письмо-то Аркадій увезъ съ собой,—продолжала Муза Николаевна тѣмъ-же недоумѣвающимъ тономъ: ее очень удивляло, почему Сусанна не упоминала ей ни о какомъ русскомъ. «Конечно, весьма возможно, что въ такія минуты она все перезабыла!» объяснила себѣ Муза Николаевна. — Ну-съ, слушаю дальнѣйшія ваши похождения! — отнеслась она къ Аггею Никитичу.

Аггей Никитичъ глубоко вздохнулъ.

— Дальнѣйшія мои похождения столь-же печальны были, какъ и прежнія! — произнесъ онъ:— Въ отношеніи госпожи, о которой вамъ говорилъ, я исполнилъ свой долгъ: я женился на ней; мало того, по ея желанію, оставилъ военную службу и получилъ, благодаря милостивому содѣйствію Егора Егорыча, очень видное и почетное мѣсто губернскаго почт-мейстера, начальника всѣхъ почтъ въ губерніи, съ

прекраснымъ окладомъ жалованья. Кажется, можно-бы было удовлетвориться и благодарить только Бога, но супругъ моей показалось этого мало, такъ какъ она выходила за меня замужъ вовсе не потому, что любила меня, а затѣмъ чтобы я бралъ на службѣ взятки для нея; но когда я не сталъ этого дѣлать, она сама задумала брать ихъ.

— Господи!—воскликнула Муза Николаевна, никогда не воображавшая услышать о такомъ женскомъ пороки:—Но кто-же ей сталъ давать взятки?

— Она довольно лукаво это сдѣлала, и устроила такъ, что мнѣ всѣ почтмейстера начали предлагать благодарности; она меня еще думала соблазнить, но я сразу пресѣкъ это, вышелъ даже въ отставку изъ этой службы и поступилъ въ исправники. Супругъ моей, конечно, это былъ ножъ острый, потому что она находила службу исправника менѣе выгодною, и въ отмщеніе за это каждый день укоряла меня бѣдностью, а бѣдности, кажется, никакой не должно было-бы существовать: жалованье я получалъ порядочное, у нея было имѣніе въ Малороссіи, домъ въ Москвѣ, капиталъ довольно крупный, и всего этого ей было мало.

— Значить, она совсѣмъ дрянная женщина!—воскликнула съ негодованіемъ Муза Николаевна.

— Совсѣмъ!—подтвердилъ Аггей Никитичъ.

— Но теперь вы разошлись съ ней?

— Совершенно, или, какъ вамъ сказать, она скорѣй разошлась со мной и написала мнѣ, что ей невыгодно оставаться моей женой.

Муза Николаевна пожимала только плечами.

— Если ваша жена такая, какъ вы гово-

рите о ней, то что-же васъ можетъ огорчать, когда вы разстались съ ней?

— Я нисколько не огорчаюсь, даже радуюсь, и въ восторгѣ отъ этого. Я морально убить-съ другимъ, убить тѣмъ, что разошелся съ другой женщиной, предъ которой я ужасъ, что такое, натворилъ.

— Какъ? — полувоскликнула Муза Николаевна, широко раскрывая отъ удивленія глаза: — Стало быть, у васъ былъ новый романъ?

— Новый!—отвѣчалъ откровенно и наивно Аггей Никитичъ.

— Кто-жь это такая была? — любопытствовала Муза Николаевна.

— Это одна полька, прелестнѣйшее и чудное существо; но, какъ всѣ польки, существо кокетливое, чего я не понялъ или, лучше сказать, отъ любви къ ней не разсудивъ этого, сразу-же изломалъ и перевернулъ все и, какъ говорится, неизвѣстно для чего сжегъ свои корабли, потомъ, одумавшись и опомнившись, хотѣлъ было воротить утраченное счастье, но было уже поздно. Она, очень натурально, оскорбилась на меня и уѣхала съ однимъ семействомъ въ деревню, а я остался одинъ, какъ этотъ дубъ, про который поется, что одинъ-одинъ бѣдняжка стоитъ на гладкой высотѣ.

— И вы въ миссіонерствѣ хотите утопить вашу горе?—проговорила съ участіемъ Муза Николаевна.

— Постараюсь, если только возможно, — отвѣчалъ вздохнувъ Аггей Никитичъ.

— Но куда-же именно вы поѣдете?—разспрашивала Муза Николаевна.

— Въ Сибирь, вѣроятно.

— Но что-же вы будете тамъ дѣлать?

— Буду творить волю пославшихъ мя! — произнесъ Аггей Никитичъ многозначительно: — Мнѣ, впрочемъ, лучше объ этомъ не говорить, а я поспѣшу исполнить приказаніе Александра Яковлевича, который поручилъ мнѣ спросить васъ, проведутъ-ли тѣло Егора Егорыча чрезъ Москву?

— Непремѣнно; иначе нельзя проѣхать въ Кузьмищево, — отвѣчала Муза Николаевна.

Аггей Никитичъ при этомъ потеръ себѣ лобъ.

— Въ такомъ случаѣ, Александръ Яковлевичъ, у котораго я теперь живу, предполагалъ-бы устроить торжественную встрѣчу для бранныхъ останковъ, всѣмъ дорогихъ, Егора Егорыча.

— Это-бы очень было хорошо, — подхватила Муза Николаевна: — но я не знаю ни того, куда писать сестрѣ, ни того, когда она пріѣдетъ сюда.

— Это, вѣроятно, узнается: тотъ-же русскій пишетъ Александру Яковлевичу, что онъ будетъ увѣдомлять его по мѣрѣ приближенія тѣла къ Петербургу.

«Опять этотъ русскій!» снова промелькнуло въ умѣ Музы Николаевны, и у нея даже зародилось подозрѣніе касательно отношеній этого русскаго къ Сусаннѣ Николаевнѣ.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ madame Лябевой, Аггей Никитичъ ушелъ отъ нея подъ вліяніемъ воспоминаній о пани Вибель. «Ты виноватъ и виноватъ!» — твердила ему совѣсть, но когда онъ въ своемъ длиннополомъ подрясникѣ медленно переходилъ пространство между Тверскимъ бульваромъ

и Страстнымъ, то вдругъ надъ самымъ ухомъ его раздался крикъ: «Поди, поди!» Аггей Нихитичъ взмахнулъ головой и отшатнулся назадъ: на него наѣхалъ было фаэтонъ, въ которомъ сидѣла раз-
 франченная до послѣдней степени пани Вибель, а рядомъ съ ней откупщикъ Рамзаевъ, гадкій, безоб-
 разный и вдобавокъ еще пьяный. Аггей Нихитичъ понялъ хорошо, что совѣсть его въ отношеніи этой
 госпожи должна была оставаться покойна. Тѣмъ не менѣ эта мимолетная встрѣча потрясла все его
 существо. Почти шатаясь, онъ вошелъ на Страст-
 ной бульваръ, гдѣ, сѣвъ на лавочку, поникъ голо-
 вой и прослезился.

VII.

Передъ обычнымъ субботнимъ обѣдомъ въ англійскомъ клубѣ нѣкоторые изъ членовъ что-то та-
 кое шепотомъ передавали другъ другу, причемъ,
 вѣроятно, изъ опасенія, чтобы ихъ не подслушали
 лакеи, старались говорить больше по-французски.

— Avez vous entendu?

— Oui, mais je voudrais savoir, où cela aura lieu?

— Je ne puis rien vous dire là-dessus.

— Mais c'est fort dangereux!

— Je crois bien, mais que voulez vous?... Noblesse oblige.

— Сергѣй Степанычъ здѣсь?

— Говорятъ.

— Не говорятъ, а я самъ его видѣлъ; онъ се-
 годня будетъ обѣдать здѣсь.

— Ахъ, какъ я радъ этому!

Посреди такого галдѣнья, человѣкъ пять или шесть, все уже людей весьма пожилыхъ, ходили съ замѣтно важными и исполненными таинственности лицами. Изъ нихъ по преимуществу видались въ глаза во-первыхъ, если только помнить читатель, Батеневъ съ орлинымъ носомъ и потомъ другой господинъ съ добродушнѣйшею физиономіей и съ полноватымъ животомъ гурмана, котораго всѣ называли Павломъ Петровичемъ. Эти пять-шесть человѣкъ, на адресуемые къ нимъ вопросы, одни отдѣлывались молчаніемъ, а другіе произносили: «Nous ne savons rien!» Наконецъ, появился Сергѣй Степанычъ. Онъ прямо подошелъ къ Батеневу и спросилъ его:

— Князь здѣсь?

— Нѣтъ, гдѣ ему? Совсѣмъ слѣпнетъ. Меня командировалъ за себя!

— Поэтому вы будете говорить рѣчь вмѣсто князя? — спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Сергѣй Степанычъ.

— Я буду; хошь, не хошь, а пой: — отвѣчалъ мрачнымъ голосомъ Батеневъ.

Въ это-же самое время на концѣ стола, за которымъ въ числѣ другихъ, по преимуществу крупныхъ чиновниковъ Москвы, сидѣлъ оберъ-полицеймейстеръ, происходилъ такого рода разговоръ:

— Правда-ли, что тѣло Марейна привезли изъ за-границы въ Москву? — спросилъ оберъ-полицеймейстера хорошо намъ по своимъ похождениямъ извѣстный камеръ-юнкеръ, а нынѣ ужъ даже камергеръ.

— Правда, — отвѣчалъ тотъ ему неохотно и на-

правиль свой взглядъ къ тому мѣсту обѣденнаго стола, гдѣ помѣщался Сергѣй Степанычъ вмѣстѣ съ Батеневымъ и Павломъ Петровичемъ.

— Но говорятъ, что они устраиваютъ совершить траурную ложу?

— Вы, можетъ быть, это знаете, а я нѣтъ, — отвѣтилъ ему съ явнымъ презрѣніемъ оберъ-полицеймейстеръ.

Камергеръ немного прикусилъ языкъ.

— Вотъ они эти господа! Какія-нибудь невинныя удовольствія на аѳинскихъ вечерахъ запрещаютъ, а тутъ чортъ знаетъ что затѣваютъ, это ничего, — шепнулъ онъ шипящимъ голосомъ своему сосѣду, который, въ отвѣтъ на это, только отвернулся отъ камергера: явно, что *monsieur le chambellan* потерялъ всякій престижъ въ *la haute volée*.

Когда за жаркимъ стали въ разныхъ группахъ пить шампанское, то оберъ-полицеймейстеръ, взявъ бокалъ, подошелъ къ Сергѣю Степанычу.

— Не могу удержаться, чтобы не выпить за вашъ благополучный пріѣздъ сюда, — сказалъ онъ.

— *Grand merci!* — отвѣтилъ Сергѣй Степанычъ. Затѣмъ онъ проворно поднялся со стула и, взявъ оберъ-полицеймейстера подъ руку, отвелъ его нѣсколько въ сторону отъ обѣденнаго стола. — Надѣюсь, что намъ позволяютъ прахъ нашего достойнаго друга почтить, какъ онъ заслужилъ того? — спросилъ онъ вполголоса.

— Я говорилъ сегодня объ этомъ съ генералъ-губернаторомъ, — отвѣчалъ оберъ-полицеймейстеръ: — онъ разрѣшаетъ и проситъ только, чтобы не было большой огласки.

— Никакой! Будутъ только свои, — отвѣтилъ Сергѣй Степанычъ и сѣлъ олять на прежнее мѣсто.

На другой день въ почтамтской церкви Архангела Гавриила совершилась заупокойная обѣдня по усопшемъ бояринѣ Егорѣ Егорычѣ Марейнѣ. Священники были облачены въ черныя ризы, а равно и большая часть публики являла на себѣ признаки траура. Въ толпѣ молящихся было очень много знакомыхъ намъ лицъ. Прежде всѣхъ, конечно, Сусанна Николаевна, похудѣвшая, истомленная, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея прекрасныхъ глазахъ выражалась какая-то увѣренность, что умершій преисполненъ теперь радостей загробной жизни. Около нея стояли Сергѣй Степанычъ и Лябевы, мужъ и жена, гнѣдиге Грау и Сверстовъ, который своей растрепанной физиономіей напоминалъ добраго и печальнаго пуделя, измученнаго хлопотами по чужимъ горямъ. На мужской собственно половинѣ стояли совсѣмъ сгорбившійся, сморщенный, какъ старый грибокъ, Углаковъ, Батеневъ и Павелъ Петровичъ, а также и Аггей Никитичъ Звѣревъ, въ скромной одеждѣ монастырскаго послушника. У самыхъ дверей храма виднѣлись Терховъ (гегеліанецъ) и Антипъ Ильичъ, на щекахъ котораго тѣни не оставалось прежняго старческаго румянца.

По окончаніи службы, когда начали выходить изъ церкви, то на паперти къ Сусаннѣ Николаевнѣ подошелъ Аггей Никитичъ; она, уже слышавшая отъ Лябевыхъ обо всемъ, что съ нимъ произошло, привѣтливо поклонилась ему, и Аггей Никитичъ тихимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющимъ голосомъ проговорилъ: <http://rcin.org.pl>

— Сусанна Николаевна, позвольте мнѣ быть на вашемъ вечернемъ собраніи и помянуть съ другими душу Егора Егорыча.

Сусанна Николаевна сильно затруднилась, что ему отвѣчать.

— Я право не знаю, возможно-ли это...— сказала она, боязливо взглядывая на стоявшаго около нея Сверстова.

— Я думаю можно!... Но лучше я прежде спрошу Сергѣя Степаныча,—присовокупилъ онъ и проворно пошелъ обратно въ церковь, гдѣ, въ сопровожденіи старика Углакова, Сергѣй Степанычъ вмѣстѣ съ Батеневымъ разсматривали изображенія и надписи на церковныхъ стѣнахъ, причемъ сей послѣдній что-то такое внушительно толковалъ.

Когда Сверстовъ передалъ Сергѣю Степанычу просьбу Аггея Никитича съ поясненіемъ, что тотъ теперь миссіонеръ и совсѣмъ готовый масонъ, то сей послѣдній возразилъ:

— Однако онъ не былъ нигдѣ принятъ въ ложу?

— Не былъ, потому что негдѣ было принять, — объяснилъ Сверстовъ.

Сергѣй Степанычъ нѣкоторое время подумалъ.

— Я съ своей стороны готовъ это дозволить господину Звѣреву, но какъ вотъ другіе! — произнесъ онъ и обратился потомъ къ Батеневу, Углакову и Павлу Петровичу: — Какъ вы, господа, полагаете?

Послѣдніе двое прямо объявили, что они согласны, но Батеневъ, злобно усмѣхнувшись, сказалъ:

— Моя-съ изба съ краю, и я ничего не знаю.

— Разрѣшите господину Звѣреву быть на соб-

раніи!—проговорилъ Сергѣй Степанычъ Сверстову, который, возвратясь на паперть церкви, объявилъ Аггею Никитичу:

— Можете быть!

Тотъ ему низко поклонился.

Сусанна Николаевна поѣхала въ свою гостиницу въ каретѣ, сопровождаемая Музой Николаевной, gnädige Frau и Терховымъ.

Въ подвальномъ этажѣ одного изъ домовъ около почтамта сквозь завѣшанныя окна видѣлось освѣщеніе. Часу въ девятомъ вечера къ этому дому стали подъѣзжать возки и кареты. Экипажи, впрочемъ, сейчасъ-же уѣзжали, а пріѣхавшіе въ нихъ проходили пѣшкомъ во внутренность двора. Въ сказанномъ подвальномъ помѣщеніи должна была совершиться траурная масонская ложа по умершемъ братѣ Firma Rupes. Всѣ стѣны огромнаго помѣщенія были выкрашены черною краской. На просторной эстрадѣ, обитой чернымъ сукномъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно въ масонскихъ ложахъ разстилался коверъ, стоялъ черный гробъ, окруженный тремя подсвѣчниками со свѣчами. На крышѣ гроба, въ ногахъ онаго, лежалъ знакъ великаго мастера, а на черномъ пьедесталѣ горѣлъ съ благовоннымъ куреніемъ спиртъ; въ головѣ гроба на крышкѣ лежалъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и тутъ-же около стояла чаша съ солью. Всѣ собравшіеся братья, въ числѣ которыхъ находились также Сусанна Николаевна и gnädige Frau, были въ черныхъ одеждахъ или имѣли на сторонѣ сердца черный изъ лентъ приколотый

бантъ, а иные черныи флёръ около лѣвой руки. Великий мастеръ, который былъ ни кто иной какъ Сергѣй Степанычъ, въ траурной мантии и съ золотымъ знакомъ гресмейстера на шеѣ, открывъ ложу обычнымъ порядкомъ, сошелъ со своего стула и, подойдя къ гробу, погасилъ на западѣ одну свѣчу, говоря: «земля еси и въ землю пойдеши!» При погашеніи второй свѣчи онъ произнесъ: «прискорбно есть душа моя даже до смерти!» При погашеніи третьей свѣчи онъ сказалъ: «яко возмешь духъ, и въ персть свою обратишься». Послѣ чего великий мастеръ сталъ у головы гроба, имѣя въ правой рукѣ молотокъ, а надзиратели, Батеневъ и Павелъ Петровичъ, стали въ ногахъ гроба. Великий мастеръ ударилъ по гробу три раза молоткомъ; надзиратели сдѣлали то-же самое.

Великий мастеръ. Кто есть человекъ, смерти вкусить немогущій? Возможенъ-ли кто искупить отъ гроба душу свою?

Нѣкоторое молчаніе.

Великий мастеръ. Человекъ скитается яко тѣнь, яко цвѣтъ сельный отцвѣтаетъ. Сокровиществуеть и не вѣсть кому собереть, умереть и ничего изъ славы сей земли съ собой не понесеть. Нагъ приходитъ въ міръ сей и нагъ уходитъ. Господь даде, Господь и взя.

Снова нѣкоторая пауза.

Великий мастеръ. Да умремъ смертію праведныхъ и да уподобимся имъ кончиною нашею! Господь есть Богъ нашъ, Той есть съ нами до смерти.

Все братья окружаютъ гробъ и приемяютъ молитвенное положеніе, а великий мастеръ читаетъ молитву:

«Отецъ всемогущій, Тебѣ вручаемъ душу брата нашего; отверзи ей дверь живота, возложи на нее брачное одѣяніе правды, болѣе торжественное одѣяніе субботы вѣчныя, да представится она Тебѣ чиста и непорочна, и услышитъ радостную пѣснь побѣды!»

Всѣ братья громогласно восклицаютъ: «Аминь!»

Снова послѣ нѣкотораго молчанія великій мастеръ продолжаетъ:

«Боже преславный, всякаго блага начало, милосердія источниче, ниспошли на насъ, грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ, благословеніе Твое, укрѣпи торжественное каменщицкое общительство наше союзомъ братолюбія и единомудрія; подаждь, о Господи, да сіе во смерти увѣряющее свидѣтельство напоминаетъ намъ приближающуюся судьбину нашу и да приуготовитъ она насъ къ страшному сему часу, когда-бы онъ насъ ни постигнулъ; да возможемъ Твоею милосердою десницею быть пріятными въ вѣчное царствованіе Твое, и тамъ въ безконечной чистой радости получить милостивое воздаяніе смиренной и добродѣтельной жизни.»

Послѣ этой рѣчи великаго мастера, братья поцѣловавшись зацѣпи довольно нескладно на голосъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»:

„Отецъ духовъ, Творецъ вселенной,
И жизнь, и смерть въ Твоихъ рукахъ!
Прейдя срокъ намъ опредѣленной,
Мы станемъ пепелъ, тлѣнь и прахъ;
Ты духъ, намъ вдунутый Тобою,
Зовешь къ блаженству и покою.
Ты жизнь всего творишь отъ тлѣнья,
Изъ тмы изводишь въ вѣчный свѣтъ,
Чудесной силой обновленья

Воздѣйствуешь — и смерти нѣтъ.
 Дай силы намъ и чувства новы,
 Да свергнемъ смертныя оковы!
 Къ себѣ отъ насъ воззвалъ Ты брата,
 Изъ плоти духъ Ты сотворилъ;
 Печальна намъ сія утрата,
 Но Ты живешь, и братъ нашъ живъ!
 Мы духъ его Тебѣ вручаемъ,
 Отца о братѣ умоляемъ:
 Прійми его, святыхъ Святѣйшій,
 И въ лонѣ отчемъ упокой!
 Да увидеть въ Твой чертогъ святѣйшій
 И пребываетъ въ немъ съ Тобой!“

По окончаніи пѣнія великій мастеръ снова ударилъ троекратно по гробу, а за нимъ повторили то же и надзиратели. Великій мастеръ, сѣвъ снова на свой стулъ, произнесъ:

— Между членами нашего общества существуетъ отъ глубочайшей древности переданный обычай, чтобы по смерти каждаго достойнаго брата совершались воспоминательные и таинственные обряды. Сіо установлено сколько во изъявленіе любви нашей, и за гробомъ братьямъ нашимъ сопутствующей, столько же и во знаменіе того, что истинныхъ свободныхъ каменьщиковъ въ духѣ связь и по отшествіи ихъ отъ сего міра не прерывается. Слѣдуя сему достохвальному обычаю и по особой вѣрности нашего усопшаго брата, Егора Егорыча Марѣина, коего память мы чтимъ и коего потерю оплакиваемъ, собрались мы въ священный нашъ храмъ. Братія, внимайте предпринимаемому мною теперь дѣйствию.

Затѣмъ великій мастеръ, вставъ и снова подойдя къ гробу, взялъ изъ стоящей чаши горсть соли и сказалъ:

— Суха быша кость наша, потребися надежда, мертви быхомъ... (Держа соль надъ гробомъ). Отъ четырехъ вѣтровъ прїиди, душа, и вдуни на мертвія сія и да оживуть! (Изображая солью четверть окружности). Се глаголетъ Господь костемъ симъ: се Азъ введу въ васъ духъ животный... (Продолжая другую четверть окружности). И дамъ духъ Мой въ васъ, и увѣсте, яко Азъ есмь въ васъ... (Дѣлая третью четверть окружности). И отверзу гробы ваши и изведу васъ отъ гробовъ вашихъ, людіе мои... (Заканчивая окружность). И введу васъ въ землю Израилеву... (Проводя діаметръ въ кругу). И поставлю вы на земли вашей, и увѣсте, яко Азъ глаголахъ и сотворю, глаголетъ Господь, тако.

Братья восклицаютъ «Аминь!»

За симъ великій мастеръ началъ зажигать стоящія около гроба свѣчи, говоря при зажженіи первой свѣчи: «вы есте соль земли», второй свѣчи: «вы есте свѣтъ міру», третьей свѣчи: «вы есте родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія!»

По совершеніи этого обряда, великій мастеръ, удаляясь на свое мѣсто, взглянулъ вмѣстѣ съ тѣмъ на Батенева, который, вставъ на эстраду, проговорилъ изустную рѣчь:

— Гробъ, предстоящій взорамъ нашимъ, братья, изображаетъ тлѣніе и смерть, печальные предметы, напоминающіе намъ гибельные слѣды паденія чело-
вѣка, предназначеннаго въ первобытномъ состояніи своемъ къ наслажденію непрестаннымъ бытіемъ и сохранившимъ даже доселѣ сіе желаніе; но, на горе намъ, истинная жизнь, вдунутая въ міръ, поглощена

смертію, и нынѣ влачимая нами жизнь представляетъ бореніе и дисгармонію, слѣдовательно, состояніе насильственное и несогласное съ великимъ предопредѣленіемъ челоуѣка, а потому смерть и тлѣніе содѣлались непремѣннымъ закономъ, которому всѣ мы, а равно и натура вся должны подвергнуться, дабы могли мы быть возвращены въ первоначальное свое благородство и достоинство. Смерть и тлѣніе есть ключъ, отверзающій свѣтъ, сокровенный во всѣхъ тѣлахъ, кои суть его темницы; она есть та работная хранина, въ коей отдѣляются чуждыя смѣшенія отъ небеснаго и неизмѣннаго начала и гдѣ разрушеніе одного служитъ основаніемъ къ рожденію другаго. Положеніе сіе есть общее, особенно относительно возрожденія челоуѣческаго, и все, что въ натурѣ можно видѣть тѣлесно, то въ насъ духовно происходитъ должно. Въ каждомъ изъ насъ долженъ совершаться процессъ духовнаго и тѣлеснаго тлѣнія и въ насъ должны опредѣляться чуждыя смѣшенія отъ небеснаго начала. Изъ сего вы видите, любезные братья, что нѣтъ инаго пути къ возрожденію, къ возвращенію въ первобытное состояніе, какъ путь добродѣланія, смиренія, путь креста и смерти. Нынѣ оплакиваемый нами братъ всегда являлъ собою высокій примѣръ сихъ качествъ. Мы всѣ, здѣсь стоящіе, имѣли счастье знать его и быть свидѣтелями или слышать о его непоколебимой вѣрности святому ордену, видѣли и испытали на себѣ, съ какою отеческою заботливостью старался онъ утверждать другихъ на семъ пути, видѣли вѣрность его въ строгомъ отверженіи всего излишняго, льстящаго чувствамъ, видѣли покорность его неисповѣдимымъ

судьбамъ Божиимъ, преданность его въ ношеніи самыхъ чувствительныхъ для сердца нашего крестовъ, которые онъ испыталъ въ потери близкихъ ему и нѣжно-любимыхъ людей; мы слышали о терпѣннѣи его въ болѣзняхъ и страданіяхъ послѣднихъ двухъ лѣтъ. Вотъ нѣкоторыя черты вѣрности и покорности къ судьбамъ Божиимъ сего незабвеннаго для насъ мужа; но кто можетъ изслѣдовать внутренне опыты и кресты, имъ пройденные, кои Господь употребляетъ, яко сильнѣйшее средство къ утвержденію по пути, ведущему къ Нему? Кто можетъ судить о внутреннемъ процессѣ, съ нимъ совершившемся въ послѣднее время жизни его? Здѣсь я приведу собственные слова Егора Егорыча, имъ доверенныя мнѣ въ одномъ изъ посланій своихъ. «Я переношу теперь, писалъ онъ, такія искушенія, которыя и пересказать не могу, и изъ всего того вижу со стороны человѣка единую бѣдность и ничтожество, а со стороны Бога единое милосердіе. Разсужденіе о семъ важномъ процессѣ пусть сдѣлаютъ тѣ, кои болѣе или менѣе испытали оный на самихъ себѣ;» я-же могу сказать лишь то, что сей взятый отъ насъ братъ нашъ, яко злато въ горнилѣ, проходилъ путь очищенія, необходимый для всякаго истинно-посвятившаго себя служенію Богу, какъ говоритъ Сирахъ: процессъ сей есть буйство и болѣзнь для человѣковъ, живущихъ въ разумѣ и не покоряющихся вѣрѣ, но для насъ, признавшихъ путь внутренняго отлѣнія, онъ долженъ быть предметомъ глубокаго и безмолвнаго уваженія. Въ заключеніе я напомнимъ кротость Егора Егорыча, не смотря на сангвиническій темпераментъ, его любовь и снисходительность къ недостаткамъ другихъ,

его неутомимую дѣятельность въ назиданіи братьевъ и исполненное силою духа слово. Онъ можетъ быть уподобленъ рѣкѣ, коей источникъ сокрытъ и невидимъ, но въ которомъ утолили жажду свою многіе странники, изведенные имъ изъ плѣненія египетскаго и идущіе въ собственную землю. Въ сей-то таинственный источникъ, отъ коего чувствуемый нами братъ заимствовалъ силу и сладость ученія, онъ сокрылся нынѣ и въ немъ почерпаетъ теперь безпрепятственно воду жизни. Да возвеселится духъ его въ Сионѣ со всѣми любящими и друзьями Божиими. Союзъ его съ нами неразлученъ; цѣпь, коей верхнія звѣнья теряются въ небесахъ и въ коей усопшій другъ нашъ занимаетъ приуготованное ему мѣсто, касается и насъ. Будемъ подкрѣплены благодатію Господа и Спасителя нашего, сохраняя вѣрность до смерти!

Послѣ рѣчи Батенева устроилось путешествіе, причемъ снова была пропѣта пѣснь: «Отецъ духовъ, Творецъ вселенной!» и шли въ такомъ порядкѣ: собиратели милостыни (Антипъ Ильичъ и Аггей Никитичъ) съ жезлами въ рукахъ; обрядоначальникъ (докторъ Сверстовъ) съ мечемъ; секретарь (gnädige Frau) съ актами; оба надзирателя со свѣчами; мастеръ стула тоже со свѣчей. По окончаніи шествія обрядоначальникъ положилъ знакъ умершаго на пьедесталъ, а великій мастеръ сказалъ:

— Братъ первый надзиратель, который часъ?

Отвѣтъ. Полночь.

Великій мастеръ. Время-ли закрыть ложу?

Отвѣтъ. Время, почтенный мастеръ.

Великій мастеръ. Братъ первый надзиратель, не имѣеть-ли кто чего предложить на пользу ложи?

Братъ надзиратель опросилъ братій и отъ всѣхъ получилъ въ отвѣтъ только вздохи печальныя, которыми какъ-бы говорилось, что какую теперь пользу можно принести масонству, когда все въ немъ или задушено, или предано осмѣянію.

Великій мастеръ. Братъ собиратель милостыни, исполняйте вашу должность!

Аггей Никитичъ, наученный Антипомъ Ильичомъ, пошелъ обходить съ тарелочкой собраніе; вклады, нельзя сказать, чтобы обильные были, и одна только Сусанна Николаевна положила на блюдо пакетъ съ тысячью рублями.

Послѣ сего великій мастеръ произнесъ заключительное слово:

— Закрываю сію печальную мастерскую ложу именемъ всѣхъ высокихъ начальниковъ ордена и особливо именемъ высокодостойнаго нашего старшотландскаго мастера со всѣми честями масонства!

Затѣмъ Сергій Степанычъ громко и троекратно ударилъ эфесомъ висѣвшей на немъ шпаги, вынимая оную до половины и снова опуская ее въ ножи.

На другой день съ ранняго утра тѣло Егора Егорыча должно было слѣдовать въ Кузьмищево для погребенія тамъ рядомъ съ родителями. Сусанна Николаевна хотѣла было непременно слѣдовать за гробомъ; но такъ это до такой степени утомило ее, что пріѣхавъ въ Москву, она едва ноги двигала, то Лябьева, вкупѣ съ gnädige Frau, отговорили ее отъ того, и сопроводить тѣло Егора Егорыча взялся Свертовъ, а равно Антипъ Ильичъ, который убѣдительнѣйшимъ образомъ доказывалъ Сусаннѣ Николаевнѣ, что зачѣмъ-же ей ѣхать, когда онъ, Антипъ

Ильичъ, ѣдетъ, и неужели-же онъ позволить, чтобы покойнива чѣмъ-нибудь потревожили.

— Поѣдемъ, какъ слѣдуетъ, тихоньво, — объяснялъ Антипъ Ильичъ: — въ селахъ, которыя намъ встрѣтятся на дорогѣ, будемъ служить краткія литіи; въ Кузьмищево прибудетъ къ тѣлу отецъ Василій, я уже писалъ ему объ этомъ, а потомъ вы изволите пожаловать съ вашими сродственниками на погребеніе, и все совершится по чину.

Сусанна Николаевна согласилась наконецъ выѣхать дня черезъ два послѣ отправленія гроба, но, все-таки, эти два дня она ужасно волновалась и мучилась, сознавая, что ей не хотѣлось и было чрезвычайно грустно разстаться съ Терховымъ. Читатель на первыхъ порахъ, можетъ быть, удивится; но разсудивъ пойметъ, что такого рода чувствованіе въ Сусаннѣ Николаевнѣ явилось такимъ прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ, что иначе и быть не могло. Вообразите вы себѣ одно: болѣе года Сусанна Николаевна видѣла Терхова почти каждодневно, и онъ оказалъ столько услугъ Егору Егорычу, что, конечно, сынъ-бы родной не сдѣлалъ для него столько. Изыскивая какъ-бы и чѣмъ помочь страдальцу и развлечь его, Терховъ однажды привезъ къ Егору Егорычу, съ предварительнаго, разумѣется, позволенія отъ него, извѣстнѣйшаго въ то время во всей Европѣ гомеопата-доктора, который, войдя къ Егору Егорычу, первое что сдѣлалъ масонскій знакъ мастера. Егоръ Егорычъ, сейчасъ-же это замѣтившій, отвѣтилъ ему таковымъ-же, а затѣмъ началось объясненіе между докторомъ и его пациентомъ на нѣмецкомъ языкѣ.

— Вы розенкрейцеръ? — спросилъ докторъ.

— Былъ имъ прежде, но теперь мартинистъ.

Нѣмецъ, кажется, не совсѣмъ понялъ этотъ отвѣтъ.

— Вы поэтому французъ? — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, — возразилъ Егоръ Егорычъ: — я хоть и мартинистъ, но мартинистъ русскій.

Нѣмецъ и этого отвѣта Егора Егорыча не понялъ и выразился по нѣмецки такъ:

— Я просилъ-бы васъ, почтенный господинъ, объяснить мнѣ, кого вы называете русскими мартинистами.

— Я называю русскими мартинистами, — началъ Егоръ Егорычъ, приподнимаясь немного на постели: — тѣхъ, кои, будучи православными, исповѣдуютъ мистицизмъ, и не по Бему, а по правиламъ и житію отцовъ нашей церкви, по правиламъ аскетовъ.

Выраженіе «по правиламъ аскетовъ» гомеопатъ понялъ, но всетаки не могъ уяснить себѣ, что такое собственно русскій мартинизмъ, и хотѣлъ по крайней мѣрѣ узнать, что какого-бы тамъ союза ни было, но масонъ-ли Егоръ Егорычъ?

— Съ восемнадцатилѣтняго возраста моей жизни масонъ! — воскликнулъ тотъ.

Удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, гомеопатъ сталъ спрашивать Егора Егорыча о припадкахъ его болѣзни и, когда все это выслушалъ, то произнесъ:

— Не позволите-ли вы мнѣ, почтенный господинъ, произвести надъ вами нѣсколько магнетизерскихъ манипуляцій (ученый докторъ былъ кромѣ того что гомеопатъ, еще магнетизеръ).

— Съ великимъ удовольствіемъ, — сказалъ Егоръ

Егорычъ, всегда любившій всякаго рода таинственныя и малообъяснимыя лѣченія.

— Легте спокойнѣе! — повелѣлъ ему докторъ.

Егоръ Егорычъ вытянулся на постели и положилъ обѣ руки свои на подложечку: онъ желалъ одновременно съ магнетизированіемъ предаться умному дѣланію.

Докторъ сдѣлалъ сначала довольно тихія магнетизерскія движенія, потомъ ихъ все усиливалъ и учащалъ, стараясь смотрѣть на Егора Егорыча упорнымъ взглядомъ; но въ отвѣтъ на это тотъ смотрѣлъ на него тоже упорно и лихорадочно-блестящими глазами. У доктора, наконецъ, началъ выступать потъ на лбу отъ дѣлаемыхъ имъ магнетизерскихъ движеній, но Егоръ Егорычъ не засыпалъ.

— Тѣло ваше слишкомъ убито, и его не нужно усыплять, чтобы вызвать духъ!... Онъ въ васъ явенъ, а напротивъ надобно помочь вашей слабой матеріальной силѣ, что и сдѣлають, я полагаю, вотъ эти три крупинки.

Проговоривъ это, гомеопатъ вынулъ изъ своей аптечки, возимой имъ обыкновенно въ боковомъ карманѣ фрака, порошокъ съ тремя крупинками, каковыя и высыпалъ Егору Егорычу на языкъ. Затѣмъ онъ попросилъ Егора Егорыча остаться въ абсолютномъ покоѣ. Егоръ Егорычъ постарался остаться въ абсолютномъ покоѣ, опять-таки не отнимая рукъ отъ солнечнаго сплетенія. Въ такомъ положеніи онъ пролежалъ около получаса.

— Чувствуете-ли вы нѣкоторое успокоеніе?—спросилъ гомеопатъ. <http://rcin.org.pl>

— Да, какъ будто-бы, — отвѣчалъ Егоръ Егорычъ.

— Примите еще три крупинки! — продолжалъ гомеопатъ, высыпая новый приемъ на языкъ Егора Егорыча, который, проглотивъ крупинки, черезъ весьма непродолжительное время проговорилъ:

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо.

Гомеопатъ съ удовольствіемъ потеръ себѣ руки и распрощался съ Егоромъ Егорычемъ масонскимъ способомъ.

Около двухъ мѣсяцевъ продолжалось лѣченіе этого рода. Терховъ всякій разъ привозилъ доктора самъ, и все время, пока тотъ сидѣлъ у больнаго, онъ бесѣдовалъ съ Сусанной Николаевной. Егору Егорычу повременамъ дѣлалось то лучше, то хуже, но въ результатѣ онъ всетаки слабѣлъ, и докторъ счелъ нужнымъ объявить, что однихъ гомеопатическихъ средствъ недостаточно для возстановленія физическихъ силъ Егора Егорыча и что ихъ надобно соединить съ житьемъ въ горной мѣстности.хлопоты для отысканія таковой мѣстности опять принялъ на себя Терховъ и обрѣлъ оную на довольно порядочной высотѣ Шварцвальда; но на бѣду тутъ же существовала мыза для лѣченія молокомъ. Завѣдывающій этою мызою врачъ, съ необыкновенно черными бакенбардами и вѣроятно изъ переродившихся жидовъ, почти насильно ворвавшись къ Марейнымъ, сталъ съ наглостью, свойственною его расѣ, убѣждать Сусанну Николаевну и Терхова въ превосходствѣ лѣченія молокомъ, особенно для стариковъ. Тѣ, съ своей стороны, предложили Егору Егорычу, не пожелаетъ-ли онъ подлѣчиться молокомъ; тотъ согла-

сился, но чрезъ недѣлю-же его постигнуло такое желудочное разстройство, что Сусанна Николаевна испугалась даже за жизнь мужа, а Терховъ поскакалъ въ Баденъ и привезъ оттуда настоящаго врача, не-спеціалиста, который, внимательно изслѣдовавъ больнаго, объявилъ, что у Егора Егорыча чахотка и что если желаютъ его поддержать, то предприняли-бы морское путешествіе, каковое, конечно, Марейны, въ сопровожденіи того-же Терхова, предприняли, начавъ его съ Средиземнаго моря; но когда корабль перешелъ въ Атлантическій океанъ, то вблизи Бордо, — по странному стеченію обстоятельствъ, — вблизи этого города, гдѣ нѣкогда возникла ложа мартинистовъ, Егоръ Егорычъ скончался. Снова хлопоты, которыя весьма находчиво преодолялъ Терховъ тѣмъ, что посредствомъ разспросовъ успѣлъ отыскать стараго масона мартиниста, лицо весьма важное въ городѣ; онъ явился и объяснилъ все, что слѣдовало о Марейнѣ. Старый мартинистъ принялъ живое участіе въ оставшейся вдовѣ и хлопоталъ ей возможность довести тѣло супруга на одномъ французскомъ пароходѣ вплоть до Петербурга; но возвращаюсь къ настоящему.

Когда вышесказанные два дня прошли, и Сусанна Николаевна, имѣвшая твердое намѣреніе погresti себя на всю жизнь въ Кузьмищевѣ около дорогаго ей праха, собиралась уѣхать изъ Москвы, то между ею и Терховымъ произошелъ такого рода разговоръ:

— Вы теперь ужь долго, вѣроятно, не появитесь сюда? — спросилъ онъ ее.

— Вѣроятно; я очень больна. Но вы, если бу-

дете такъ добры, навѣстите меня, умирающую, въ моей усадьбѣ, въ Кузьмищевѣ... До него не очень далеко отсюда.

Терховъ расцвѣлъ.

— Я прѣйду, если вы мнѣ позволите это, предварительно переписавшись съ вами, — проговорилъ онъ.

— Непремѣнно переписавшись! — подхватила Сусанна Николаевна, и всю дорогу до Кузьмищева она думала: «Господи, какая я грѣшница!»

ХШ.

Сусанна Николаевна и Муза Николаевна ежедневно между собою переписывались, и вмѣстѣ съ тѣмъ Терховъ, тоже весьма часто бывая у Лябьевыхъ, все о чемъ-то съ нѣкоторою таинственностью объяснялся съ Музой Николаевной, такъ что это замѣтилъ наконецъ Аркадій Михайлычъ и сказалъ, конечно, шутя женѣ:

— Что это у тебя идетъ за шептанье съ Терховымъ? Ты, смотри у меня: на старости лѣтъ не согрѣши!

— Вотъ что выдумалъ! — произнесла, какъ-бы нѣсколько смутившись, Муза Николаевна: — Если-бы кто-нибудь за мной настоящимъ манеромъ ухаживалъ, такъ развѣ ты-бы это замѣтилъ?

— Какъ-бы это такъ я не замѣтилъ? — возразилъ Лябьевъ.

— Да такъ, не замѣтилъ-бы; а тутъ, если и есть что-нибудь, такъ другое.

— Что-же это другое?

— Не скажу!

— Ну, Муза, милая, скажи!—сталь приставать
Лябьевъ.

— Не скажу!—повторила еще разъ Муза Николаевна.

— Отчего-жь не скажешь? Что за глупости
такія!

— Оттого, что ты сейчасъ всёшь разболтаешь!

— Не разболтаю, ей-богу?—воскликнулъ, перекрестившись даже, Лябьевъ.

— Не увѣрай, пожалуйста! Знаю я тебя!—стояла на своемъ Муза Николаевна.

— О, когда такъ, то я знаю безъ тебя и буду
всёшь объ этомъ рассказывать!

— Что ты знаешь и что будешь рассказывать?—спросила Муза Николаевна, опять немного смутившись.

— Знаю я,— произнесъ, самодовольно мотнувъ головой, Лябьевъ:—во-первыхъ, тутъ дѣло идетъ о Сусаннѣ Николаевнѣ.

— Можетъ быть!—согласилась, не умѣвшая лгать, Муза Николаевна.

— Потомъ о Терховѣ!

Муза Николаевна при этомъ потупилась.

— О немъ?—спросилъ Лябьевъ.

— Можетъ быть!—отвѣчала и на это Муза Николаевна.

— А далѣе ты рассказывай! — проговорилъ Лябьевъ и усѣлся даже, чтобы слушать жену.

— Да то, что я въ очень странномъ положеніи...—начала Муза Николаевна, сама того не со-

знавая, говорить все откровенно: — Терховъ мнѣ признался, что онъ влюбленъ въ Сусанну...

— Такъ и подобаегь, ничего нѣтъ тутъ страннаго!—подхватилъ Лябьевъ.

— Странно то,—продолжала Муза Николаевна:— что онъ просилъ меня сдѣлать отъ него предложеніе Сусаннѣ, но въ настоящее время я нахожу это совершенно невозможнымъ.

— Почему?—спросилъ Лябьевъ.

— Потому что послѣ смерти Егора Егорыча прошло всего только шесть мѣсяцевъ, и Сусанна, какъ, помнишь, на сценѣ говорилъ Мочаловъ, башмаковъ еще не износила, въ которыхъ шла за гробомъ мужа.

— Положимъ, что башмаки она ужъ износила!— замѣтилъ Лябьевъ:— Кромѣ того, если Терховъ просилъ тебя передать отъ него предложеніе Сусаннѣ, такъ, можетъ быть, они заранѣе объ этомъ переговорили: они за-границей цѣлый годъ каждый день видѣлись.

— Нисколько не переговорили!—возразила Муза Николаевна:— Терховъ такъ былъ деликатентъ, что ни однимъ словомъ не намекнулъ Сусаннѣ о своемъ чувствѣ.

— Словомъ, можетъ быть, не намекалъ; но тоже самое можно сказать дѣйствіями. Впрочемъ, пусть будетъ по твоему, что на сей предметъ ничѣмъ не было намекнуто, потому что тогда этому служилъ препятствіемъ умирающій мужъ; теперь-же этого препятствія не существуетъ.

— Только не для Сусанны; я скажу тебѣ прямо, что я намекала ей, не о Терховѣ, конечно, а такъ

вообще, какъ она будетъ располагать свою жизнь, думаетъ-ли выйти когда-нибудь замужъ, и она мнѣ на это утвердительно отвѣчала, что она ни на что не рѣшится, пока не прочтетъ завѣщанія Егора Егорыча.

— Но какое-же это такое завѣщаніе?— недоумѣвалъ Лябевъ: — Ты сама-же мнѣ говорила, что Егоръ Егорычъ передъ отъѣздомъ за-границу передалъ Сусаннѣ Николаевнѣ все свое состояніе по купчей крѣпости.

— Ахъ, это вовсе не о состояніи завѣщаніе, а скорѣй посмертное наставленіе Сусаннѣ, какъ она должна будетъ поступать передъ Богомъ, передъ ближнимъ и передъ самой собою.

— Такъ что если въ этомъ завѣщаніи сказано, чтобы она не выходила замужъ, такъ она и не выйдетъ?—спросилъ Лябевъ.

— Вѣроятно,—проговорила Муза Николаевна.

— Глупости какія, и глупости потому, что Сусанна, вѣроятно, со временемъ сама не послушается этого приказанія.

— И то возможно! — не отвергнула Муза Николаевна.

— Ломаки вы, барыни, вотъ что! Справедливо васъ Аграфена Васильевна называетъ недотрогами,—сказалъ Лябевъ.

Побесѣдовавъ такимъ образомъ съ супругой своей, онъ въ тотъ-же день вечеромъ завернулъ въ кофейную Печкина, которую все еще любилъ посѣщать, какъ главное прибѣжище художественныхъ силъ Москвы. Въ настоящемъ случаѣ Лябевъ изъ этихъ художественныхъ силъ нашель только Максимьку

возсѣдавшаго передъ знакомымъ намъ частнымъ приставомъ, который угощаль его пивомъ. Лябьевъ подеѣлъ къ нимъ.

— Интересную штуку онъ рассказываетъ,—произнесъ Максинька съ обычною ему важностью и указывая на частного пристава.

— О чемъ?—спросилъ Лябьевъ.

— О томъ-съ, какъ мы, по требованію епархіальнаго начальства, замазывали въ этой, знаете, масонской церкви, около почтамта, разныя надписи.

— Стало быть, нынче сильно преслѣдуютъ масоновъ?—сказалъ Лябьевъ.

— Ужасно-съ! Раскольниковъ тоже ведутъ душишь, такъ что, того и гляди, что попадешься въ какомъ-нибудь этакомъ случаѣ, и тебя турнутъ; лучше ужъ я самъ заблаговременно уйду и возьму частную службу, тѣмъ больше, что у меня есть такая на виду.

— Какая-же и гдѣ это у васъ на виду частная служба? — проговорилъ надменно и съ недовѣріемъ Максинька.

— У Тулузова, у откупщика,—нехотя отвѣчалъ ему приставъ и снова обратился къ Лябьеву:—Ахъ, чтобы не забыть, кетати разговоръ объ этомъ зашелъ: позвольте васъ спросить, какъ приходится господину Марейну жена Тулузова: родственница она ему или нѣтъ?

— Если вы хотите, то родственница,—отвѣчалъ, стараясь припомнить, Лябьевъ: — но только сводная родня: она была замужемъ за роднымъ племянникомъ Марейна; но почему васъ это интересуеть?

— По тому обстоятельству,—продолжалъ при-

ставъ: — что я, какъ вамъ докладывалъ, перехожу на службу къ господину Тулузову главноуправляющимъ по его откупамъ; прежняго своего управляющаго Савелія Власьева онъ прогналъ за плутовство и за грубость и мнѣ теперь предлагаетъ это мѣсто.

— Но говорятъ, — возразилъ на это Лябьевъ: — этотъ Тулузовъ ужасный человекъ!

— Все это клевета-съ, безстыдная и подлая клевета какого-то докторишки! — воскликнулъ съ одушевленіемъ приставъ: — Заслуги Василя Ивановича еще со временемъ одѣнеть Россія!

Максинька при этомъ иронически улыбался: онъ такъ понималъ, что частный приставъ все это вретъ; но не позволилъ себѣ высказать это въ надеждѣ, что тотъ его еще угоститъ пивомъ.

— Главное желаніе теперь Василя Иваныча развестись съ своей супругой, и это дѣло онъ поручаетъ тоже мнѣ, — продолжалъ между тѣмъ приставъ.

— Но почему-же именно онъ желаетъ развестись съ ней? — спросилъ Лябьевъ.

— Потому, что очень ужъ она безобразничаетъ, не говоря уже о томъ, что здѣсь, въ Москвѣ, она вела весьма вольную жизнь....

— Съ нашимъ Петькой возжалась! — подхватилъ Максинька.

— Не съ однимъ вашимъ Петькой, отозвался приставъ: — мало-ли тутъ у нея было; а поселившись теперь въ деревнѣ, вдалась принялась откалывать разныя штучки: сначала связалась съ тамошнимъ инвалиднымъ поручикомъ, разстроила было совершенно его семейную жизнь, а теперь,

говорятъ, пьютъ напрадалую и кутить съ мужиками своими.

— Фу ты, Боже мой, какая мерзость!—невольюно воскликнулъ Лябьевъ.

— По вашему вотъ мерзость, а по законамъ нашимъ это ничего не значить!—воскликнулъ тоже и частный приставъ:—Даже любовныя письма госпожи Тулузовой, въ которыхъ она одному здѣшнему аристократу пишетъ: «Будь, душенька, тутъ-то!» или прямо: «Пріѣзжай, душенька, ко мнѣ ночевать; жду тебя съ распростертыми объятіями», и того не берутъ во вниманіе.

— Это она писала къ этому камеръ-юнкеру, который прежде все сюда ходилъ? — спросилъ Максинька.

— Тому самому!—подтвердилъ приставъ.

— Но гдѣ-жь вы могли достать эти письма? — проговорилъ Лябьевъ.

— Мы ихъ купили у этого господина за пятьсотъ рублей... штукъ двадцать; баричи-то наши до чего нынче доходятъ: своего состоянія нема, изъ службы отовсюду повыгнали, теперь и пребываетъ шатающимся, болтающимъ, моли Бога о насъ. Но извините, однако, мнѣ пора ѣхать по наряду въ театръ,—заклучилъ приставъ и, распрощавшись съ своими собесѣдниками, проворно ушелъ и затѣмъ, какимъ-то кубаремъ спустившись съ лѣстницы, направился въ театръ.

— Этотъ приставъ подлець великій! — сказалъ тотчасъ-же послѣ его ухода Максинька.

— Великій? — повторилъ Лябьевъ.

— Ухъ какой, первѣйшій изъ первѣйшихъ! Го-

ворить, въ частную службу идетъ, а какая и зачѣмъ ему служба нужна? Будетъ ужь, нахапалъ, тысячь триста имѣеть въ ломбардѣ.

— Не можетъ быть!—не повѣрилъ Лябьевъ.

— Увѣряю васъ, но что объ этомъ говорить! Позвольте мнѣ лучше предложить вамъ выпить со мной пива! — сказалъ Максинька, рѣшившійся на свой счетъ угостить себя и Лябьева.

— О, нѣтъ-съ,—не позволилъ ему тотъ:—лучше я васъ угощу и не пивомъ, а портеромъ.

— Благодарю,—сказалъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Максинька, и когда портеръ былъ поданъ и разлитъ, онъ поднялъ свой стаканъ вверхъ и произнесъ промогласно:

— Пью за ваше здоровье, какъ за перваго русскаго композитора!

— Не врите, не врите, Максинька,—остановилъ его Лябьевъ:—есть много другихъ лучше меня: первый русскій композиторъ Глинка.

— Такъ! — не отвергнулъ Максинька.

Затѣмъ, по уходѣ Лябьева, Максинька пребывалъ нѣкоторое время какъ-бы въ нерѣшительномъ состояніи, а потомъ вдругъ проговорилъ необыкновенно веселымъ голосомъ половому:

— Миша, дай-ка мнѣ еще бутылочку пива!

— Да вы и безъ того много надолжали; хозяинъ велѣлъ только вамъ вѣрить до двадцати паръ, а вы ужь...

— Ну, ну, ну! Что за счеты! — остановилъ его Максинька одновременно ласковымъ и повелительнымъ голосомъ.

Половой усмѣхнувшись пошелъ и принесть Ма-

ксинькѣ бутылку пива, которую тотъ принялся распивать съ величайшимъ наслажденіемъ, видимо предаваясь въ это время самымъ благороднѣйшимъ чувствованіямъ.

Однажды, это ужъ было въ началѣ лѣта, Муза Николаевна получила весьма странное письмо отъ Сусанны Николаевны.

«Музочка, душенька, ангелъ мой», писала та: «пріѣзжай ко мнѣ, немедля ни минуты, въ Кузьмищево, иначе я умру. Я не знаю, что со мною будетъ; я, можетъ быть, съ ума сойду. Я рѣшилась наконецъ распечатать завѣщаніе Егора Егорыча. Оно страшно и отрадно для меня, и какая, Музочка, я гадная женщина. Всего я не могу тебѣ написать, у меня на это ни силъ, ни смѣлости не хватаетъ».

Когда Муза Николаевна показала это письмо Лябьеву, онъ сказалъ:

— Тебѣ надобно ѣхать!

— Непремѣнно,—подхватила Муза Николаевна:— а то Сусанна, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдетъ.

— Положимъ, что съ ума не сойдетъ,—возразилъ Лябьевъ:—и я напередъ увѣренъ, что все это творится съ ней по милости Терхова: онъ тутъ главную роль играетъ.

— Конечно, безъ сомнѣнія! — подхватила Муза Николаевна.

— А съ нимъ ты передъ отъѣздомъ не повидаешься? — спросилъ Лябьевъ.

Муза Николаевна нѣсколько мгновений подумала.

— Но зачѣмъ мнѣ съ нимъ видѣться? — начала

она съ вопроса:—Подать ему какую-нибудь надежду отъ себя, это опасно; можетъ быть, ты и я въ этомъ ошибаемся и это совсѣмъ не то...

— Отчего-же не то? — сказалъ съ недоумѣніемъ Лябьевъ.

— Оттого что... какъ это знать?... можетъ быть, Егоръ Егорычъ завѣщаль Сусаннѣ идти въ монастырь.

— Какія глупости! — воскликнулъ Лябьевъ:— Тогда къ чему-же ея фраза, что ей отраднo и страшно?

— Къ тому, что идти въ монастырь Сусаннѣ отраднo, а вмѣстѣ съ тѣмъ она боится, съумѣетъ-ли вынести монастырскую жизнь.

— Нѣтъ, твое предположеніе вздоръ! — отвергнулъ съ рѣшительностью Лябьевъ.

— Не спорю, но ты согласишься, что мнѣ лучше не видѣться съ Терховымъ, и отъ этого надобно уѣхать какъ можно скорѣй, завтра-же!

— Завтра же и поѣзжай! — разрѣшилъ ей Аркадій Михайлычъ.

— Я поѣду, но меня тутъ двѣ вещи беспокоятъ: во-первыхъ, нашъ мальчуганъ; при немъ, разумѣется, останется няня, а потомъ и ты не изволь уходить изъ дому надолго.

— Куда-жь мнѣ уходить? — отозвался Лябьевъ.

— Да въ тотъ-же клубъ, гдѣ ты уже былъ и поигралъ тамъ, — замѣтила съ легкой укоризной Муза Николаевна, болѣе всего на свѣтѣ боявшаяся, чтобы къ мужу не возвратилась его прежняя страсть къ картамъ.

Лябьевъ, въ свою очередь, былъ весьма сконфуженъ такимъ замѣчаніемъ жены.

— Что-жь что я былъ въ клубѣ; я тамъ выигралъ, а не проигралъ!—проговорилъ онъ какимъ-то нетвердымъ голосомъ.

— Это ничего не значитъ, — возразила ему супруга:—сегодня ты выигралъ, а завтра проиграешь вдвое больше; и зачѣмъ ты опять началъ играть, скажи, пожалуйста?

— Ахъ, Муза, ты, я вижу, до сихъ поръ меня не понимаешь!—произнесъ Лябьевъ и взялъ себя за голову, какъ-бы желая тѣмъ выразить, что его давно гложетъ какое-то затаенное горе.

— Напротивъ, я тебя очень хорошо понимаю,—не согласилась съ нимъ Муза Николаевна: — тебѣ скучно безъ картъ.

— Скучно; а почему мнѣ скучно?

— Потому, что не доволенъ всѣмъ, что ты теперь ни напишешь.

— Да какъ-же мнѣ быть довольнымъ? Даже друзья мои, которымъ, когда я сыграю что-нибудь свое, прималчиваютъ, и если не хулятъ, то и не хвалятъ.

— Ну, что-жь съ этимъ дѣлать? надобно быть довольнымъ тѣмъ, что есть; имя себѣ ты сдѣлалъ,—утѣшала его Муза Николаевна.

— Какое у меня имя! — возразилъ съ досадой Лябьевъ:—Я не музыкантъ даже настоящій, а только диллетантъ.

— Но что-жь такое, что диллетантъ? точно также какъ и другіе; у васъ все больше диллетанты; это-то ужъ, Аркадій, я понимаю, потому что сама тоже немножко принадлежу къ вашему кругу.

— Нѣтъ, Михайлъ Ивановичъ Глинка не дил-

летантъ! — восвливнуль, иронически разсмѣявшись, Лябьевъ:—Что такое его «Жизнь за Царя»?... Это цѣлый міръ, который онъ создалъ одинъ, безъ всякихъ хоть сколько-нибудь достойныхъ ему предшественниковъ, создалъ, легко сказать, оперу, большую, европейскую, а мы только попискиваемъ романсики. Я вотъ просвисталъ удачно «Соловья», да тѣмъ и кончилъ.

— Что ты говоришь: тѣмъ кончилъ? Мало-ли твоихъ вещей? — продолжала возражать Муза Николаевна.

— Вещичекъ, вещичекъ!—поправилъ ее Лябьевъ:—А все это отчего? Михаилъ Ивановичъ выросъ посреди оркестра настоящаго, хорошаго оркестра, который былъ у его дяди, а потомъ мало-ли у кого и гдѣ онъ учился: онъ бралъ уроки у Омана, Ценнера, Карла Мейера, у Цейлера, да и не перечтешь всѣхъ, а я что?... По натурѣ моей, я знаю, что у меня былъ талантъ, но какое-же музыкальное воспитаніе я получилъ? Обо мнѣ гораздо больше хлопотали, чтобы я чисто произносилъ по-французски и хорошо танцевалъ.

— Этого ужъ неворотишь; — подхватила Муза Николаевна:—но мы должны утѣшать себя теперь тѣмъ, что у насъ сынъ будетъ музыкантъ, и мы его станемъ ужъ серьезно учить.

— Непремѣнно, непременно!—прокричалъ на всю комнату Лябьевъ:—Я продамъ все, но повезу его въ лучшую консерваторію въ Европѣ.

— Прежде еще ты самъ его долженъ учить, а потому тебѣ играть въ карты будетъ некогда.

На этихъ словахъ Музы Николаевны старая

нянька ввела маленькаго Лябьева, очень хорошенькаго собою мальчика, которому было уже три года.

Мать сейчасъ-же посадила его себѣ на колѣни и спросила:

— Миша, ты будешь музыкантомъ?

— Да, — громко сказалъ Миша, мотнувъ своей большой курчавой головой.

— А кто изъ насъ лучше играетъ: я или папаша?

— Онъ, папаша! — отвѣчалъ Миша и указалъ своимъ пухленькимъ пальцемъ на отца.

XIV.

Музѣ Николаевнѣ пришлось ѣхать въ Кузьмищево, конечно, мимо знакомой намъ деревни Сосунцы, откуда повезъ ее тоже знакомый намъ Иванъ Дорошеевъ, который уже не торговлей занимался, а возилъ сосѣднихъ баръ, купцовъ, а также переправлялъ въ Петербургъ по зимамъ сало, масло, медъ, грибы, и отъ всего этого, повидимому, сильно раздышался: къ прежней избѣ онъ пристроилъ еще другую, ббльшую; обѣ онѣ у него были обшиты тесомъ и выкрашены, на деревенскій, разумѣется, вкусъ, пестровато и глуповато, но за то краска была терта на чудеснѣйшемъ льняномъ маслѣ и блестѣла, какъ-бы покрытая лакомъ. Услыхавъ, что сдаютъ свезти въ Кузьмищево ѣдущую изъ Москвы барыню, Иванъ Дорошеевъ, значительно уже посѣдѣвшій, но все еще молодцеватый изъ себя, вышелъ, какъ водится, на улицу. Сторговавшись съ извозчикомъ въ цѣнѣ, онъ не работника послалъ везти барыню, а захотѣлъ

самъ ѣхать и заложилъ лучшую свою тройку въ бричку, въ которой ѣхала Муза Николаевна вдвоемъ съ горничной; затѣмъ, усѣвшись на козлы и выѣхавъ изъ деревни въ поле, Иванъ Дороеевъ не преминулъ вступить въ разговоръ съ своими сѣдоками.

— Надо быть, вы изволите ѣхать къ Сусаннѣ Николаевнѣ? — обратился онъ прямо къ Музѣ Николаевнѣ, сразу разобравъ, кто горничная и кто барыня.

— Къ Сусаннѣ Николаевнѣ; я сестра ей, — отвѣчала та.

Иванъ Дороеевъ взглянулъ повнимательнѣе въ Музу Николаевну.

— Вотъ бить-то бы меня, дурака! Не призналъ я васъ, скажите на милость! — произнесъ онъ: — Вы еще маленькой у насъ останавливались, когда проѣзжали съ мамашей вашей.

— Да, я тогда была очень молода; я младшая изъ всѣхъ сестеръ.

— Вижу, вижу теперь, сударыня, а тоже чай замужемъ?

— Давно! — отвѣчала Муза Николаевна, невольно подумавъ про себя: «Мало что замужемъ, но и въ Сибири пожила». — Здорова-ли сестра? — прибавила она.

— Здорова-съ; своими глазами видѣлъ, что онѣ изволятъ сидѣть на балконѣ... Ѣздилъ тоже въ Кузьмищево, пустошь луговую въ кортому взять; своего-то сѣна у насъ, по крестьянскому нашему состоянію, мало, а я семь лошадей держу для извоза; надоче

было объ этомъ переговорить съ Сергѣемъ Николаичемъ Сверстовымъ, — изволите, полагаю, знать?

— Очень хорошо знаю; развѣ онъ теперь управляетъ у сестры имѣніемъ?

— Онъ-съ завѣдуетъ, да и допрежь того, при старикѣ еще, Сергѣй Николаичъ всѣмъ заправлялъ: у нихъ такъ это шло, что онъ по полевой части завѣдываетъ, а супруга его... какъ ей имя-то?.. смѣшное такое...

— Gnädige Frau, — напомнила ему Муза Николаевна.

— Такъ, кажись; но какъ-же, сударыня, у ней имя этакое?.. иностранное, что-ли, оно?..

— Это не имя, а прозвище, и значить почтенная женщина.

— Вотъ что-съ, понимаю, — проговорилъ Иванъ Доросеевъ: — и ее справедливо называютъ почтенной женщиной: такая доточная и разсудительная барыня, что и сказать нельзя; господинъ докторъ больше добрый, но она теперича по дому-ли что, или на счетъ денегъ, и даже по конторской части, все это подъ ея распоряженіемъ. Сусаннѣ Николаевнѣ за доброту ея послалъ Богъ такихъ управляющихъ; всѣ мы, даже сосѣди ихніе, тому радуемся. Теперь такъ болтаютъ, что конскій заводъ ваша сестрица хочетъ порѣшить, а чтобы въ больницѣ больше помѣщалось простаго народа, — дай ей Богъ здоровья за то! Это что говорить? Господамъ, сударыня, — продолжалъ онъ больше уже размышляющимъ тономъ: — которые богатые, такъ и слѣдствуетъ: праведниками чрезъ то могутъ быть; намъ

такъ вотъ, мужикамъ, не подь силу того, и въ царство-то небесное не за что попасть!

— Почему-же? — спросила Муза Николаевна, нѣсколько удивленная такимъ мнѣніемъ Ивана Дороеева.

— Потому что-съ, — объяснилъ онъ: — намъ надо всю жизнь плутовать, а то откедова-же добудешь? Извольте-ка вы разсудить: съ мужика баринъ беретъ, царь беретъ, всякій что ни на есть чиновникъ беретъ, а вѣдь у насъ только двѣ руки на работу, какъ и у другихъ прочихъ; за неволю плутуешь, и иди потомъ за то въ адъ кромѣшный.

— Но какъ же, господинъ извощикъ, вы это говорите? Мало-ли святыхъ было изъ мужиковъ и изъ нашей братьи, дворовыхъ! — возразила ему горничная Музы Николаевны, женщина среднихъ лѣтъ и тоже, должно быть, бойкая на языкъ.

— Да это, можетъ быть, голубушка, у васъ, въ Москвѣ, а по нашимъ мѣстамъ что-то не слышать того, по той причинѣ, что, въ міру живучи, не спасешься, а въ монастыри-то нынче простой народъ не принимаютъ, все кутейники и кутейницы туда лѣзутъ, благо ихъ какъ саранчи голодной развелось.

Разсуждая такимъ образомъ, Иванъ Дороеевъ уже проѣхалъ шедшій изъ Сосунцовъ лѣсъ, и по сторонамъ сталъ открываться тотъ-же ландшафтъ, который я нѣкогда описывалъ, но только лѣтній и дневной. Стоявшія почти на окраинѣ горизонта деревни виднѣлись ясно. Мельница близъ дороги, по прежнему, махала своими длинными крыльями; на поляхъ высилась слегка волнуемая вѣтромъ рожь. По мѣстамъ на лугахъ сгребали сѣно бабы въ однѣхъ

рубахъ, но съ красными платками на головахъ. Всѣ онѣ кланялись проѣзжающей барынѣ, на что Муза Николаевна отвѣчала низкимъ и привѣтливымъ поклономъ; московская-же горничная ея едва только склоняла имъ голову, желая тѣмъ выразить свое столичное превосходство. Далѣе, въ паровомъ полѣ гулялъ табунъ лошадей, отъ котораго отбившись молодой жеребенокъ какъ-бы изъ любопытства подбѣжалъ довольно близко къ дорогѣ и, поднявъ свою тонкую голову, заржалъ, на что Иванъ Дороеевъ, крикнувъ: «Я те, дьяволенокъ этакій!» хлопнулъ по воздуху плетью. Напуганный этимъ жеребенокъ повернулъ назадъ и маршъ-маршемъ понесся къ маткѣ. До Кузьмищева, наконецъ, было весьма недалеко. Иванъ Дороеевъ сталъ погонять лошадей, приговаривая: «Ну, ну, ну, матушки, выносите съ горки на горку, а кучеру на водку!» Спустившееся между тѣмъ довольно низко солнце прямо свѣтило моимъ путникамъ въ глаза, такъ что Иванъ Дороеевъ, приложивъ ко лбу руку, на подобіе глазнаго зонтика, нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ даль, а потомъ какъ-бы самъ съ собою проговорилъ:

— Къ намъ на встрѣчу, надо быть, ѣдетъ чья-то коляска.

— Коляска? Какая, чья?—спросила стремительно Муза Николаевна.

Иванъ Дороеевъ продолжалъ изъ-подъ руки смотрѣть въ даль.

— Да чуть-ли не Сусанна Николаевна; это ихняя воронан четверка. Ишь ты, дышловыя-то какъ ноги мечутъ, словно львы!

— Сусанна? — воскликнула Муза Николаевна и

высунулась вся изъ брички, чтобы лучше рассмотреть даль.

— Она самая-съ,—отвѣчала утвердительно Иванъ Дороеевъ и погналъ лошадей во все лопатки.

Когда бричка и коляска съѣхались, то обѣ сестры взвизгнули и, едва давъ отпереть дверцы экипажей, выскочили проворно на дорогу и бросились другъ къ другу въ объятія, при чемъ Сусанна Николаевна рыдала и дрожала всею тѣлою, такъ что Муза Николаевна принуждена была поддерживать ее.

— Ну, сядемъ, я съ тобой поѣду!—сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила Сусанна Николаевна совершенно взволнованнымъ голосомъ: — я хочу съ тобой пойти пѣшкомъ!

Видимо, что ей больше всего хотѣлось остаться поскорѣе съ сестрой вдвоемъ.

— Пойдемъ!—отвѣчала ей покорно Муза Николаевна.

Онѣ пошли, а экипажи поѣхали сзади ихъ.

Не смотря на свой разстроенный видъ, Сусанна Николаевна, слегка опиравшаяся на руку сестры, была художественно-прекрасна: ея довольно высокій станъ представлялъ классическую стройность; траурная вуаль шляпки развѣвалась по воздуху; глаза были исполнены лихорадочнаго огня; замѣтный румянецъ покрывалъ ея обычно-блѣдное лицо. Крѣпко пожимая руку Музы Николаевны, она ей отвѣчала:

— Благодарю, спасибо тебѣ, Музочка, что ты пріѣхала; я тебѣ одной все скажу; здѣсь услышать; сядемъ лучше въ коляску! — И обѣ сестры сѣли въ коляску.

— Повзжай скорѣй! — приказала Сусанна Николаевна кучеру.

Кони-львы, еще выращенные и прѣвзженные покойнымъ Егоромъ Егорычемъ, понеслись стрѣлой, такъ что Иванъ Дорофееичъ началъ уже отставать на своей тройкѣ, на что горничная Музы Николаевны выразила неудовольствіе.

— Да какъ-же, милостивая государыня, быть-то тутъ? — сказалъ онъ ей съ своей стороны насмѣшливо: — Тѣ-то лошади жеребцы, а у меня всѣ кобылы.

— Ахъ, пожалуйста, это все равно! — проговорила съ гримасою горничная.

— Какъ все равно? Мужикъ или баба, развѣ они одинаково могутъ бѣгать? Бабы-то словно-бы всѣ косолапя, а не прямоногія.

— Прошу васъ оставить ваши глупыя шутки! Я не такая, какъ, можетъ, вы думаете, — остановила его съ сердцемъ горничная.

— Да это какъ вамъ угодно, а я о васъ ничего худаго не думаю, — проговорилъ тѣмъ-же насмѣшливымъ голосомъ Иванъ Дорофеевъ и продолжалъ ѣхать средней рысцой.

Горничная ужасно на это бѣсилась, но уже молчала.

Въ коляскѣ Сусаннѣ Николаевнѣ повидимому снова хотѣлось заговорить съ сестрой откровенно, но и тутъ было нельзя: на передней лавочкѣ чопорно возсѣдала gnädige Frau, имѣвшая послѣднее время правиломъ для себя сопровождать Сусанну Николаевну всюду.

По прѣздѣ въ Кузьмищевъ, Сусанна Николаевна

взяла было сестру за руку и повела къ себѣ, но gnädige Frau остановила ее, проговоривъ:

— Музѣ Николаевнѣ надобно съ дороги умыться и перемѣнить свой туалетъ.

— Да, я ужасно какая!—подтвердила Муза Николаевна.

— Ну, пооди, переодѣнься, только скорѣй приходи ко мнѣ!—разрѣшила ей Сусанна Николаевна.

Gnädige Frau направила Музу Николаевну на верхъ въ ту самую комнату, которую та занимала въ дѣвичество своемъ.

— Ваше прежнее пепелище!—проговорила она и вмѣстѣ съ тѣмъ притворила довольно плотно дверь комнаты.—Я имѣю вамъ два слова сказать...—продолжала gnädige Frau съ явною уже таинственностью:—Вы внимательнѣй разспросите Сусанну Николаевну, что такое съ ней; она волнуется и плачетъ цѣлые дни... Мы третій день ѣздимъ къ вамъ на встрѣчу, какъ будто-бы вы могли перелетѣть изъ Москвы!

— Можетъ быть, она стала тосковать послѣ того, какъ прочла духовное завѣщаніе Егора Егорыча.

Gnädige Frau отвѣчала на это, пожавъ плечами:

— Я даже не знаю, прочла-ли его Сусанна Николаевна; она тутъ какъ-то проговаривала, что намѣрена вскрыть духовное завѣщаніе, потому что прошло гораздо болѣе девяти мѣсяцевъ.

— Почему-же до девяти мѣсяцевъ нельзя было вскрыть завѣщанія?—неволью перебила gnädige Frau Муза Николаевна.

— Это наше масонское правило!—объяснила та:—Мы убѣждены, что человекъ не умираетъ полною

смертію, воспринявъ которую, онъ только погружается въ землю, какъ-бы въ лоно матери, и въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, подобно младенцу, изъ ветхаго Адама преобразуется въ новаго или, лучше сказать, первобытнаго, безгрѣховнаго Адама; изъ плоти онъ переходитъ въ духъ, и до девяти мѣсяцевъ связь всякаго умершаго съ землею не прекращается; онъ, можетъ быть, даже чувствуетъ все, что здѣсь происходитъ; но вдругъ кто-нибудь будетъ недоволенъ завѣщанной имъ волей... Согласитесь, что это будетъ тревожить умершаго, нарушится спокойствіе праха. Поняли меня?

— Да,—отвѣчала Муза Николаевна, хотя, говоря правду, она очень мало поняла, а потому поспѣшила перевести разговоръ на сестру:—Но какъ же и въ чемъ Сусанна проводитъ время?

— Въ томъ, что мучится и страдаетъ, и со мной ни о чемъ серьезно не говоритъ?—слегка воскликнула gnädige Frau, видимо обижавшаяся, что Сусанна Николаевна, особенно послѣ возвращенія изъ за-границы, была съ нею скрытна.—Однако, я васъ не задерживаю, поспѣшите къ сестрицѣ вашей!—заклчила она и уйдя послала къ Музѣ Николаевнѣ горничную, съ помощію которой та очень скоро преодѣлась и прошла къ сестрѣ, сидѣвшей въ прежде бывшей спальнѣ Егора Егорыча и нынѣ составлявшей постоянное мѣстопробываніе Сусанны Николаевны. Въ воннатѣ этой все оставалось по прежнему; только портретъ Юнга Сусанна Николаевна замѣнила мастерскимъ портретомъ Егора Егорыча, который она упростила его снять съ себя за-границей, и въ этомъ случаѣ опять таки помогъ ей Терховъ,

который нарочно съѣздилъ изъ Бадена въ Мюнхенъ и привезъ художника еще молодаго, но причисляющагося къ первокласснымъ портретистамъ. Портретомъ-же Юнга завладѣла gnädige Frau и повѣсила его надъ своей кроватью, считая изображеніе мистическаго поэта лучшимъ украшеніемъ своего скромнаго обиталища. Сусанна Николаевна, когда вошла къ ней Муза, сидѣла съ глазами, опущенными на исписанный листъ бумаги. Увидѣвъ сестру, она подала ей этотъ исписанный листъ и проговорила:

— Прочти и научи меня, что мнѣ дѣлать!

Муза Николаевна начала читать. Передавать читателю буквально, что писалъ Егоръ Егорычъ, довольно трудно. Видимо, что онъ уже былъ въ сильно болѣзненномъ состояніи. Мысли и чувствованія у него путались и были навиданы безъ всякой связи. Одно можно было вывести изъ всѣхъ его отвлеченныхъ выраженій и восклицаній, это вопль невыносимыхъ страданій и мукъ о томъ, что онъ заѣлъ молодость и весь вѣкъ Сусанны Николаевны. Прося объ отпущеніи ему этого грѣха, Егоръ Егорычъ вмѣстѣ съ тѣмъ умолялъ свою супругу предаться всѣмъ радостямъ земной жизни, прелесть которой можетъ оцѣнить только человѣкъ, уже лежащій на одрѣ смерти, и первую изъ земныхъ радостей Егоръ Егорычъ считалъ любовь. «Ты должна полюбить,» писалъ онъ прямо: «чувства этого во всей полнотѣ ты еще не испытала. Благословляю тебя быть женой и матерью: любящее сердце твое требуетъ этого. Въ выборѣ твоёмъ ты не ошибешься: около тебя стоитъ человѣкъ, который любитъ тебя и достоинъ быть тобою любимымъ. Онъ есть Терховъ. Я его

внимательно изучалъ: это человѣкъ чистаго сердца и глубоко серьезнаго ума. Идя среди искусовъ жизни подъ его руководствомъ, ты будешь также приближаться къ Богу, какъ приближалась-бы, идя со мной по пути масонства». Далѣе шли приказанія Сусаннѣ Николаевнѣ никого не брать въ управляющіе, кромѣ Сверстова, которому сверхъ того сейчасъ отдѣлать по купчей крѣпости усадьбу въ сорокъ душъ. Въ концѣ своего завѣщанія Егоръ Егорычъ просилъ Сусанну Николаевну о томъ, что если будетъ у ней ребенокъ—сынъ, то чтобы она исходатайствовала ему фамилію Терховъ-Марейнъ.

— Все это очень умно, очень благородно, и тебѣ остается только поступить, какъ написано Егоромъ Егорычемъ.

— Но, милая Муза,—воскликнула Сусанна Николаевна:—неужели ты не понимаешь, что не Егоръ Егорычъ виноватъ передо мной, а я уморила его тѣмъ, что на его глазахъ увлекалась разными господами?!

— Ну, положимъ такъ; я согласна съ тобой, хоть тутъ слова правды нѣтъ; но теперь Егоръ Егорычъ умеръ, и ты, я думаю, должна исполнять волю его во всѣхъ отношеніяхъ; а потому я завтра же напишу Терхову, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Сохрани Боже, сохрани Боже!—почти закричала Сусанна Николаевна.

— Почему-же Боже сохрани? — возразила Муза Николаевна:—Неужели въ самомъ дѣлѣ въ двадцать восемь лѣтъ ты думаешь жить въ этой глуши одна, ходить только на могилу мужа твоего? Ты съ ума сойдешь, если будешь вести такую жизнь.

— Знаю; можетъ быть, — подтвердила Сусанна Николаевна:—но пойми ты меня: мнѣ не только что людей всѣхъ здѣшнихъ, но даже стѣнь этихъ будетъ стыдно, что я сдѣлаюсь женой другаго.

— Тогда поѣдемъ въ Москву, если тебѣ такъ стыдно здѣсь,—сказала на это Муза Николаевна.

— Въ Москвѣ—да, лучше... тамъ еще, можетъ быть, я могу; но повуда не будемъ объ этомъ говорить!—попросила Сусанна Николаевна.

Вскорѣ послѣ того былъ накрытъ ужинъ, на который пришелъ также и возвратившійся съ своихъ хозяйственныхъ хлопотъ докторъ. Искренно обрадованный прїездомъ Музы Николаевны, онъ съ первыхъ-же словъ отнесся къ ней съ вопросомъ:

— Извините вы меня, сударыня, но не извѣстно ли вамъ, по жизни вашей въ Москвѣ, что творить тамъ нѣкто дѣйствительный статскій совѣтникъ Тулузовъ, котораго было я упряталъ въ острогъ, но который ужъ давно выпущенъ?

— Извѣстно немного,—отвѣтила ему Муза Николаевна:—онъ живетъ теперь большимъ бариномъ, даетъ роскошные обѣды и набираетъ себѣ все больше и больше откуповъ.

— Вотъ какъ-съ!—произнесъ Сверстовъ съ перекосеннымъ отъ затаенной злости лицомъ:—Егоръ Егорычъ, значить, справедливо предсказывалъ, что у насъ не Христосъ выгонить изъ храма мытарей, а мытари выгонять рыбарей, что масонство на долгіе годы должно умереть и возсіяетъ во всемъ своемъ величїи откупщицкая и кабацкая сила. Посмотримъ-съ, посмотримъ, какую пользу правительство извлечетъ изъ этого для себя и для народа; но

только я на этомъ не удовлетворюсь!... нѣтъ, я подамъ прошеніе на Высочайшее имя: пусть или меня сошлютъ въ каторгу, если я клеветникъ, или Тулузова въ рудники упрячутъ, когда я докажу, что онъ убійца.

— Что за вздоръ ты говоришь! Развѣ можно теперь доказать это?—возразила мужу gnädige Frau.

— Такъ что-же мнѣ,—воскликнулъ онъ:—съ неочищенной душой и предстать на страшный судъ!

— Чѣмъ-же не очищена душа твоя будетъ?—продолжала возражать gnädige Frau:—Ты пытался, ты доносилъ, тебѣ не повѣрили, и въ грѣхъ будутъ виноваты они, а не ты.

— Но я долженъ попытаться не одинъ, а десять, двадцать разъ!—кипятился докторъ.

— Тогда тебя, пожалуй, сочтутъ за человѣка не въ полномъ разсудкѣ и посадятъ въ сумасшедшій домъ!—предусмотрительно и насмѣшливо замѣтила gnädige Frau.

— Можетъ быть,—согласился докторъ:—по крайней мѣрѣ, я тогда исполню все, что было въ моей возможности.

— Да это исполнй, кто тебѣ мѣшаетъ!—заклчила этотъ споръ тѣмъ-же насмѣшливымъ тономъ gnädige Frau, очень хорошо знавшая, что она съумѣетъ не допустить мужа подать такую несообразную съ здравымъ разсудкомъ просьбу.

Послѣ ужина сейчасъ-же все разошлись по своимъ комнатамъ, и Муза Николаевна, утомленная тридневной дорогой, заснула было крѣпчайшимъ сномъ, но часу въ первомъ ее вдругъ разбудила горничная и проговорила испуганнымъ голосомъ:

— Пожалуйте къ сестрицѣ, имъ очень нехорошо-съ!

— Что такое съ ней? — спросила въ свою очередь съ испугомъ Муза Николаевна.

— Не знаю-съ; при нихъ Ѳадеевна осталась, а я за вами побѣжала, — сказала горничная.

Муза Николаевна въ одной сорочкѣ, надѣвъ только на босую ногу туфли, пошла къ сестрѣ, которую она нашла почти лежащею въ объятіяхъ Ѳадеевны и имѣющею глаза закрытыми. Муза Николаевна осторожно подошла къ ней.

— Тебѣ не здоровится, Сусанна? — окликнула она ее.

— Да, но дай мнѣ твою руку! — отвѣчала на это Сусанна Николаевна, все-таки не открывая глазъ.

Муза Николаевна приняла ее изъ объятій Ѳадеевны въ свои объятія.

— Это, должно быть, съ ними сдѣлалось отъ глазу чьего-нибудь нехорошаго; съ камешка ихъ надобно спрыснуть, — шепнула ей старуха и, уйдя изъ комнаты, тотчасъ-же возвратилась назадъ съ оттопыренными щеками.

Муза Николаевна не успѣла еще ничего изъ ея словъ хорошенько понять, какъ старуха, проговоривъ: «Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѣ!» брызнула на Сусанну Николаевну изо рта воды. Та вскрикнула и открыла глаза. Старуха, снова про-
бормотавъ: «Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Саваоѣ!» еще брызнула разъ. Сусанна Николаевна ужъ задрожала всѣмъ тѣломъ, а Муза Николаевна воскликнула: Что ты такое дѣлаешь?» Но старуха,

проговоривъ въ третій разъ: Святъ, святъ, святъ...» опять брызнула на Сусанну Николаевну.

— Будетъ, будетъ, уйдите, оставьте меня съ сестрой!—сказала ей наконецъ, Сусанна Николаевна.

— Уйду, матушка; теперь все пройдетъ!—сказала увѣреннымъ тономъ старуха и ушла.

— Что такое съ тобой случилось? — спрашивала Муза Николаевна.

— Я... — отвѣчала Сусанна Николаевна, какъ-бы боясь остановить свой взглядъ на чемъ-нибудь попристальнѣе. Комната была освѣщена только горѣвшей передъ образомъ Казанской Божіей Матери лампадкой. — Я,—повторила Сусанна Николаевна:—видѣла вотъ его... — и она указала при этомъ рукой на портретъ Егора Егорыча — и того!..

— Терхова? — спросила Муза Николаевна.

— Да... — произнесла съ усиліемъ надъ собой Сусанна Николаевна: — Мужъ мнѣ все указывалъ въ даль, а другой мнѣ говорилъ: «Вы уморите меня, какъ уморили Углакова!»

— Ты заснула, Сусанна, и видѣла это во снѣ,—старалась ей объяснить Муза Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не спала; я давно, не сплю ни одной ночи,—не согласилась Сусанна Николаевна.

— Тогда это твои обыкновенныя галлюцинаціи,—продолжала успокаивать ее Муза Николаевна.

— Это и не галлюцинаціи,—возразила Сусанна Николаевна:—которые, когда бывали со мной, то очень неясныя, а тутъ я разсмотрѣла всѣ черты Егора Егорыча и слышала голосъ Терхова отъ слова до слова.

— Еще-бы тебѣ не видѣть и не слышать, когда ты только объ этомъ и думаешь! Но вотъ что, мое

сокровище: я не оставлю тебя здѣсь и увезу съ собой въ Москву; ты здѣсь окружена только тѣмъ, чего ужъ нельзя возвратить, а того, что ты желаешь видѣть, нѣтъ около тебя. Кромѣ того, послѣднее твое видѣніе можетъ и сбыться: Терховъ въ самомъ дѣлѣ можетъ умереть отъ тоски! — рѣшилась ужъ немножко припугнуть сестру Муза Николаевна.

Сусанна Николаевна при этихъ словахъ ея вздрогнула.

— Хорошо, я готова уѣхать отсюда! — проговорила она.

— Завтра-же? — подхватила Муза Николаевна.

— Хоть завтра, мнѣ все равно.

— А въ Москвѣ, что-же, съ Терховымъ ты увидишься?

— А въ Москвѣ вы дѣлайте со мною что хотите: пойми ты, что я утратила всякій умъ и всякую волю.

— Ну, мы тамъ знаемъ, что сдѣлать! — заключила Муза Николаевна и на другой день объявила прислугѣ, что Сусанна Николаевна уѣзжаетъ съ ней надолго въ Москву, и потому чтобы все нужное для этого было приготовлено; сказала она также о томъ и gnädige Frau, у которой при такомъ извѣстїи заискрились слезы на глазахъ.

— Зачѣмъ-же Сусанна Николаевна такъ спѣшитъ уѣхать отсюда? — спросила она печальнымъ голосомъ.

— Затѣмъ, — отвѣчала ей съ лукавою улыбкой Муза Николаевна: — что ее тамъ одинъ господинъ очень ждетъ.

— Господинъ?... — произнесла съ удивленнымъ

лицомъ gnädige Frau. — Но который тоже нравится и Сусаннѣ Николаевнѣ? — присовокупила она, смекнувъ, въ чемъ дѣло.

— Нравится; кромѣ того, Егоръ Егорычъ самъ въ своемъ завѣщаніи написалъ Сусаннѣ, чтобы она непременно вышла за этого господина.

Лицо gnädige Frau приняло радостное выраженіе.

— Значить, онъ долженъ быть очень хорошій человѣкъ.

— Такой-же, какъ Егоръ Егорычъ: уменъ, ученый, серьезный и въ добавокъ молодой.

Gnädige Frau скрестила при этомъ набожно руки на груди.

— Danke Dir, mein Gott dafür! — произнесла она, и затѣмъ продолжала окончательно растроганнымъ голосомъ: — У меня одна къ вамъ, добрыйшная Муза Николаевна, просьба: увѣдомляйте меня хоть коротенько обо всемъ, что прозойдетъ съ Сусанной Николаевной! Я считаю ее моей дочерью духовной. Когда она была замужемъ за Егоромъ Егорычемъ, я знала, что она хоть не вполне, но была счастлива; теперь-же, какъ я ни успокоена вашими словами...

Тутъ полившіяся изъ глазъ слезы захватили дыханіе у gnädige Frau, и она не въ состояніи была продолжать своей рѣчи.

— Непременно, непременно буду писать вамъ! — обѣщала ей Муза Николаевна.

Весь день послѣ того прошелъ въ сборахъ, въ которыхъ Сусанна Николаевна не принимала никакого участія. Она сидѣла въ своей комнатѣ и все время смотрѣла на портретъ Егора Егорыча. Въ послѣднія

минуты отъѣзда она, впрочемъ, постаралась переломить себя и вышла въ гостиную, гдѣ лица, долженствовавшія провожать ее, находились въ сборѣ, и изъ числа ихъ gnädige Frau была съ глазами, опухнувшими отъ слезъ; Сверстовъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и какъ-то нервно потиралъ себѣ руки; на добродушно глуповатой физиономіи Тадеевны было написано удовольствіе отъ мысли, что она вылъчила барыню, спрыснувъ ее водой съ камушка. Наконецъ, явился Антипъ Ильичъ, почти ничего уже не видѣвшій и едва державшійся на своихъ тонкихъ ногахъ, но все еще благообразный изъ себя.

— Сядьте, старичокъ! — первое, что приказала ему gnädige Frau.

Антипъ Ильичъ, съ трудомъ отыскавъ глазами стулъ, сѣлъ.

— Сядьте, и вы! — приказала gnädige Frau Тадеевнѣ.

И та опустилась на кресло, постаравшись сѣсть рядомъ съ Сусанной Николаевной.

— Лошади поданы-съ! — проговорилъ, взглянувъ въ окно, Сверстовъ, видимо мучимый всей этой сценой разставанья и рѣшительно не понимавшій, что тутъ собственно проеходить.

Все поднялись. Сусанна Николаевна и Муза Николаевна сѣли на заднюю скамейку огромной четырехмѣстной кареты, а горничныя ихъ на переднюю. Вороные кони Егора Егорыча, запряженные уже шестеркой съ отчаяннымъ молодымъ форейторомъ на выносѣ, быстро помчали отъѣзжающихъ; но смотря на то, долго еще видно было, что Сусанна Николаевна все выглядывала изъ кареты и смотрѣла по

направленію къ Кузьмищеву, въ отвѣтъ на что gnädige Frau махала ей бѣлымъ платкомъ своимъ. Сверстому, наконецъ, наскучило такое сентиментальничанье барынь.

— Пойдемъ въ комнаты!—сказалъ онъ женѣ.

Та пошла за нимъ.

— Что за сумашествіе творить Сусанна Николаевна! Поѣхала въ Москву на пыль, на жаръ... Что ей, видно, надоѣло здоровье? — проговорилъ докторъ искренно сердитымъ голосомъ.

— Она поѣхала затѣмъ, что въ ея жизни скоро, вѣроятно, произойдетъ переломъ, и она выйдетъ снова замужъ,—открыла мужу gnädige Frau.

— Немножко скоренько!—замѣтилъ съ ироніей докторъ.

— Нисколько не скоренько! — возразила gnädige Frau:—Самъ Егоръ Егорычъ, въ своемъ завѣщаніи, велѣлъ ей выйти за этого человѣка.

— Это, вѣроятно, за Терхова? — спросилъ докторъ.

— Вѣроятно, за него,—подтвердила gnädige Frau.

— Тогда къ чему-же всѣ эти слезы и волненія? Старый мужъ разрѣшилъ, новый, кажется, попадаетъ, человѣкъ хорошій; надобно радоваться, а не печалиться: дѣло житейское, обыкновенное!... — восклицалъ докторъ.

— То-то, что тутъ не очень обыкновенное,—возразила gnädige Frau:—потому что тебѣ говорить нечего, какъ Сусанна Николаевна любила Егора Егорыча; сверхъ того, горничная Сусанны Николаевны, которая, какъ ты знаешь, не врунья, говорила мнѣ, что Сусанна Николаевна...

Докторъ былъ совершенно опѣшенъ.

— Неужели-же то, что я какъ-то прежде подозрѣвалъ, правда?—проговорилъ онъ.

— Что ты подозрѣвалъ?—спросила его gnädige Frau.

Сверстовъ не вдругъ отвѣтилъ женѣ, а поерошивъ многократно свою голову, наконецъ, проговорилъ:

— Мнѣ Егоръ Егорычъ, бывши еще холостымъ, говорилъ какъ-то разъ шутя, что онъ многократно влюблялся только духомъ, а не тѣломъ; но тогда зачѣмъ-же было жениться?...

— Отчего-жъ не жениться? Неужели-же необходимо, чтобы это было? — проговорила, слегка покраснѣвъ, gnädige Frau.

— Необходимо, чтобы было! — восклицалъ докторъ:— Это тебѣ всѣ физиологи скажутъ.

— Вздоръ!—отвергла gnädige Frau.

— Нѣтъ, не вздоръ! — воскликнулъ докторъ и счелъ за лучшее прекратить съ старой бабой объ этомъ разговоръ.

Недѣли черезъ двѣ потомъ они получили отъ Музы Николаевны письмо, которымъ она увѣдомляла ихъ, что Сусанна Николаевна вышла замужъ за Терхова, и что теперь пока молодые уѣхали за границу, гдѣ, вѣроятно, пробудутъ недолго, и возвратятся на житье въ Кузьмищево.

Понятно, что отъѣздъ молодыхъ на чужбину случился оттого, что Сусаннѣ Николаевнѣ, по выходѣ ея замужъ, и въ Москвѣ было стыдно оставаться, какъ-будто-бы въ самомъ дѣлѣ она совершила какой-нибудь постыдный поступокъ.

XV.

Отдаваясь прирожденному влеченію, Миропа Дмитріевна задумала быть хозяйкой. Для сей цѣли Миропа Дмитріевна наняла верхній этажъ одного изъ самыхъ большихъ домовъ на Никитской и разбила этотъ этажъ на номера, которые выкрасила, убрала мебелью и надъ окнами оныхъ съ улицы прибила вывѣску: *Мебмированныя комнаты со столомъ, госпожи Звѣревой*. Однимъ изъ первыхъ, желающихъ посмотреть ея номера, явился тотъ-же мизерный камергеръ, ея должникъ на столь значительную сумму. Какимъ образомъ могло это случиться, Миропа Дмитріевна сначала объяснить даже себѣ не могла, потому что съ тѣхъ поръ, какъ вручила ему десять тысячъ, она въ глаза его не видала у себя въ домикъ на Гороховомъ полѣ, а тутъ вдругъ онъ, точно съ неба свалившись, предсталъ предъ нею. Въ первыя минуты Миропа Дмитріевна подумала, не деньги-ли заплатить пришелъ къ ней камергеръ, но оказалось не то.

— Миропа Дмитріевна, вы квартиры открыли?— воскликнулъ онъ необыкновенно радостнымъ голосомъ и съ чувствомъ поцѣловавъ у нея руку.

— Да, — отвѣчала ему коротко и не совсѣмъ благосклонно Миропа Дмитріевна.

— Тогда я непременно желаю нанять у васъ два-три номера!— продолжалъ тѣмъ-же радостнымъ голосомъ камергеръ.

— Какимъ образомъ вы, такой богатый человекъ, — возразила ему немножко обезпокоеннымъ

голосомъ Миропа Дмитриевна: — станете жить въ номерахъ, тѣмъ больше, что вы теперь, вѣроятно, ужь женились?

— Слава Богу, нѣтъ съ! — воскликнулъ камергеръ: — Imaginez, за меня хотѣли выдать дѣвушку самаго большаго свѣта, но которая уже имѣла двоихъ дѣтей отъ своего крѣпостнаго лакея!

— Возможно-ли это! — произнесла съ недоувѣрчивостью Миропа Дмитриевна.

— Очень возможно-съ! Вы не знаете послѣ этого большаго свѣта! — проговорилъ съ удареніемъ камергеръ.

— Однако вы сами принадлежите къ этому большому свѣту, — замѣтила ему не безъ ядовитости Миропа Дмитриевна.

— Я никогда душой не принадлежалъ свѣту! — отвергнулъ камергеръ какъ-бы съ нѣкоторымъ даже негодованіемъ: — Дѣло теперь не въ томъ-съ, а вы извольте мнѣ прежде показать ваши номера!

Показывать номера для Миропы Дмитриевны было большимъ наслажденіемъ, такъ какъ она сама была убѣждена, что номера ея прехорошенькіе; но камергеръ ей сказалъ даже еще болѣе того: входя почти въ каждый номеръ, онъ развѣвалъ какъ-бы отъ удивленія ротъ и восклицалъ:

— Это чудо, предель что такое! Смѣю васъ завѣрить, что и за-границей такихъ номеровъ не много.

— А вы бывали за-границей? — спросила его Миропа Дмитриевна.

— Сколько разъ, по цѣлому году тамъ живалъ! — совралъ камергеръ, ни разу не бывавшій за-границей.

цей: — но тамъ номера существуютъ при другихъ условіяхъ; тамъ, въ такъ называемыхъ *chambres garnies* живутъ весьма богатые и знатные люди; иногда министры занимаютъ даже помѣщенія въ отеляхъ. Но вы рѣшились въ нашей полузіатской Москвѣ затѣять то-же, вивать вамъ, вивать! вотъ что только можно сказать!

— Мнѣ пріятно это слышать отъ васъ, — проговорила Мирона Дмитриевна расчувствованнымъ голосомъ.

Но когда затѣмъ они вошли въ самый лучшей и большой номеръ, то камергеръ не произносилъ ужь опредѣленныхъ похвалъ, а просто сталъ перечислять всѣ достоинства и украшенія номера.

— Почти четыре комнаты, — говорилъ онъ: — зеркала въ золотыхъ рамахъ, мебель обита шелкомъ, перегородка краснаго дерева, коверъ персидскій... Ну-съ, это окончательно Европа! И такъ какъ я считаю себя всетаки больше принадлежащимъ къ европейцамъ, чѣмъ къ москвичамъ, то позвольте мнѣ этотъ номеръ оставить за собою!

Мирона Дмитриевна сдѣлала маленькую гримасу.

— Онъ довольно дорогъ по цѣнѣ своей, — сказала она.

— А именно? — спросилъ камергеръ.

— Безъ стола сто рублей, а со столомъ двѣсти, — запросила ровно вдвое Мирона Дмитриевна противъ того, сколько прежде предполагала взять за этотъ номеръ.

— Я согласенъ на эту цѣну, — проговорилъ камергеръ съ тою-же поспѣшною готовностью, съ какою онъ прежде согласился на проценты, требуе-

мые Миропюю Дмитріевною; но она опять-таки отвѣтить на это нѣкоторое время медлила.

— И что-же это, — проговорила она, потупляя немного глаза: — опять будетъ новый заемъ?

— Нисколько-съ, — отвѣчалъ ей камергеръ: — Скажите мнѣ только, за сколько времени вы желаете получить деньги?

— Чѣмъ за большее, тѣмъ лучше, — отвѣчала улыбнувшись, Мирона Дмитріевна.

— За три мѣсяца угодно?

— Извольте, — проговорила Мирона Дмитріевна, и камергеръ съ своей стороны, вынувъ изъ кармана довольно толстый бумажникъ, отсчиталъ изъ него шестьсотъ рублей.

— Мерсі! — сказала Мирона Дмитріевна! — Сейчасъ я вамъ росписку дамъ въ получкѣ.

— Ни, ни, ни! — остановилъ ее камергеръ: — Я завтра-же переѣду къ вамъ; значитъ, товаръ я свой получилъ, а раньше срока, я надѣюсь, вы меня не прогоните?

— Еще-бы! — произнесла съ благородствомъ Мирона Дмитріевна.

Камергеръ недолгъ переѣхалъ къ ней въ номеръ, и одно страннымъ показалось Миронѣ Дмитріевнѣ, что никакихъ съ собой вещицъ модныхъ для украшенія онъ не привезъ.

— А камердинеръ у васъ, конечно, будетъ, а можетъ быть и двое? — продолжала Мирона Дмитріевна.

— Ни одного-съ! — отрѣзалъ ей камергеръ: — Мнѣ эти пьяницы до того надоѣли, что я видѣть ихъ рожъ не могу, и совершенно удовлетворюсь вашей

женской прислугой, которая, конечно, у васъ будетъ?...

— Но только не молоденькая и не хорошенькая, — замѣтила съ лукавой улыбкой Миропы Дмитріевна.

— Этого не нужно, потому что сама хозяйка у насъ хорошенькая, — проговорилъ камергеръ.

— Скажите, какой комплиментъ! — отвѣтила довольно насмѣшливо Миропы Дмитріевна.

Но камергера это не остановило: онъ сталъ разсыпаться предъ Миропой Дмитріевною въ любезностяхъ, какъ только встрѣчался съ нею, особенно если это было съ глазу на глазъ, пріискивалъ для номеровъ ея постояльцевъ, самъ напрашивался исполнять небольшія порученія Миропы Дмитріевны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ; наконецъ, въ одинъ вечеръ упросилъ ее ѣхать съ нимъ въ театръ, въ кресла, которыя были имъ взяты рядомъ, во второмъ ряду, а въ первомъ ряду, какъ очень хорошо видѣла Миропы Дмитріевна, сидѣли все князья и генералы, съ которыми камергеръ со всѣми былъ знакомъ. Ведя изъ театра свою даму подъ руку, онъ высказался прямо, что влюбленъ въ нее съ первой-же встрѣчи съ нею. Такого рода объясненіе, которое Миропы Дмитріевна почти ожидала, тѣмъ не менѣе смутило ее и обезпокоило: первый вопросъ, который ей представился, искренно-ли говоритъ камергеръ; но тутъ явилась въ головѣ ея иллюзія самообольщенія. «Конечно, искренно!» подшепнула ей эта иллюзія. Какъ-бы то ни было, однако, Миропы Дмитріевна рѣшилась не сразу сдаваться на сладкія рѣчи камергера.

— Вы забываете, что я замужемъ,—произнесла она.

— Очень это я помню, — продолжалъ воспламеннымъ тономъ камергеръ:—но мужъ вашъ негодяй: онъ бросилъ васъ, и вы должны теперь жить своимъ трудомъ!

— Ахъ, это что! Я всегда жила своимъ трудомъ.

— Такъ что-же васъ въ этомъ случаѣ останавливаетъ?—вопросилъ самолюбиво камергеръ.

— Я васъ очень мало знаю! — отвѣтила ему съ легкимъ восклицаніемъ Миропы Дмитріевна.

— Но въ душѣ вашей вы ко мнѣ ничего не чувствуете?... Никакого расположенія? — воскликнулъ камергеръ, ероша какъ-бы съ нѣкоторымъ отчаяніемъ себѣ голову.

— Ничего особеннаго; я вижу только, что вы умный и любезный молодой человекъ, — объяснила ему Миропы Дмитріевна.

Камергеръ поникъ какъ-бы отъ грусти головою.

— Буду стараться, чтобы вы лучше меня узнали,—проговорилъ онъ.

На этомъ пока и кончился разговоръ камергера съ Миропой Дмитріевной. Въ слѣдующіе затѣмъ дни Миропы Дмитріевна, сама обыкновенно сидѣвшая за общимъ столомъ своихъ постояльцевъ, очень хорошо замѣчала, что камергеръ былъ грустенъ, и только повременамъ какъ-то знаменательно взглядывалъ на нее. Миропы Дмитріевна, не смотря на то, всетаки рѣшилась повыдержать его. Но вотъ однажды камергеръ, встрѣтивъ ее въ корридорѣ, сказалъ такого рода фразу:

— Любовь, въ случаѣ успѣха, вызываетъ муж-

чинъ на самоотверженіе, на великія жертвы для женщинъ, а въ случаѣ неуспѣха, на мечь, на подлость, я даже не знаю, на что...

Миропа Дмитріевна ничего ему на это не отвѣтила, но, придя къ себѣ въ номеръ и размысливъ, сильно встревожилась всѣми словами его. «На мечь?» спросила она себя: «Но какъ-же, чѣмъ онъ можетъ мнѣ мстить? Очень просто», отвѣтила ей на это ея предусмотрительная практичность: — «не заплатитъ мнѣ денегъ, которыя долженъ, и тогда тягайся съ нимъ по судамъ!» Мысль эта почти лишила разсудка Миропу Дмитріевну, такъ что ею снова овладѣли иллюзіи. «Лучше ужъ отдаться ему», — подумала она: — «и тогда онъ, конечно, заплатитъ мнѣ всю сумму сполна и даже, можетъ быть, подпишетъ на меня все свое остальное состояніе». Принявъ сіе намѣреніе, Миропа Дмитріевна въ первый же послѣ того обѣдъ сказала, конечно, не громко камергеру:

— Сядьте со мной рядомъ; вы самый старшій мой постоялецъ, а потому должны занимать первое подлѣ меня мѣсто.

Камергеръ исполнилъ ея приказаніе и, бывъ за обѣдомъ очень веселъ, спросилъ Миропу Дмитріевну шепотомъ, не позволитъ-ли она ему послать взять бутылку вина и выпить съ ней на брудершафтъ.

— Нѣтъ, это лучше послѣ.

— Но гдѣ-же?—спросилъ торопливо камергеръ:— У васъ?

— Нѣтъ, лучше у васъ, въ вашемъ номерѣ.

— Да вы никогда ко мнѣ не ходите.

— Сегодня я приду къ вамъ.

Возникшая на такихъ основаніяхъ любовь поддерживалась нѣсколько мѣсяцевъ. Миропа Дмитріевна

опомнилась первая, и именно въ тотъ день, какъ наступилъ срокъ уплаты по векселю. Она ожидала, что онъ ей или заплатитъ, или, по крайней мѣрѣ, скажетъ ей что-нибудь по этому предмету. Камергеръ однако ничего не сказалъ ей и какъ-бы даже забылъ о своемъ займѣ. Сколь не скребли кошки на сердцѣ у Миropy Дмитріевны, она молчала еще нѣкоторое время; но увидѣвъ, наконецъ, что камергеръ ничего съ ней не заговариваетъ о деньгахъ, а въ тоже время былъ любезенъ и даже пламененъ къ ней, такъ что Миропъ Дмитріевнѣ начало становиться это гадко. Отрезвившись, такимъ образомъ, отъ всякаго увлеченія симъ невзрачнымъ господиномъ, который ей не нравился никогда, она, наконецъ, пришла къ нему въ номеръ и начала разговоръ кроткимъ и почти нѣжнымъ тономъ:

— Страшно я нуждаюсь теперь въ деньгахъ: постояльцы нѣкоторые не платятъ, запасы дорожаютъ, номера къ осени надобно почистить; не можешь-ли ты мнѣ уплатить твой долгъ?

Лицо камергера приняло мгновенно мрачное выраженіе.

— Я никакъ не ожидалъ отъ тебя услышать вдругъ подобное желаніе! — проговорилъ онъ, гордо поднимая свою голову: — Согласись, что такой суммы въ одинъ день не соберешь, и я могу тебѣ только уплатить за номеръ и за столъ, если ты считаешь себя въ правѣ брать съ меня за это.

Этихъ словъ было достаточно, чтобы камергеръ сразу разоблачилъ себя: Миропъ Дмитріевна поняла, что онъ хочетъ подтибрить себѣ ея десять тысячъ и въ добавокъ еще потомъ жить на ея счетъ. Без-

честности подобной Миропа Дмитріевна не встрѣчала еще въ жизни, особенно между молодыми людьми, и потому вознамѣрилась подѣйствовать хоть сколько-нибудь на совѣсть камергера.

— Я прошу тебя уплатить мнѣ не вдругъ, а въ нѣсколько сроковъ, — продолжала она прежнимъ деликатнымъ и кроткимъ тономъ:—ты самъ знаешь, что я женщина бѣдная и живу своимъ трудомъ.

— Напротивъ, я знаю, что ты женщина богатая, такъ какъ занимаешься ростовщичествомъ, — возразилъ камергеръ: — но я любовь всегда понималъ не по вашему, по ростовщически, а полагалъ, что разъ мужчина съ женщиной сошлись, у нихъ все должно быть общее: думы, чувства, состояніе... Вы говорите, что живете своимъ трудомъ (ужь измѣнилъ камергеръ *ты* на *вы*), прекрасно-съ; тогда расскажите мнѣ ваши средства, ваши дѣла, всѣ ваши намѣренія, и я буду работать вмѣстѣ съ вами.

— Но прежде вы расскажите мнѣ объ вашемъ состояніи, — измѣнила тоже и Миропа Дмитріевна *ты* на *вы*:—я тоже буду помогать вамъ въ нихъ.

— Нѣтъ-съ, послѣ сегодняшняго разговора вашего со мной я не могу быть съ вами откровеннымъ, потому что вы слишкомъ мало меня любите! — объяснилъ съ надменностью камергеръ.

— Такъ зачѣмъ-же я-то буду говорить вамъ? Дура, что-ли, я? Помощи вашей мнѣ никакой не нужно, а вы извольте заплатить мнѣ долгъ и съѣзжайте съ моей квартиры.

— О, если вы такъ заговорили, то смотрите, не раскайтесь! — воскликнулъ камергеръ ожесточеннымъ голосомъ. <http://rcin.org.pl>

— Не раскаюсь,—произнесла Миропа Дмитриевна съ рѣшительностью, хотя слезы и готовы были хлынуть изъ ея глазъ, не отъ любви, конечно, къ камергеру, а отъ злости на него, что онъ такъ надругается надъ нею.

— Раскаетесь,—проговорилъ камергеръ:—потому что я вамъ долга моего тогда не заплачу!

— Заплатите; я съумѣю съ васъ взыскать!—едва достало силы у Миropy Дмитриевны проговорить, послѣ чего она поспѣшно ушла.

Понятно, что послѣ такого рода объясненія, кратковременная и неискренняя любовь любящихъ превратилась въ искреннюю ненависть. Камергеръ, впрочемъ, думалъ было еще какъ-нибудь уладить дѣло и даже написалъ съ нѣкоторымъ пылкимъ отѣнкомъ письмо къ Миропѣ Дмитриевнѣ, въ которомъ изъяснялъ, что вчера онъ вспылилъ по той причинѣ, что совершенно не ожидалъ услышать отъ нея требованія такой быстрой уплаты долга, который онъ тѣмъ не менѣе считаетъ священнымъ для себя долгомъ и возвратить ей *непретменно*. Миропа Дмитриевна была, однако, не изъ такихъ женщинъ, чтобы могла быть успокоена одними пустыми обѣщаніями. Какъ нѣкогда она разъ навсегда убѣдилась, что Аггей Никитичъ дуракъ, непригодный въ семейной жизни, такъ теперь была совершенно увѣрена, что камергеръ былъ подлець великій, противъ котораго надобно держать ухо востро. На письмо камергера она отвѣтила весьма коротко: «Прошу васъ о томъ-же, что вамъ говорила: сѣзжайте съ моей квартиры и позаботьтесь объ уплатѣ мнѣ должныхъ вамъ денегъ. Я хоть и женщина, но законы знаю». Затѣмъ Миропа Дмитриевна бросилась въ то

присутственное мѣсто, изъ котораго почерпала свѣдѣнія о состояніи камергера. Тамъ она совершенно неожиданно услышала, что онъ давнымъ давно въ отставкѣ и что даже не камергеръ теперь.

— Но какъ-же!... Гдѣ его формулярный списокъ?—воскликнула почти въ полусумашествіи Миропы Дмитриевна.

— Онъ у насъ, но ему выданъ аттестатъ о службѣ, — отвѣчали ей.

— Покажите мнѣ этотъ аттестатъ! — неистовствовала Миропы Дмитриевна.

Ей показали формулярный списокъ и копию съ аттестата.

— Но тутъ написано-же, что у него триста душъ!—кричала она.

— Написано,—отвѣтили ей.

— Но гдѣ-же онъ?

— Въ аттестатѣ сказано въ какой губерніи.

— Что-жь, мнѣ и ѣхать въ такую губернію?—кричала Миропы Дмитриевна.

— Это какъ вамъ угодно,—отвѣтили ей.

— Ну, я теперь знаю, что мнѣ угодно!—воскликнула Миропы Дмитриевна и помчалась къ оберъ-полиціймейстеру, которому съ плачемъ и воплями выпечатала, что она бѣдная женщина, ограбленная теперь такимъ-то камергеромъ, который живетъ у нея на квартирѣ.

Оберъ-полиціймейстеръ, довольно привычный, вѣроятно, ко всякаго рода женскимъ воплямъ, отвѣтилъ ей довольно сухо:

— Для меня словеснаго объясненія недостаточно; вы должны мнѣ подать докладную записку.

— Она у меня готова, ваше превосходительство; вотъ она!—воскликнула Миропа Дмитриевна, вынимая проворно изъ ридикюля бумагу, пробѣжавъ которую, оберъ-полиціймейстеръ велѣлъ стоявшему на вытяжкѣ казаку съѣздить за толстенькимъ частнымъ приставомъ. Тотъ явился весьма скоро.

— Въ вашемъ участкѣ проживаетъ, подавшая мнѣ докладную записку, госпожа Звѣрева?—спросилъ его начальническимъ тономъ оберъ-полиціймейстеръ.

— Въ моемъ-съ, —отвѣчалъ приставъ, тоже пробѣжавъ записку.

— Госпожа эта здѣсь на лицо!—сказалъ оберъ-полиціймейстеръ, указывая на Миropу Дмитриевну:—Разузняйте подробно дѣло и направьте госпожу Звѣреву, что слѣдуетъ ей предпринять.

Частный приставъ поклономъ головы выразилъ, что исполнить все приказанное ему, послѣ чего, пригласивъ Миropу Дмитриевну отойти съ нимъ въ сторонку, сталъ ее спрашивать. Миропа Дмитриевна очень точно и подробно все рассказала ему, умолчавъ, конечно, о своихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ камергеру. Выслушавъ свою кліентку, частный приставъ прежде всего довольно рѣшительно объявилъ, что она ничего не взыщетъ съ выгнаннаго изъ всѣхъ службъ камергера.

— Но какъ-же, у него въ формулярѣ значитъ, что онъ имѣетъ триста душъ! — воскликнула Миропа Дмитриевна.

Частный приставъ при этомъ неволью разсмѣялся.

— Развѣ можно касательно состоянія вѣрить формулярамъ?—сказалъ онъ ей вѣжливо.

— Такъ что-же я теперь должна дѣлать, если

онъ такой подлецъ что пишетъ въ бумагахъ, чего у него нѣтъ?

— Сдѣлать вы съ нимъ можете одно: посадить въ долговое отдѣленіе, съ платою, конечно, отъ себя каждомѣсячно...

— Но это будетъ только новая трата!—воскликнула Миропа Дмитріевна.

— Разумѣется,—подтвердилъ частный приставъ.

— Ну, тогда, что-же, онъ всю жизнь будетъ жить у меня на квартирѣ, и я должна буду содержать его?

— Нѣтъ, съ квартиры мы его сгонимъ, — успокоилъ ее на этотъ счетъ приставъ.

— Да, я прошу васъ; иначе я буду ужъ жаловаться генералъ-губернатору, — говорила окончательно разсвирѣпѣвшая Миропа Дмитріевна.

— Сгонимъ-съ!—повторилъ толстеный приставъ, и дѣйствительно на другой-же день онъ еще раннимъ утромъ пріѣхалъ къ экс-камергеру, бесѣдовалъ съ нимъ долго, послѣ чего тотъ куда-то передъ обѣдомъ уѣхалъ, — я не говорю: переѣхалъ, потому что ему перевозить съ собой было нечего.

Въ тотъ-же вечеръ экс-камергеръ сидѣлъ въ кофейной и ругая ругалъ Максилькѣ полицію, съ чѣмъ тотъ вполнѣ соглашался!

Э п и л о г ъ.

Наступилъ сорокъ-восьмой годъ. Во Франціи произошелъ крупный переворотъ: Луи-Филиппъ бѣжалъ, Тюльери былъ захваченъ и объявлена была

республика: главнымъ правителемъ назначенъ былъ Ламартинъ; вопросъ рабочихъ выступилъ на первый планъ. Революціонное движеніе отразилось затѣмъ почти во всей Европѣ; между прочимъ, въ Дрезденѣ нашъ русскій, Бакунинъ, былъ схваченъ на баррикадахъ. Можно себѣ вообразить, какимъ ужасомъ отразилось все это на нашемъ правительствѣ: оно, какъ рассказывали потомъ, увѣрено было, что и у насъ вслѣдствіе заимствованія такъ называемыхъ въ то время западныхъ идей, произойдетъ, пожалуй, то-же самое. Заимствованіе это главнымъ образомъ, конечно, могло произойти изъ тогдашнихъ журналовъ и изъ профессорскихъ лекцій. Въ силу этого, гроза разразилась исключительно на этихъ двухъ отрасляхъ государственнаго дерева. Цензоры, и безъ того уже достаточно строгіе, подчинены были наблюденію особаго негласнаго комитета. Въ университетахъ, и главнымъ образомъ московскомъ, нѣкоторые профессора посмѣшили оставить службу. Философію поручено было читать попамъ. Обо всемъ этомъ я упоминаю, потому что такого рода крутые распоряженія коснулись одного изъ выведенныхъ мною лицъ, а именно гегеліанца Терхова, которому предстояла возможность получить кафедру философіи; но ему ея не дали по той причинѣ, что онъ былъ послѣдователь Гегеля, философа, казалось-бы, вовсе не разрушавшаго, а, напротивъ, стремившагося все существующее оправдать разумомъ. Понимая ходъ событій, а также и страну свою, Терховъ нисколько не удивился своей неудачѣ и переговорилъ объ этомъ только съ своей молодой супругой, съ которой онъ уже проживалъ въ привольномъ Кузьмищевѣ, гдѣ

также пребывали и Лябьевы, куда Муза Николаевна сочла за лучшее перевезти своего супруга на продолжительное житье, такъ какъ онъ въ Москвѣ опять началъ частенько поигрывать въ карты.

Вечеръ въ Кузьмищевскомъ домѣ, сплошь освѣщенномъ: въ залѣ шумѣло молодое поколѣніе, три-четыре дворовыхъ мальчика и даже двѣ дѣвочки. Всѣми ими дирижировалъ юный Лябьевъ, который, набрякивая что-то на фортепьяно, заставлялъ ихъ хлопать въ ладоши. Тутъ-же присутствовалъ на рукахъ кормилицы и сынъ Сусанны Николаевны, про котораго пока еще только возможно сказать, что глаза у него были точь въ точь такіе-же, какъ у Людмилы Николаевны. Вошелъ Сверстовъ, откуда-то пріѣхавшій, грязный, растрепанный.

— У-у-у!—закричали при видѣ его дѣти.

— У-у-у!—отвѣтилъ онъ имъ, распростирая обѣ руки.

— Дядя, ну! — почти скомандовалъ ему молодой Лябьевъ.

Сверстовъ понялъ и всталъ на четвереньки: мгновенно-же на спину къ нему влѣзли маленькій Лябьевъ, два дворовые мальчика и дѣвочка, которая была посмѣлѣе. Сверстовъ провезъ ихъ кругомъ всей залы и, наконецъ, въ свою очередь, скомандовалъ имъ: «долой!» Дѣти соскочили съ него и все-таки побѣжали было за нимъ, но онъ имъ сказалъ:

— Прочь, не до васъ, играйте тутъ! — и самъ прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣло старшее общество.

Первая, конечно, его замѣтила gnädige Frau и, бросивъ на него безпокойный взглядъ, спросила:

— Гдѣ ты это такъ долго былъ?

— У становаго все бесѣдовалъ, — отвѣчалъ онъ въ одно и то-же время злобно и весело.

— Зачѣмъ-же онъ тебя собственно вызывалъ?— спросила съ свойственной ей точностью gnädige Frau.

— Вызывалъ, чтобы прошеніе мое на Высочайшее имя возвратить и отобрать отъ меня подписку, чтобы я таковыхъ не подавалъ впредь.

— Я это ожидала; но этимъ все и кончилось?— продолжала gnädige Frau.

— Нѣтъ, не однимъ этимъ! — отвѣчалъ Сверстовъ и затѣмъ, потерявъ себѣ руки, присовокупилъ:— Онъ мнѣ еще сообщилъ, что господинъ Тулузовъ, обличать котораго мнѣ воспрещено, зарѣзанъ своимъ бывшимъ управляющимъ по отступу, Савелиемъ Власьевымъ, который, просидѣвъ съ нимъ въ острогѣ, сталъ съ него требовать значительную сумму въ вознагражденіе. Тотъ ему не далъ и погрозилъ ссылкой... А тутъ ужъ разныя рассказы: одни говорятъ, что этотъ управляющій сразу бросился на барина съ ножомъ, но другіе, — что Тулузовъ успѣлъ его сослать, и тотъ, однако, бѣжалъ изъ-подъ конвоя и, пробравшись къ своему патрону ночью, зарѣзалъ его. Словомъ, негодяй негодяя наказалъ, вотъ въ чемъ тутъ главное поученіе. Правительство у насъ подобныхъ людей не преслѣдуетъ, такъ они сами тонутъ въ омутъ своей собственной мерзости.

Разсказъ этотъ произвелъ мрачное впечатлѣніе на всѣхъ, которое какъ-бы желая разсѣять, Муза Николаевна сказала:

— А я вамъ также могу сообщить новость! Я

получила письмо, и ты не можешь вообразить себѣ отъ кого...—обратилась она къ мужу:—Отъ Аггея Никитича!

— Что-жъ онъ тебѣ пишетъ? — спросила съ живымъ любопытствомъ Сусанна Николаевна.

— А вотъ прочтите! — отвѣчала Муза Николаевна, подавая письмо, прочитать которое взялся Терховъ.

«Добрѣйшая изъ добрѣйшихъ Муза Николаевна!»—началъ онъ читать не безъ нѣкоторой ироніи въ голосъ:—«Кромѣ васъ, мнѣ некому сказать о моемъ счастіи. Я былъ всю жизнь ищущій, но не того, чего я желалъ. Въ масонствѣ я былъ дуракъ, миссіонерство мнѣ не удалось, и теперь я членъ одного изъ сибирскихъ управленій, поэтому имѣю кусокъ хлѣба. Но все это вздоръ передъ тѣмъ, что со мной совершилось. Я въ Сибири встрѣтилъ пани Вибель, пріѣхавшую туда съ однимъ бариномъ, Рамзаевымъ, который теперь сталъ сибирскимъ откупщикомъ. Онъ, какъ аристократъ великій, обружилъ ее богатою роскошью, но она—какая игра судьбы!—встрѣтись со мною въ Иркутскѣ, ринулась ко мнѣ всей душой, наплевала на своего магната и живетъ теперь со мною на моей маленькой квартиркѣ. Болѣе писать вамъ ничего не смѣю. Какъ женщина умная и добрая, вы поймете меня».

На откровенныхъ словахъ сего простаго, но все-таки поэтическаго человѣка я и кончаю мой романъ!

Конецъ.

Оглавление XIII-го тома.

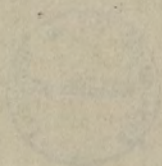
МАСОНЫ.

	СТР.
Часть четвертая	1
Часть пятая	271

Организація ХІІ-го року

МОСКВА

F

24.186/13